ISSN 2311-9470

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Основан в 2013 году

Выпуск 11

Минск
БГУ
2023

УДК 327(082)

Сборник подготовлен Центром международных исследований факультета международных отношений БГУ. Представлены научные статьи известных ученых-международников и молодых исследователей, посвященные актуальным проблемам современных международных отношений и глобального развития.

Книга будет полезна преподавателям, аспирантам, студентам, научным работникам – специалистам в области международных отношений.

Научный редактор *Е. А. Достанко*

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
доктор философских наук *А. М. Байчоров* (гл. ред.)
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор политических наук *В. Н. Ватыль*
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь);
доктор экономических наук *Е. Л. Давыденко*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор экономических наук *А. В. Данильченко*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор философских наук *Л. Е. Криштапович*
(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь);
доктор исторических наук *К. П. Курылев*
(Российский университет дружбы народов, Москва, Россия);
доктор политических наук *Ю. И. Малевич*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор политических наук *Н. А. Антанович*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор политических наук *С. В. Решетников*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор исторических наук *В. В. Фрольцов*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь);
доктор исторических наук *А. В. Шарапо*
(Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

© БГУ, 2023

ISSN 2311-9470

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

ACTUAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL DEVELOPMENT

A COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Established in 2013

Volume 11

Minsk
BSU
2023

UDC 327(082)

Actual problems of international relations and global development – annual collection of scientific papers (ISSN 2311-9470 (print), book series), established in 2013 by the Center for International Studies of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk. This is a publication on international relations with a special focus on the history of international relations, political problems of international relations, global and regional development.

Being included in the international academic discourse, it is international in editorial board and topic coverage. The papers from recognized experts and promising scholars from Belarus, Russia, European and Central Asian countries are introduced in editions. Prospective contributors from other countries are also invited to present their approaches to the solutions of the current issues of international agenda. The edition welcomes publication of reviews, articles in English.

Dastanka Alena, PhD, scientific editor

E d i t o r i a l B o a r d:
Baichorov Aleksandr, Doctor (Editor-in-Chief),
Belarusian State University, Belarus;
Vatyl Viktor, Doctor, Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus;
Davydenko Elena, Doctor, Belarusian State University, Belarus;
Danil'chenko Aleksej, Doctor, Belarusian State University, Belarus;
Krishtapovich Lev, Doctor, Belarusian State University
of Culture and Arts, Belarus;
Kurylev Konstantin, Doctor, RUDN University, Russia;
Malevich Yuliana, Doctor, Belarusian State University, Belarus;
Nina Antanovich, Doctor, Belarusian State University, Belarus;
Reshetnikov Sergey, Doctor, Belarusian State University, Belarus;
Froltsov Vladislav, Doctor, Belarusian State University, Belarus;
Sharapa Aleksandr, Doctor, Belarusian State University, Belarus

© BSU, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 9

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

Достанко Е. А., Рубо О. П. Роль международных многосторонних институтов в современном глобальном управлении 10

Шарапо А. В. Трансформация политических настроений немецкого общества в контексте российско-украинского конфликта 23

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Василенко Д. С. Основные этапы в истории Мюнхенской конференции по безопасности (1963–2022 гг.) 38

Рубо О. П., Чжан Хунчао. Институт Конфуция как канал для развития сотрудничества Китая с зарубежными странами 52

Селиванов А. В. Сотрудничество УВКБ ООН с африканскими структурами по решению проблемы беженцев на континенте во второй половине 1980-х гг. в докладах Верховного комиссара 69

Снапковский В. Е., Чжоу Лэчжэн. Об особенностях китайской дипломатии новой эпохи 79

Солдатенкова Ю. Д., Свилас С. Ф. Гендерное равенство как одна из ключевых задач концепции устойчивого развития ООН 92

Ткачук К. И., Свилас С. Ф. Деятельность бразильских культурных центров за рубежом 113

Хуан Шэнсян, Авласенко И. М. Основные направления политики КНР в Организации Объединенных Наций в XXI в. .. 126

Чувилов И. А., Бельская В. С. Политическое развитие Китая после падения династии Цин и до образования КПК 141

Shcharbina Y. A. The South Asian Association for Regional Cooperation: Geopolitical Dimensions and Perspectives 155

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Василевская В. Э. Об особенностях продвижения концепции «Сообщества единой судьбы человечества» 175
Лу Лю. Воздействие расширения БРИКС на международные отношения 191
Малевич Ю. И., Багрим Д. Д. Новые вызовы китайской стратегии лидерства 207
Малевич Ю. И., Чувилова В. А. Политические ориентиры КНР накануне и после XX Всекитайского съезда коммунистической партии Китая 220
Пильгун Е. В. Теоретические аспекты антикризисного государственного управления в условиях гибридных войн 234
Тома А. Ю. Политическая коммуникация органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства 251
Черняк А. Д. Понятия «посредничество» и «медиация» в международном политическом пространстве (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) 264
Чжан Юйлинь. Характерные черты развития Южной Азии после падения колониальной системы 285
Чувилов И. А. Концепт сообщества единой судьбы человечества в политической стратегии КНР 301
Шевцова А. Л. Геополитические проекты в восточноевропейском регионе: региональные империи 312

CONTENTS

Preface 9

EXPERT OPINION

Dastanka A. A., Rubo O. P. The role of international multilateral institutions in current global governance …..... 10

Sharapa A. V. Transformation of the political moods of german society in the context of the Russian-Ukrainian conflict …..... 23

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Vasilenka D. S. Main stages in the history of the Munich Security Conference (1963–2022) …….... 38

Rubo O. P., Zhang Hongchao. Confucius Institute as a channel for developing cooperation between China and foreign countries 52

Selivanov A. V. Cooperation between UNHCR and African institutions in solving the refugee problem on the continent in the second half of the 1980s in the reports of the High Commissioner ... 69

Snapkouski U. E., Zhou Lezheng. On the peculiarities of Chinese diplomacy of the new era …….... 79

Soldatenkova Yu., Svilas S. Gender equality as one of the key objectives of the UN Sustainable Development Concept …….... 92

Tkachuk K., Svilas S. Activities of Brazilian cultural centres abroad 113

Huang Shengxiang, Aulasenka, I. M. Main directions of PRC policy in the United Nations in the XXI century 126

Chuvilov I. A., Belskaya V. S. Political development of China after the fall of the Qing dynasty and till the formation of the Communist Party of China 141

Shcharbina Y. A. The South Asian Association for Regional Cooperation: Geopolitical Dimensions and Perspectives 155

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Vasilevskaya V. E. About the features of promoting the concept of «Community of the Common Destiny of Humanity» 175
Liu Lu. Impact of BRICS Expansion on International Relations .. 191
Malevich Y. I., Bagrim D. D. New challenges to China's leadership strategy 207
Malevich Y. I., Chuvilova V. A. Political landmarks of the PRC on the eve and after the 20th National congress of the Chinese communist party 220
Pilgun E. V. Theoretical aspects of state anti-crisis management in hybrid warfare 234
Toma A. Y. Political communication of the bodies of the EAEU, CIS, CSTO and the Union state 251
Chernyak A. D. Correlation of the concepts of «posrednichestvo» and «mediation» in the international political space (on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus 264
Yulin Z. Characteristic features of the development of South Asia after the fall of the colonial system 285
Chuvilov, I. A. The concept of the community with a shared future for mankind in the political strategy of the People's Republic of China .. 301
Shevtsova A. L. Geopolitical projects in the Eastern European region: regional empires 312

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник статей представляет собой результат научно-исследовательской деятельности белорусских и зарубежных ученых. «Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития» – ежегодный сборник, созданный в 2013 г. Центром международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Тематика сборника отражает основные тенденции международных отношений и внешней политики, политических проблем международных отношений, глобального и регионального развития.

Сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим и политическим наукам и является международным по авторскому коллективу и составу редколлегии.

Содержание публикуемых статей отражает исключительно авторскую точку зрения, которая, в силу объективно существующего плюрализма научных взглядов, может отличаться от мнения редакционной коллегии. Материалы сборника будут интересны широкому кругу специалистов, занимающихся вопросами международных отношений, регионоведения, дипломатическим работникам, аспирантам, магистрантам.

Приглашаем ученых из разных стран представить на страницах издания свои подходы к освещению международных проблем современности.

ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ

УДК 327

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МНОГОСТОРОННИХ ИНСТИТУТОВ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Е. А. Достанко, О. П. Рубо
Белорусский государственный университет Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются особенности функционирования международных многосторонних институтов в современном глобальном управлении. Раскрываются подходы представителей либеральных теорий, реализма, конструктивизма, марксизма к международным организациям: В научной статье обозначены проблемы и перспективы деятельности как международных межправительственных организаций (ООН, ШОС), так и неформальных/полуформальных структур (БРИКС, *G*7, *G*20). В ходе анализа деятельности, в частности, ООН выявлено несоответствие структуры организации трансформационным процессам, и обозначена необходимость реформирования этой организации с учетом современных реалий.

Актуальность этой темы заключается в том, что на современном этапе происходит трансформация мирового порядка, что выражается в смещении центров силы с Запада на Восток, с Севера на Юг, возрастает роль регионов, что влечет за собой необходимость адаптации международных институтов к современным реалиям. Делается вывод о том, что глобальное управление движется по направлению плюралистического будущего, где Запад не будет занимать традиционное доминирующее положение. Представляется, что международные организации по-прежнему будут играть значимую роль в глобальном управлении, но, возможно, изменится масштаб их деятельности. В условиях перехода к многополярному миру возрастает роль региональных организаций, неформальных и полуформальных объединений, способных более быстро и гибко реагировать на возникающие новые угрозы и вызовы. В целом новый многополярный международный порядок будет определять глобальную политику в течение последующих нескольких десятилетий.

Ключевые слова: международные организации; глобальное управление; ООН; ШОС; *G*7; *G*20; БРИКС; мировой порядок.

Образец цитирования: *Достанко Е. А., Рубо О. П.* Роль международных многосторонних институтов в современном глобальном управлении // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 10–22.

Авторы: Достанко Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент, декан факультета международных отношений БГУ; e-mail: dostanko@bsu.by; Рубо Олеся Петровна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе и интернационализации образования, заведующий кафедрой комплексного изучения развития КНР БГУ; e-mail: rubo@bsu.by.

THE ROLE OF INTERNATIONAL MULTILATERAL INSTITUTIONS IN CURRENT GLOBAL GOVERNANCE

A. A. Dastanka, O. P. Rubo
Belarusian State University Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the key points of the functioning of international multilateral institutions in current global governance. The approaches of representatives of liberal and neoliberal theories, realism, constructivism, Marxism to international organizations are revealed. The scientific article outlines the problems and prospects for the activities of both international intergovernmental organizations (UN, SCO) and informal structures (BRICS, G7, G20). During the analysis of the activities of, in particular, the UN, a discrepancy between the structure of the organization and the transformation processes was identified, and the need to reform this organization taking into considerations contemporary realities was identified.

The relevance of this topic lies in the fact that at the present stage there is a transformation of international relations, which is expressed in the shift in powers from West to East, from North to South, the role of regions is increasing. It entails the need to adapt international institutions to contemporary realities. Thus, it is concluded that global governance is moving towards a pluralistic future where the West will not occupy a traditional dominant position. It seems that international organizations will continue to play a significant role in global governance, but the scale of their activities may change. In the context of the transition to a multipolar world, the role of regional organizations, informal and semiformal gatherings, that are capable of responding more quickly and flexibly to emerging new threats and challenges, is increasing. Overall, a new multipolar international order will shape global politics for the next few decades.

Key words: international organizations; global governance; UN; SCO; G7, G20, BRICS, world order.

For citations: Dastanka A. A., Rubo O. P. (2023). Rol' mezhdunarodnyh mnogostoronnih institutov v sovremennom global'nom upravlenii [The role of international multilateral institutions in current global governance]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 11, p. 10–22. (In Russ.).

Authors: Alena A. Dastanka – Candidate of Science (Political Studies), Associate Professor, Dean of the faculty of international relations, BSU; e-mail: dostanko@bsu.by;
Olesya P. Rubo – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean on a voluntary basis for academic work and internationalization of education, Head of the Department of Comprehensive Chinese Studies, BSU; e-mail: rubo@bsu.by.

Введение. Проблематика глобального управления стала привлекать внимание представителей научного и общественного кругов с начала 1990-х гг. Окончание холодной войны послужило началом дискуссий о новых формах регулирования международных отношений. Трансформация современного мирового порядка в третьем десятилетии XXI столетии в очередной раз подняла

вопрос о соответствии международных организаций и политики глобального управления изменениям баланса сил между Западом и «остальным» миром.

Методология исследования. Объект исследования – многосторонние институты. Предмет исследования − особенности функционирования многосторонних структур в современном глобальном управлении. Целью исследования является исследование роли многосторонних формальных и неформальных/полуформальных институтов в глобальном управлении в условиях наметившегося перехода к многополярному мироустройству.

Теоретической основой научной статьи стали положения либеральных теорий, реализма, конструктивизма, марксизма. В работе применялись также такие методы, как сравнительный анализ, контентанализ. Кроме того, данное исследование выполнено на основе принципов целостности, научной объективности.

Обзор литературы. Значению многосторонних институтов в глобальном управлении в условиях изменяющихся геополитических реалий посвятили свои работы Дж. Розенау [1], К. К.- С. Пиз [2], М. Т. Г. Вайс, Р. Уилкинсон [3], А. Л. Даль, М. Грофф, А. Лопес-Кларос [4], М. Дж. Петерсон [5], Д. Хелд, Э. М. Наг [6], А. Ф. Купер, Р. Такур [7−8], С. В. Уянаев [9], М. Братерский [10]. Авторы при написании научной статьи использовали официальные документы международных организаций, материалы новостных агентств.

Результаты исследования. Одну из первых концепций глобального управления представил исследователь Дж. Розенау с коллегами в работе «*Governance without Government*» (1992). Систему международных отношений, самоорганизующуюся на основе взаимодействия различных акторов, интересы которых сошлись в определенной области, Дж. Розенау определяет как «глобальное управление» (*global governance*) [1].

Термин «глобальное управление» (*global governance*) получил дальнейшее распространение благодаря деятельности В. Брандта и его коллег из Комиссии ООН по глобальному управлению. Комиссия в 1995 г. подготовила доклад «Наше глобальное соседство» (*Our global neighborhoo*d) с целью поиска решения глобальных проблем: загрязнения окружающей среды, бедности, распространения инфекционных заболеваний и т. д. Т. Вайсс и Р. Такур в работе «ООН и глобальное управление: идея и перспективы ее воплощения» определяют глобальное управление как

комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов, существующих и распространяющихся на государства, рынки, отдельных граждан, межправительственные и неправительственные организации, с помощью которых на глобальной арене определяются коллективные интересы, устанавливаются права и обязанности, урегулируются споры [12, с. 6].

В сущности, концепция глобального управления поощряет эффективное управление в рамках международной системы, способствует развитию общих ценностей, определяет общие обязанности в международном сообществе, а также позволяет улучшить условия международного сотрудничества.

Оценку глобального управления дали представители всех направлений современной теории международных отношений и мировой политики.

Концепция глобального управления разрабатывалась под сильным влиянием либеральных и неолиберальных идей. Важной целью либералов является сделать мир более безопасным. Либералы придерживаются мнения, что существует возможность обеспечить мир. По их мнению, нормы и механизмы управления международных организаций способствуют развитию сотрудничества и выстраиванию диалога между государствами, что позволяет разрешать конфликты мирным путем.

На протяжении длительного времени представители либеральных теорий подчеркивали необходимость управления вокруг одного органа (прежде Лиги Наций, потом ООН). Однако провал проекта Лиги Наций и неспособность ООН стать лидером в постбиполярный период привело к тому, что либералы стали ассоциировать глобальное управление с деятельностью большого количества акторов, среди которых не только международные межправительственные организации, но и неправительственные организации, транснациональные компании, банки и т.д.

По мнению либералов, мир связан экономической, политической и социальной взаимозависимостью, что делает эффективное глобальное управление необходимостью. Одни либералы рассматривают международные организации как столпы зарождающегося нового мирового порядка. Другие считают, что международные организации помогают государствам в преодолении проблем коллективных действий. Либеральная теория обеспечивает механизм понимания роли государственных и негосударственных акторов в управлении международными делами [2, с. 73–72].

По мнению реалистов, основными участниками международных отношений и, соответственно, глобального управления являются национальные государства, прежде всего великие державы, которые определяют направления деятельности международных организаций. Реалисты утверждают, что другие акторы, в том числе международные межправительственные и неправительственные организации, играют роль в мировой политике и экономике, но их функционирование не сказывается на принятии важнейших решений в сфере глобального управления.

Конструктивизм применительно к международным организациям исследует, как правила и нормы создаются и распространяются по всей международной системе. Эти нормы разрабатываются множеством акторов, представителями различных культур, имеющих разные интересы и ценности. Природа глобального управления, согласно конструктивистам, изменчива, поскольку в разное время оно конструируется отдельными людьми, группами (и, следовательно, государствами) [2, с. 12−13].

Исследователи, ориентирующиеся на идеи Маркса, утверждают, что международные организации – это инструменты господствующего класса, возникшего вместе с капитализмом. Международные организации, по мнению марксистов, навязывают и укрепляют капиталистический способ производства и способствуют капиталистической эксплуатации. С точки зрения глобального благосостояния, капитализм порождает огромное богатство для немногих и бедность для большинства [2, с. 9]. Марксисты понимают транснациональные и глобальные организации как институциональные ответы на нужды капиталистической экспансии [3 с.7]. В своей деятельности они продвигают идею свободных потоков капитала, товаров и услуг. МВФ, к примеру, обладая серьезным влиянием, благоволит интересам не государствчленов, а банкиров и инвесторов из крупных капиталистических стран. Появление ВТО еще больше способствовало либерализации глобальной торговли.

В основе глобального управления функционирование множества институтов и организаций, которые отличаются друг от друга не только решаемыми ими вопросами, но и внутренними правилами и способами функционирования. В зависимости от масштабов формирования и деятельности, направлений и целей деятельности выделяются следующие группы международных организации и объединений:

– глобальные организации (ООН);
– региональные организации (ШОС);
– межрегиональные организации (ОЭСР);
– неформальные и полуформальные объединения государств – (*G*7, *G*20, БРИКС);
– специализированные организации (ОПЕК, МВФ).

Целый комплекс органов, комиссий, программ, специализированных учреждений и других связанных с ООН институтов играет важную роль в поддержании мира, повышении благосостояния людей и обеспечении прав человека и верховенства права. Они обеспечивают лидерство в решении глобальных проблем, устанавливают глобальные нормы, оказывают странам помощь в достижении целей, определенных Повесткой дня на период до 2030 г. Однако значение ООН как универсальной международной организации постепенно снижается в связи с несоответствием структуры организации процессам трансформации миропорядка. В целом, ООН столкнулась с кризисом организационной архитектуры. Очевидно, что координация деятельности учреждений системы ООН является непростой. Неоднократно проявлялись дублирование функций, а также неизбежная неэффективность, возникающая в результате увеличения числа структур организации. Кроме того, их главной проблемой является отсутствие последовательной реализации различных программ. Однако каким бы ни было направление реформы ООН, видится важным дальнейшее развитие и функционирование учреждений системы ООН в соответствии с изменяющими геополитическими реалиями [4, с. 300]. Поскольку ООН испытывает сложности с адаптацией к изменениям в глобальной политике, то ее органы и механизмы плохо подходят для работы, например, по таким направлениям, как киберпространство и социальные сети. В целом, деятельность ООН не изменилась, чтобы позволило бы отразить масштабный сдвиг в распределении сил не только на Восток и Юг, но и по вертикали – на региональный и местный уровни [5, с. 272].

Таким образом, задача состоит в том, как сохранить и укрепить, при необходимости, существующие органы и спецучреждения ООН, одновременно осуществляя их переход к более последовательной и эффективной системе глобального управления. Действительно, во все более взаимозависимом мировом сообществе, сталкивающимся с широким спектром нерешенных глобальных проблем, потребность в эффективной работе системы ООН

является еще более острой, чем когда-либо [4, с. 300]. Например, министр иностранных дел Республики Беларусь С. Ф. Алейник по итогам участия в мероприятиях сессии ГА ООН 23 сентября 2023 г. заявил, что реформа Совета Безопасности ООН должна отражать новые геополитические реалии, а также принимать во внимание интересы стран Глобального Юга. С. Ф. Алейник подчеркнул, что в первую очередь стоит рассмотреть вопрос о расширении СБ ООН за счет стран Африки, Латинской Америки и Азии [1].

Российская Федерация активно поддерживает идею реформирования Организации Объединенных Наций. В частности, министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в сентябре 2023 г. заявил о необходимости рассмотреть более справедливые методы формирования Секретариата ООН, поскольку, по его словам, существующие критерии не отражают реальный вес государств в мировых делах. Российский министр также обратил внимание на местоположения штаб-квартир международных организаций, что обуславливает тесную связь их сотрудников с политикой западных стран. Также он подчеркнул, что востребованным становится и расширение Совета Безопасности – «исключительно через устранение недопредставленности в его составе стран мирового большинства – Азии, Африки и Латинской Америки». Кроме того, С. В. Лавров отметил, что, объединения нового типа, где все вопросы решаются на основе консенсуса, призваны подкрепить реформу ООН [2].

Идея общих глобальных проблем исходит из того, что многосторонность может способствовать смягчению (хотя и не устранению) асимметрии сил. Даже самые влиятельные субъекты международных отношений признают, что без формального участия и молчаливого согласия слабых или периферийно-маргинальных акторов, эффективные способы решения глобальных проблем современности, например, борьба с международным терроризмом или устранение угрозы отмывания денег, которые напрямую затрагивают их безопасность и благосостояние, будут неэффективными [6, с. 65].

---

[1] Алейник: реформа Совбеза ООН должна отражать новые геополитические реалии // БЕЛТА [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1336 (дата обращения: 12.10.2023).

[2] Лавров призвал рассмотреть более справедливые методы формирования Секретариата ООН // ТАСС [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://tass.ru/politika/18826335 (дата обращения: 12.10.2023).

По мнению Э. Ф. Купера и Р. Такура, глобальное управление движется в сторону явно плюралистического будущего, без традиционного доминирования Запада. Глобальное управление характеризуется более общим отходом от либерального институционализма. Возрастает роль регионального управления, которое не ограничивается конкретной географической территорией. Активности и дискурсы, развивающиеся в одном регионе, могут оказать влияние на другие регионы или на всю международную систему. Распространение опыта регионального управления оказывает влияние не только на институциональные структуры, но также на установление новых правил сотрудничества [7, с. 307].

Достаточно непросто определить, каким будет глобальное управление в контексте перестройки архитектуры мирового порядка. Конкуренция между крупными державами происходит в рамках высокоинституционализированной глобальной среды, которая характеризуется регулярностью взаимодействий между государствами. Соответственно, крупные игроки будут стремиться к тому, чтобы иметь возможность продвигать удобные им правила игры в рамках различных международных объединений и организаций. Скорее всего, традиционные формальные институты, находящиеся на вершине глобального управления, будут продолжать бороться за свой высокий статус. При этом будет возрастать роль и привлекательных региональных, межрегиональных организаций, а также неформальный и полуформальных объединений, способных обеспечить лучшую координацию действий государств-участников.

Глобальные трансформации современного мира свидетельствуют о том, что началось формирование нового миропорядка, все чаще стали звучать дискуссии о необходимости выявления соответствия международных институтов новым геополитическим реалиям. Шанхайская организация сотрудничества как формат регионального управления имеет все возможности, чтобы стать одним из центров многополярного мира.

Деятельность ШОС в совокупности нацелена на продвижении к многополярному миропорядку, на противостояние одностороннему доминированию, на обеспечение глобальной и региональной безопасности, на взаимовыгодное сотрудничество. Неоднократно главами государств ШОС в совместных декларациях подчеркивалось стремление содействовать развитию многополярности [9, с. 104–105]. В частности, в Нью-Делийской

декларации Совета глав государств − членов ШОС, принятой 4 июля 2023 г., подчеркивается приверженность стран-участниц формированию представительного, демократического, справедливого и многополярного миропорядка, основанного на принципах международного права, многосторонности, равной, совместной, неделимой, комплексной и устойчивой безопасности, культурно-цивилизационном многообразии, взаимовыгодном и равноправном сотрудничестве. Кроме того, государства-члены выступают за укрепление центральной роли ООН в международных делах[3].

Хотя в мире превалируют именно международные межправительственные организаций, на международной арене активно набирают вес новые модели управления. Полуформальные объединения государств, такие как *G*7, *G*20, БРИКС позволяют лидерам стран в неформальной обстановке обсудить стоящие перед нациями проблемы. Важное преимущество подобных клубов перед традиционными межправительственными организациями − отсутствие бюрократизма, что позволяет обеспечить оперативную имплементацию решений.

«Большая семерка» вряд ли восстановит свое былое значение. «Группа двадцати» обладает большим потенциалом, но ей требуется прилагать большие усилия для повышения скоординированности своих действий на глобальном уровне. В целом, распространение неформальных форм управления международными делами принесло пользу странам, которые в прежние времена были исключены из центральных структур управления международными организациями. Это особенно верно в отношении стран БРИКС [8, с. 287].

Данное объединение является основным бенефициарами как многополярности, так и углубления системной взаимозависимости. «Группа двадцати» способствовала превращению БРИКС в центр глобального управления на институциональном уровне: был открыт путь к проведению саммитов лидеров стран. БРИКС отличается способностью подчеркивать общие черты и преуменьшать различия между странами [8, с. 287].

Самый мощный источник сплоченности БРИКС − геополитический: общий интерес в ограничении влияния США и их союз-

[3] Нью-Делийская Декларация Совета Глав Государств-членов Шанхайской Организации Сотрудничества. // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. [Электронный ресурс]. 2023. URL: http://rus.sectsco.org/documents/ (дата обращения: 12.10.2023)..

ников путем расширения и углубления сотрудничества с другими незападными странами. Хотя эти страны также заинтересованы в открытой международной торговой системе, они стремятся скорректировать способы создания и распределения глобального богатства. БРИКС продолжает институционализироваться как платформа, позволяющая политикам вовлекать друг друга в дебаты об институтах глобального порядка и координировать свои действия в рамках международных организаций, таких как ООН и МВФ. Это способствует проведению регулярных встреч глав профильных министерств и ведомств. БРИКС демонстрирует явные признаки того, что объедение намерено использовать свой политический, экономический и демографический потенциал, чтобы бросить вызов Западу и изменить способы управления миром [8, с. 287].

Ротация национального председательства является центральным политическим механизмом БРИКС. В целом, геополитическая повестка дня требует дальнейшего структурного развития и определения функций БРИКС. При этом экономическая составляющая повестки этого многостороннего механизма уже достаточно институционализирована, поскольку созданы ключевые финансовые институты (Банк развития, Пул условных валютных резервов БРИКС, Фонд облигаций в национальных валютах стран БРИКС), и реализуется Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г.. БРИКС представляет собой своего рода объединение, которое может дать ключ к пониманию того, как агрегировать интересы стран, не требуя их всеобщего согласия. При этом три страны этого многостороннего института уже являются членами ядерного клуба [10, с. 129].

БРИКС является отражением расширяющейся многополярной структуры международной системы и, таким образом, страны-участницы бросают вызов старому истеблишменту. Функционирование группы БРИКС свидетельствует о возобновлении значимости неформальной многосторонности или плюрилатерализма, а также о мощи и возросшем потенциале стран − членов объединения в международной политике [7, с. 316]. Страны БРИКС обозначили признаки того, что они намерены использовать свое демографическое и экономическое влияние, чтобы бросить вызов и изменить способы управления миром через формальные и неформальные многосторонние механизмы [7, с. 316].

Переход к многополярному миру, вероятно, будет длительным процессом, растянувшимся на десятилетия. В этом многополярном порядке представляется маловероятным, что различные державы будут равны с точки зрения «жесткой» и «мягкой силы». Вместо этого возникнет своего рода «асимметричная многополярность», в которой некоторые государства будут более могущественными, чем другие, но не настолько мощными, чтобы иметь возможность проявлять свое доминирование во всех сферах или заставлять другие крупные державы подчиняться их интересам, как, например, это делали США в период однополярного мира [10, с. 119].

Кроме ШОС, перспективы стать одним из ключевых центров регионального управления есть и у АСЕАН. Широко критикуемое отсутствие у АСЕАН наднациональных интеграционных институтов и ограниченная сфера ее влияния может быть секретом выживания организации во все более враждебной среде [11, с. 84].

Система международного многостороннего сотрудничества, формировавшаяся на протяжении последних 30 лет, претерпевает содержательную модернизацию и реформирование в третьем десятилетии XXI в., поскольку современность демонстрируют наметившуюся трансформацию глобального управления, осложнение коллективного действия при решении глобальных проблем. Вызовы современных международных отношений (усиление санкционного давления, рост долговых обязательств ряда государств, увеличение уровня безработицы, усиление националистических тенденций, растущее неравенство, изменение климата, проблемы реализации целей и задач в области устойчивого развития, обеспечение международной безопасности и т.д.) требует создания новых условий для эффективной деятельности международных институтов, усиления легитимизации «глобальной мобилизации» международного сообщества, несмотря на разногласия акторов международных отношений. Представляется, что международные организации как структуры попрежнему будут играть значимую роль в глобальном управлении, но, возможно, изменится масштаб их деятельности.

В условиях перехода к многополярному миру возрастает роль региональных организаций и неформальных объединений, способных более быстро и гибко реагировать на возникающие новые угрозы и вызовы. В целом, новый многополярный международный порядок будет определять тенденции развития в течение последующих нескольких десятилетий.

Библиографические ссылки

1. *Rosenau J., Czempie E. O.* Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992. 323 p.
2. *Pease K. K.-S.* International organizations: perspectives on global governance. 6th ed. New York, NY: Routledge, 2019. 345 p.
3. *Weiss T. G.,* Wilkinson R. International Organization and Global Governance in a Turbulent World // International Organization and Global Governance / Ed. by T. G. Weiss, R. Wilkinson. Routledge, 2023. P. 3−7.
4. *Dahl A. L., Groff M, López-Claros A.* Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century Cambridge University Press, 2020. 345 p.
5. *Peterson M. J.* The UN General Assembly // International Organization and Global Governance / Ed. by T. G. Weiss, R. Wilkinson. Routledge, 2023. P. 277−291.
6. *Held D., Nag E. M.* The Diffusion of Authority // International Organization and Global Governance / Ed. by T. G. Weiss, R. Wilkinson. Routledge, 2023. P. 53−72.
7. *Cooper A. F., Thakur R.* The staying power of the BRICS // International Organization and Global Governance / Ed. by T. G. Weiss, R. Wilkinson. Routledge, 2023. P. 307−320.
8. *Cooper A. F., Thakur R.* The BRICS in the Evolving Architecture of Global Governance // International Organization and Global Governance / ed. by Th. G. Weiss, R. Wilkinson. Routledge, 2018. P. 288−298.
9. *Уянаев С. В.* Нынешние задачи и перспективы развития ШОС и РИК // Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы / Рос. акад. наук, Инт Дальнего Востока; отв. ред. сост. Ю.В. Кулинцев. М.: ИДВРАН, 2021. С. 92−122.
10. *Bratersky M.* Is BRICS Capable of Filling the Vacuum in Global Governance? // Global Governance in Transformation / Ed. by L. Grigoryev, A. Pabst. Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 129−146.
11. *Flôres R. G.* Back to Nukes? Global Governance's Transitional Moment // Global Governance in Transformation / Ed. by L. Grigoryev, A. Pabst. Springer Nature Switzerland AG, 2020. P. 73−88.
12. *Барабанов О. Н.* Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестн. междунар. организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4. № 2. С. 5–13.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

References

1. Rosenau, J., Czempiel, E. O. (1992). Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 323 p.
2. Pease, K.-K- S. (2019). International organizations: perspectives on global governance. 6th ed. New York, NY: Routledge, 345 p.

3. Weiss, T. G., Wilkinson, R. (2023). International Organization and Global Governance in a Turbulent World. In: *International Organization and Global Governance*. Routledge, p. 3−7.
4. Dahl, A. L., Groff, M, López-Claros, A. (2020). Global Governance and the Emergence of Global Institutions for the 21st Century. Cambridge: Cambridge University Press, 345 p.
5. Peterson, M. J. (2023). The UN General Assembly. In: *International Organization and Global Governance*. Routledge, p. 277−291.
6. Held, D., Nag, E. M. (2023). The Diffusion of Authority. In: *International Organization and Global Governance*. Routledge, p. 53−72.
7. Cooper, A. F., Thakur, R. (2023). The staying power of the BRICS. In: *International Organization and Global Governance*. Routledge, p. 307−320.
8. Cooper, A. F., Thakur, R. (2018). The BRICS in the Evolving Architecture of Global Governance. In: *International Organization and Global Governance. Routledge*, p. 288−298.
9. Uyanaev, S. V. (2021). Nyneshnie zadachi i perspektivy razvitiya SHOC i RIK [Current tasks and prospects for the development of the SCO and RIC]. In: *Cooperation between Russia and China in the interests of ensuring the security of the SCO geopolitical space: problems and prospects.* Ros. akad. nauk, In t Dal'nego Vostoka. M.: IDVRAN, p. 92−122. (In Russ.).
10. Bratersky, M. (2020). Is BRICS Capable of Filling the Vacuum in Global Governance? In: *Global Governance in Transformation.* Springer Nature Switzerland AG, p. 129−146.
11. Flôres, R. G. (2020). Back to Nukes? Global Governance's Transitional Moment. In: *Global Governance in Transformation.* Springer Nature Switzerland AG, p, 73−88.
12. Barabanov, O. N. (2009). Problemy global'nogo upravleniya: vybor analiticheskoj paradigmy [Problems of global governance: choosing an analytical paradigm]. In: *Vestn. mezhdunar. organizacij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 4. No. 2, p. 5–13. (In Russ).

Received by editorial board 30.10.2023

УДК 327(470+477)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

А. В. Шарапо
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Автор статьи раскрывает и характеризует особенности трансформации политических настроений общества ФРГ в контексте российско-украинского конфликта, который стал одним из наиболее значимых свидетельств начала переформатирования глобальной системы международных отношений. Показаны различные аспекты влияния общественного мнения Германии на изменение внешнеполитического курса правительства О. Шольца, которое в настоящее время не только формирует международную стратегию ФРГ, но и оказывает значительное воздействие на общую внешнюю политику Европейского союза.

Значительное внимание уделено выявлению и всесторонней характеристике закономерностей и особенностей трансформации политических настроений современного немецкого общества, которое столкнулось с одним из наиболее серьезных вызовов за последние десятилетия в сфере внешней политики. Сопоставляются и анализируются различные экспертные оценки и позиции по поводу актуальных тенденций изменения социально-политической обстановки в Германии и ее влияния на дальнейший внешнеполитический курс правительства ФРГ в контексте переформатирования системы международных отношений и формирования новой архитектуры европейской безопасности.

Результаты, представленные в статье, будут интересны исследователям, которые занимаются изучением взаимосвязи внутриполитических процессов в странах Европы с изменением внешнеполитической линии этих государств под влиянием изменения общественного мнения.

Ключевые слова: ФРГ; общественное мнение; российско-украинский конфликт; правительство О. Шольца.

Образец цитирования: *Шарапо А. В.* Трансформация политических настроений немецкого общества в контексте российско-украинского конфликта // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 23–37.

Автор: Шарапо Александр Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

TRANSFORMATION OF THE POLITICAL MOODS OF GERMAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN CONFLICT

A. V. Sharapa
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The author of the article reveals and characterizes the features of the transformation of the political moods of the German society in the context of the Russian-Ukrainian conflict, which has become one of the most significant types of evidence of the beginning of the reformatting of the global system of international relations. Different aspects of the influence of German public opinion on the change in the foreign policy of the Olaf Scholz government, which currently not only forms the international strategy of Germany, but also has a significant impact on the common foreign policy of the European Union, are shown.

Considerable attention is paid to the identification and comprehensive characterization of the patterns and features of the transformation of the political moods of modern German society, which has faced one of the most serious challenges in recent decades in the field of foreign policy. Various expert assessments and positions are compared and analyzed on current trends in the sociopolitical situation in Germany and its impact on the further foreign policy of the German government in the context of reformatting the system of international relations and the formation of a new European security architecture.

The results presented in the article will be of interest to researchers studying the relationship between domestic political processes in European countries and changes in the foreign policy of these states under the influence of changes in public opinion.

Keywords: Germany; public opinion; Russian-Ukrainian conflict; government of Olaf Scholz.

For citation: Sharapa, A. V. (2023). Transformation of the political moods of german society in the context of the Russian-Ukrainian conflict. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 11, p. 23–37.

Author: Sharapa Aliaksandr Viktaravich – Doctor of Sciences in History (Dr. Hab.), Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of the BSU (Minsk); e-mail: sharapa@bsu.by.

Введение. Пожалуй, за все прошедшие после объединения годы ни одно правительство Германии не демонстрировало столь резкую трансформацию своего внешнеполитического курса, как это сделал нынешний кабинет канцлера О. Шольца. Особый «толчок» таким изменениям дал российско-украинский конфликт, который предопределил своеобразный переход внешней политики

ФРГ от ее начальной сдержанности в оценках происходящего до их ужесточения и нежелания находить компромиссы.

Можно вспомнить, что с началом боевых действий и в течение нескольких последующих месяцев ФРГ, даже несмотря на противодействие со стороны ряда других европейских стран, не только отказывалась от поставок вооружений Киеву, но одновременно была в числе активных сторонников ведения прямых переговоров с Россией. Характерно и то, что в это же время в Германии установилось довольно зримое взаимопонимание в оценках происходящего между немецкими правящими элитами, с одной стороны, и пацифистски настроенным немецким обществом, – с другой. Пример в этом тогда показывал и канцлер О. Шольц, несколько раз выходя на прямую связь с российским президентом и предлагая свое видение разрешения конфликта без ущерба для внешнеполитической репутации России.

Цель данной статьи – обозначить и оценить характер и степень влияния общественного мнения ФРГ на изменение внешнеполитического курса правительства О. Шольца в контексте российско-украинского конфликта.

Хронологические рамки статьи охватывают важные события и процессы в 2022–2023 гг. в контексте вооруженного противостояния.

Актуальность и научная новизна проведенного исследования обусловлены необходимостью дать всестороннюю системную характеристику изменения внешнеполитического курса Германии в 2022–2023 гг. в контексте российско-украинского конфликта, который стал важнейшей предпосылкой для переформатирования глобальной системы международных отношений.

Методы исследования. Результаты статьи получены на основании применения таких базовых принципов современной науки о международных отношениях как системность, объективность, историзм. В качестве методов исследования использовались как общенаучные: анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедукция, так и специальные исторические методы, прежде всего, историко-сравнительный, что позволило проследить предпосылки и последствия взаимосвязи внутренней и внешней политики ФРГ.

Объектом исследования являются политические настроения современного немецкого общества как важнейший фактор формирования внешнеполитической линии Германии. Предмет

исследования – трансформация политических настроений общества ФРГ в связи с российско-украинским конфликтом.

Обзор литературы по теме. Изучение взаимосвязи общественного мнения, а именно политических настроений общества и процесса формирования внешнеполитического курса современного государства является одним из важнейших направлений в исследованиях ученых–международников, которые занимаются актуальными проблемами теории международных отношений и мировой политики. В Республике Беларусь такой проблематикой занимались многие видные представители науки о международных отношениях, в частности, А. М. Байчоров, В. А. Бобков, А. Н. Данилов, С. А. Кизима, Л. Е. Крыштапович, С. В. Решетников, М. Э. Чесновский. Прослеживание и характеристика взаимозависимости трансформации общественного мнения и конкретных изменений во внешнеполитической стратегии и практике современных государств входит в обязательный компонент изучения теории международных отношений как базовой учебно-научной дисциплины в подготовке специалистов в сфере международных отношений [5].

Применительно к Германии изучением взаимосвязи актуальных общественно-политических процессов и формирования внешнеполитической стратегии ФРГ были заняты известные белорусские исследователи, среди которых, в первую очередь, необходимо назвать А. В. Русаковича и В. В. Фрольцова. В работах профессора кафедры евразийских исследований ФМО БГУ А. В. Русаковича, защитившего в 2016 г. докторскую диссертацию, посвященную формированию и развитию белорусско-германских отношений в системе внешнеполитических приоритетов Республики Беларусь, рассматривается как общий геополитический контекст исследуемого процесса, так и изменения социально-политической обстановки в обеих странах, что оказывало существенное воздействие на динамику двухсторонних отношений [2–4].

В. В. Фрольцов в целом ряде публикаций, обобщением научных результатов которых послужила защита в 2017 г. докторской диссертации, посвященной постсоветскому направлению внешнеполитического курса двух федеральных правительств ФРГ: Г. Коля и Г. Шрёдера, уделил заметное внимание результатам опросов общественного мнения и социологических исследований в Германии в 1990-е гг. – начале XXI в. В дальнейшем исследователь занимался также периодом нахождения у власти четырех правительств ФРГ во главе с канцлером А. Меркель.

На основании анализа и всесторонней оценки политических итогов деятельности различных правящих коалиций была выявлена тесная объективная взаимозависимость внутриполитических явлений и внешнеполитического процесса в ФРГ, как и его отражения во внешней политике [5–8, 14].

Ключевая взаимозависимость общественно-политических процессов ФРГ и изменений в германской внешней политике была прослежена и охарактеризована также в научных публикациях автора этой статьи [9–12].

В российской историографии традиционно присутствует развернутый и системный подход к изучению германской внутренней и внешней политики, который опирается на богатые традиции советской школы исследования новейшей истории Германии. В числе наиболее заметных ученых–германистов в Российской Федерации, следует назвать В. Б. Белова, И. Ф. Максимычева, Н. К. Меден, А. В. Огневу, С. В. Погорельскую, Е. П. Тимошенкову, Ф. О. Трунова [13]. Развернутый и всесторонний анализ различных предпосылок и факторов, которые оказывают заметное влияние на процесс формирования и реализации внешней политики ФРГ, присутствует в изданной в 2018 г. монографии известного ученого-международника Н. В. Павлова «Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017)» [1].

Вместе с тем, актуальность влияния общественного мнения ФРГ на изменение внешнеполитического курса правительства О. Шольца в контексте российско-украинского конфликта, хронологические рамки исследования (2022–2023 гг.), предопределили отсутствие научных публикаций по этой проблеме, что констатирует научную новизну и значимость темы данной статьи.

Результаты исследования. Исходя из особой важности военно-политических процессов, которые охватили весь европейский регион в 2022–2023 гг., трансформации во внешней политике Германии заставили не только немецких политиков и партийных лидеров, но и зарубежных аналитиков задаться вопросом: действительно ли внешняя политика, проводимая сейчас правящей элитой ФРГ, соответствует сегодняшним настроениям простых граждан этой страны. Вопрос – далеко не праздный и не бесспорный. Даже в аналитической среде ответы на него оказались весьма противоречивыми.

Одни исследователи придерживались мнения, что идеи пацифизма, установившиеся в немецком социуме после II мировой войны, являются преобладающими и в настоящее время. Как

утверждает сторонник такой позиции член – корреспондент Академии военных наук, эксперт Лиги военныхдипломатов А. Бартош, «послевоенные социальные перемены в Германии, превратили немецкую нацию из традиционно воинственной в нацию пацифистов. В Германии понимают, что в случае столкновения ядерных держав страна окажется между молотом и наковальней. Уезжать в случае войны планирует в первую очередь молодежь, а идти на фронт или работать в тылу – люди в возрасте от 60 лет. Большинство молодых людей в Германии не могут представить себе войну» ... Политолог А. Бартош приводит такие данные: по итогам социологического опроса, в случае вооруженного нападения почти четверть немцев намерены сразу же покинуть страну. Добровольцами в армию запишутся только 5% населения. Еще 11% будут готовы помочь родине, но только на гражданском фронте – не участвуя в боевых действиях. Все это подталкивает германцев, несмотря на раздуваемую правящими кругами в стране воинственную риторику, оставаться пацифистами» [1].

Другие аналитики, вомногом соглашаясь с такой позицией, в то же время утверждают, что одновременно с отходом кабинета О. Шольца от умеренного внешнеполитического курса «эпохи Г. Шредера и А. Меркель» в сторону его ужесточения, происходит и изменение (к сожалению, в этом же направлении) общественных настроений Германии. По их мнению, утверждения о незыблемости и постоянстве немецкого послевоенного пацифизма фактически должно было бы вступать в противоречие с курсом кабинета О. Шольца, сопровождаться массовыми антивоенными выступлениями и протестами. Однако на практике этого не происходит.

Такое несовпадение в настроениях отражает одну из основных особенностей нынешней политики кабинета О. Шольца, его балансирования между своими и чужими интересами – все то, что называется потерей Германией «своего лица» как лидера в Евросоюзе и равного партнера в переговорах с Соединенными Штатами. Приспособленчество – вот основная характеристика как личности самого О. Шольца, так и его правительства. Они вынуждены идти в русле навязываемых извне внешнеполитических решений даже несмотря на то, что это чревато негативными последствиями для самой Германии.

---

[1] Бартош, А.А. Пассивность завела Берлин в тупик // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. 2023. 16 марта. URL: https://nvo.ng.ru/nvo/2023-03-16/1_1228_berlin.html?ysclid=lghm7xsfmn645862584 (дата обращения: 30.04.2023).

Такое приспособленчество в политике и соглашательство в настроениях, многие аналитики объясняют происходящей в отношениях правящей элиты и общественных настроениях своеобразной, пусть и не полной, конвергенцией восприятия ими происходящих событий. И элита, и немецкий социум в созданных российско-украинским конфликтом реалиях (особенно в его начале) были озабочены одним и тем же – насколько опасными последствия конфликта могут стать для экономики страны, в частности, для ее энергетической безопасности. Вопросы реальной военной угрозы тогда еще отходили на второй план. Война в общественных умах «происходила где-то там, далеко» и не рассматривались как опасность сегодняшнего дня.

Растущие с каждым днем цены на российский газ и, вместе с этим, растущее опасение энергетического кризиса, заставляли как элиту (может быть, даже в большей степени), так и простых граждан, отказаться от ряда прежних политических претензий друг к другу и искать взаимоприемлемые пути ответа на эту угрозу. Настроения в обществе балансировали между классическими рамками послевоенного пацифизма и некоторыми отступлениями от него ради личного благополучия. В лексиконе экспертов в этой связи даже появился термин – «экономический пацифизм». Применительно к настроениям немецкого социума по отношению к антироссийской политике кабинета О. Шольца, это фактически означало его (социума) согласие на лавирование проводимой кабинетом политики, т.е. своеобразную их конвергенцию.

Особенно характерно такое негласное соглашательство было для первой половины 2022 г., для условий еще пока не осязаемых контуров реальной военной опасности для ФРГ и только «робкого» вовлечения ее в реализацию планов союзников по НАТО в поставках вооружений Украине. Лейтмотивом общественных настроений в то время было сохранение невмешательства в конфликт ради личностной и государственной экономической безопасности [2].

Военная составляющая таких настроений отходила на второй план и состояла лишь в пассивном «созерцании» действий других. «Мы за мир для Германии и противодействие войне, но допускаем войну других ради мира в Германии» – вот лозунг

[2] Германия настроена пессимистично и начала экономить // ИноСМИ [Электронный ресурс]. 2022. 24 ноября. URL: inosmi.ru/20221124/germaniya-258158038.html?ysclid=lghmcmp3w0279074828 (дата обращения: 30.04.2023).

немецких пацифистов. Выступления и относительно массовые демонстрации проходили тогда лишь под экономическими лозунгами, а если и затрагивали военную тему, то увязывали ее исключительно с поисками диалога с Россией [3].

Однако, с конца 2022 г., по мере затягивания военного конфликта и все большего втягивания в него Германии общественные настроения «экономического пацифизма» стали постепенно меняться в сторону ужесточения отношения немецкого общества к России, в том числе и по вопросу поставок немецких вооружений для Украины. По данным опроса, проведенного агентством *YouGov*, (опрошено 2036 чел. в возрасте 18 лет и старше), большинство немецких избирателей были убеждены, что агрессия России в отношении Украины может привести к тяжелым последствиям для самой Германии, для ее экономической и военной безопасности[4]. 77% респондентов считали, что эти события напрямую затрагивают интересы защищенности их страны и других государств Европейского союза. При этом каждый третий (35%) прежде всего опасался последствий войны для его личной жизни. Противоположного мнения придерживаются только 10 % респондентов и 13% убеждены, что эта война коснется Германии лишь косвенно[5].

Опасения немецкого общества по поводу личной и государственной безопасности заставляли и продолжают заставлять жителей задумываться о способах противодействия таким угрозам. При этом многие и тогда и сейчас выбирают еще более жесткий антироссийский курс. В этой связи в аналитических материалах при характеристике таких настроений даже появился новый термин – «воинствующий пацифизм». В отличие от «экономического» варианта пацифизма в его основе лежит уже не миролюбие и призывы к диалогу во имя благополучия, а согласие на милитаризацию политики как меры принуждения России к переговорам на условиях украинской стороны и как гаранту сохранения их мирной жизни.

---

[3] Эволюция украинской политики Германии: от касок к танкам // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. 2023. 16 марта. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/evolyutsiya-ukrainskoy-politiki-germanii-ot-kasok-k-tankam/?ysclid=lfuvfc (дата обращения: 30.04.2023)

[4] Война России с Украиной затронет Германию: 74% // aussiedlerbote.de [Электронный ресурс]. 2022. URL: aussiedlerbote.de/2022/02/vojna-rossii-s-ukrainoj (дата обращения: 30.04.2023).

[5] Там же.

В частности, глава МИД Германии А. Бербок заявила по этому поводу: «Мы на 150% на стороне Украины и украинского народа. И мы будем с ними столько, сколько Украина и украинский народ в нас будут нуждаться. До 24 февраля Германия не поставляла Украине оружие, поскольку это могло стать для России основой вторжения, но сейчас ситуация изменилась на 180 градусов. Мы будем поставлять Украине оружие столько, сколько в этом будет необходимость» [6].

Поставки немецких вооружений Украине стали рассматриваться в руководстве и общественных кругах Германии в качестве действенного средства принуждения России к таким переговорам, результаты которых бы были выгодны и самой ФРГ, и украинской стороне. Как заявила немецкий политолог Н. Дайтельхофф, «поставки оружия не отдаляют, а ускоряют переговоры. Поставки оружия – это инструмент дипломатии. Они призваны дать Украине возможность оттеснить Россию и, тем самым, помочь открыть окно для переговоров. Если поставки оружия из Германии на Украину вырастут, то шансы на дипломатию должны также вырасти» [7].

Однако, следует отметить, что такие настроения были присущи не всем группам немецкого общества. Та конвергенция, которая когда-то существовала в позициях германской элиты и настроениях социума не означала их полного единства. Причин разного понимания ситуации немало. Как известно, по своим политическим взглядам население Германии неоднородно. Здесь сказывается и наличие многих различных в своих программах политических партий, и разнородного по своим политическим предпочтениям состава населения, и различий в уровне жизни, и многим другим особенностям современного немецкого общества. Яркий пример в этом – население восточной части Германии, где немало тех, кто проживал еще в ГДР и в настроениях которых, если и не доминирует ностальгия по прошлому, то, во всяком случае, осталась определенная симпатия к СССР, а сегодня к России. В восточной части страны сохранилось еще немало людей с принципами, отличающимися от принципов жителей Западной Германии. Многие вос-

[6] Глава МИД Германии Бербок сделала заявление о поставках оружия Украине // vesti.ua [Электронный ресурс]. 2022. 1 сентября. URL: https://vesti.ua/strana/glava-mid-germanii-berbok-sdelala-zayavlenie-o-postavkah-oruzhiya-ukraine (дата обращения: 30.04.2023).

[7] «Красные линии уже пройдены». Почему, несмотря на проблемы в экономике, Германия отправляет Украине все больше оружия? // lenta.ru [Электронный ресурс]. 2023. 24 марта. URL: https://lenta.ru/articles/2023/03/24/sokolov/?ysclid=lghnn0na7s842284414 (дата обращения: 30.04.2023).

точные воспринимают события подругому и политические меры кабинета Шольца видятся ими в другом свете.

Вот почему сейчас, в условиях конфликта в Украине, феномен разделенного общества прослеживается в различных оценках происходящего. Политологи уже дали яркое определение нынешнему дуализму восточных и западных немцев: первые сохраняют свое национальное самосознание, а вторые – это «американцы», говорящие на немецком языке. Как подчеркнул политолог Волков, «разделение на восточных и западных немцев, так называемых осси и весси, не преодолено полностью до сих пор. Американизация зашла намного глубже на западе, нежели на востоке страны, где еще сохраняется колорит и дух времен Отто фон Бисмарка, который завещал никогда не воевать с Россией»[8].

Никогда ранее разрыв во взглядах между жителями Восточной и Западной Германии не носил таких масштабов, как это отмечается сейчас. По данным *Forsa*, на востоке страны значительно больше респондентов (34%) считают, что немецкое правительство делает слишком много для поддержки Украины. На западе Германии этого мнения придерживается примерно каждый пятый (18%) житель. При этом самые большие различия между востоком и западом проявляются в вопросе поставок оружия: если от 54 до 61% западных немцев выступают за поставки Германией тяжелого вооружения Киеву, в то среди граждан с востока страны подобные шаги поддерживают в среднем 32%[9].

Еще одна причина политической разноголосицы – принадлежность немцев к различным политическим партиям, каждая из которых в нынешних внешнеполитических условиях пытается показать «свое лицо» и убедить немцев следовать только их призывам. Хотя в нынешних условиях большинство из них (прежде всего ведущие партии СДПГ и ХДС) стараются показать единение во взглядах, однако, при этом даже в их собственных рядах нередко отмечается раскол по многим актуальным на сегодняшний день вопросам.

Например, недавно более 200 бывших высокопоставленных представителей входящей в правящую коалицию Социал-демокра-

[8] Германии предрекли политические сложности из-за разногласий вокруг Украины // lenta.ru [Электронный ресурс]. 2022. 28 июля. URL: https://lenta.ru/news/2022/07/28/raskol/?ysclid=lghnwow9lg45461454Лента.ру (дата обращения: 30.04.2023).

[9] Украина расколола Восточную и Западную Германию // sibnet.ru [Электронный ресурс]. 2022. 28 июля. URL: https://info.sibnet.ru/article/621961/?ysclid=lghns6vyzt215348184 (дата обращения: 30.04.2023).

тической партии Германии обратились к канцлеру ФРГ О. Шольцу с просьбой пересмотреть текущую политику и активнее выступать за скорейшие переговоры о прекращении боевых действий на Украине и сокращение поставок туда немецкого оружия. В заявлении под названием «Сотвори мир!» утверждается: «С каждым днем растет опасность эскалации боевых действий. Тень ядерной войны нависла над Европой. Но мир не должен скатиться к новой большой войне. Мир может быть заключен только на основе международного права и только вместе с Россией. Только тогда можно будет проложить путь к общему порядку безопасности в Европе»[10].

Растет обеспокоенность и другого свойства, но уже в самой партии О. Шольца: правящая коалиция Германии и сам канцлер О. Шольц теряют популярность у населения. Согласно результатам опроса, проведенного социологическим институтом *INSA*, за последние месяцы рейтинг доверия лично О. Шольцу упал почти вдвое – до 33%, а СДПГ могла бы рассчитывать лишь на 20% голосов. Самой популярной в Германии политической силой вновь стал консервативный блок ХДС/ХСС: его поддержали 28% избирателей. Правопопулистскую «Альтернативу для Германии» и партию «Союз 90/Зеленые» готовы поддержать 16% граждан ФРГ. Еще 8% проголосовали бы за либеральную СвДП[11].

Немалую роль в нарастании различий в позициях правящей элиты и общества стала играть все возрастающая обеспокоенность немцев своим будущим на фоне очевидного затягивания украинского конфликта и соглашательства руководства Германии с политикой США. С марта 2023 г. риторика О. Шольца начинает все больше походить на общение «по понятиям», а не на дипломатическую лексику. Выступая в бундестаге, он заявил: «Когда к горлу приставлен нож, переговоры не ведутся – разве только о собственном порабощении», Мир не может быть заключен за спиной Украины... Мира не достичь, если здесь в Берлине кричать “Нет войне!” и одновременно призывать прекратить военную помощь Украине. Поэтому Берлин будет поддерживать Киев ровно столько, сколько потребуется» [12].

---

[10] В Германии около 200 бывших членов СДПГ призвали Шольца к переговорам по Украине // ТАСС [Электронный ресурс]. 2023. 31 марта. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17424495?ysclid=lgdg5u9sjx68231748 (дата обращения: 30.04.2023).

[11] В Германии падает рейтинг правящих партий и растет популярность оппозиции – данные опроса // Страна.ua [Электронный ресурс]. 2023. 9 апреля. URL: https://strana.best/news/430742-v-hermanii-padaet-populjarnost-pravjashchikh-partij-opros.html (дата обращения: 30.04.2023).

[12] Немцы довольны работой властей: с начала российско-украинской войны поддерж-

Потворство О. Шольца антироссийскому курсу США зашло настолько далеко, что по состоянию на середину марта трое из пяти респондентов в Германии (61%) уже высказались против увеличения таких поставок. Правда при этом каждый четвертый житель Германии считает, что масштабные поставки – лучший способ принудить Россию к переговорам на условиях Украины [13].

Сейчас в аналитической среде Германии немало прогнозов в отношении дальнейшей внешней политики и в трансформации политических настроений ее жителей. Приведем мнение одного из их: Маркус Каим – главный исследователь и специалист по немецкой внешней и оборонной политике, по трансатлантическим связям в рамках Североатлантического альянса берлинского внешнеполитического аналитического центра «Фонд науки и политики»: «На протяжении как минимум 20 лет мы преследовали определенные цели, которые теперь изменились. Например, раньше мы считали, что обеспечить европейскую безопасность можно только при участии России, что Россия – одна из стран, которая об этом печется. Но как же далеки мы были от истины.

Германия изменила свою геополитическую ориентацию, была вынуждена адаптироваться к изменениям политической среды. Еще при бывшем канцлере А. Меркель мы подчеркивали необходимость общей европейской политики. Но после начала российской спецоперации акцент переместился на трансатлантические связи, и теперь мы намного больше сосредоточены на Североатлантическом альянсе. Я бы сказал, что правительство О. Шольца можно охарактеризовать как наиболее протрансатлантически ориентированное за многие десятки лет».

И далее: «За более чем год вооруженного конфликта на Украине Германия пережила коренные перемены в своей политике. Отношение Берлина к Москве определялось в основном энергетическими аспектами. Сейчас же наступила «точка перелома». Конец неуверенности и колебаниям Германии положило решение канцлера О. Шольца о больших инвестициях в армию и вооруже-

---

ка правительства выросла // aussiedlerbote.de [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://aussiedlerbote.de/2022/03/nemcy-dovolny-rabotoj-vlastej-s-nachala-rossijsko-ukrainskoj-vojny-podderzhka-pravitelstva-vyrosla/ (дата обращения: 30.04.2023).

[13] Байден и Шольц договорились продолжать санкционный курс в отношении России // Российская газета [Электронный ресурс]. 2023. 4 марта. URL: https://rg.ru/2023/03/04/bajden-i-sholc-dogovorilis-prodolzhat-sankcionnyj-kurs-protiv-rf-skolko-neobhodimo.html (дата обращения: 30.04.2023).

ние. Изменение немецкой внешней политики и политики в области безопасности стало одним из ключевых моментов.

Дальнейшая политика должна быть основана на двух предпосылках. Во-первых, наш подход к России должен быть единообразным, и нам нужно продлевать ее изоляцию. Во-вторых, нам нельзя прекращать помогать Украине. И то, и другое О. Шольц поддерживает, что подтвердила его речь на Мюнхенской конференции по безопасности. Поэтому я не жду никаких других кардинальных принципиальных изменений в области немецкой внешней политики.

Из-за российской спецоперации Германия переориентировалась на трансатлантические связи. Я бы сказал, что это один из важнейших аспектов, которые я отмечаю. Это ключевой урок, и после многих лет антиамериканизма, царившего в немецком обществе, пришло осознание, что США и НАТО – наши партнеры, которые помогут обеспечить европейскую безопасность. Также мы поняли, что внешнюю политику нельзя всегда выстраивать вместе с Россией. Напротив, как оказалось, нужно обходиться без России или даже идти против нее». – подводит итог М. Каим[14].

Обсуждение результатов. Основные результаты исследования, которые изложены в статье, представлены в ходе выступления и участия автора в научной дискуссии на XXI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования БГУ «Беларусь в современном мире», которая проходила на факультете международных отношений БГУ 27 октября 2022 г.

Выводы. В заключение следует отметить, что приведенные многочисленные данные и материалы в полной мере характеризуют те существенные и очевидные изменения, которые претерпело общественное мнение Германии в период российско-украинского конфликта в 2022–2023 гг.

Такая трансформация не только изменила внутриполитический ландшафт самой ФРГ, укрепив позиции сторонников перевооружения Германии и усиления ее военно-промышленного комплекса, но и предопределила существенное изменение внешнеполитического курса правительства во главе с канцлером О. Шольцем, которое стало одним из инициаторов введения антироссийских санкций и вооружения Украины.

---

[14] Немецкое отношение к России на 70% определялось энергетической зависимостью, как объясняет эксперт Каим // ИноСМИ [Электронный ресурс]. 2023. 27 февраля. URL: https://inosmi.ru/20230227/germaniya-260951599.html?ysclid=lgiy6znx5s769788256 (дата обращения : 30.04.2023).

С учетом нарастающего противостояния в отношениях России со странами Запада, такие изменения в политических настроениях германского общества, повлиявшие на внешнеполитическую линию правительства ФРГ, являются достаточно ярким показателем наиболее очевидных перспектив развития внешнеполитического курса Германии, по крайней мере, на ближайшее будущее.

Библиографические ссылки

1. *Павлов Н.В.* Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017). М.: МГИМО-Университет, 2018. 388 с.
2. *Русакович А.В.* Белорусско-германские отношения в 1990-е гг.: политика, экономика, культура. Минск: Тесей, 2003. 264 с.
3. *Русакович А.В.* Германия во внешней политике Беларуси (1990–2012 гг.). Минск: РИПО, 2015. 424 с.
4. *Русакович А.В.* Внешняя политика Республики Беларусь: вступая в 2020-е // Беларуская думка. 2020. № 6. С. 57–64.
5. *Фрольцов, В.В.* Введение в теорию международных отношений. Минск: БГУ, 2022. 207 с.
6. *Фрольцов В.В.* Внешнеполитические цели и задачи четвертого правительства А. Меркель // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2017. № 3–4 (82–83). С. 10–18.
7. *Фрольцов, В.В.* Германия: работа над имиджем. Роль инструментов информационной политики ФРГ во взаимодействии с постсоветскими государствами // Беларуская думка. 2013. № 5. С. 56–61.
8. *Фрольцов В.В.* Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005). Минск: БГУ, 2013. 431 с.
9. *Шарапо А.В.* Избирательная кампания 2017 г. в Германии: особенности межпартийной борьбы и проблемы формирования правительства. Минск: БГУ, 2018. 95 с.
10. *Шарапо А.В.* Политические системы и внешняя политика Германии, Австрии и Швейцарии. Минск: БГУ, 2007. 231 с.
11. *Шарапо А.В.* ФРГ после выборов в Бундестаг 2017 г. в поиске новой модели развития // Историческая германистика: актуальные проблемы современных исследований: сб. научных статей и материалов. Псков: ЛОГОС, 2018. С. 238–245.
12. *Шарапо А.В.* Особенности транзита власти в ФРГ: уроки прошлого и современность // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2020. Вып. 8. С. 119–131.
13. Экономика и политика Германии: через год после выборов [монография] / В.П. Фёдоров и др.; отв. ред. Е.П. Тимошенкова. М.: Ин-т Европы РАН, 2019. 134 с.
14. *Froltsov V.V.* Germany's foreign policy in the context of the multilateralism crisis in the 2010s: the main challenges and risks // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2019. № 1. С. 20–29.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023

References

1. Pavlov, N. V. (2018). Vneshnyaya politika kanclera A. Merkel' (2005–2017. [Foreign policy of Chancellor Angela Merkel (2005–2017)]. Moscow, MGIMO University, 388 p. (In Russ.).

2. Rusakovich, A. V. (2003). Belorussko-germanskiye otnosheniya v 1990-e gg.: politika, ekonomika, kultura. [Belarusian-German Relations in the 1990s: politics, economy, culture]. Minsk: Tesey, 264 p. (In Russ.).
3. Rusakovich, A. V. (2015). Germaniya vo vneshney politike Belarusi (1990–2012 gg.). [Germany in the foreign policy of Belarus (1990–2012)]. Minsk: RIPO, 424 p. (In Russ.).
4. Rusakovich, A. V. (2020). Vneshnyaya politika Respubliki Belarus: vstupaya v 2020e. [Foreign Policy of the Republic of Belarus: Entering 2020s]. In: *Belarusian thought*. Vol. 6, p. 57–64. (In Russ.).
5. Froltsov, V. V. (2022). Vvedenie v teoriyu mezhdunarodnyh otnoshenij. [Introduction to International Relations Theory]. Minsk: BGU, 207 p. (In Russ.).
6. Froltsov, V. V. (2017). Vneshnepoliticheskie celi i zadachi chetvertogo pravitel'stva A. Merkel'. [Foreign policy goals and objectives of the fourth government of Angela Merkel]. In: *J. Int. Law & Int. Relat*. Vol. 3-4 (82-83), p. 10–18. (In Russ.).
7. Froltsov, V. V. (2013). Germaniya: rabota nad imidzhem. Rol' instrumentov informacionnoj politiki FRG vo vzaimodejstvii s postsovetskimi gosudarstvami. [Germany: work on the image. A role of German information policy instruments in interaction with the Post-Soviet states]. In: *Belaruskaya dumka*. Vol. 5, p. 56–61. (In Russ.).
8. Froltsov, V. V. (2013). Postsovetskie gosudarstva vo vneshnej politike FRG (1991–2005). [Post-Soviet states in the foreign policy of Germany (1991–2005)]. Minsk, BSU, 431 p. (In Russ.).
9. Sharapa, A. V. (2018). Izbiratel'naya kampaniya 2017 g. v Germanii: osobennosti mezhpartijnoj bor'by i problemy formirovaniya pravitel'stva [The 2017 election campaign in Germany: features of the interparty struggle and the problems of government formation]. Minsk, BSU, 95 p. (In Russ.).
10. Sharapa, A. V. (2007). Politicheskie sistemy i vneshnyaya politika Germanii, Avstrii i Shvejcarii. [Political systems and foreign policy of Germany, Austria and Switzerland: reader for students]. Minsk, BSU, 231 p. (In Russ.).
11. Sharapa, A. V. (2018). FRG posle vyborov v Bundestag 2017 g. v poiske novoj modeli razvitiya. [Germany after the 2017 Bundestag elections in search of a new development model]. In: *Historical German Studies: Actual Problems of Contemporary Research*: Pskov, Logos, p. 238– 245. (In Russ.).
12. Sharapa, A. V. (2020). Osobennosti tranzita vlasti v FRG: uroki proshlogo i sovremennost'. [Key features of power transit in Germany: lessons of the past and modernity]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 8, p. 119–133.
13. Fiodorov, P. [etc.] (2019). Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov [monografiya]. [German Economy and Politics: One Year After the Elections]. Moscow, Europe Institute of the Russian Academy of Sciences, 134 p. (In Russ.).
14. Froltsov V. V. (2019). German foreign policy in the context of the multilateralism crisis in the 2010s: the main challenges and risks. In: *Bulletin of Brest University. Series 2. History. Economics. Law*. Vol. 1, p. 20–29.

Received by editorial board 2.05.2023

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 327 “1963/2022”

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ В ИСТОРИИ МЮНХЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ (1963–2022 гг.)

Д. С. Василенко
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

В статье предпринята попытка выделить и охарактеризовать основные этапы в истории развития ключевого европейского международного форума – Мюнхенской конференции по безопасности (далее – МКБ). Автор выделил три периода, которые прошла в своем развитии конференция с 1963 по 2022 гг.: 1) период обсуждения западными государствами стабилизации военнополитической ситуации в Европе в условиях холодной войны (1963–1991 гг.); 2) этап вовлечения стран бывшего Восточного блока в работу конференции и в обсуждение пути развития системы безопасности в Европе (1992–2006 гг.); 3) усиление конфронтационного характера дискуссий в свете обострения российско-американских противоречий по вопросам реформирования общеевропейской системы безопасности (2007–2022 гг.).

Сделан вывод о том, что каждый из выделенных этапов в истории МКБ имеет особенности, которые достаточно тесно сопряжены с развитием политической ситуации в Европе. Показано, что на Мюнхенской конференции не состоялась выработка принципиально новых идей, ведущих к трансформации и более оптимальной архитектуре европейской безопасности. Текущее развитие ситуации вновь делает актуальным обращение к предложениям, выдвинутым Республикой Беларусь по реформированию системы европейской безопасности и о начале нового общеевропейского диалога.

Ключевые слова: Мюнхенская конференция по безопасности; холодная война; биполярный мир; европейская безопасность; международная безопасность.

Образец цитирования: *Василенко Д. С.* Основные этапы в истории Мюнхенской конференции по безопасности (1963–2022 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 38–51.

Автор: Василенко Денис Сергеевич – старший преподаватель общевойсковой кафедры военного факультета Белорусского государственного университета, соискатель кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e mail: fsmq@yandex.by.

MAIN STAGES IN THE HISTORY OF THE MUNICH SECURITY CONFERENCE (1963–2022)

D. S. Vasilenka
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article makes an attempt to highlight and characterize the main stages in the history of the key European international forum – the Munich Security Conference. The author has identified three periods in the development of the conference from 1963 to 2022: 1) the period of discussion by Western states how to stabilize the military-political situation in Europe during the Cold War (1963–1991); 2) the stage of involving the countries of the former Eastern bloc in the work of the conference and in the discussion on the future of the security system in Europe (1992–2006); 3) strengthening the confrontational nature of discussions in light of the aggravation of Russian-American contradictions on reforms of the European security system (2007–2022). It is concluded that each of the identified stages in the history of the MSC was closely related to the development of the political situation in Europe. It is shown that the fundamentally new ideas leading to transformation and a more optimal architecture of European security were not elaborated at the Munich Security Conference. The current development of the situation once again makes it relevant to address the proposals put forward by the Republic of Belarus on reforms of the European security system and on the start of a new pan-European dialogue.

Key words: Munich Security Conference; Cold War; bipolar world; European security; international security.

For citations: Vasilenka D. S. Osnovnyye etapy v istorii Myunkhenskoy konferentsii po bezopasnosti (1963–2022 gg.) [Main stages in the history of the Munich Security Conference (1963–2022)]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 38–51. (In Russ.).

Author: Vasilenka Dzianis Siarheevich – senior lecturer of the Combined Arms Department of the Military Faculty of the Belarusian State University, applicant for PhD at the Department of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: fsmq@yandex.by.

Введение. Динамика текущих тенденций развития политической ситуации в мире далека от оптимизма. На нестабильность в состоянии международной безопасности оказывают влияние разные факторы: разрастание военных конфликтов, терроризм, нехватка сырья, энергии, продовольствия, климатические изме-

нения, техногенные угрозы, распространение пандемических заболеваний, проблемы в состоянии экологии. Необходимость решения этих вопросов как разделяет человечество, так и сплачивает его перед лицом опасностей. Созданы многочисленные государственные и межправительственные институты, а также форумы для диалога лиц, принимающих решения в области международной безопасности.

Мюнхенская конференция по безопасности является самым масштабным форумом, посвященным обсуждению на официальном и экспертном уровне вопросов, касающихся региональной и глобальной безопасности. Она является одной из самых первых среди форумов подобного рода, ведя свой отсчет еще с 1963 г. Актуальность изучения истории ее развития обусловлена нарастающей дестабилизацией ситуации в сфере безопасности в Европе, а также стремлением проанализировать, почему указанный механизм не смог предотвратить развитие негативных тенденций.

Цель исследования – выделение и характеристика содержания основных этапов в истории Мюнхенской конференции по безопасности, начиная с момента создания данного экспертного форума в 1963 г. и заканчивая 2022 г. Начало крупномасштабного вооруженного конфликта между Россией и Украиной ознаменовало качественное изменение состояния европейской безопасности, что оказало влияние на последующий характер новых сессий форума и содержание дискуссий.

Методы исследования. В качестве методологической основы исследования использовались как общенаучные методы (анализ, синтез), так и специально-исторические: ретроспективный, историко-генетический, историко-сравнительный. Автор руководствовался принципами объективности и системности.

Основным типом источников стала информация, почерпнутая с сайта Мюнхенской конференции по безопасности (*securityconference.org/en/*), публикации в средствах массовой информации. Формат «*Chatham House*» проходящих дискуссий на полях МКБ не позволяет нам всесторонне представить подробную картину мюнхенских встреч. Тем не менее существующая источниковая база позволяет ответить на поставленные в исследовании вопросы.

Обзор литературы по теме. В научной литературе существует немало работ, посвященных вопросам европейской безопасности. Вместе с тем существует заметный дефицит

специальных публикаций, посвященных именно Мюнхенской конференции по безопасности. Этот форум лишь косвенно упоминается в ряде работ, написанных исследователями преимущественно из Института Европы РАН, а также других учреждений. Среди немногочисленных статей можно отметить следующие публикации: А. А. Громыко, В. Б. Белова «Нормандский формат и Мюнхенская конференция по безопасности: противоречивый результат» (2016 г.), А. Н. Венедиктова «Мюнхенская конференция и векторы российской внешнеполитической стратегии» (2017 г.), А. И. Шумилина «Евросоюз готовится к «геополитическому рывку» (2019 г.), А. И. Шумилина «Вызовы европейской безопасности – 2020. Между Мюнхеном и Идлибом» (2020 г.), В. Б. Белова «Северный поток-2» в контексте Мюнхенской конференции по безопасности» (2020 г.) и другие [1–5]. Мюнхенская конференция упоминается преимущественно в контексте исследований с более широким проблемным полем, посвященным европейской безопасности в целом [6].

Результаты исследования. В истории Мюнхенской конференции по безопасности (далее – МКБ) в рассматриваемые годы (1963–2022 гг.) автором были выделены три основных этапа, охватывающие следующие хронологические периоды:

I) с 1963 г. по 1991 г;

II) с 1992 г. по 2006 г;

III) с 2007 г. по 2022 г.

На первом этапе мероприятие задумывалось в качестве площадки для диалога между ФРГ и США по вопросам политики безопасности при условии, что каждая сторона будет нести ответственность за решение проблем в своей собственной региональной среде; но вооруженные силы США будут доступны для поддержки Германии в случае необходимости. Америка при этом позиционировала себя как держава-покровитель. У истоков этого международного форума стоял немец-антифашист Эвальд-Генрих фон Клейст-Шменцин, причастный ранее к попытке покушения на А. Гитлера 20 июля 1944 г. Пройдя через тюрьмы и пытки после провала заговора, Э.-Г. фон Клейст-Шменцин сохранил прежние взгляды пацифистского толка и в последующем многое сделал для противодействия возрождению милитаристских настроений. Под впечатлением острого и напряженного противостояния между СССР и США, известного как Кубинский ракетный кризис, он инициировал созыв Мюнхенского военного

разведывательного совещания. Под эгидой баварского Христианско-социального союза в 1963 г. ему удалось созвать первый форум, который вошел в историю как Мюнхенская конференция по военным вопросам (*Wehrkundetagung*). Фон Клейст-Шменцин решил, что такие германо-американские встречи в верхах с целью предотвращения новой войны в Европе должны проходить ежегодно. Формат мероприятия позволял вести переговоры без протоколов. В большинстве выступлений шла речь о предотвращении глобальных военных конфликтов в будущем. На первой встрече присутствовало около 60 человек: одни выступали с докладом, другие были нацелены на кулуарные встречи. Дебаты продолжались около трех дней.

В первое десятилетие Мюнхенская конференция была переговорной площадкой для участников из ФРГ с партнерами по НАТО. Это собрание неформально стали называть «трансатлантической семейной встречей», а на официальном уровне – «Международным совещанием по военной разведке». В 1960-х гг. на этом форуме преобладал диалог, направленный на ограничение гонки вооружений.

До 1975 г. на форуме предметом обсуждения нередко становился возможный разрыв отношений с СССР и странами социалистического лагеря, а также непризнание Германской Демократической Республики. Однако после подписания в 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) политика «разрядки» достигла своего апогея в Европе и в диалогах на *Wehrkundetagung* настало время для уменьшения напряженности между двумя военными блоками.

Тем не менее в конце 1970-х гг. начался новый виток напряженности. После того, как СССР ввел войска в Афганистан, на мюнхенском форуме были поддержаны программы НАТО по наращиванию стратегических вооружений для первого удара. Вашингтон проявил стремление осуществить милитаризацию космоса. В ряде стран Западной Европы, входящих в НАТО, были размещены новые американские ядерные ракеты средней дальности. Начался очередной виток гонки вооружений [7]. Диалоги Мюнхенского форума о безопасности обрастали милитаристскими настроениями. В 1983 г. президент США Р. Рейган назвал Советский Союз «империей зла». Западная общественность одобрила такое мнение лидера Вашингтона и широко обсуждала масштабы стратегической оборонной инициативы (СОИ) по соз-

данию широкомасштабной противоракетной обороны с элементами космического базирования для получения военного превосходства над СССР [8, с. 48].

После прихода к власти в СССР М. С. Горбачёва и утверждения в качестве основной внешнеполитической доктрины «политики нового мышления» предметом обсуждения стали перспективы снижения международной напряженности в Европе. Так, в ходе 24-й – 27-й конференций обсуждались результаты переговоров США и СССР о сокращении ракетно-ядерного оружия сторон, о ликвидации ракет средней и малой дальности [9]. Темой 28-го саммита стало присоединение 3 октября 1990 г. ГДР к ФРГ [10]. «Германский вопрос» вызвал острую дискуссию среди представителей многих европейских государств, опасавшихся непредвиденных изменений в системе международных отношений в Европе в связи с образованием нового крупного государства.

Таким образом, на первом этапе в 1963–1991 гг. в МКБ участвовали только представители США и западного блока. Целью встреч было укрепление трансатлантического альянса, обсуждение проблем в отношениях между Западом и Востоком, а также путей стабилизации военно-политической ситуации в Европе в условиях холодной войны. Причем если в начале указанного этапа в дискуссиях преобладали миротворческие настроения, что было обусловлено испугом от возможных последствий Карибского кризиса, то в конце 1970-х гг. с трибуны зазвучали и «ястребиные» ноты, что объяснялось обострением военно-стратегической обстановки.

С 1992 г. наступил ***второй этап*** в работе форума. Он был переименован в «Международную конференцию по политике безопасности», и в его деятельности появилась новая тональность. С окончанием холодной войны повестка дня мюнхенских встреч значительно расширилась, а само мероприятие постепенно выдвинулось в число наиболее значимых форумов, посвященных вопросам безопасности. Особенностью конференции на новом этапе стало не только изменение названия, но и расширение числа участников. Если ранее форум был сугубо внутренним мероприятием для участников западного военно-политического блока, то теперь к участию стали приглашаться и бывшие противники – представители стран бывшей Организации Варшавского договора. По мысли организаторов, расширение числа участников МКБ должно было способствовать обогащению дискуссий, посвящен-

ных вопросам безопасности. Помимо этого, такой подход способствовал стратегии Вашингтона по «расширению и вовлечению», то есть по интеграции восточноевропейских и постсоветских республик в западные интеграционные механизмы.

Помимо этого, предметом дискуссий стало обсуждение вопросов безопасности в новых геополитических условиях. В феврале 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, учредивший Европейский союз как качественно новую политическую и экономическую общность европейских государств, что неизбежно должно было отразиться как на трансатлантических отношениях, так и на состоянии безопасности в Европе в целом. Ряд государств выступал за большую самостоятельность Евросоюза, независимость от США. Некоторые разногласия между Брюсселем и Вашингтоном отмечались в особом мнении Франции, не согласной с лидирующей позицией НАТО в вопросах безопасности в Европе. В свою очередь, США были против усиления Еврокорпуса, опасаясь утратить контролирующие функции за безопасностью в Европе. Теракты 11 сентября 2001 г. в США также внесли на повестку дня всех последующих сессий МКБ вопросы борьбы с терроризмом. Этот мотив стал доминирующим в том числе и на 40-й конференции в 2004 г. Вместе с тем в своей приветственной речи министр иностранных дел Германии Й. Фишер выразил удовлетворение процессом двойного расширения западных интеграционных структур – присоединением к Североатлантическому альянсу трех прибалтийских стран, Словении, Словакии, Болгарии и Румынии, а также расширением Евросоюза на восток[1]. В сущности, это можно считать апогеем настроений европтимизма на полях МКБ.

Вместе с тем уже на рубеже 1990-х и 2000-х гг. обозначились отдельные вопросы и проблемы, по которым наметилось обострение дискуссий, прежде всего, между Россией и США. Так, в феврале 1999 г. на 35-й конференции заместитель министра иностранных дел РФ Евгений Гусаров высказал протест против расширения НАТО на восток и приема в его состав Польши, Венгрии и Чехии[2]. Помимо этого, в преддверии намечающейся воен-

[1] "Zerstörerischer Dschihad-Terrorismus bedroht die Welt" – Rede von Bundesaußenminister Joschka Fischer auf der XL. Münchner Konferenz für Sicherheitspolitik // AG Friedensforschung [Elektronische Ressource]. URL: http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Sicherheitskonferenz/2004-fischer.html (дата обращения: 17.08.2023).

[2] История российского участия в Мюнхенской конференции по безопасности // ТАСС

ной операции НАТО против Союзной Республики Югославия он предостерег от международного военного вмешательства в урегулирование конфликтных ситуаций без мандата ООН. Однако позиция Москвы не смогла предотвратить действия Североатлантического альянса. В 2003 г. Россия вместе с Францией и Германией осудила вторжение США в Ирак.

Таким образом, на втором этапе развития Мюнхенской конференции по безопасности в работу конференции были вовлечены страны бывшего Восточного блока и включены в обсуждение путей развития системы безопасности в Европе в новых геополитических условиях. Этот период можно назвать апогеем западноцентристских настроений по вопросам обеспечения европейской безопасности на полях данного форума. Вместе с тем уже в этот период наметились первые признаки обострения отношений между США и Россией по вопросам реформирования данной системы безопасности, а также трансатлантические разногласия.

По мнению автора, ***третий этап*** в истории форума начался с 2007 г. и его начало было ознаменовано речью президента Российской Федерации В. В. Путина на 43-й МКБ. Он подверг критике политику однополярного мира, установившегося после окончания холодной войны, отстаивал роль нарастающего экономического потенциала «новых центров мирового роста», справедливо претендующих на создание многополярности в мире, призывал искать разумный баланс в межгосударственном взаимодействии, руководствуясь международным правом. Подчеркнул, что интересы европейцев заключаются не в том, чтобы следовать за Пентагоном в его военных авантюрах, а в том, чтобы вести себя независимо. Заявил о праве России вести независимую внешнюю политику, вскрыл и другие перекосы однополярного мира[3]. Позиция Кремля внесла раскол в отношения России и Запада, а содержание речи В. В. Путина было расценено как самое дерзкое и излишне агрессивное[4].

Если на первых двух этапах встречи в Мюнхене проходили конфиденциально, то на третьем этапе также заметно выросла

[Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/6116212 (дата обращения: 23.08.2023).

[3] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. // Президент России – официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 15.08.2023).

[4] Колесников А. Его Фултон: к десятилетию Мюнхенской речи Владимира Путина // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/10/02/2017/589d716d9a79476fb72a221a (дата обращения: 26.06.2023).

медийность форума. Был зарегистрирован собственный сайт конференции[5]. Помимо этого, начиная с 45-й МКБ 2009 г., в практику форума были введены круглые столы молодых дипломатов, журналистов, лидеров общественных организаций, предпринимателей многих стран, а также ежегодные выездные заседания в разных государствах мира в узком составе. В частности, такое выездное заседание Группы МКБ в октябре 2018 г. состоялось в Минске[6]. Кроме того, на полях форума стали организовываться отдельные секции, посвященные проблемным вопросам экологии, энергетики, кибер- и энергетической безопасности, обороны, здравоохранения.

Вместе с тем ситуация по вопросам европейской безопасности продолжала усугубляться, что нашло свое отражение и в событиях на полях форума. Юбилейная 50-я конференция (2014 г.) была посвящена Евромайдану, новым рискам безопасности, ситуациям в бывшей Югославии, на Ближнем Востоке и ядерной программе Ирана. В 2015 г. участников 51-го форума интересовал конфликт на Донбассе, присоединение Крыма к России, а также события вокруг подписания Минских соглашений. Речь также шла о миграционном кризисе в Европе, ядерной программе Ирана и другим вопросам. МКБ в 2017 г. ознаменовалась выступлениями канцлера ФРГ Ангелы Меркель, вице-президента США Майкла Пенса, президента Украины, обвинявших Россию в попытках подорвать сложившийся мировой порядок. Президент Украины П. Порошенко призывал к объединению мирового сообщества для саботажа сотрудничества с Россией, увеличению экономических санкций против Кремля. Министр иностранных дел РФ С. Лавров отвергал прозвучавшую критику и призывал к торжеству здравого смысла и добрососедства на европейском континенте. Обрисовывая общую атмосферу дискуссий, председатель МКБ Вольфганг Ишингер в интервью журналу «Spiegel» отмечал, что «ситуация в сфере глобальной безопасности более опасна, чем когда-либо после распада СССР – одна эра завершается и пока лишь грубо вырисовывается новая политиче-

[5] Munich Security Conference [Electronic resource]. URL: https://securityconference.org/en/ (дата обращения: 15.07.2023).

[6] Открытие встречи Основной группы Мюнхенской конференции по безопасности // Президент Республики Беларусь – официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://president.gov.by/ru/events/otkrytie-vstrechi-osnovnoj-gruppy-mjunxenskoj-konferentsii-po-bezopasnosti-19782 (дата обращения: 15.08.2023).

ская эпоха», грозящая «развалом всего либерального мирового порядка»[7].

Свидетельством обострения противоречий не только между Москвой и Вашингтоном, но и в западной экспертной среде стало удаление с официального сайта МКБ доклада «12 шагов для большей безопасности Украины и Евроатлантического региона», опубликованного в преддверии 56-го форума в феврале 2020 г.[8] Этот документ был подготовлен экспертами из Российской Федерации, ЕС, а также специалистами американской организации «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» и предполагал меры по урегулированию дестабилизации на Донбассе и разрешению конфликта по украинской тематике[9]. Доклад вызвал негативную реакцию со стороны ряда американских экспертов, занявших критическую позицию в отношении политики Москвы.

19 февраля 2022 г. президент Украины Владимир Зеленский выступил на 58-й МКБ, потребовав от Альянса предоставления ядерного оружия, обозначения сроков вступления его страны в НАТО, необходимости поставки новейших вооружений, усиления пакета санкций против Кремля, гарантии энергетической безопасности Украины[10]. В условиях резкого обострения ситуации представители Российской Федерации отказались от участия в работе форума из-за обвинительной риторики в адрес Кремля в выступлениях ее участников, а также из-за ограничений по использованию не признанных Евросоюзом антиковидных вакцин. Риторика участников 58-го форума в основном была направлена на осуждение РФ как страны, дестабилизирующей обстановку в регионе.

Таким образом, третий этап характеризовался усилением конфронтационного характера дискуссий в свете обострения

---

[7] Вольфганг Ишингер: «Мы переживаем сейчас слом эпохи» (Der Spiegel, ФРГ) // ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20180904/243162034.html (дата обращения: 01.09.2023).

[8] Доклад по Украине исчез с сайта Мюнхенской конференции // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/world/695437 (дата обращения: 01.09.2023).

[9] Двенадцать шагов по укреплению безопасности на Украине и в Евроатлантическом регионе // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dvenadtsat-shagov-po-ukrepleniyu-bezopasnosti-na-ukraine-i-v-evroatlanticheskom-regione/ (дата обращения: 01.09.2023).

[10] Выступление Президента Украины на 58-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности // Президент Украины – офиц. интернет-представитво [Электронный ресурс]. URL: https://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-58-j-myunhenskij-konferenciyi-72997 (дата обращения: 01.09.2023).

российско-американских противоречий по вопросам реформирования общеевропейской системы безопасности (2007–2022 гг.), пренебрежением представителей трансатлантического блока к региональным и глобальным интересам России. Обострение отношений между Москвой и Вашингтоном вывело риторику на новый, беспрецедентно высокий уровень агрессивности, что в конечном итоге вылилось в реальный вооруженный конфликт в Украине. Вместе с тем МКБ обросла множеством новых организационных форм, включая молодежное измерение, парламентское измерение и другие.

Обсуждение результатов. Сравнительный анализ рассмотренных этапов показал, что Мюнхенская конференция по безопасности прошла путь расширения формата от регионального закрытого форума к ежегодному масштабному событию, привлекающему большое медийное внимание. Проблемное поле конференции расширилось от вопросов чисто военно-политического характера до более многомерного представления об угрозах международной безопасности, охватывая вопросы борьбы с терроризмом, климатическую повестку и др. Участниками конференции в последние годы стали представители не только стран Европы и США, но и государственные деятели и эксперты из самых разных уголков мира, в том числе из Китая, Индии.

Вместе с тем, несмотря на ряд прямых заявлений, озвученных представителями России, на Мюнхенской конференции не состоялась выработка каких-то принципиально новых идей, ведущих к трансформации и более оптимальной архитектуре европейской безопасности. Все это привело к тому, что, начиная с конца 2000- х гг., дискуссии стали носить все более конфронтационный характер при доминировании евроатлантической повестки и евроатлантического взгляда на вопросы безопасности в Европе. В конечном итоге такой формат не смог предотвратить начало крупномасштабного вооруженного конфликта между Россией и Украиной.

По мнению автора, с 2022 г. начался новый, четвертый этап в развитии Мюнхенской конференции по безопасности. Он продолжается по настоящее время и характеризуется отказом западных стран от обсуждения с Российской Федерацией и с Республикой Беларусь вопросов реформирования общеевропейской системы безопасности, обновления ее архитектуры. В этих условиях МКБ теряет часть своего потенциала в качестве плодотворной дискуссионной площадки по этим вопросам.

Заключение. Таким образом, каждый из выделенных этапов в истории МКБ имеет особенности, которые достаточно тесно сопряжены с развитием политической ситуации в Европе. Были выделены три этапа в истории развития Мюнхенской конференции по безопасности. На первом этапе (1963–1991 гг.) предметом обсуждения представителей западных государств стала стабилизация военно-политической ситуации в Европе в условиях холодной войны; на втором этапе (1992–2006 гг.) в работу конференции были вовлечены страны бывшего Восточного блока, предметом обсуждения стали пути развития системы безопасности в Европе после окончания биполярного противостояния, главным образом, путем распространения западных военно-политических структур на восточную часть Европы; на третьем этапе (2007–2022 гг.) произошло усиление конфронтационного характера дискуссий по причине расхождения российских и американских взглядов на процесс реформирования общеевропейской системы безопасности. С февраля 2022 г. начался новый этап в истории МКБ, содержанием которого является отказ стран Запада от диалога с Российской Федерацией по вопросам безопасности в Европе на фоне военного конфликта в Украине. Тем не менее негативное развитие ситуации вновь делает актуальным обращение к предложениям, выдвинутым Республикой Беларусь по реформированию системы европейской безопасности и о начале нового общеевропейского диалога.

Библиографические ссылки

1. Безопасность Европы / ред. В. В. Журкин. Москва: Весь Мир, 2011. 751 с.
2. *Громыко Ал. А., Белов В. Б.* Нормандский формат и Мюнхенская конференция по безопасности: противоречивый результат // Современная Европа. 2016. № 2. С. 10–13.
3. *Венедиктов А. Н.* Мюнхенская конференция по безопасности и векторы российской внешнеполитической стратегии // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. Т. 1. № 10. С. 6–15.
4. *Шумилин А. И.* Евросоюз готовится к «геополитическому рывку» // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 6. С. 4–10.
5. *Шумилин А. И.* Вызовы европейской безопасности – 2020. Между Мюнхеном и Идлибом // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 1. С. 4–10.
6. *Лебедева М. М., Юрьева Т. В.* Архитектура европейской безопасности: глобальный и региональный аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 122–131.

7. *Крысенко Д. С.* Неоконсерватизм во внешней политике Р. Рейгана (1980- е гг.) // Вестник Мининского университета [Электронный ресурс]. 2016. № 1. URL: https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/128/129 (дата обращения: 12.07.2023).
8. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Москва. Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2012. 367 с.
9. *Валеев М. Г.* О кризисах во взаимодействии России и США в области противоракетной обороны // Военная мысль. 2021. № 7. С. 6–12.
10. *Максимычев И. Ф.* Четверть века «большой ФРГ». Немцы и уроки истории // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 64–78.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023

References

1. Zhurkin V. V. [ed.] (2011). Bezopasnost' Yevropy [Security of Europe]. Moscow: Ves' Mir, 751 p.
2. Gromyko, Al. A., Belov, V. B. (2016) Normandskiy format i Myunkhenskaya konferentsiya po bezopasnosti: protivorechivyy rezul'tat [The Normandy format and the Munich Security Conference: a contradictory result]. In: *Modern Europe.* No. 2, p. 10–13.
3. Venediktov, A. N. (2017). Myunkhenskaya konferentsiya po bezopasnosti i vektory rossiyskoy vneshnepoliticheskoy strategii [Munich Conference on Security and Vectors of Russian Foreign Policy Strategy]. In: *International cooperation of Eurasian states: politics, economics, law.* Vol. 1. No. 10, p. 6–15.
4. Shumilin, A. I. (2019). Yevrosoyuz gotovitsya k «geopoliticheskomu ryvku» [The European Union is preparing for a "geopolitical breakthrough"]. In: *Scientificanalytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.* No. 6, p. 4–10.
5. Shumilin, A. I. (2020). Vyzovy yevropeyskoy bezopasnosti – 2020. Mezhdu Myunkhenom i Idlibom [Challenges to European security – 2020. Between Munich and Idlib]. In: *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. No. 1, p. 4–10.
6. Lebedeva, M. M., Urieva, T. V. (2011). Arkhitektura yevropeyskoy bezopasnosti: global'nyy i regional'nyy aspekt [European Security Architecture: Global and Regional Perspective]. In: *MGIMO Review of International Relations.* No. 5 (20), p. 122–131.
7. Krysenko, D. S. (2016). Neokonservatizm vo vneshney politike R. Reygana (1980- ye gg.) [Neoconservatism in the foreign policy of R. Reagan (1980s)] [Electronic resource]. In: *Bulletin of Minin University*. No. 1. URL: https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/128/129 (accessed: 12.07.2023).
8. Arbatov, A., Dvorkin, V. [ed.]. (2012). Protivoraketnaya oborona: protivostoyaniye ili sotrudnichestvo? [Missile defense: confrontation or cooperation?]. Moscow. Carnegie Center. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 367 p.

9. Valeyev, M. G. (2021). O krizisakh vo vzaimodeystvii Rossii i SSHA v oblasti protivoraketnoy oborony [On crises in the interaction between Russia and the United States in the field of missile defense]. In: *Military Thought.* No. 7, p. 6–12.
10. Maksimychev, I. F. (2015). Chetvert' veka «bol'shoy FRG». Nemtsy i uroki istorii [A quarter of a century of "great Germany". The Germans and the lessons of history]. In: *International life*. No. 10, p. 64–78.

Received by editorial board 25.09.2023

УДК 339(510)

ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КАК КАНАЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯСОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

О. П. Рубо, Чжан Хунчао
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Начиная с 2004 г. деятельность Института Конфуция становится все более заметной в контексте развития отношений Китая с зарубежными странами. На платформе этого учреждения регулярно проводятся различные культурные и образовательные мероприятия, что способствует распространению культуры и языка Китая.

Данная статья посвящена изучению роли Института Конфуция в продвижении сотрудничества Китая с зарубежными странами в политической, культурно-гуманитарной и экономической сферах. В работе определяется значение этого учреждения в расширении межвузовских обменов, развитии культурного сотрудничества, сближении народов и укреплении экономического сотрудничества между КНР и зарубежными странами.

Актуальность этой темы заключается в том, что Институт Конфуция – это важный канал для распространения китайского языка и культуры за рубежом, продвижения стратегических интересов Китая. Изучение особенностей функционирования Институтов Конфуция вызывает большой интерес со стороны китайских и зарубежных экспертов. Таким образом, делается вывод о том, что Институт Конфуция способствует созданию благоприятной среды и положительного имиджа страны, активизирует сотрудничество между Китаем и зарубежными странами в различных сферах, обеспечивает достижение значимых практических результатов взаимодействия для Китая, а также для государств-партнеров. В то же время перед Институтом Конфуция стоит задача проводить активную работу для преодоления недопонимания и критики в отношении своей деятельности, прежде всего, в западных странах.

Ключевые слова: Китай; Институт Конфуция; образовательное сотрудничество; культурно-гуманитарное взаимодействие; политическое взаимодоверие; торгово-экономическое взаимодействие; инициатива «Один пояс – один путь».

Образец цитирования: *Рубо О. П., Чжан Хунчао*. Институт Конфуция как канал для развития сотрудничества Китая с зарубежными странами // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 52–68.

Авторы: Рубо Олеся Петровна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе и интернационализации образования, заведующий кафедрой комплексного изучения развития КНР БГУ; e-mail: rubo@bsu.by; Чжан Хунчао – аспирант кафедры международных отношений БГУ; e-mail: 1519341399@qq.com.

CONFUCIUS INSTITUTE AS A CHANNEL FOR THE DEVELOPMENT OF CHINA'S INTERACTION WITH FOREIGN COUNTRIES

O. P. Rubo, Zhang Hongchao
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Since 2004, the activities of the Confucius Institute have become increasingly visible in the context of the development of China's relations with foreign countries. Various cultural and educational events are regularly held on the platform of this institution, which helps to spread the culture and language of China.

This article is devoted to studying the role of the Confucius Institute in promoting cooperation between China and foreign countries in the political, cultural, humanitarian and economic spheres. The work determines the importance of this institution in expanding interuniversity exchanges, promoting the development of cultural cooperation, bringing people closer together and strengthening economic cooperation between the PRC and foreign countries.

The relevance of this topic lies in the fact that the Confucius Institute is an important channel for disseminating the Chinese language and culture abroad and promoting China's strategic interests. The study of the peculiarities of the functioning of Confucius Institutes is of great interest from Chinese and foreign experts. Thus, it is concluded that the Confucius Institute contributes to the creation of a favorable environment and a positive image of the country, intensifies cooperation between China and foreign countries in various fields, and ensures the achievement of significant practical results of interaction for China, as well as for partner countries. At the same time, the Confucius Institute faces the challenge of continuing to actively work to overcome misunderstandings and criticism regarding its activities, primarily in Western countries.

Key words: China, Confucius Institute; educational cooperation; cultural and humanitarian interaction; political mutual trust; trade and economic interaction; Belt and Road initiative.

For citations: Rubo, O. P., Zhang Hongchao (2023). Institut Konfucija kak kanal dlja razvitija sotrudnichestva Kitaja s zarubezhnymi stranami [Confucius Institute as a channel for developing cooperation between China and foreign countries]. In: *Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 11, p. 52–68 (In Russ.).

Authors: Olesya Petrovna Rubo – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for academic work and internationalization of education, Head of the Department of Comprehensive Chinese Studies, BSU; e-mail: rubo@bsu.by;
Zhang Hongchao – postgraduate student of the Department of International Relations of BSU; e-mail: 1519341399@qq.com.

Введение. Язык представляет собой значимый внешнеполитический и геоэкономический ресурс для процветания государства[1], который имеет особое значение для развития межгосударственных отношений. Изучение языков способствует свободному движению торговых и финансовых потоков, сближению народов разных стран[2]. Учреждение, которое отвечает за обучение китайскому языку иностранцев, популяризацию культуры и истории Китая в мире – Институт Конфуция (ИК), играет важную роль в развитии отношений Китая с зарубежными странами.

Цель статьи – исследование культурно-образовательной деятельности ИК, изучение мнений экспертов относительно значения данного учреждения в контексте усилий Китая на международной арене, определение роли ИК в развитии культурного и образовательного обмена, укреплении взаимопонимания между народами и усилении экономического сотрудничества Китая с зарубежными странами. Определенно, Институты Конфуция являются инструментами китайской публичной дипломатии.

Методология исследования. Данное исследование проведено на основе принципов целостности, научной объективности. В работе применялись также такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение и классификация.

Обзор литературы. Источниковой базой исследования послужили научные труды китайских (Ван Сыци [1], Чжоу Юн [2], Ма Сяолэ, Нин Цзимин [3], Чжэн Цзяцзя [6], Ань Ялунь, Юй Сяоюй, Цзэн Яньпин [9], Цюй Жусяо, Цзэн Яньпин [10], Лянь Дасян, Ван Луань, Лю Сяоу [11], Линь Хан, Се Чжичжун, Жуань Лидэ [12], Се Мэнцзюнь, Ван Тунсань, Цуй Жимин [13], Чэнь Иньмо, Сунь Цянькунь, Чжан Сяоюй [14]), западноевропейских (Дж. Гил [4], Ф. Хартиг [5]) и российских (Н. В. Морозова [7], Н. В. Селезнева [8]) авторов, материалы новостных информационных агентств (Синьхуанет, *RussiaPost*, Жэньминь Жибао), официальные информационные ресурсы министерств и ведомств Китая.

---

[1] Ли Минфу, Ватаняр Ягья. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI в. // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. 2015. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1336 (дата обращения: 12.08.2023).

[2] Су Цзянь, Гэ Цзяго. Юй янь туй гуан дэ цзин цзи сяо ин юй юй янь хун ли [Экономический эффект и языковой дивиденд от продвижения языка] // Цань као ван = Справочная сеть. [Электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.fx361.com/page/2019/0322/4899056.shtml (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

Результаты исследования. Изучение деятельности Институтов Конфуция как канала реализации внешнеполитических и внешнеэкономических задач Китая осуществляется через раскрытие трех видов взаимодействия с зарубежными странами в экономической, политической и культурно-гуманитарной сферах.

1. Роль ИК в развитии культурно-гуманитарного сотрудничества Китая с зарубежными странами.

ИК способствует расширению культурно-просветительского сотрудничества между Китаем и зарубежными странами. В декабре 2019 г. на международной конференции по вопросам обучения китайскому языку как иностранному заместитель премьера Госсовета КНР Сунь Чуньлань отметила, что китайское правительство берет на себя ответственность за продвижение обучения китайскому языку и оказывает всестороннюю поддержку в подготовке учителей китайского языка в мире[3]. Выход языка вовне стал первым результативным шагом в расширении внешних культурных отношений КНР.

ИК служит важной платформой для изучения языка и культуры Китая посредством организации различных курсов. Это, с одной стороны, отвечает потребностям иностранцев в изучении китайского языка, а с другой, стимулирует дальнейший рост спроса на изучение этого языка в мире, что в свою очередь ведет к ускоренному открытию новых ИК в различных странах.

Следующим способом продвижения деятельности ИК является организация культурно-гуманитарных мероприятий с китайской спецификой. Например, в 2011 г. в ходе мероприятия «Романтическая встреча с китайской культурой», организованного совместно ИК при университете Санто-Томас и Правительством Филиппин, местные жители познакомились с такими китайскими культурными традициями, как танец дракона и льва, боевые искусства, тайцзи, вырезание из бумаги.

Содействие интеграции китайского образования ИК в международную образовательную систему является важным шагом в усилении влияния Китая в современном мире.

---

[3] Сунь чунь лань чу си го цзи чжун вэнь цзяо юй да хуй ши цян дяо: шэнь хуа го цзи чжун вэнь цзяо юй, жан ши цзе гэн цзя ляо цзе чжун го [Присутствуя на Международной конференции по образованию на китайском языке, Сунь Чуньлань подчеркнула: углубление международного образования на китайском языке позволяет миру узнать больше о Китае] // Жэнь минь ван = «Жэньминь жибао» онлайн. [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://politics.people.com.cn/n1/2019/1210/c1001-31497851.html (дата обращения: 11.09.2023). (на кит. яз.).

Следует отметить, что распространение китайской культуры на платформе ИК в разных странах реализуется по-разному. Посредством анализа общественного мнения относительно деятельности ИК в США, Японии, России, Таиланде и Ливане в начале 2010-х гг. Ву Ин, профессор Шанхайского университета иностранных языков, пришла к выводу о том, что ИК действительно достиг впечатляющих результатов в распространении китайского языка в глобальном масштабе. Однако результаты функционирования ИК в странах, в которых широко не распространена мысль и культура конфуцианства, более скромные [1, с. 4–5]. Соответственно, результативность и успешность ИК в продвижении китайской культуры за рубежом зависит от историко-культурного фона принимающей страны.

Одним из важнейших направлений деятельности ИК является усиление сотрудничества между учебными заведениями Китая и зарубежных стран, открытие новых возможностей для коммуникаций. Чжоу Юн, заместитель директора международной базы подготовки учителей китайского языка как иностранного в КНР, отметил, что участие китайского университета в создании ИК необходимо для ускорения процесса интернационализации вуза, активизации научно-академического сотрудничества и обмена студентами. К преимуществам сотрудничества с ИК для иностранных университетов относятся формирование мультикультурной атмосферы, продвижение преподавания китайского языка, содействие академическому и научному общению с китайской стороной, повышение имиджа университета и получение финансовой поддержки при реализации международных проектов [2, с. 16–18].

Институты Конфуция – это важный канал, направленный на развитие взаимодействия между китайскими и зарубежными университетами, что выражается в расширении пространства сотрудничества в сфере образования, усилении позиций высших учебных заведений на международной арене, внедрении передовых идей управления вузами и использовании высококачественных учебных ресурсов. Очевидно, что функционирование ИК представляет собой большую ценность [3, с. 176] не только для Китая, но и для зарубежных стран.

Однако деятельность ИК находит как полную поддержку, так и вызывает недоверие. Так, по мнению австралийских экспертов, ИК представляет потенциальную угрозу академической

свободе. При этом управление ИК в Австралии в первую очередь находится в руках местных университетов, и все директора ИК являются штатными сотрудниками австралийских университетов [4, p. 80–84]. Более того, в Японии на заседании парламента в мае 2021 г. член Либерально-демократической партии Харико Аримура, исходя из утверждения о том, что ИК – это «угроза безопасности для других стран», предложила японским министерствам и ведомствам контролировать деятельность этого учреждения[4].

Особенно беспокоит китайское правительство обвинение в том, что ИК рассматривается как инструмент культурного вторжения или культурного империализма. По этому поводу информационным агентством «Синьхуа» было опубликовано сообщение, где указывалось, что, скорее всего, никто не назовет Институт Гете, Альянс Франсез или Институт Сервантеса пропагандистскими агентствами или инструментами культурного вторжения. Однако такая риторика имеет место быть вокруг работы ИК [5, p. 109]. Хотя создание и функционирование ИК преодолело границы китайского государства, ему пока еще не удалось преодолеть культурные барьеры [6, с. 141]. Это привело к появлению недопонимания и недоверия, в первую очередь, в западных странах к деятельности ИК.

2. Роль ИК в укреплении взаимопонимания и взаимодоверия Китая с зарубежными странами.

Язык и культура как коллективная память нации характеризуются разнообразием. Из-за наличия языковых барьеров иностранцы узнают информацию о Китае, в первую очередь, из местных СМИ. Однако в китайском политическом дискурсе активно используются многочисленные фразеологизмы, цитаты и словесные клише [7, с. 73], имеющие национальную специфику, которые очень непросто перевести, а в процессе перефразирования легко могут возникнуть недопонимания. Это может негативно сказаться на восприятии образа Китая у иностранцев.

Преподаватели Института Конфуция играют важную роль в распространении китайской культуры и осуществлении просветительской деятельности. В учебном процессе они помогают

[4] Жи бэнь цзюй бао цзян шэнь ча кун цзы сюе юань, нянь ди цянь сяо фан сюй ти гун цзы цзинь дэн синь си [Сообщается, что Япония проведет обзор Института Конфуция, и университет должен предоставить информацию, такую как финансирование, до конца года] // RFI [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://goo.su/oFeP (дата обращения: 15.08.2023) (на кит. яз.).

обучающимся понять дух и традиции китайской нации, что позволяет свести к минимуму недопонимание иностранцев о китайских ценностях. Это также оказывает влияние на формирование позитивного общественного мнения о Китае у местного населения. Кроме того, перед преподавателями стоит задача использовать такой метод обучения языку, который наиболее совместим с национальной системой образования.

Китайцы, проживающие за границей, представляют собой также важную часть аудитории в ИК. С одной стороны, у таких китайцев есть стремление к изучению национального языка и культуры, а с другой, культурно-просветительская деятельность ИК имеет значение для объединения китайцев за рубежом и воспитания в них культурной идентичности и уверенности.

Присутствие официальных представителей КНР на мероприятиях ИК демонстрирует тот факт, что китайская официальная сторона придает большое значение развитию этого учреждения. В ходе мероприятий китайские чиновники знакомят иностранцев со спецификой развития КНР, социально-экономическим положением, принципами и целями внешней политики Китая, отвечают на вопросы иностранных обучающихся. Более того, должностные лица других государств также совершенствуют свои навыки владения китайским языком на базе ИК. Например, в ИК при Университете Виктории преподаватели обучали китайскому языку и культуре должностных лиц Министерства бизнеса и инноваций Новой Зеландии в течение 3-х лет. В 2019 г. проводилась централизованная подготовка по китайскому языку военных атташе Министерства обороны[5]. Участие официальных представителей государств в учебном процессе ИК приносит новый импульс для усиления официальных связей, что создает благоприятные условия для повышения взаимодоверия между странами.

Связи между правительством и ИК вызвали немало подозрений у зарубежных политиков относительно деятельности этого культурно-образовательного учреждения. В странах Европы ИК рассматривается как пропагандистский инструмент Коммунистической партии Китая. По утверждению ряда европейских иссле-

[5] И сян цяо юй “чжун го юань” – синь си лань хуй лин дунь вэй до ли я да сюе ци юй цзи [Встреча с Китаем в университете Виктории в Веллингтоне, столице Новой Зеландии] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го цзяо юй бу = Министерство образования КНР. [Электронный ресурс]. 2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/moe_2082/zl_2019n/2019_zl97/202001/t20200102_414247.html (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

дователей, в рамках учебного процесса Институт Конфуция демонстрирует миру политически корректную версию Китая[6].

Следует отметить, что в течение последних нескольких лет многие ИК, большинство из которых находится в США и странах Европы, выводились за площадки университетов. Как утверждает российский историк-востоковед А. А. Маслов, закрытие Институтов и Классов Конфуция Китая в странах Запада происходит на волне негатива, созданного во многом искусственно в Европе и США. Его главная задача − лишить Китай возможности создания прокитайских лоббистских структур на территории Европы и США[7].

В частности, в 2017–2019 гг. США неоднократно проводили расследования в отношении деятельности ИК. В 2017 г. Национальная ассоциация ученых опубликовала отчет, в котором обвиняла Институт в том, что «ИК могут ввести в заблуждение целое поколение американских студентов, предоставляя студентам отфильтрованные знания и создавая положительный имидж Китая». В отчете было рекомендовано всем американским университетам закрыть эти культурно-образовательные учреждения. 13 августа 2018 г. США объявили о принятии закона, в котором статья 1091 запрещает Пентагону оплачивать курсы китайского языка, проводимые в ИК в США. Также по закону американские университеты, которые уже имеют ИК, не могут одновременно подавать заявки на языковые программы, финансируемые Министерством обороны. Это заставило американские университеты выбирать между ИК и языковыми программами, финансируемыми Министерством обороны США. К тому же в 2020–2021 гг. распространение коронавирусной инфекции в США еще более ускорило тенденцию «разъединения» между КНР и США, что негативно сказалось на обучении китайскому языку в американских вузах. Безусловно, отношение к деятельности ИК в США следует рассматривать в контексте развития китайско-американского сотрудничества[8].

На официальном сайте ИК показано, что по состоянию на на-

[6] Mark O'Neill. Europe closes Confucius Institutes // Hong Kong Economic Journal [Electronic resource]. 2021. URL: https://www.ejinsight.com/eji/article/id/2854926/20210716-Europe-closes-Confucius-Institutes (accessed: 15.08.2023).

[7] Маслов А. А. Гуманитарное противостояние Китая и Европы будет усиливаться – эксперт // Евразия эксперт [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://eurasia.expert/gumanitarnoe-protivostoyanie-kitaya-i-evropy-budet-usilivatsya/ (дата обращения: 12.08.2023).

[8] Люй Чжэньхуа, Чжао Синь. Хоу и цин ши ци цзай мэй кун цзы сюе юань мянь линь дэ

чало октября 2023 г. в США насчитывается всего 8 Институтов и 11 Классов Конфуция[9]. При этом взамен закрытых ИК появились другие организации со схожими программами[10].

Китайские ученые Люй Чжэньхуа и Чжао Синь акцентируют внимание на том, что ИК придерживается принципа дружеских консультаций, равенства и взаимной выгоды. Китай не навязывает собственные ценности и культуру другим, а также не стремится к культурной гегемонии[11].

По словам А. А. Маслова, учреждения, аналогичные Институту Конфуция, например, Британский Совет и Французский Альянс, также проводят образовательно-культурные мероприятия на территории Китая. Руководство КНР, со своей стороны, также может закрыть эти институты, но «в результате развяжется война в гуманитарных секторах»[12]. По сравнению с западными странами китайское правительство начало целенаправленно проводить культурную дипломатию гораздо позже. ИК появился только в начале XXI в. Число учреждений быстро растет, но в процессе развития все еще возникают проблемы. В этой связи российский эксперт Н. В. Селезнева отметила, что проблемы этого учреждения разделяются на внутренние и внешние. К числу внутренних проблем относятся неопределенность функций и задач ИК, проблемы организации и управления, качества преподавательской работы. Внешние проблемы связаны с тем, каким образом деятельность Институтов Конфуция воспринимается

тяо чжань юй дуй цэ [Вызовы и контрмеры, с которыми столкнулись Институты Конфуция в США в постэпидемический период] // Кун цзы сюе юань цюань цю сюе шу цзы сюнь ван = Глобальная база данных академической информации Института Конфуция [Электронный ресурс]. 2021. URL: http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/4850.htm (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

[9] Кун цзы сюе юань гуань ван [Официальный сайт Института Конфуция] [Электронный ресурс]. URL: https://ci.cn/qqwl?labelId=C-America (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

[10] Келли Сонг. Пекин изменил название институтов Конфуция в ответ на растущую международную критику // The Epoch Times [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.epochtimes.ru/china/pekin-izmenil-nazvanie-institutov-konfutsiya-v-otvet-na-rastushhuyu-mezhdunarodnuyu-kritiku-125216/ (дата обращения: 30.09.2023).

[11] Люй Чжэньхуа, Чжао Синь. Хоу и цин ши ци цзай мэй кун цзы сюе юань мянь линь дэ тяо чжань юй дуй цэ [Вызовы и контрмеры, с которыми столкнулись Институты Конфуция в США в постэпидемический период] // Кун цзы сюе юань цюань цю сюе шу цзы сюнь ван = Глобальная база данных академической информации Института Конфуция [Электронный ресурс]. 2021. URL: http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/4850.htm (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

[12] Маслов А. А. Гуманитарное противостояние Китая и Европы будет усиливаться – эксперт // Евразия эксперт [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://eurasia.expert/gumanitarnoe-protivostoyanie-kitaya-i-evropy-budet-usilivatsya/ (дата обращения: 12.08.2023).

государственными органами и общественностью в странах, где эти учреждения функционируют. Главными вызовами являются рассмотрение Института Конфуция в контексте «культурного гегемонизма» Китая и «китайской угрозы» [8, с. 291–292, 299−300].

Что касается отношений между ИК и китайским правительством, то, по мнению китайских ученых, их деятельность характеризуется взаимосвязанностью. На начальном этапе создания ИК правительство играет решающую роль в развитии учреждения. После того, как ИК вступил на закономерный путь своего развития, роль китайского правительства как участника заключается главным образом в регулировании деятельности ИК[13]. С июля 2020 г. функции Канцелярии по распространению китайского языка за рубежом Ханьбань перешли к Центру международных языковых обменов и сотрудничества и Китайскому фонду международного образования. Согласно Уставу Фонда, его целью является содействие культурному сотрудничеству и углубление взаимопонимания путем поддержки международных китайских образовательных проектов, содействие обменам между народами и взаимному обучению между различными цивилизациями, а также построение «Сообщества единой судьбы человечества»[14]. Как заявило государственное информационное агентство *Global Times*, структурные преобразования направлены на «развенчание неверного толкования со стороны западных стран о том, что ИК служит идеологической маркетинговой машиной Китая»[15].

3. Роль ИК в усилении сотрудничества в сфере экономики между Китаем и зарубежными странами.

Значение ИК в продвижении экономического роста Китая становится все более очевидным. Ань Ялунь, Юй Сяоюй и Цзэн

---

[13] Ван Хайлань. Ши ду гань юй: кун цзы сюе юань фа чжань чжун дэ чжэн фу син вэй сюань цзэ [Умеренное вмешательство: выбор поведения правительства в развитии Институтов Конфуция] // Кун цзы сюе юань цюань цю сюе шу цзы сюнь ван = Глобальная база данных академической информации Института Конфуция [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/2216.htm (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

[14] Нин Цзимин. Го цзи чжун вэнь цзяо юй: и гэ цзюй ю ли ши цзи дянь хэ ши дай мин ти дэ гай нянь [Международное обучение китайскому языку как иностранному: концепция с историческим накоплением и предложением предложением времени] // Кун цзы сюе юань цюань цю сюе шу цзы сюнь ван = Глобальная база данных академической информации Института Конфуция [Электронный ресурс]. 2022. URL: http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/5361.htm (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

[15] Келли Сонг. Пекин изменил название институтов Конфуция в ответ на растущую международную критику // The Epoch Times [Электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.epochtimes.ru/china/pekin-izmenil-nazvanie-institutov-konfutsiya-v-otvet-na-rastushhuyu-mezhdunarodnuyu-kritiku-125216/ (дата обращения: 30.09.2023).

Яньпин подчеркивают, что создание ИК позволяет увеличить объем экспорта основных культурных продуктов Китая [9, с. 84]. Цюй Жусяо, профессор Бизнес-школы из Пекинского педагогического университета, и аспирант Цзэн Яньпин отмечают, что в краткосрочной перспективе роль ИК в экспорте китайской культурной продукции незначительна, но в долгосрочной создание каждого нового ИК позволяет увеличить объем торговли товарами культурного характера в среднем на 1,19% [10, с. 69].

Китайская традиционная медицина представляет собой неотъемлемую часть национальной культуры. ИК – важная площадка для распространения информации о традиционной китайской медицине за рубежом. Китайские ученые пришли к заключению, что создание ИК в принимающей стране позволяет увеличить объем экспорта китайских лекарственных средств[16].

Еще одной важной экономической сферой, на развитие которой оказывает благоприятное воздействие ИК, является туризм. ИК показывает иностранцам многосторонний Китай посредством организации культурно-образовательных мероприятий, знакомит иностранных граждан с различными туристическими объектами. Уникальная природная среда и исторические достопримечательности Китая вызывают большой интерес у иностранных туристов. ИК сокращает культурную дистанцию между Китаем и зарубежными странами, упрощает получение информации для поездки в Китай, что способствует росту числа иностранных туристов в эту страну [11, с. 44]. Китайские эксперты в области экономики Линь Хан, Се Чжичжун и Жуань Лидэ путем анализа статистических данных за период с 2004 г. по 2014 г. пришли к выводу, что создание каждого нового ИК способно увеличить число иностранных туристов примерно на 0,4% – 0,5%. По их мнению, роль ИК в развитии культурного туризма в Китае становится все более заметной [12, с. 71–77]. В «Отчете о глобальном исследовании национального имиджа Китая», опубликованном Академией исследования современного Китая и мира в 2020 г., подчеркивается, что в результате проведенного опроса в 2019 г.

[16] Линь Хан, Юань Кэ. Кун цзы сюе юань ши фоу цу цзинь лэ чжун и вэнь хуа хай вай чуань бо – цзи юй чжун яо цай чу коу дэ ши чжэн [Способствовал ли Институт Конфуция распространению культуры китайской традиционной медицины за рубежом – На основе эмпирических данных об экспорте китайских лекарственных материалов] // Кун цзы сюе юань цюань цю сюе шу цзы сюнь ван = Глобальная база данных академической информации Института Конфуция [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/2324.htm (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

46% респондентов из развивающихся стран заявили о намерении посетить Китай в краткосрочной перспективе. Причем чем моложе зарубежные респонденты, тем выше их готовность приехать в КНР[17].

ИК создает удобные условия для выхода китайских компаний на мировые рынки и раскрытия потенциала экономического сотрудничества с зарубежными странами, способствует продвижению экономических интересов Китая. В частности, ИК предоставляет китайским компаниям информацию о местной экономической и социальной ситуации, обеспечивает обучение китайцев местному языку, а местных жителей китайскому. ИК также играет важную роль в привлечении китайских прямых инвестиций в страну. В целом Китай открывает больше Институтов Конфуция в тех странах, которые представляют для него большой экономических интерес [13, с. 1410–1416]. Например, в настоящее время в Туркменистане пока нет ИК, а в Узбекистане функционируют 2 учреждения. По данным Министерства коммерции КНР, в 2021 г. поток прямых инвестиций из Китая в Туркменистан и Узбекистан составил 17,6 млн[18] и 369 млн долл.[19] соответственно.

В статье Лянь Дасян, Ван Луань и Лю Сяоу, опубликованной в 2017 г., упомянуто, что успех в языковом общении может значи-

---

[17] Эр лин и цзю нянь чжун го го цзя син сян цюань цю дяо ча бао гао [Отчет о глобальном исследовании национального имиджа Китая за 2019 г.] // Дан дай чжун го юй ши цзе янь цзю юань: дуй вай чуань бо янь цзю чжун синь = Академия исследования современного Китая и мира: Центр исследований внешних коммуникаций [Электронный ресурс]. 2020. URL: http://www.accws.org.cn/achievement/202009/P020200915609025580537.pdf (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

[18] Дуй вай тоу цзы хэ цзо го бе (ди цюй) чжи нань Ту ку мань сы тань (Эр лин эр эр нянь бань) [Путеводитель по стране (региону) по иностранным инвестициям и сотрудничеству Туркменистан (издание 2022 г.)] // Шан у бу го цзи мао и цзин цзи хэ цзо янь цзю = Исследования по международной торговле и экономическому сотрудничеству Министерства торговли. Чжун го чжу ту ку мань сы тань да ши гуань цзин цзи шан у = Торгово-экономический отдел Посольства Китая в Туркменистане. Шан у бу дуй вай тоу цзы хэ цзин цзи хэ цзо сы = Департамент иностранных инвестиций и экономического сотрудничества Министерства торговли [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/tukumansitan.pdf (дата обращения: 12.09.2023). (на кит. яз.).

[19] Дуй вай тоу цзы хэ цзо го бе (ди цюй) чжи нань У цзы бе кэ сы тань (Эр лин эр эр нянь бань) [Путеводитель по стране (региону) по иностранным инвестициям и сотрудничеству Узбекистан (издание 2022 г.)] // Шан у бу го цзи мао и цзин цзи хэ цзо янь цзю = Исследования по международной торговле и экономическому сотрудничеству честву Министерства торговли. Чжун го чжу у цзы бе кэ сы тань да ши гуань цзин цзи шан у чу = Торгово-экономический отдел посольства Китая в Узбекистане. Шан у бу дуй вай тоу цзы хэ цзин цзи хэ цзо сы = Департамент иностранных инвестиций и экономического сотрудничества Министерства торговли [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofcom.gov.cn/dl/gbdqzn/upload/wuzibieke.pdf (дата обращения: 12.09.2023). (на кит. яз.).

тельно снизить стоимость торговых издержек между странами и способствовать экономическому сотрудничеству. Если предприниматели из разных стран говорят на одном языке, товарооборот между ними может увеличиться до 50% [11, с. 43] Деятельность ИК способствует повышению доверия бизнесменов к заключению торговых сделок с китайскими компаниями и успешной реализации экономического сотрудничества. Именно обучение китайскому языку и предоставление информационных и консультационных услуг по вопросам культуры, экономики, политики Китая являются задачами ИК за рубежом[20].

Се Мэнцзюн, профессор Шаньдунского университета технологий и бизнеса, подтверждает, что ИК − важная основа для выхода китайской культуры на глобальный уровень. ИК, действительно, демонстрирует результативность в стимулировании китайских предприятий инвестировать капитал в другие страны. Однако, по мнению эксперта, по сравнению с развитыми странами создание ИК в развивающихся странах служит большим стимулом для продвижения и привлечения прямых иностранных инвестиций из Китая [14, с. 84–86].

На открытие большего числа ИК влияют такие факторы как размер и удаленность зарубежных стран, что играет важную роль в расширении торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Это особенно очевидно в рамках инициативы «Один пояс − один путь». В статье «Исследование создания Институтов Конфуция в странах вдоль инициативы «Один пояс − один путь» на основе анализа больших данных» 2019 г., авторами которой являются Ван Хуэй и Чэнь Ян, указано, что в 51 стране, расположенной вдоль инициативы, создано 136 ИК, что составляет 26 % от общего числа ИК в мире. В частности, в 10 странах Юго-Восточной Азии создан 31 ИК. Среди стран вдоль инициативы «Один пояс − один путь» первые позиции с наибольшим количеством ИК занимают Россия (17), Таиланд (15) и Индонезия (6)[21]. Таким образом, развитие внешнеэкономических связей Китая и создание ИК оказывают взаимное стимулирующее влияние.

[20] Кун цзы сюе юань чжан чэн [Устав Института Конфуция] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го цзяо юй бу = Министерство образования КНР [Электронный ресурс]. 2006. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/zsdwxxgk/200610/t20061001_62461.html (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.)

[21] Ван Хуэй. Чэнь Ян. Цзи юй да шу цзюй дэ “и дай и лу” янь сянь го цзя кун цзы сюе юань фэнь бу янь цзю [Исследование распределения Институтов Конфуция в странах вдоль инициативы Один пояс, один путь на основе больших данных] // Кун цзы сюе юань

Заключение. Политика, экономика, культура и образование тесно связаны друг с другом. Сотрудничество в соответствующих областях с другими государствами имеет большое значение для Китая.

Первоочередной задачей ИК является обучение китайскому языку и распространение национальной культуры за рубежом, формирование благоприятной международной среды для развития Китая, что, безусловно, способствует активизации торгово-экономических отношений между Китаем и зарубежными странами. В частности, результаты работы ИК выражаются в сближении народов, повышении политического взаимодоверия, расширении и углублении академических и научных обменов, создании позитивного имиджа Китая, увеличении объема экспорта товаров культурного характера, продвижении китайских прямых инвестиций, а также в развитии туристической индустрии. Следует отметить, что значение данного учреждения в расширении сотрудничества в экономической области Китая с зарубежными странами более очевидно в развивающихся странах, чем в развитых. В целом, изучая опыт западных стран и с учетом национальных условий развития, ИК осуществляет свою образовательную деятельность с китайской спецификой и уделяет особое внимание решению текущих проблем национального, регионального и глобального развития, а также прилагает большие усилия в преодолении недопонимания и критики относительно своей работы.

Библиографические ссылки

1. *Ван Сыци.* Го цзя жуань ши ли дэ мо ши цзянь гоу − цун чуань бо ши цзяо цзинь син дэ чжань люе сы као [Построение национальной мягкой силы – стратегическое мышление в аспекте коммуникации]. Чжэцзян: Чжэ цзян да сюе чу бань шэ = Издательство Чжэцзянского университета, 2013. 195 с. (на кит. яз.).
2. *Чжоу Юн.* Чжун вай да сюе хэ цзо цзянь шэ кун цзы сюе юань дэ ли и фэнь си [Анализ преимуществ совместного строительства Институтов Конфуция китайскими и зарубежными университетами] // Го цзи хань юй цзяо юй = Международное обучение китайскому языку. 2017. Т. 2, № 3. С. 16–20 (на кит. яз.).
3. *Ма Сяолэ, Нин Цзимин.* Кун цзы сюе юань дэ вэнь хуа гун нэн хэ шэ хуй цзя чжи [Культурные функции и социальные ценности Институтов Конфу-

---

цюань цю сюе шу цзы сюнь ван = Глобальная база данных академической академической информации Института Конфуция [Электронный ресурс]. 2019. URL: http://www.ccis.sdu.edu.cn/info/1010/2720.htm (дата обращения: 12.08.2023). (на кит. яз.).

ция] // Шань дун шэ хуй кэ сюе = Шаньдунские общественные науки. 2015. № 8. С. 173–178 (на кит. яз.).
4. *Gil J.* Soft Power and the Worldwide Promotion of Chinese Language Learning. Bristol: Multilingual Matters. 2017. 130 p.
5. *Hartig F.* Chinese Public Diplomacy – The rise of the Confucius Institute. Routledge, 2016. 203 p.
6. *Чжэн Цзяцзя.* Вэнь мин до ян син дэ сянь сянь юй вэнь хуа цзяо лю дэ ши сянь − цзюй цзяо кун цзы сюе юань [Демонстрация разнообразия цивилизаций и реализация культурных обменов − фокус на Институтах Конфуция] // Чан бай сюе кань = Журнал Чан Бай. 2021. № 6. С. 138–144 (на кит. яз.).
7. *Морозова Н. В.* Роль языка в политическом дискурсе КНР // Историческая психология и социология истории. 2016. № 1. С. 72–85.
8. *Селезнева Н. В.* Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Вып. 26. С. 291– 305.
9. *Ань Ялунь, Юй Сяоюй, Цзэн Яньпин.* Юй янь вэнь хуа туй гуан цзи гоу дуй вэнь хуа чань пинь мао и дэ ин сян – и кун цзы сюе юань вэй ли [Влияние агентств по продвижению языка и культуры на торговлю культурной продукцией – на примере Института Конфуция] // Го цзи цзин цзи хэ цзо = Журнал международного экономического сотрудничества. 2016. № 12. С. 81–86 (на кит. яз.).
10. *Цюй Жусяо, Цзэн Яньпин.* Кун цзы сюе юань дуй чжун го вэнь хуа чань пинь чу коу дэ ин сян [Влияние Институтов Конфуция на экспорт китайской культурной продукции] // Цзин цзи юй гуань ли янь цзю = Исследования в области экономики и менеджмента. 2016. Т. 37. № 12. С. 69–76 (на кит. яз.).
11. *Лянь Дасян, Ван Луань, Лю Сяоу.* Кун цзы сюе юань дэ цзяо юй юй цзин цзи сяо го [Образовательные и экономические эффекты Институтов Конфуция] // Цин хуа да сюе цзяо юй янь цзю = Образовательный журнал Цинхуа. 2017. № 1. С. 37– 45 (на кит. яз.).
12. *Линь Хан, Се Чжичжун, Жуань Лидэ.* Кун цзы сюе юань цу цзинь лэ хай вай лай хуа вэнь хуа люй ю ман ? Цзи юй эр лин лин сы – эр лин и сы нянь сань ши эр гэ го цзя мянь бань шу цзюй дэ ши чжэн янь цзю [Способствовал ли Институт Конфуция развитию культурного туризма из-за рубежа в Китай? Эмпирическое исследование, основанное на панельных данных из 32 стран за период с 2004 по 2014 г.] // Лань чжоу цай цзин да сюе сюе бао = журнал Ланьчжоуского финансово-экономического университета. 2016. № 5. С. 71–79 (на кит. яз.).
13. *Се Мэнцзюнь, Ван Тунсань, Цуй Жимин.* Чжун го дэ вэнь хуа шу чу нэн туй дун дуй вай чжи цзе тоу цзы ман ? Цзи юй кун цзы сюе юань фа чжань дэ ши чжэн цзянь янь [Может ли культурный экспорт Китая стимулировать прямые иностранные инвестиции? Эмпирический тест, основанный на разработках Институтов Конфуция] // Цзин цзи сюе цзи кань = Экономический квартал Китая. 2017. Vo1. 16, № 4. С. 1399–1420 (на кит. яз.).
14. *Чэнь Иньмо, Сунь Цянькунь, Чжан Сяоюй.* Кун цзы сюе юань цу цзинь чжун го ци е дуй вай чжи цзе тоу цзы ман? Цзи юй “и дай и лу” янь сянь го цзя мянь бань шу цзюй дэ фэнь си [Будет ли Институт Конфуция способствовать вывозу

прямых иностранных инвестиций? На основе панельных данных по странам, расположенным вдоль инициативы «Один пояс, один путь»] // Го цзи мао и вэнь ти = Журнал международной торговли. 2017. № 8. С. 84–95 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

References

1. Wángsīqí (2013). Guójiā ruǎn shílì de móshì jiàngòu − cóng chuánbò shìjiǎo jìnxíng de zhànlüè sīkǎo [Model construction of national soft Zhèjiāng: Zhèjiāng dàxué chūbǎn shè [Zhejiang University Press], 195 p. (in Chin.).
2. Zhōu yǒng (2017). Zhōngwài dàxué hézuò jiànshè kǒngzǐ xuéyuàn de lìyì fēnxī [Analysis of the benefits of cooperation between Chinese and foreign universities in building Confucius Institutes]. In: *Guójì hànyǔ jiàoyù.* Vol. 2, No. 3, p. 16–20. (in Chin.).
3. Mǎxiǎolè, Níng jì míng (2015). Kǒngzǐ xuéyuàn de wénhuà gōngnéng hé shèhuì jiàzhí [The cultural function *and social value of Confucius Institutes]. In:* Shāndōng shèhuì kēxué. No. 8, p. 173–178. (in Chin.).
4. Gil, J. (2017). Soft Power and the Worldwide Promotion of Chinese Language Learning. Multi-lingual Matters: Bristol, 2017. 130 p.
5. Hartig, F. (2016). Chinese Public Diplomacy – The rise of the Confucius Institute. Routledge, 203 p.
6. Zhèngjiājiā (2021). Wénmíng duōyàng xìng de xiǎnxiàn yǔ wénhuà jiāoliú de shíxiàn—jùjiāo kǒngzǐ xuéyuàn [The emergence of diversity of civilizations and the realization of cultural exchanges—Focus on Confucius Institutes]. In: *Zhǎngbái xué kān*. No. 6, p. 138–144. (in Chin.).
7. Morozova, N. V. (2016). Rol' yazyka v politicheskom diskurse KNR [The role of language in the political discourse of the PRC]. In: *Historical psychology and sociology of history.* No. 1, p. 72–85. (in Russ.).
8. Selezneva, N. V. (2021). Instituty Konfutsiya kak instrument «myagkoy sily» Kitaya: problemy i perspektivy razvitiya v novuyu epokhu [Confucius Institutes as a tool of China's "soft power": problems and development prospects in the new era]. In: *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'.* Vol. 26, p. 291–305. (in Russ.).
9. Ān yǎ lún, Yú xiǎo yǔ, Céngyànpíng (2016). Yǔyán wénhuà tuīguǎng jīgòu duì wénhuà chǎnpǐn màoyì de yǐngxiǎng-yǐ kǒngzǐ xuéyuàn wéi lì [The impact of language and culture promotion agencies on the trade of cultural products-taking the Confucius Institute as an example]. In: *Guójì jīngjì hézuò.* No. 12, p. 81–86. (in Chin.).
10. Qū rú xiǎo, Céngyànpíng (2016). Kǒngzǐ xuéyuàn duì zhōngguó wénhuà chǎnpǐn chūkǒu de yǐngxiǎng [The impact of Confucius Institutes on China's cultural product exports]. In: *Jīngjì yù guǎnlǐ yánjiū.* Vol. 37, No. 12, p. 69–76. (in Chin.).
11. Lián dà xiáng, Wánglù'ān, Liúxiǎo'ōu (2017). Kǒngzǐ xuéyuàn de jiàoyù yǔ jīngjì xiàoguǒ [Educational and economic effects of Confucius Institutes]. In: *Tsinghua Journal of education.* No. 1, p. 37– 45. (in Chin.).

12. Lín hang, Xièzhìzhōng, Ruǎnlǐdé (2016). Kǒngzǐ xuéyuàn cùjìnle hǎiwài lái huá wénhuà lǚyóu ma? Jīyú 2004-2014 nián 32 gè guójiā miànbǎn shùjù de shízhèng yánjiū [Have Confucius Institutes promoted overseas cultural tourism to China? Empirical research based on panel data of 32 countries from 2004 to 2014]. In: *Lánzhōu cáijīng dàxué xuébào.* No. 5, p. 71–79. (in Chin.).
13. Xièmèngjūn, Wāngtóngsān, Cuīrìmíng (2017). Zhōngguó de wénhuà shūchū néng tuīdòng duìwài zhíjiē tóuzī ma? Jīyú kǒngzǐ xuéyuàn fāzhǎn de shízhèng jiǎnyàn [Can China's cultural export promote foreign direct investment? Empirical test based on the development of Confucius Institutes]. In: *Jīngjì xué jìkān.* Vo1. 16, No. 4, p. 1399–1420. (in Chin.).
14. Chén yìn mò, Sūn qiánkūn, Zhāngxiǎoyú (2017). Kǒngzǐ xuéyuàn cùjìn zhōngguó qǐyè duìwài zhíjiē tóuzī ma − jīyú "yīdài yīlù" yánxiàn guójiā miànbǎn shùjù de fēnxī [Do Confucius Institutes promote Chinese enterprises' foreign direct investment − Analysis based on panel data of countries along the "Belt and Road"]. In: *Guójì màoyì wèntí.* No. 8, p. 84–95. (in Chin.).

Received by editorial board 30.10.2023

УДК 327.7:2-488.85(6)

СОТРУДНИЧЕСТВО УВКБ ООН С АФРИКАНСКИМИ СТРУКТУРАМИ ПО РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ БЕЖЕНЦЕВ НА КОНТИНЕНТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. В ДОКЛАДАХ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА

А. В. Селиванов
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена сотрудничеству Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) с африканскими структурами по решению вопросов беженцев на континенте во второй половине 1980-х гг. С этой целью проанализированы соответствующие доклады Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Приводится статистика ежегодным затратам на общие и специальные программы в Африке, говорится о важности долговременных решений. Автор показывает взаимодействие УВКБ ООН и Организации африканского единства (ОАЕ) на континенте. Проиллюстрированы участие УВКБ ООН в работе органов ОАЕ, консультации, роль двух организаций в проведении Международной конференции по вопросу о бедственном положении беженцев, репатриантов и перемещенных лиц в южной части Африки. Кроме того, показано сотрудничество УВКБ ООН с тремя освободительными движениями на юге Африки, участие Управления в программах и проектах гуманитарного характера и репатриации, объем средств, которые были им предоставлены. Делается вывод о важности и уникальности сотрудничества УВКБ ООН и ОАЕ. При этом, для полного понимания сотрудничества УВКБ ООН с африканскими организациями по решению проблемы беженцев на континенте следует анализировать как другие документы Организации Объединенных Наций, так и материалы Организации африканского единства (ныне – Африканского союза) и других африканских структур.

Ключевые слова: беженцы; Африка; Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев; Организация африканского единства; международное сотрудничество.

Образец цитирования: Селиванов А. В. Сотрудничество УВКБ ООН с африканскими структурами по решению проблемы беженцев на континенте во второй половине 1980-х гг. в докладах Верховного комиссара // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 69–78.

Автор: Селиванов Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: selivanych@bsu.by.

COOPERATION BETWEEN UNHCR AND AFRICAN INSTITUTIONS IN SOLVING THE REFUGEE PROBLEM ON THE CONTINENT IN THE SECOND HALF OF THE 1980s IN THE REPORTS OF THE HIGH COMMISSIONER

A. V. Selivanov
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the cooperation of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) with African structures in solving the refugee issues on the continent in the second half of the 1980s. For this purpose, the relevant reports of the UN High Commissioner for Refugees are analysed. Statistics on annual expenditures on general and special programmes in Africa are given, and the importance of durable solutions is highlighted. The author shows the interaction between UNHCR and the Organisation of African Unity (OAU) on the continent. UNHCR's participation in the activities of OAU bodies, consultations, and the role of the two organisations in the International Conference on the Plight of Refugees, Returnees and Displaced Persons in Southern Africa are illustrated. UNHCR's cooperation with the three liberation movements in Southern Africa, the Office's involvement in humanitarian and repatriation programmes and projects, and the amount of funds that were provided to them are also shown. The importance and uniqueness of UNHCR's co-operation with the OAU is highlighted. At the same time, for a full understanding of the cooperation between UNHCR and African organisations in solving the refugee problem on the continent, it is necessary to analyse other UN documents, as well as materials of the Organisation of African Unity (now the African Union) and other African structures.

Keywords: refugees; Africa; Office of the UN High Commissioner for Refugees; Organisation of African Unity; international cooperation.

For citations: Selivanov, A. V. (2023). Sotrudnichestvo UVKB OON s afrikanskimi strukturami po resheniyu problemy bezhntsev ns kontinente vo vtoroy polovine 1980-h gg. v dokladakh Verkhovnogo komissara [Cooperation between UNHCR and African institutions in solving the refugee problem on the continent in the second half of the 1980s in the reports of the High Commissioner]. In: Actual Problems of International Relations and Global Development: collection of scientific papers. Minsk, Vol. 11, p. 69–78 (In Russ.).

Author: Selivanov Andrey – Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of International Relations of of the Faculty of International Relations of Belarusian State University; e-mail: selivanych@bsu.by.

Введение. Миграционные процессы в Африке вызывают интерес ученых и специалистов. Африканский континент сравнительно недавно избавился от колониального прошлого и представляет собой регион для экономического роста и развития. Он обладает значительным потенциалом полезных ископаемых и является ареной борьбы за влияние различных мировых сил. В данном контексте важно рассмотреть разные аспекты исторического развития Африки. Одним из таких периодов является вторая половина 1980-х гг.

Целью данной статьи является характеристика сотрудничества Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ ООН) со структурами африканского континента в целях решения проблемы беженцев в Африке во второй половине 1980-х гг. на основе анализа докладов Верховного комиссара ООН по делам беженцев (A/41/12 – A/46/12 [1]). Хронологически интересно проанализировать период после второй Международной конференции по оказанию помощи беженцам в Африке, которая состоялась в Женеве в июле 1984 г. по 1990 г., когда окончательно распалась старая система международных отношений.

Методология исследования. Методологической основой данной работы является совокупность научных принципов: объективности, историзма, научности и системности в области международных отношений. Среди методов можно выделить историко-сравнительный, историко-генетический, контент-анализ и ивент-анализ.

Обзор литературы по теме. Вопросам сотрудничества Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев по решению проблемы беженцев посвящено значительное число

[1] Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/41/12. Нью-Йорк: ООН, 1986. iv, 47 с. // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/122279 (дата обращения: 19.07.2023); Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/42/12. Нью-Йорк: ООН, 1987. v, 41 с. // ООН [Элек-тронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/141806 (дата обращения: 19.07.2023); Доклад Верхов-ного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/43/12. Нью-Йорк: ООН, 1988. iv, 51 с. // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/46431 (дата обращения: 19.07.2023); Доклад Верховного комис-сара ООН по делам беженцев: док. ООН A/44/12. Нью-Йорк: ООН, 1989. iv, 62 с. // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/76504 (дата обращения: 19.07.2023); Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/45/12. Нью-Йорк: ООН, 1990. iv, 51 с. // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/103451 (да-та обращения: 19.07.2023); Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/46/12. Нью-Йорк: ООН, 1991. iv, 53 с. // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/131164 (дата обращения: 19.07.2023)

исследований. Так, автор статьи опубликовал собственную монографию по вопросам сотрудничества УВКБ ООН [1]. Думается, следует обратить внимание и еще на одну работу, имеющую непосредственное отношение к деятельности УВКБ ООН в Африке в рассматриваемый период [2]. Среди русскоязычных изданий следует выделить публикацию УВКБ ООН [3], а также коллективную монографию [4]. Отметим также, что исследований именно по подобной узкой тематике автором в русскоязычном сегменте интернета обнаружено не было. Из англоязычных авторов следует выделить А. Беттса [5].

Результаты исследования. Упомянутая во введении конференция рассмотрела «128 проектов стоимостью в 362 млн дол. США, имеющих своей целью оказание помощи африканским странам, предоставляющим убежище в соответствии с резолюцией 37/197 Генеральной Ассамблеи "для укрепления их социально-экономической инфраструктуры, с тем чтобы они могли справляться с бременем, которое ложится на них в связи с присутствием значительного числа беженцев и возвращающихся лиц"»[2]. При этом, специалисты отмечали, что данная конференция не стала успешной и разочаровала как африканские государства, так и государства-доноры [5, p. 2]. А. Беттс также подчеркивает, что после ухода с поста Верховного комиссара ООН П. Хартлинга его идея «помощи беженцам и развития» не имела дальнейшей перспективы [5, p. 12].

УВКБ ООН значительное внимание уделяло долгосрочным решениям проблемы беженцев: добровольная репатриация, интеграция в стране убежища и переселение в третьи страны, что и отражено в докладах.

В рассматриваемых документах также есть важный раздел, посвященный положению и событиям в Африке. Так вот, если в докладе A/41/12 положение беженцев в Африке занимает 8 пунктов (примерно 1,5 страницы), то объем аналогичной части документа A/46/12 составляет уже более 5 страниц, что свидетельствует, как об увеличении числа событий, так и об усилении роли УВКБ ООН на континенте.

Считаем важным выделить финансовые данные о помощи УВКБ ООН в Африке, которые представлены в докладах.

---

[2] Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН A/39/12. Нью-Йорк: ООН, 1984. С. 2 // ООН [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/69290 (дата обращения: 19.07.2023).

Данные о добровольных взносах в УВКБ ООН, израсходованных на общие и специальные программы в Африке (без учета Северной Африки) в 1985–1990 гг., млн дол. США

	Из добровольных взносов	Израсходованы на общие программы	Израсходованы на специальные программы
1985	225,8	97,0	128,8
1986	193,5	86,8	103,9
1987	183,4	120,2	63,2
1988	250,2	175,3	74,9
1989	254,7	176,7	78
1990	225,9	144,3	81,6

Примечание: составлено по документам ООН A/41/12 – A/46/12 [3]. При этом сделаны корректировки неточностей в тексте докладов с учетом данных таблиц приложений 1.

Важно отметить факт сотрудничества УВКБ ООН с разными структурами в Африке. Так, одним из важнейших партнеров на континенте была Организация африканского единства (ОАЕ). Например, Управление активно принимало участие в подготовке рекомендаций, касающихся беженцев и перемещенных лиц, а также жертв стихийных бедствий. Они были включены в Первоочередную программу подъема экономики африканских стран на 1986–1990 гг., принятую Ассамблеей глав государств и правительств ОАЕ, и поддержанную Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 г. [4].

УВКБ ООН активно сотрудничало с ОАЕ путем участия в деятельности таких ее органов как Комитет 15 по делам беженцев, Координационный комитет по делам беженцев, Бюро ОАЕ по делам беженцев [5], а также Комиссия по вопросам труда [6].

Так, с учетом нарастающих масштабов проблемы беженцев на континенте в октябре 1987 г. – феврале 1988 г. Комиссия 15 по делам беженцев направила ряд миссий по установлению фактов в некоторые государства – члены ОАЕ. УВКБ ООН приняло участие в некоторых из них. Также отделения агентства приняли работали в некоторых из этих миссий [7].

[3] Док. ООН A/41/12 – A/46/12.
[4] Док. ООН A/41/12. С. 28.
[5] Док. ООН A/41/12. С. 28; док. ООН A/42/12. С. 25; док. ООН A/43/12. С. 33.
[6] Док. ООН A/44/12. С. 40; док. ООН A/45/12. С. 36.
[7] Док. ООН A/43/12. С. 33.

Агентство по делам беженцев поддерживало укрепление влияния данных структур на «содействии добровольной репатриации и на путях обеспечения надлежащих ресурсов для осуществления смежных мер» [8].

Кроме того, УВКБ ООН и ОАЕ проводили регулярные консультации по вопросам серьезных ситуаций с беженцами в Африке, в первую очередь в Руанде, Либерии. Вопросы южной части Африки обсуждались с целью переселения южноафриканских беженцев, которые не могут оставаться на территориях «прифронтовых» государств [9].

УВКБ ООН участвовало в подготовке и работе различных совещаний ОАЕ, включая совещания Совета министров. В докладе Верховного комиссара А/42/12 отдельно выделено принятие Советом министров на 44-й очередной сессии резолюции CM/RES.1040, в которой приветствуется развитие событий, связанных с репатриацией, и признается настоятельная необходимость включения разработки и осуществления программ в интересах беженцев и лиц, вернувшихся на родину, в национальные среднесрочные и долгосрочные планы развития [10].

В июле 1987 г. Верховный комиссар по делам беженцев Ж.-П. Оке принял участие в работе 23-й очередной сессии Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ. В рамках данного мероприятия он провел переговоры и консультации с руководителями государств и правительств и другими официальными лицами [11].

УВКБ ООН было представлено на 24-й очередной сессии Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ (25–28 мая 1988 г.) и 48-й очередной сессии Совета министров (19–23 мая 1988 г.) [12].

Как отмечено в докладе Верховного комиссара на 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, «с начала 1989 г. УВКБ ООН и ОАЕ осуществляют меры по оживлению деятельности и расширению областей сотрудничества, включая, в частности, создание регулярных механизмов консультаций по конкретным проблемам беженцев на континенте». Это взаимодействие осуществляется в соответствии с рекомендациями резолюции 42/9 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1987 г. [13].

---

[8] Док. ООН А/45/12. С. 36.
[9] Док. ООН А/41/12. С. 28; док. ООН А/46/12. С. 39.
[10] Док. ООН А/41/12. С. 28; док. ООН А/42/12. С. 25.
[11] Док. ООН А/43/12. С. 33.
[12] Док. ООН А/44/12. С. 40.
[13] Док. ООН А/44/12. С. 40–41; док. ООН A/RES/42/9.

Управление было представлено на 49-й (февраль 1989 г.) и 50-й (июль 1989 г.) очередных сессиях Совета министров ОАЕ. Верховный комиссар возглавлял делегации УВКБ ООН на 25-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств, где произошел обмен мнениями по всей деятельности, имеющей отношение к проблеме беженцев на африканском континенте, уделив отдельное внимание южной части Африки [14].

Также отмечено, что «отношения между ОАЕ и УВКБ ООН характеризовались взаимопониманием в плане совершенствования различных механизмов и процедур сотрудничества». В октябре 1989 г. состоялось совещание представителей двух структур, где было принято решение о пересмотре соглашения о сотрудничестве 1969 г. для того, чтобы учесть те изменения, которые произошли в Африке за 20 лет. Как отмечается, «в ходе пересмотра будет учтена необходимость безотлагательных консультаций по конкретными проблемам беженцев/ситуациям с беженцами на континенте, а также растущая потребность в мобилизации ресурсов для африканских стран, принимающих беженцев» [15].

Нельзя не обратить внимание, что ОАЕ и УВКБ ООН проводили активные консультации по положению беженцев в южной части Африки. Так, речь шла о предполагаемой международной конференции по положению беженцев в южной части Африки [16]. Международная конференция по вопросу о бедственном положении беженцев, репатриантов и перемещенных лиц в южной части Африки состоялась 22–24 августа 1988 г. в Осло. Ее цель: мобилизация растущей финансовой помощи и ее передача странам убежища в южной части Африки. Организация Объединенных Наций, УВКБ ООН, ПРООН и ОАЕ тесно взаимодействовали и оказывали серьезную материальную и финансовую поддержку в попытке привлечь внимание международной общественности к гуманитарному кризису на юге Африки. На конференции были приняты Декларация и План действий, в которых «содержится призыв активизировать кампанию международной солидарности с народами и странами регионов, страдающих от господствующей в Южной Африке системы апартеида и проводимой ею политики дестабилизации и увеличить масштабы оказываемой им помощи». Затем были проведены дальнейшие консультации ОАЕ

[14] Док. A/45/12. C. 36.
[15] Док. ООН A/45/12. C. 36.
[16] Док. ООН A/42/12. C. 26.

и другими членами Руководящего комитета конференции с целью способствовать реализации решений конференции [17].

Обратим внимание на еще один факт: с учетом резолюций Генеральной Ассамблеи агентство по делам беженцев продолжало осуществлять тесное сотрудничество с освободительными движениями, признаваемыми ОАЕ и ООН. Ряд программ УВКБ ООН для намибийских беженцев и беженцев из южной части Африки осуществлялись Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО), Африканским национальным конгрессом (АНК) и Панафриканским конгрессом Азании (ПАК) [18].

В рамках сотрудничества упомянутыми движениями в Анголе, Замбии и Танзании продолжалось осуществление финансируемых УВКБ ООН проектов помощи намибийским и южноафриканским беженцам. С этой целью использовались каналы СВАПО (в Анголе и Замбии), АНК (в Анголе, Замбии и Танзании) и ПАК (в Танзании). Агентство проводило семинары по управлению программами и проектами для специалистов освободительных движений, занимающихся вопросами планирования и осуществления проектов по защите беженцев. В 1987 г. УВКБ ООН оказало содействие в рамках упомянутых проектов на сумму около 1,5 млн дол. США, в 1988 г. – 3,1 млн дол., а на 1989 г. была запланирована сумма в 5 млн дол. США, которая могла быть скорректирована в процессе репатриации намибийских беженцев в рамках перехода Намибии к независимости [19].

В дальнейшем УВКБ ООН продолжало оказывать содействие беженцам под опекой упомянутых движений: оказывалась гуманитарная помощь, оказывалось содействие расширение возможностей сельских беженцев по самообеспечению сельскохозяйственной продукцией, а беженцев из городов – по трудоустройству. УВКБ ООН сотрудничало со СВАПО в возвращении 43 387 намибийских беженцев, для чего было выделено 38 млн дол. США (отмечается, что ассигнования на другие осуществляемые движениями программы оценивались в 5 млн дол. США) [20].

В 1990 г. СВАПО победила на выборах в Намибии, ей было сформировано правительство страны. После политических изменений в Южно-Африканской Республика в начале 1990 г. УВКБ ООН,

---

[17] Док. ООН A/43/12. С. 33; док. ООН A/44/12. С. 40.
[18] Док. ООН A/41/12. С. 29.
[19] Док. ООН A/42/12. С. 27; док. ООН A/43/12. С. 34; док. ООН A/44/12. С. 42–43.
[20] Док. ООН A/45/12. С. 39.

АПК и ПАК начали обсуждения вопроса добровольной репатриации южноафриканских беженцев и высланных лиц. Гуманитарная помощь беженцам охватывала потребности в области обслуживания и обеспечении образовании, профессиональной подготовки и, по мере возможности, помощи интеграция на месте [21].

Кроме того, отмечается в докладах Верховного комиссара, СВАПО, АНК и ПАК участвовали в качестве наблюдателей в работе Исполнительного комитета УВКБ ООН.

Заключение. Таким образом, анализ докладов Верховного комиссара ООН по делам беженцев свидетельствует, что УВКБ ООН во второй половине 1980-х гг. из африканских структур активно сотрудничало по решению проблемы беженцев, главным образом, с Организацией африканского единства, а также с тремя освободительными движениями, признаваемыми ОАЕ и ООН. УВКБ ООН взаимодействовало и с рядом неправительственных организаций по решению вопросов беженцев, при этом в докладах Верховного комиссара такая информация не содержится, либо приводится фрагментарно. Поэтому для более глубокого анализа сотрудничества УВКБ ООН с африканскими организациями на континенте по решению проблемы беженцев следует анализировать как другие документы ООН, так и материалы ОАЕ и других африканских структур.

Библиографические ссылки

1. Селиванов А. В. УВКБ ООН и формирование системы защиты беженцев в Республике Беларусь. Минск: Тесей, 2006. 160 с.
2. Селиванов А. В. Краткий анализ резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам беженцев в XX в. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2022. Вып. 10. С. 57–70. https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-57-70.
3. Положение беженцев в мире: пятьдесят лет гуманитарной деятельности / УВКБ ООН. М.: Интердиалект+, 2000. 362 с.
4. Миграция в Африке. М.: Наука: Вост. лит., 1994. 190 с.
5. Betts, A. International cooperation and the targeting of development assistance for refugee solutions: lessons from the 1980s: New issues in refugee research: UNHCR Working Paper N 107. September 2004. URL: https://www.unhcr.org/africa/media/international-cooperation-and-targeting-development-assistance-refugee-solutions-lessons (date of access: 12.07.2023).

Статья поступила в редакцию 30.11.2023

[21] Док. ООН A/46/12. С. 40.

References

1. Selivanov, A. V. (2006). UBKB OON i formirovanie sistemy zashchity bezhentsev v Respublike Belarus [UNHCR and forming of the System of Refugee Protection in the Republic of Belarus]. Minsk, Tesey, 160 p. (In Russ.).
2. Selivanov A. (2022). Kratkiy analiz rezolutsiy Generalnoi Assamblei OON po voprosam bezentsev v XX v. [Brief Analysis of the Resolutions on Refugees on the UN General Assembly in the 20th Century]. In: Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers. Vol. 10, p. 57–70. https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-57-70 (In Russ.).
3. Polozhenie bezhentsev v mire: pyat'desyat let gumanitarnoi deyatel'nosti [The State of Refugees in the World: Fifty Years of Humanitarian Action]. UNHCR. Moscow: Interdialect+, 2000, 362 p. (In Russ.).
4. Migratsiya v Afrike [Migration in Africa]. Moscow, Nauka; Vosttochanya literatura, 1994. 190 p. (In Russ.).
5. Betts, A. (2004). International cooperation and the targeting of development assistance for refugee solutions: lessons from the 1980s: New issues in refugee research: UNHCR Working Paper N 107. September. URL: https://www.unhcr.org/africa/media/international-cooperation-and-targeting-development-assistance-refugee-solutions-lessons (date of access: 12.07.2023).

Received by editorial board 30.11.2023

УДК 327(510)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ НОВОЙ ЭПОХИ

В. Е. Снапковский, Чжоу Лэчжэн
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

На XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (октябрь 2017 г.) был выдвинут новый двухэтапный стратегический план до 2050 г., в котором уточнены общие принципы, цели и пути достижения внешнеполитического курса Китая.

По сравнению с докладом XVIII Всекитайского съезда (2012 г.) на XIX съезде КПК внесены серьезные коррективы в разделы отчетного доклада и принятые решения о международном положении и внешней политике страны. Лидеры Китая отметили, что государству необходима собственная дипломатия крупной державы и выдвинули ряд новых дипломатических идей, концепций и инициатив, обусловленных китайской спецификой. Среди них большое значение имеют программные предложения о создании сообщества единой судьбы человека, формировании новой модели международных отношений и построении сети партнерства во всем мире, содействии реализации инициативы «Один пояс – один путь».

Авторы проанализировали сформулированную XIX съездом КПК концепцию «дипломатии большой державы с китайской спецификой новой эпохи». Эта концепция является важным теоретическим и практическим руководством для внешнеполитической деятельности КПК и китайского правительства в эпоху международной нестабильности и экономической глобализации. В статье отмечено, что близкие, дружественные отношения между Беларусью и Китаем являются ярким проявлением «дипломатии большой державы с китайской спецификой». Китайско-белорусские отношения вышли на уровень всепогодного и всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства.

Ключевые слова: Китай; внешняя политика; дипломатия; сообщество единой судьбы человечества; дипломатия большой державы; международные отношения нового типа; белорусско-китайские отношения.

Образец цитирования: *Снапковский В. Е., Чжоу Лэчжэн.* Об особенностях китайской дипломатии новой эпохи // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 79–91.

Авторы: Снапковский Владимир Евдокимович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск); e-mail: ulsnap44@inbox.ru;
Чжоу Лэчжэн – аспирант, Белорусский государственный университет (г. Минск); e-mail: zhoulezheng@hotmail.com.

ON THE FEATURES OF THE CHINESE DIPLOMACY OF THE NEW ERA

U. E. Snapkouski, Zhou Lezheng
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

At the 19th All-China Congress of the Communist Party of China (October 2017), a new two-stage strategic plan until 2050 was put forward, which specifies the general principles, goals and ways of achieving China's foreign policy.

Compared to the report of the 18th National Congress of China (2012), the 19th Congress of the Communist Party of China introduced serious corrections to the sections of the report and the adopted decisions on the country's international position and foreign policy. The leaders of China noted that the state needs its own diplomacy of a major power and put forward a number of new diplomatic ideas, concepts and initiatives due to Chinese specifics. Important among them are the program proposals on creating a community of one human destiny, forming a new model of international relations and building a network of partnerships around the world, promoting the implementation of the Belt and Road initiative.

The authors analyzed the concept of "big power diplomacy with Chinese specifics of the new era" formulated by the 19th Congress of the Communist Party of China. This concept is an important theoretical and practical guide for the foreign policy activities of the CPC and the Chinese government in the era of international instability and economic globalization. The article notes that the close, friendly relations between Belarus and China are a vivid manifestation of the "diplomacy of a great power with Chinese specifics". Chinese-Belarusian relations reached the level of all-weather and comprehensive strategic cooperation and partnership.

Key words: China; foreign policy; diplomacy; community of common destiny of mankind; big power diplomacy; international relations of a new type; Belarusian-Chinese relations.

For citation: Snapkouski U. E., Zhou Lezheng (2023). Ob osobennostjah kitajskoj diplomatii novoj jepohi [On the peculiarities of Chinese diplomacy of the new era]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk, Vol. 11, p. 79–91. (In Russ.).

Authors: Snapkouski Uladzimir Eudakimavich – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of International Relations of the Belarusian State University; e-mail: ulsnap44@inbox.ru.
Zhou Lezheng – postgraduate student of the Faculty of International Relations; e-mail: zhoulezheng@hotmail.com.

Введение. XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) выдвинул стратегический план развития страны до 2050 г. и конкретизировал принципы, цели и пути реализации внешней политики Китая. В докладе XIX съезда, с которым выступил Генеральный секре-

тарь ЦК КПК Си Цзиньпин, по сравнению с докладом XVIII съезда КПК (2012 г.) значительно скорректированы цели, структура и содержание в части, касающейся международной ситуации и внешней политики страны. В докладе и решениях съезда сформулирована концепция «дипломатии большой державы с китайской спецификой новой эпохи[1]. Эта концепция является важным теоретическим и практическим руководством для внешнеполитической деятельности КПК и китайского правительства в эпоху международной нестабильности и экономической глобализации.

Цель данной статьи: определить особенности китайской дипломатии новой эпохи, которая характеризуется формированием многополярного мира и укреплением международных позиций Китайской Народной Республики.

Актуальность проведенного исследования обусловлена возрастанием важной роли Китая в современных международных отношениях. Особое внимание международной экспертной среды привлекает программная и теоретическая разработка руководством КПК и китайскими учеными внешнеполитической стратегии КНР на ближайшую и отдаленную перспективу. Авторы анализируют ключевые концепции китайского руководства пятого поколения, направленные на обоснование «дипломатии большой державы с китайской спецификой новой эпохи».

Объектом исследования выступает внешняя политика Китая начала XXI в. Предмет исследования – дипломатия КНР и ее ключевые особенности.

Методология исследования. При написании статьи использовались традиционные методы внешнеполитического анализа (описание, наблюдение, контентанализ программных текстов партийного и государственного значения). Для китайского исследовательского нарратива в области внешней политики характерна опора на партийные документы и акты государственных органов власти [1, с. 187]. Эти подходы использованы авторами, подробно анализирующими решения XIX съезда КПК и выступления китайского лидера Си Цзиньпина.

---

[1] Си Цзиньпин. Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй, доуцю синь шидай чжунго тэсэ шэхуэйчжуи вэйда шэнли цзай чжунго гунчаньдан ди шицзю цюаньгодайбяо дахуэй шан дэ бао гао [Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад на XIX Всекитайском собрании представителей КПК] // Синьхуаван [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/19cpcnc/2017-10/27/c_1121867529.htm (дата обращения: 12.12.2021) (на кит. яз.).

Важное значение для понимания теоретической деятельности китайского руководства имеет междисциплинарный подход, который является синтезом как традиционной методологии изучения международных отношений и международного права, так и подходов сравнительно новых научных дисциплин: политологии, конфликтологии, геополитики. Данный подход особенно эффективен при рассмотрении глобальных проблем, сочетает в себе исторический и диалектический методы, которые позволяют рассматривать политику, экономику и внешнюю политику в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Обзор источников и литературы по теме. В статье использованы материалы XVIII и XIX съездов КПК, труды китайских лидеров 4-го и 5-го поколений Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина, в том числе сборник статей и выступлений Си Цзиньпина «О государственном управлении» [2]. Как уже было отмечено, опора на программные и теоретические труды лидеров КПК является характерной чертой внешнеполитических исследований китайских авторов.

Историография проблемы представлена работами китайских, белорусских и российских ученых. Среди китайских исследователей, занимающихся изучением внешней политики КНР, следует перечислить такие имена, как Чжао Кэцзинь [3], Чжао Юнчэнь, Цинь Яцин, Цзю Пэн[2], Ян Сюэтун [1, с. 190–192]. В их работах дается трактовка новых тенденций в развитии внешнеполитической стратегии и тактики КНР, обосновывается введение в теорию и практику международных отношений новых понятий, выражений и терминов.

Среди зарубежных (с точки зрения Китая) исследователей отметим представителей российской школы современного китаеведения: А. Д. Воскресенский [4], И. Е. Денисов [5; 6], Д. Л. Адамова [6] и др. Их публикации примечательны глубоким проникновением в китайский исследовательский нарратив и формированием национального, российского подхода к особенностям внешней политики и дипломатии КНР.

Белорусская школа изучения внешней политики Китая довольна молода и находится в стадии формирования. Большой

[2] Цзю Пэн. Цзяньчии синьшидай чжунго тэсэ шехуэй чжуи вайцзяосысян вэй чжидао, нули кайчуань чжунготэсэ даго вайцзяо синь цзюмянь = Твердо придерживаясь дипломатических идей социализма с китайской спецификой новой эпохи, усердно создавать новое положение в дипломатии большой державы с китайской спецификой // Жэньминь жибао. 24.06.2018 (на кит. яз.).

вклад в исследование места и роли Китая и Беларуси во внешнеполитических стратегиях двух государств и отдельных аспектов внешней политики Китая внесли белорусские ученые, политики, дипломаты, долгие годы работавшие в Китае: В. М. Мацель [7], К. В. Рудый [8], А. А. Тозик. Среди представителей академического сообщества выделяются исследования А. М. Байчорова [9; 10], В. Р. Борового [11], О. П. Рубо [12], И. А. Чувилова [13].

Результаты исследования. В деятельности китайской дипломатии нетрудно увидеть, что она обретает все большую уверенность в себе, проистекающую из достижений экономического развития, открытости и инклюзивности китайского общества. Дипломатия большой державы с китайской спецификой опирается на справедливость и выгоду, характеризуется открытостью, толерантностью, взаимной выгодой и взаимным выигрышем. Китай подчеркивает, что берет на себя ответственность большой державы, выступает за многостороннее сотрудничество и глобализацию мировой экономики [2, с. 342]. По сравнению с прошлыми периодами, «дипломатия большой державы с китайской спецификой новой эпохи» более активно участвует в существующих многосторонних механизмах, особенно в деятельности ООН и ее специализированных учреждений. Сегодняшняя многосторонняя дипломатия характеризуется всесторонностью и глубиной, это дипломатия совместного развития и прогресса Китая и мировых держав.

Для лучшего понимания основного содержания дипломатии большой державы с китайской спецификой необходимо кратко рассмотреть причинно-следственные связи более чем 70-летнего развития внешней политики Нового Китая.

После основания Нового Китая (1949 г.) отношения КНР с мировой системой можно разделить на четыре этапа. Первый этап (1949–1971 гг.) – это революционная дипломатия, когда отношения КНР с мировой системой характеризуется негативной направленностью. В то время Китаю было трудно интегрироваться в мировую систему в основном из-за отказа западных стран во главе с США принять зарождающуюся КНР. Второй этап (1972– 1978 гг.) является переходным периодом. Китай понастоящему не вступал в отношения с мировой системой, это новый этап позитивной идентичности, когда страна постепенно начала открываться внешнему миру. Третий этап (1979–2012 гг.) представлен дипломатией поддержания статускво, склонностью к сохранению текущего мирового порядка.

В январе 1979 г. Китай и США официально установили дипломатические отношения, что стало благоприятным обстоятельством для интеграции страны в мировую систему. Вслед за политикой реформ и открытости, проводимой внутри страны, китайская дипломатия также непрерывно претерпевала изменения, отношения с мировой системой характеризуются позитивной направленностью. Несмотря на сложности и вызовы, в целом можно говорить об интеграции Китая в мир и о принятии миром Китая [14, с. 1–2]. На этом этапе для китайской дипломатии характерна политика, заложенная Дэн Сяопином, выраженная в формуле «сокрытие своих способностей и выжидание подходящего момента для действий»[1, с. 193].

Четвертый этап (с 2012 г.) представлен «дипломатией большой державы с китайской спецификой новой эпохи». Эта дата связана с приходом к власти пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзиньпином.

В 2012 г. китайская дипломатия вступила в новый период, который отличается от предшествующих этапов. Российский исследователь И. Е. Денисов характеризует этот период таким образом: «Китай постепенно, но уверенно расстается со многими базовыми концептами вроде недоверия к многосторонним институтам, особого отношения к принципу вмешательства во внутренние дела, уклонения от глобальной ответственности» [5, с. 94]. Напротив, китайская дипломатия все чаще предлагает свои инициативы и решения для разрешения общих проблем, стоящих перед всем человечеством.

В докладе XIX съезда перечислены важнейшие достижения китайской дипломатии, среди которых выделяется инициатива «Один пояс, один путь», предложенная Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. Эта инициатива представляет собой новую концепцию сотрудничества, суть которой заключается в программе развития «пяти коммуникаций», что подразумевает стратегическую коммуникацию, связывание объектов инфраструктуры, беспрепятственную торговлю, кредитные линии, связь между народами.

В решениях XIX съезда КПК делается акцент на многостороннюю дипломатию и продвижение создания «сообщества единой судьбы человечества». В сравнении с периодом сокрытия способностей и выжидания момента, когда руководителями КНР были Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао (до 2012 г.), в

настоящее время китайская дипломатия более инициативна и активна. В международной части доклада XIX съезда говорится о ключевом смысле построения сообщества единой судьбы человечества – пяти необходимостях, разделенных на пять уровней: политика, безопасность, экономика, цивилизация и экология. Это соотносится с целью интеграции пяти областей строительства внутри Китая (экономического, политического, культурного, социального и экокультурного строительства), что является примером интернационализации внутренних целей страны [4, с. 146].

Начиная с XVIII съезда партии, ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином координировал стратегию великого возрождения китайской нации и содействовал мировым процессам в сторону усиления многополярного мира и экономической глобализации. По мнению экс-министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, дипломатические идеи Си Цзиньпина стали основным ориентиром и руководством дипломатии большой державы с китайской спецификой.

Отчет XIX съезда обобщил новые дипломатические идеи, подходы и концепции Китая, подчеркнув их роль и значимость. В отношениях большими державами ведущую роль должна играть концепция координации между большими державами; с соседними странами применимы принципы доброжелательности, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности; в отношениях с развивающимися странами на первое место выходит концепция правильных взглядов на справедливость и выгоду, а также принципы честности, делового подхода, дружелюбия и искренности; в глобальном управлении большое значение будут иметь принципы совместных консультаций, строительства и использования[3].

При описании отношений между большими державами в докладе XIX съезда расширено понятие «большая держава», куда помимо США, России и Европы (Европейского союза) также включены страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка). Принцип координации действий больших держав

[3] Си цзиньпин цзай чжунгунчжунян чжэнчжицзю ди эршици цы цзити сюэси ши цяндяо туйдун цюньцючжили тичжи гэнцзя хэли вэй вого фачжань хэ шицзе хэпин чуанцзао йоули тяоцзянь [Си Цзиньпин в ходе 27-го коллективного заседания Политбюро ЦК КПК подчеркнул необходимость продвижения более справедливой и разумной системы глобального управления для создания благоприятных условий для развития Китая и мира во всем мире] // Синьхуашэ [Издательство Синьхуа]. Пекин. 13.10.2015. (на кит. яз.).

распространен с экономической на другие сферы международных отношений (политическую и военную), что также является новшеством[4]. В этой связи все большее значение в стратегическом планировании придается военной дипломатии, поэтому впервые это понятие включено в доклад XIX съезда. Вслед за повышением военного фактора в дипломатии будет значительно увеличиваться влияние китайской военной мощи за рубежом. Российский автор А. В. Виноградов, рассуждая о внешнеполитических инициативах Китая, отмечает: «В отличие от предыдущего съезда в докладе ЦК не нашлось места ШОС и БРИКС, подчеркивающих разделение мира на глобальном уровне и явно уступивших приоритет другим внешнеполитическим инициативам Китая – идеям сообщества единой судьбы человечества и “Один пояс, один путь”» [4, с. 155].

В эпоху глобализации и экономической взаимозависимости мир все больше превращается в глобальную деревню, где интересы разных стран тесно связаны. Дипломатия большой державы с китайской спецификой продвигает многостороннюю дипломатию, построение многосторонних механизмов, усиление многостороннего сотрудничества, что в первую очередь отражает потребности развития эпохи.

Развитие Китая не направлено на ущемление интересов других стран. Наоборот, оно открывает возможности для всего мира, равно как мировое развитие открывает возможности для самого Китая. Такая интернациональная миссия также определяет ориентацию идей дипломатии большой державы с китайской спецификой на открытость и инклюзивность, ее конечной целью является реализация совместного мирового развития и прогресса. Как подчеркнул Си Цзиньпин на пятой встрече руководителей стран БРИКС (Дурбан, 2013 г.), «нам необходимо сотрудничать, а не противостоять друг другу, стремясь к достижению выгоды для своей страны, нужно также учитывать справедливые интересы других стран» [2, с. 438].

Вопреки изменчивой и неспокойной международной обстановке, благоприятных условий для реализации идей дипломатии большой державы с китайской спецификой больше, чем неблагоприятных. Отношения Китая с западными странами не являются враждебными и неспособными к сосуще-

[4] Си Цзиньпин. Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй.

ствованию. Все больше развивающихся стран и участников сообщества единой судьбы человечества начинают понимать основное содержание дипломатии большой державы с китайской спецификой, которое заключается в достижении совместного процветания и развития. Конкретно это выражается в следующих стратегических установках, выдвигаемых китайским руководством.

Во-первых, Китай поддерживает тенденции мира, развития, сотрудничества и взаимного выигрыша, выбирает путь мирного развития, противостоит политике грубой силы, войнам, играм с нулевой суммой, избирает мирное развитие, основанное на принципах сотрудничества и взаимного выигрыша. Эта стратегия превзошла идеи узурпаторства сильных стран и политики грубой силы, она избавилась от рамок теорий борьбы за власть между большими державами и дипломатического равновесия сил.

Во-вторых, Китай четко определяет себя как мировую державу и самую большую развивающуюся страну, подчеркивает необходимость развития дипломатии большой державы с китайской спецификой, вносящей все больший вклад в развитие человечества. Заложена базовая основа для настоящей и будущей дипломатической политики.

В-третьих, подчеркивает суть дипломатии большой державы с китайской спецификой, которая заключается в исполнении китайской мечты о великом возрождении китайской нации, служении охране мирного международного развития, создании нового типа международных отношений, сообщества единой судьбы человечества [4, с. 145–146].

Некоторые исследователи критикуют риторику китайских руководителей, отмечая туманность и размытость их формулировок и высказываний. Однако, по мнению И. Е. Денисова и Д. Л. Адамовой, это обусловлено тем, что «внешняя политика Китая находится в процессе трансформации и отхода от прежней парадигмы Дэн Сяопина» и «усиливающейся неопределенностью внешней среды» [6, с. 86].

На сегодняшнем этапе близкие, дружественные отношения между Беларусью и Китаем являются ярким проявлением «дипломатии большой державы с китайской спецификой». 15 сентября 2022 г. во время XXII ежегодного саммита глав государств Шанхайской организации сотрудничества в Самарканде (Узбекистан) состоялась встреча председателя КНР Си Цзиньпина и пре-

зидента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Главы государств достигли взаимопонимания по широкому спектру вопросов и приняли по итогам встречи «Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического сотрудничества»[5], тем самым подняв белорусско-китайские отношения до более высокого уровня отношений.

Согласно совместной декларации, стороны взаимно уважают и поддерживают выбранный путь развития, внешнюю и внутреннюю политику, а также выражают взаимную поддержку по вопросам, касающимся их основных интересов, в частности, суверенитета, независимости и территориальной целостности. Китайская сторона высоко оценивает достижения развития Республики Беларусь, поддерживает усилия Беларуси по обеспечению социально-политической стабильности и экономического развития. Белорусская сторона еще раз подтвердила строгую приверженность принципу «Одного Китая», признавая правительство КНР единственным легитимным правительством, представляющим интересы всего Китая. Беларусь также признает Тайвань неотъемлемой территорией Китая, противостоит независимости Тайваня в любой форме, поддерживает усилия китайского правительства по воссоединению страны. Обе страны будут углублять высококачественное сотрудничество в совместном строительстве «Одного пояса, одного пути». Минск и Пекин исходят из того, что практическое углубление торгово-экономического, инвестиционного и финансового сотрудничества является ключевым вектором белорусско-китайских отношений[6].

Китайско-белорусская дружба достигла наиболее высокого уровня партнерства, осуществляемого с Китаем на сегодняшний день: только Республика Беларусь и Пакистан вышли на этот уровень сотрудничества, называемый китайским народом «железной дружбой», что означает по-братски близкие отношения [7, с. 347–351].

Выводы. После десятилетий реформ и открытости Китай стал второй по величине экономикой в мире, «сотворив потряса-

[5] Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Беларусь об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического сотрудничества // Посольство КНР в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/decloration.pdf (дата обращения: 25.09.2023).
[6] Там же.

ющее чудо развития в истории человеческого социального развития»[7]. Таким образом, главной теоретической особенностью современной китайской внешней политики является концепция «дипломатии большой державы с китайской спецификой новой эпохи». Эта концепция отражает возрастание роли и значения КНР в международных отношениях «новой эпохи», подчеркивая ее статус великой, «большой державы». Концепция «дипломатии большой державы» связана с другой теоретической новацией китайского руководства – строительством «сообщества единой судьбы человечества», в котором КНР займет место лидера развивающихся стран. Обе концепции направлены на более активное вовлечение Китая в мировой процесс, в котором страна будет играть все более важную и заметную роль.

Библиографические ссылки

1. *Грачиков Е. Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. № 2. С. 187–200.
2. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. Т. 1. 630 с.
3. *Чжао Кэцзинь.* Синь шидай чжунго тэсэ даго вайцзяо [Дипломатия большой державы с китайской спецификой новой эпохи] // Жэньминь луньтаньван [Электронный ресурс]. 30.03.2021. URL: https://www.sklib.cn/c/2021-03-30/606998.shtml (дата обращения: 30.03.2023) (на кит. яз.).
4. *Воскресенский А. Д.* 19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае (материалы круглого стола) // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 2. С. 140–158.
5. *Денисов И. Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций. 2017. № 5. С. 83–98.
6. *Денисов И. Е.*, Адамова Д. Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22. С. 76–90.
7. *Мацель В. М.* Беларусь – Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. 383 с.
8. *Рудый К. В.* Непохожие: взгляд на Китай и белорусско-китайские отношения. Минск: Издательский дом «Звязда», 2020. 304 с.
9. *Байчоров А. М.* Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. Москва: Международные отношения, 2013. 192 с.
10. *Байчоров А. М*. Внешнеполитический курс Китая в условиях международ-

[7] Сицзиньпин цзай цинчжу чжунго гунчаньдан чэнли 95 чжоунянь дахуэй шан дэ цзянхуа [Речь Си Цзиньпина на церемонии празднования 95-летия основания Коммунистической партии Китая] // Жэньминь жибао. Пекин. 02.07.2016 г. (на кит. яз.).

ной турбулентности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022. № 2. С. 99–104.
11. *Боровой В. Р.* Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции // Труды факультета международных отношений: науч. сборник. Вып. 6. Минск, 2015. С. 15–19.
12 *Рубо О. П.* Внешнеполитический курс Европейского Союза по отношению к Китайской Народной Республике (1975–2016 гг.). Минск: Бестпринт, 2018. 164 с.
13. *Чувилов И. А.* Гуманитарные стратегии осуществления инициативы «Один пояс – один путь». Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Минск: БГУ, 2023. 27 с.
14. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: АСТ, 2017. 640 с.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023

References

1. Grachikov, E. N. (2019). Stanovlenie kitajskoj shkoly mezhdunarodnyh otnoshenij: analiticheskie podhody i metody issledovanij [The formation of the Chinese school of international relations: analytical approaches and research methods]. In: *Bulletin of the Russian University of People's Friendship. Series: International relations.* No. 2, p. 187–200. (In Russ.).
2. Xi Jinping (2014). O gosudarstvennom upravlenii [About state administration]. Beijing: Publishing house of literature in foreign languages. Vol. 1, 630 p. (In Russ.).
3. Zhao Kejin (2021). Xīn shídài zhōngguó tèsè dàguó wàijiāo [Diplomacy of a great power with Chinese specifics of the new era]. In: *Renmin Luntanwang* [Electronic resource]. 30.03.2021. URL: https://www.sklib.cn/c/2021-03-30/606998.shtml (access date: 03/30/2023). (In Chin.).
4. Voskresensky, A. D. (2018). 19 s#ezd KPK: vneshnie i vnutrennie posledstvija i perspektivy reform v Kitae (materialy kruglogo stola) [19th Congress of the Communist Party of China: external and internal consequences and prospects of reforms in China (round table materials)]. In: *Comparative politics.* Vol. 9, No. 2, p. 140–158. (In Russ.).
5. Denisov, I. E. (2017). Vneshnjaja politika Kitaja pri Si Czin'pine: preemstvennost' i novatorstvo [Chinese foreign policy under Xi Jinping: continuity and innovation]. In: *Outlines of global transformations: politics, economics, law.* Vol. 10, No. 5, p. 83– 98. (In Russ.).
6. Denisov, I. E., Adamova, D. L. (2017). Formuly vneshnej politiki Si Czin'pina: osnovnye osobennosti i problemy interpretacii [Formulas of Xi Jinping's foreign policy: main features and problems of interpretation]. In: *China in world and regional politics. History and modernity.* No. 22, p. 76–90. (In Russ.).
7. Matcel, V. M. (2021). Belarus' – Kitaj: 30 let po puti druzhby i vzaimovygodnogo sotrudnichestva [Belarus – China: 30 years on the path of friendship and mutually beneficial cooperation]. Minsk: Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 383 p. (In Russ.).
8. Rudy, K. V. (2020). Nepohozhie: vzgljad na Kitaj i belorussko-kitajskie otnoshenija [Dissimilar: A look at China and Belarusian-Chinese relations]. Minsk: Zvyazda Publishing House, 304 p. (In Russ.).

9. Baichorov, A. M. (2013). Kitaizacija: posledstvija rosta moshhi Kitaja dlja mira v XXI veke [Sinoization: Consequences of the growth of China's power for peace in the 21st century]. Moscow: International Relations, 192 p. (In Russ.).
10. Baichorov, A. M. (2022). Vneshnepoliticheskij kurs Kitaja v uslovijah mezhdunarodnoj turbulentnosti [The foreign policy course of China in the context of international turbulence]. In: *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology.* No. 2, p. 99–104. (In Russ.).
11. Borovoi, V. R. (2015). Vneshnjaja politika KNR jepohi Hu Czin'tao: osnovnye osobennosti i tendencii [The foreign policy of the People's Republic of China during the Hu Jintao era: basic features and tendencies]. In: *Proceedings of the Faculty of International Relations: Scientific collection. Minsk*, No. 6, p 15–19. (In Russ.).
12. Roubo, O. P. (2018). Vneshnepoliticheskij kurs Evropejskogo Sojuza po otnosheniju k Kitajskoj Narodnoj Respublike (1975–2016 gg.) [The foreign policy course of the European Union in relation to the People's Republic of China (1975–2016)]. Minsk: Bestprint, 164 p. (In Russ.).
13. Chuvilov, I. A. (2023). Gumanitarnye strategii osushhestvlenija iniciativy «Odin pojas – odin put'» [Humanitarian strategies for the implementation of the "One Belt, One Road" initiative]. Autoref. dis. ... Ph.D. Political Sciences: 23.00.04. Minsk: BSU, 27 p. (In Russ.).
14. Kissinger, G. (2017). O Kitae [On China]. M.: AST, 640 p. (In Russ.).

Received by editorial board 29.08.2023

УДК 316

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК ОДНА ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЗАДАЧ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН

Ю. Д. Солдатенкова, С. Ф. Свилас
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

В статье содержится анализ деятельности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по борьбе с гендерным неравенством в 1945–2023 гг., при этом выделены этапы эволюции Организации в указанном направлении.

На основе документов ООН и посредством междисциплинарного подхода раскрыто содержание проблемы и обоснована важность ее решения. Подчеркнута роль Организации как координатора международных усилий по достижению всеобъемлющего гендерного равенства – неотъемлемого элемента концепции устойчивого развития. Выявлено содержание инициатив ООН по созданию механизмов для реализации эффективной политики по защите прав женщин в 1970–1990-е гг., особое внимание уделено Пекинской декларации и Платформе действий (1995). Прослежено развитие документальной и институциональной базы ООН по гендерной проблематике в XXI в., дана неоднозначная оценка выполнения Целей развития тысячелетия (2000–2015), подведены промежуточные итоги по реализации гендерного аспекта Целей устойчивого развития (2015– 2030), рассмотрено влияние пандемии *COVID*-19 на эффективность борьбы с гендерным неравенством.

Авторами охарактеризованы позиции отдельных государств (Китая, России, Беларуси) по исследуемой проблеме. Обоснован вывод о том, что Организацией совместно с международным сообществом предпринимаются значительные усилия на пути к всеобъемлющему гендерному равенству, однако достигнутый прогресс не обеспечивает решение проблемы в полной мере.

Ключевые слова: ООН; гендерное равенство; дискриминация женщин; международное сотрудничество; социальный прогресс; Комиссия по положению женщин; структура «ООН-женщины»; Цели развития тысячелетия; Цели устойчивого развития; *COVID*-19.

Образец цитирования: *Солдатенкова Ю. Д., Свилас С. Ф.* Гендерное равенство как одна из ключевых задач концепции устойчивого развития ООН // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 92–112.

Авторы: Солдатенкова Юлия Дмитриевна – выпускница бакалавриата факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: yulia32125@gmail.com;
Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: svilas0104@gmail.com.

GENDER EQUALITY AS ONE OF THE KEY OBJECTIVES OF THE UN SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT

Yu. Soldatenkova, S. Svilas
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article contains an analysis of the activities of the United Nations to combat gender inequality in 1945–2023, while highlighting the stages of the Organization's evolution in this direction. On the basis of UN documents and through an interdisciplinary approach, the content of the problem is revealed and the importance of its solution is substantiated. The role of the Organization as a coordinator of international efforts to achieve comprehensive gender equality, an integral element of the concept of sustainable development, is emphasized.

The content of the UN initiatives on the creation of mechanisms for the implementation of effective policies for the protection of women's rights in the 1970s and 1990s is revealed, with special attention paid to the Beijing Declaration and Platform for Action (1995). The development of the UN documentary and institutional framework on gender issues in the XXI century is traced, an ambiguous assessment of the implementation of the Millennium Development Goals (2000–2015) is given, interim results on the implementation of the gender aspect of the Sustainable Development Goals (2015–2030) are summed up, the impact of the COVID-19 pandemic on the effectiveness of combating gender inequality is considered.

The authors characterize the positions of individual states (China, Russia, Belarus) on the problem under study. The conclusion is substantiated that the Organization of the United Nations, together with the international community, is making significant efforts towards comprehensive gender equality, but the progress achieved does not provide a full solution to the problem.

Key words: UN; gender equality; discrimination against women; international cooperation; social progress; Commission on the Status of Women; UN-Women structure; Millennium Development Goals; Sustainable Development Goals; COVID-19.

For citations: Soldatenkova Yu., Svilas S. (2023). Gendernoe ravenstvo kak odna iz kljuchevyh zadach koncepcii ustojchivogo razvitija OON [Gender equality as one of the key objectives of the UN Sustainable Development Concept]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk, Vol. 11, p. 92–112. (In Russ.).

Authors: Soldatenkova Yulia Dmitrievna – Bachelor's graduate of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University; e-mail: yulia32125@gmail.com.
Svilas Svellana Frantsevna – Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of International Relations of the Belarusian State University; e-mail: svilas0104@gmail.com.

Введение. Женщины составляют чуть меньше половины населения планеты[1], однако они и в XXI в. продолжают испытывать нарушение своих прав в самых различных сферах – экономической, социальной, культурной, политической. Заработок женщины примерно на четверть меньше мужского, при этом затраты времени на домашнюю работу и воспитание детей в три раза выше[2]. Они дискриминируются в доступе к образованию и медицинскому обслуживанию, чаще становятся жертвами насильников, выдаются замуж рано и не по любви, среди них редко встречаются руководители и политические лидеры. Все это значительно тормозит развитие социума.

В связи с особой важностью для мирового сообщества и устойчивого развития проблема гендерного равенства стоит на повестке дня целого ряда международных организаций, при этом роль главного координатора выработки подходов по решению проблемы исполняет Организация Объединенных Наций. Ее деятельность насчитывает без малого восемь десятков лет, и на протяжении всего этого отрезка времени проблема дискриминации женщин стояла на повестке дня Организации, обсуждалась на многочисленных инициированных ею международных форумах по вопросам прав и свобод человека в соответствии со статьей 1 Устава ООН[3].

С 1970-х гг. проблема гендерного равенства рассматривается международным сообществом в качестве глобальной, что связано с активизацией феминистского движения, усилением борьбы женщин за равные права с мужчинами. Понадобилось еще некоторое время для признания гендерного равенства в качестве неотъемлемого элемента концепции устойчивого развития ООН, а женщин – в качестве активных акторов реализации этой концепции.

Цель исследования – проанализировать и оценить степень вовлеченности Организации Объединенных Наций в процесс борьбы с гендерным неравенством на глобальном уровне, а также рассмотреть особенности эволюции данной концепции с момента создания Организации (1945 г.) по настоящее время.

---

[1] Сколько кого // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/events/women/iwd/cyberschoolbus/many_act.shtml (дата обращения: 03.04.2023).

[2] Гендерное равенство // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/gender-equality (дата обращения: 03.04.2023).

[3] Устав ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 05.04.2023).

Объект исследования – деятельность ООН.

Предмет исследования – гендерное равенство как одна из ключевых задач концепции устойчивого развития ООН.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью формирования на авторитетных международных платформах, прежде всего на платформе ООН, четкой стратегии для решения глобальной проблемы гендерного неравенства. Данное исследование является одним из первых в национальной историографии, где целостно рассматривается деятельность ООН, направленная на реализацию концепции устойчивого развития, решение проблемы гендерного неравенства в глобальном масштабе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в научных и дидактических целях. Анализ опыта ООН по достижению гендерного равенства важен для повышения результативности Организации. Ее действующему генеральному секретарю Антониу Гутерришу принадлежит тезис, что «существование гендерного неравенства в наше время – это огромная несправедливость и самая большая проблема в сфере прав человека»[4]. Организация исходит из того, что гендерный фактор так же важен, как и другие, в частности, экономические проблемы. Она высоко оценивает роль женщин как миротворцев и политиков, которые чаще, чем мужчины, делают выбор в пользу конструктивного диалога, а не конфронтации.

Методология исследования. Исследование основано на системном, ценностном и междисциплинарном подходах. Кроме общенаучных, авторы использовали методы исторической (нарративный, историко-ретроспективный, историко-системный), политической (институциональный, структурно-функциональный) и экономической (статистический) наук.

Обзор источников и историографии по теме. Устав ООН[5], Всеобщая декларация прав человека (1948)[6], Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979)[7] и

[4] Гендерное неравенство – это вопиющая несправедливость / Новости ООН // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/story/2020/03/1373911 (дата обращения: 05.04.2023).

[5] См. 3.

[6] Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2023).

[7] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организа-

Дополнительный протокол к ней (1999)[8], материалы Конференций ООН по положению женщин, созванных на протяжении 1975–1995 гг.[9],[10],[11],[12], не утратили своей значимости как важнейших источников по исследованию проблемы гендерного равенства и его оценки. Устав ООН стал первым международным договором, провозгласившим гендерное равенство одним из основных прав человека. Заметный вклад в разработку Всеобщей декларации прав человека внесла вдова 32-го президента США (1933-1945) Элеонора Рузвельт. По мнению авторов, перспективным является углубленное изучение вопроса об участии экспертов Белорусской ССР и суверенной Беларуси в разработке и принятии ряда перечисленных документов.

Статистика, приводимая в докладах *Global Gender Gap Report* 2022[13], *Global Gender Gap* 2023[14], «*Women's leadership and political participation*» (2023)[15], использовалась авторами для анализа гендерного фактора в политической сфере. В Докладе «*Whose time to care*» (2020), подготовленном сотрудниками указанной структуры, регресс в процессе преодоления гендерного неравенства объяснялся *COVID*-19: во время пандемии у жен-

ция Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.04.2023).

[8] Дополнительный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (дата обращения 23.04.2023).

[9] Первая Всемирная конференция по положению женщин 19 июня – 2 июля 1975 г., Мехико, Мексика // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/mexico-city1975 (дата обращения: 23.04.2023).

[10] Вторая Всемирная конференция по положению женщин 14–30 июля 1980 г., Копенгаген, Дания // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/copenhagen1980 (дата обращения: 23.04.2023).

[11] Третья Всемирная конференция по положению женщин 15–26 июля 1985 г., Найроби, Кения // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/nairobi198 (дата обращения: 23.04.2023).

[12] Четвертая Всемирная конференция по положению женщин 4–15 сентября 1995 г., Пекин, Китай // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/beijing1995 (дата обращения: 23.04.2023).

[13] Global Gender Gap Report 2022 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest/ (accessed: 05.05.2023).

[14] Global Gender Gap Report 2023 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2023. URL: https://www.weforum.org/reports/global- gender- gap- report- 2023/?gclid=Cj0KCQjw7JOpBhCfARIsAL3bobfuLQtEc4mu4o2OSz_avfVaK2XmS7bWlUHvCI59QMnOwdB3vWidEboaAlDhEALw_wcB (accessed: 05.05.2023).

[15] Facts and figures: Women's leadership and political participation // UN Women [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.unwomen.org/en/what-we-do/leadership-and-political-participation/facts-and-figures#_edn1 (accessed: 07.04.2023).

щин уходило больше времени на неоплачиваемую домашнюю работу[16].

Важной составляющей документальной базы исследования являются такие документы ООН, как «Декларация тысячелетия» (2000)[17] и «Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г.» (2015)[18], где решение проблемы гендерного неравенства выступает целью 3 и целью 5 соответственно.

Полезным источником информации стали материалы официального сайта ООН и сайтов ее специализированных учреждений: Всемирной организации здравоохранения, Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Организации «ООН-Женщины».

Представители гендерной политологии, которая начала развиваться в Советском Союзе в годы «перестройки», изучают истоки гендерного неравенства и опыт США, Канады, Великобритании, скандинавских стран, Японии [9]. Руководителем Центра социально-политических исследований Института США и Канады РАН Н. А. Шведовой, самым, по оценке авторов, авторитетным российским экспертом в этом направлении, дана ретроспектива значимых событий и нормотворческих инициатив, которые легли в основу деятельности ООН по достижению гендерного равенства, рассчитанной на перспективу, и выделены ее этапы [1; 2]. Обратившись к белорусской историографии проблемы, отметим, что И. В. Жаркевич рассмотрела роль феминистского движения в современных международных отношениях [3], а Е. В. Сягровец определила значение Пекинской конференции 1995 г. в формировании механизма практической реализации равенства полов [4]. Деятельность Комиссии ООН по положению женщин и структуры «ООН-Женщины» стала предметом изучения В. М. Слепцовой и С. Ф. Свилас, которые показали также влияние пандемии *COVID*-19 на изменение стратегии Организации на рассматриваемом направлении [5–7]. Отметим также публикацию С. Ф. Сви-

[16] Whose time to care: Unpaid care and domestic work during COVID-19 // Report of the UN Women [Electronic resource]. 2020. URL: https://data.unwomen.org/publications/whose-time-care-unpaid-care-and-domestic-work-during-covid-19 (accessed: 06.05.2023).

[17] Цели развития тысячелетия // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/millenniumgoals/ (дата обращения: 06.05.2023).

[18] Цели в области устойчивого развития // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https:/www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 08.05.2023).

лас и Ю. Д. Солдатенковой о роли ООН по обеспечению гендерного равенства в сфере политики [8]. Главную задачу гендерных исследований эксперты видят в объяснении и преодолении асимметрии между социально-экономическим положением женщин и мужчин.

Данная работа является одной из первых в белорусской историографии, где всесторонне рассматривается деятельность ООН по борьбе с гендерным неравенством в рамках общей концепции устойчивого развития.

В западной историографии интерес представляют публикации немецкого политолога и профессора международной политики Университета Иоганна Вольфганга Гете во Франкфурте-на-Майне Герта Крелля (Германия), в частности, его статья о феминизме в международных отношениях и эволюции этого феномена под влиянием различных факторов (1996). Она была опубликована в ведущем немецкоязычном издании по данной тематике – *Zeitschrift für Internationale Beziehungen* («Журнал международных отношений») [10]. Еще одним исследованием, сопровождаемым глубоким изучением положения женщин во всем мире, анализом их теоретических прав и оценкой реального правового статуса на глобальном и национальных уровнях стала статья Ютты Йоахим «От прав женщин к правам человека: организации по правам женщин и международные перемены», размещенная на страницах журнала *Welt Trends* («Мировые тренды») в 2002 г.. Этот автор получила степень доктора политологии в Висконсинском университете в Мадисоне (США) [11], а ее труды публиковались в таких престижных изданиях, как *International Studies Quarterly, Security Dialogue, Millennium, Comparative European Politics u Journal of European Public Policy*.

Результаты. Экономический и Социальный Совет ООН на втором году существования Организации учредил одну из своих структур – Комиссию по положению женщин [7, с. 224], ставшую инициатором и организатором конференций на глобальном уровне. Важнейшим направлением деятельности Комиссии является формирование стандартов по вопросам гендерного равенства и контроль за их выполнением с целью поступательного движения вперед; именно этой структуре принадлежит заслуга разработки и принятия Организацией Конвенции о политических правах женщины (1953). Элеонора Рузвельт стала первым председателем Комиссии по правам человека (1946), при которой была создана

Подкомиссия по положению женщин, оперативно преобразованная в Комиссию. От Белорусской ССР активное участие в ее сессиях в Нью-Йорке принимала Ф. А. Новикова.

В марте 1953 г. Комиссия ООН по положению женщин согласовала конвенцию, которая предоставила женщинам полное право голосовать и баллотироваться на выборах. Документ не вызвал традиционной конфронтации у делегаций Запада и Востока. Конвенция о политических правах женщины стала предпосылкой для принятия многих других международных договоров и деклараций, в частности, Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1963).

Роль гендерного равенства как неотъемлемой части международного права закрепила Всеобщая декларация прав человека (1948)[19]. В Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979)[20] впервые содержалась дефиниция понятия такой дискриминации[21]. В соответствии с Дополнительным протоколом к Конвенции, открытом для подписания спустя двадцать лет, жертвы дискриминации получили право обращаться в специальную инстанцию, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, с жалобой[22]. Подчеркнем роль четвертого Генерального секретаря ООН (1972–1981) Курта Вальдхайма в подготовке Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, а также то обстоятельство, что туда вошли многие положения Конвенции о политических правах женщины. Документ подчеркивает необходимость введения государством гендерных квот для обеспечения женщинам равных прав, прежде всего политических.

До середины 1970-х гг. Организация сосредотачивала свои усилия на сборе необходимой текущей информации, определении

[19] Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10.04.2023).

[20] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.04.2023).

[21] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 10.04.2023).

[22] Дополнительный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (дата обращения 23.04.2023).

ключевых прав женщин [2, с. 84]. Активизация международного феминистского движения стимулировала создание эффективных механизмов для деятельности по защите прав женщин на четырех глобальных форумах, состоявшихся в Латинской Америке, Северной Европе, Восточной Африке и Восточной Азии [1, с. 18].

Делегатов Первой Всемирной конференции по положению женщин (1975) приняла мексиканская столица Мехико. Примечательно, что год своего тридцатилетнего юбилея ООН объявила Международным годом женщины, а последовавшие за ним десять лет – Десятилетием женщины, во время которого ее борьба за равные права, развитие и мир активизировалась и сопровождалась переменным успехом [3, с. 91]. В принятом 133 делегациями десятилетнем «Всемирном плане действий» определялись принципы и направления усилий правительств и мирового сообщества, направленные в конечном счете на решение таких стратегических задач, как «полное гендерное равенство»; «ликвидация дискриминации по признаку пола»; «вовлечение женщин в процесс развития и их полноправное участие в нем»; «увеличение вклада женщин в укрепление мира»[23]. В обстановке острых разногласий между представителями Запада, Востока и Юга, именно в Мехико было положено начало всемирному диалогу с целью повышения статуса женщин в обществе, достижения гендерного равенства, выработки основных векторов работы аппарата ООН по этой проблеме.

На Вторую Всемирную конференцию (Копенгаген, 1980 г.) собрались представители 145 стран для анализа и оценки хода реализации Всемирного плана действий[24]. Они констатировали разрыв между гарантированными правами и их реализацией – прежде всего в таких областях, как образование, труд вне семьи и медицинское обслуживание. Именно здесь следовало сосредоточить конкретные усилия для достижения поставленных в Мехико целей-лозунгов («равенство», «развитие», «мир»). В итоговой Программе действий делегаты выделили 7 факторов, препятствующих женщинам пользоваться политическими, социально-эко-

[23] Первая Всемирная конференция по положению женщин 19 июня – 2 июля 1975 г., Мехико, Мексика // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/mexico-city1975 (дата обращения: 23.04.2023).

[24] Вторая Всемирная конференция по положению женщин 14–30 июля 1980 г., Копенгаген, Дания // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/copenhagen1980 (дата обращения: 23.04.2023).

номическими и культурными правами, а также призвали преодолеть стереотипы во взглядах на гендерную политику[25].

Участники Третьей Всемирной конференции (Найроби, 1985 г.), подводя итоги Десятилетия женщины, пришли к выводу, что предпринятые усилия по снижению дискриминации затронули лишь развитые страны. Вместе с тем они подчеркнули значительное продвижение вперед по такому показателю, как имплементация гендерных принципов и программ ООН в национальные законодательства. В 127 странах к тому времени уже функционировали механизмы и институты гендерной политики, были созданы специальные исследовательские центры [1, с. 18].

Результатом работы 157 делегаций стало принятие рассчитанных до 2000 г. «Найробийских стратегий», которые учитывали накопленный опыт по приближению к гендерному равенству. В документе выделялись такие направления, как совершенствование законодательства, обеспечение равного участие в социальных программах, политической жизни и принятии решений. Таким образом, на кенийском форуме «родился мировой феминизм». Участие женщин в принятии решений по самым разнообразным вопросам жизни социума было признано общественной необходимостью, а не только их правом[26].

Эстафету Найроби спустя десять лет приняла столица КНР. В Пекинских Декларации и Платформе действий, ставших результатом Четвертой Всемирной конференции по положению женщин [4, с. 76], определялись главные проблемные области на пути их прогресса – это образование и получение профессии; здравоохранение; вооруженные конфликты; трудоустройство; участие в процессе принятия решений; права человека. Аппарат ООН во главе с Кофи Аннаном (1997–2006) и правительства обязались принять неотложные меры и учитывать гендерный аспект, интересы как мужчин, так и женщин, при составлении и реализации планов работы[27].

Именно в Пекине, на представительной Четвертой Всемирной конференции ООН по положению женщин, вопрос о гендер-

[25] Conferences / Women and gender equality // United Nations [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/en/conferences/women (accessed: 07.05.2023).

[26] Третья Всемирная конференция по положению женщин 15–26 июля 1985 г., Найроби, Кения // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/conferences/women/nairobi198 (дата обращения: 23.04.2023).

[27] Четвертая Всемирная конференция по положению женщин 4–15 сентября 1995 г., Пекин, Китай // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://

ном равенстве интерпретировался как основополагающий вектор мировой политики в XXI в., действенный инструмент демократизации общественной жизни. 12 направлений Пекинской платформы действий продолжают сохранять свою актуальность и в XXI в.

Форумы глобального уровня в Мехико, Копенгагене, Найроби и Пекине выполнили свое основное предназначение – они консолидировали правительства и международные организации в усилиях по повышению статуса женщин во всех сферах общественной жизни. Была сделана ставка на реорганизацию уже созданных для решения проблемы институтов и совершенствование процесса принятия соответствующих решений. Комиссия по положению женщин тесно взаимодействовала с секретариатом ООН под руководством Переса де Куэльяра (1982–1991) и Бутроса Бутроса-Гали (1992–1996).

За свою историю Организация сформировала фундированную документальную базу по обеспечению правовой защиты женщины, и возникла необходимость в создании структуры, ответственной за ее реализацию, а также за координацию работы всей системы ООН, «ускорение прогресса в достижении гендерного равенства». Делегаты 65-й сессии Генеральной Ассамблеи (2010) единогласно проголосовали за учреждение такой структуры под названием «ООН – Женщины» [5, с. 260]. Следует подчеркнуть вклад в это событие Генерального секретаря ООН (2007–2016) Пан Ги Муна и Мишель Бачелет, которая стала первым директором указанной структуры (2010–2018), покинув пост президента Чили. Свои усилия она сосредоточила на расширении экономических прав женщин и борьбе с насилием.

С именем Бутроса Бутроса-Гали, генерального секретаря ООН в 1997–2006 гг., связано принятие Организацией еще одного долгосрочного документа для борьбы за гендерное равенство – восьми Целей развития тысячелетия (далее – ЦРТ)[28]. Цель 3 ориентировала на улучшение положения женщин во всех сферах и формулировалась как «поощрение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин»[29]. На пути к ее достиже-

www.un.org/ru/conferences/women/beijing1995 (дата обращения: 23.04.2023).

[28] Цели развития тысячелетия // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/millenniumgoals/ (дата обращения: 06.05.2023).

[29] Цель 3 в области развития, сформулированная в Декларации тысячелетия: Поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей // Продовольственная и сель-

нию планировалось ликвидировать гендерное неравенство в сфере начального и среднего образования (2005), а затем – «на всех уровнях образования» (2015)[30]. В докладе ООН о Целях развития тысячелетия (2015) содержался анализ достигнутого прогресса[31]. Рассмотрим некоторые из достижений:

1) после принятия Пекинской платформы действий число женщин – парламентариев увеличилось на 90% (статистика 174 стран), а доля женщин в парламентах почти удвоилась (22 %) [8, с. 48];

2) заметно выросло число девочек-школьниц, в южноазиатских странах они даже стали превалировать в общем числе учеников начальной школы. Цель ликвидации гендерного неравенства в сфере начального и среднего образования была достигнута, в том числе развивающимися регионами[32];

3) до 40% возросла доля женщин среди работников в несельскохозяйственном секторе, а доля женщин с нестабильной занятостью сократилась до 13%[33].

В 2015 г. ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития – программу действий из 17 целей, рассчитанную на очередные 15 лет[34] и ставшую следующим пакетом мер Организации по достижению гендерного равенства в контексте решения других проблем человечества. «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек», – именно так сформулирована Цель 5 Повестки[35]. При этом женщины не рассматриваются в качестве пассивных наблюдателей, им отводится роль активных участников процесса.

скохозяйственная организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.fao.org/sustainable-development-goals/mdg/goal-3/ru/ (дата обращения: 05.04.2023)..

[30] Цель 3 Поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://static.un.org/ru/millenniumgoals/gender.shtml (дата обращения: 18.05.2023).

[31] Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 2015. URL: http: // www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf (дата обращения: 18.05.2023).

[32] Millennium Development Goals // MDG Monitor [Electronic resource]. URL: https://www.mdgmon itor.org/millennium-development-goals/ (accessed: 24.05.2023).

[33] См. 31.

[34] Цели в области устойчивого развития // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https:/www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 08.05.2023).

[35] Цель 5: Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/gender-equality/ (дата обращения: 24.05.2023).

Достижение гендерного паритета остается пока лишь мечтой, хотя национальные правительства под руководством ООН добились некоторых промежуточных успехов. Основанием для оптимизма является сокращение гендерного разрыва в Исландии до 10%[36], а пессимизма – значительное ограничение права женщин на труд и образование в Афганистане после прихода к власти «Талибана».

Анализ проблемы в политической сфере позволяет утверждать, что повысилась представленность женщин в законодательных органах власти разных уровней, их чаще можно увидеть на высших государственных должностях и в дипломатии. По информации структуры «ООН-Женщины», полученной ею из постоянных представительств государств-членов Организации (2022 г.), только в 28 из них женщины занимали пост главы государства или правительства [8, с. 47]. Их доля в составе национальных парламентов составляла чуть больше четверти[37]; только на Кубе, в Мексике, Никарагуа, Объединенных Арабских Эмиратах, Руанде она достигла половины или превысила ее. Вопреки ожиданиям, по гендерному паритету в парламентах европейские и североамериканские государства отстают. Исследователи обращают внимание на тенденцию отхода от гендерной асимметрии в Латинской Америке и Африке: в кабинетах министров женщины составили там более 20 %, а в 14 странах их доля в правительстве достигла половины и более. По оценке экспертов, перспективы достижения гендерного равенства при занятии высших государственных должностей, а также в законодательных органах и в кабинетах министров малоутешительны [8, с. 48].

Гендерный разрыв в оплате труда все еще составляет около 16%, то есть женщины получают в среднем 84% от заработной платы мужчин[38]. Что касается возможности достижения гендерного равенства в получении образования, то существует немало стран, где женщины особенно страдают от нищеты, болезней, дефицита питания и чистой воды. Они вынуждены покидать свой дом по причине военных конфликтов, рано начинать трудовую

[36] Global Gender Gap Report 2022 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest/ (accessed: 05.05.2023).

[37] Women in Politics – The Fight to End Violence against Women // United Nations [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/en/chronicle/article/women-politics-fight-end-violence-against-women (accessed: 26.05.2023).

[38] Все, что вам нужно знать о борьбе за равную оплату труда // ООН-Женщины [Электронный ресурс]. URL: https://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2020/9/explainer-everything-you-need-to-know-about-equal-pay (дата обращения: 26.05.2023)..

деятельность и вступать в брак. При этих обстоятельствах получение образования для них становится невозможным.

В 2023 г. эксперты Всемирного экономического форума подготовили очередной ежегодный доклад «*Global Gender Report*» (Глобальный индекс гендерного разрыва), отразивший гендерный разрыв между государствами – членами ООН по четырем критериям: занятость в экономике; образовательный уровень; здоровье и продолжительность жизни; политическая активность[39]. Такая индексация осуществляется ежегодно, начиная с 2006 г., и отражает результат усилий государств по устранению проблемы дискриминации женщин.

Первые позиции в рейтинге заняли уже упомянутая Исландия, а также Норвегия, Финляндия, Швеция, Германия и Новая Зеландия[40]. Подчеркнем, что четыре из шести государств относятся к североевропейскому региону, известному своими высоким уровнем жизни и показателями социальной защищенности населения; в 1995 г. в Швеции было сформировано первое в мире правительство, в котором мужчины и женщины имели равное представительство.

Республика Беларусь оказалась на 41-ом месте[41] (в 2022 г. – на 36-ом[42]). Соединенные Штаты Америки заняли 43-е место[43] в общем списке стран, при этом годом ранее они находились на 27-ой позиции[44]. Для Китая также характерен некоторый регресс: 127-ое место[45] против 102-ого[46]. Второй год подряд в рейтинге отсутствовала Российская Федерация. В 2020 г. Россия занимала в нем 81-е место из 153-х стран мира, в 2021 г. этот показатель не изменился, но число охваченных рейтингом стран увеличилось до 156. Причин отсутствия показателей России в рейтинге 2023 г. его составители не приводят[47].

---

[39] Global Gender Gap Report 2023 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2023. URL: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2023/?gclid=Cj0KCQjw7JOpBhCfARIsAL3bobfuLQtEc4mu4o2OSz_avfVaK2XmS7bWlUHvCI59QMnOwdB3vWidEboaAlDhEALw_wcB (accessed: 05.05.2023).

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] Global Gender Gap Report 2022 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest/ (accessed: 05.05.2023).

[43] Global Gender Gap Report 2023.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Назван срок достижения равенства между мужчинами и женщинами // Lenta.ru [Электрон-

Эксперты ООН в специальном докладе (2020) приводят удручающую статистику роста затрат времени на домашнюю работу во время «*COVID*-19» и делают обоснованный вывод о катастрофическом влиянии пандемии на уже достигнутые результаты борьбы за равноправие полов, карьерный и образовательный рост женщин[48]. Особую опасность для гендерного прогресса они видят в сокращении числа женщин, занятых в общественном производстве [6, с. 78].

Позиция государств – членов ООН по гендерной политике отражается в выступлениях их официальных представителей в рамках сессий Генеральной Ассамблеи ООН, саммитов и встреч на высшем уровне, интервью в СМИ и т. д.

Китайская Народная Республика. Принцип равенства мужчин и женщин закреплен Конституцией КНР (1954 г.). По мере экономического и социального развития страны, система защиты прав и интересов женщин совершенствовалась, однако они продолжают заметно уступать в своих фактических правах мужчинам: не преодолен разрыв в оплате труда, ни одна из женщин не входила в состав Постоянного комитета Политбюро и не занимала должность министра. Разрыв в возможностях карьерного роста, хотя и не такой значительный, наблюдается также в сферах здравоохранения и образования [9, с. 410].

В разгар пандемии *COVID*-19 состоялся виртуальный форум ООН, приуроченный к 25-й годовщине Пекинской конференции по положению женщин (2020). Председатель КНР Си Цзиньпин заявил тогда, что «Китай поддерживает ООН, придающую женской проблематике приоритетное значение», особенно по вопросу трудоустройства; дополнительно до 2025 г. китайский лидер обещал выделить 10 млн долл. на программу по поддержке женщин[49].

Став членом ООН в октябре 1971 г., КНР строго выполняет все международные договоры и конвенции по гендерной проблематике, в том числе обязательства в рамках Повестки дня устойчивого развития (с учетом его экономического, социаль-

---

ный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2023/06/21/equality/ (дата обращения: 27.05.2023).

[48] Whose time to care: Unpaid care and domestic work during COVID-19 // Report of the UN Women [Electronic resource]. 2020. URL: https://data.unwomen.org/publications/whose-time-care-unpaid-care-and-domestic-work-during-covid-19 (accessed: 06.05.2023).

[49] Си Цзиньпин: Китай поддерживает ООН, придающей женской проблематике приоритетное значение // Синьхуа Новости [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2020-10/02/c_139414182.htm (дата обращения: 02.09.2023).

ного, экологического компонентов), и активно движется в этом направлении[50].

Российская Федерация. В августе 2023 г. на сайте МИД РФ был размещен текст документа «О позиции России на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН» с официальным взглядом руководства государства по отношению к важнейшим международным проблемам и констатацией приверженности к сохранению международного мира. Гендерное равенство в данном документе упоминалось в следующем контексте: государство выступает за «сбалансированный учет вопросов достижения гендерного равенства и улучшения положения женщин в работе системы ООН без их абсолютизации и там, где это уместно». В документе определялась роль структуры «ООН – Женщины» как ведущей организации, ответственной за осуществление воли ООН в гендерных вопросах, в том числе на региональном и местном уровнях. При этом особо подчеркивалось, что «Комиссия ООН по положению женщин остается ключевым межправительственным форумом для конструктивного диалога по всему спектру вопросов»[51].

Правительство Российской Федерации в 2022 г. утвердило Национальную стратегию действий в интересах женщин до 2030 г., призванную способствовать повышению экономической независимости и политической активности россиянок, сокращению разрыва в уровне заработной платы с мужчинами, созданию условий для гармонии между семьей и работой[52].

Республика Беларусь занимает довольно высокие позиции в различных международных рейтингах. Еще раз отметим, что, согласно данным докладов Gender report, по четырем ключевым показателям Беларусь заняла 36-ое (2022 г.)[53] и 41-ое (2023 г.)[54]

---

[50] Там же.

[51] О позиции России на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1900137/ (дата обращения: 02.09.2023)..

[52] Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» от 29.12.2022 // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/4 (дата обращения: 03.09.2023).

[53] Global Gender Gap Report 2022 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2022. URL: https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2022/digest/ (accessed: 05.05.2023).

[54] Global Gender Gap Report 2023 // World Economic Forum [Electronic resource]. 2023. URL: https://www.weforum.org/reports/global- gender- gap- report- 2023/?gclid=Cj0KCQjw7JOpBhCfARIsAL3bobfuLQtEc4mu4o2OSz_avfVaK2XmS7bWlUHvCI59QMnOwdB3vWidEboaAlDhEALw_wcB (accessed: 05.05.2023).

место. По мнению экспертов, такие показатели обусловлены заботой государства о здоровье женщин, в том числе репродуктивном, высоким уровнем их образования, активным участием в принятии решений, положением на рынке труда[55].

Ключевой структурой ООН, ответственной в Беларуси за координацию действий национальных органов по обеспечению гендерного равенства, выступает Программа ООН (ПРООН), которая поддерживает и дополняет национальные усилия по построению общества, основанного на гендерном равенстве[56].

Развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах осуществляется на основе национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства, принимаемых правительством. Последний такой план рассчитан на 2021–2025 гг. и выступает одним из индикаторов Цели устойчивого развития № 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек».

Заключение. Лишь немногие инициативы, продвигаемые Организацией Объединенных Наций, получили такую постоянную и широкую поддержку, как кампания по поощрению и защите равных прав женщин. На протяжении многих лет ООН формировала свое историческое наследие из согласованных на международном уровне политики, норм, программ и целей для улучшения статуса женщин во всем мире.

В эволюции стратегии ООН по достижению гендерного равенства авторы выделяют четыре этапа.

1. 1945 г. – первая половина 1970-х гг.: этап сбора и анализа информации о правовом статусе и реальном положении женщин в разных странах, принятие Устава ООН (1945), Всеобщей декларации прав человека (1948), Конвенции о политических правах женщины (1953), Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1963), учреждение Комиссии по положению женщин (1946).

---

[55] Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг.» от 30 декабря 2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22000793 (дата обращения: 06.09.2023).

[56] На пути к гендерному равенству в Беларуси // Программа развития ООН в Беларуси [Электронный ресурс]. URL: https://www.undp.org/ru/belarus/на-пути-к-гендерному-равенству-в-беларуси (дата обращения: 07.09.2023).

2. Вторая половина 1970-х гг. – первая половина 1990-х гг.: принятие Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), проведение трех Всемирных конференций по положению женщин (1975, 1980, 1985), Международного года женщины (1975), Десятилетия женщины (1976–1985 гг.), реализация Всемирного плана действий и Найробийских перспективных стратегий, создание специальных национальных механизмов и институтов.

3. Вторая половина 1990-х гг. – 2015 г.: Четвертая Всемирная конференция по положению женщин и принятие Пекинской декларации и Платформы действий (1995 г.), открытие для подписания Дополнительного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1999), принятие и реализация Целей развития тысячелетия (2000–2015 гг.), создание структуры «ООН–женщины» (2010).

4. 2015 – 2030 гг.: принятие Повестки дня в области устойчивого развития и ее реализация, в том числе в условиях пандемии (2019-2022). Опубликованные прогнозы экспертов относительно цели 5 («достижение гендерного равенства») не дают повода для оптимизма. Женщины продолжают оставаться жертвами разнообразных форм гендерного насилия (торговля людьми, сексуальная эксплуатация, вредные виды практик, насилие в быту и на работе); их доходы и условия жизни в ряде стран значительно ниже мужчин, что дает основание говорить о «феминизации бедности».

Генеральный секретарь ООН (с 2017 г.) А. Гутерриш относит достижение гендерного равенства, расширение прав и возможностей женщин к «незавершенным задачам современности», «величайшим проблемам в области прав человека»[57]. Женщины не только в развивающихся, но и в развитых странах зачастую не обладают равными с мужчинами возможностями в получении достойного образования, работы, участии в государственном управлении, занятиях наукой и политикой.

Гендерное равенство рассматривается не только как цель 5, но и как важнейшее средство достижения других Целей в области развития, важнейшее условие демократизации общества. Для оценки вклада женщин в социальный прогресс и привлечения

[57] Послание генерального секретаря Антониу Гутерриша по случаю международного женского дня, Нью-Йорк, 8 марта 2018 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2018-03-08/secretary-generals-message-international-womens-day-scroll-down (дата обращения: 15.05.2023).

внимания мировой общественности к тематике гендерного равенства Организация учредила специальные Международные дни, когда обсуждаются проблемы отдельных групп женщин, например, девочек, ученых, вдов, жертв сексуального насилия, жительниц сельской местности, очевидцев военных конфликтов.

Библиографические ссылки

1. *Шведова Н. А.* Отмечая юбилей: проблемы гендерного равенства в приоритетах ООН // Женщина в российском обществе [Электронный ресурс]. 2020. № 3. С. 16–29. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2020/10/Shvedova_16_29-3.pdf (дата обращения: 15.05.2023).
2. *Шведова Н. А.* ООН и гендерное равенство: новая парадигма // Международные процессы [Электронный ресурс]. 2020. № 18 (2). С. 31–47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oon-i-gendernoe-ravenstvo-novaya-paradigma (дата обращения: 15.05.2023).
3. *Жаркевич И. В.* Феминистское движение в современных международных отношениях // Сборник работ 64-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 15–18 мая 2007 г., г. Минск: в 3 ч. / [редкол.: А. Г. Захаров (ответственный редактор) и др.]. Минск, 2007. Ч. 2. С. 91–95.
4. *Сягровец Е. В.* Роль Пекинской конференции 1995 г. и ее итоговых документов в формировании механизма реализации гендерного равенства на международном и национальном уровнях // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права, 2013. Вып. 5. С. 75–88.
5. *Свилас С. Ф., Слепцова В. М.* О деятельности структуры «ООН-Женщины» (2010–2020 гг.) // Исторические и психолого-педагогические науки. Вып. 21, ч. 2. 2021. С. 260–267.
6. *Свилас С. Ф., Слепцова В. М.* Международные последствия пандемии *COVID*-19: гендерный аспект // Беларусь в современном мире: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 77–81.
7. *Слепцова В. М.* Деятельность Комиссии ООН по положению женщин (1998–2000 гг.) // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 19–20 мая 2022. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. С. 224–226.
8. *Солдатенкова Ю. Д.* Обеспечение гендерного равенства в сфере политики как один из ключевых приоритетов ООН // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов, 2023. Вып. 29 / сост. М. Д. Липницкая; под общ. ред. Е. А. Достанко. Минск: Четыре четверти, 2023. С. 47–49.
9. *Xiaorong Li.* Gender Inequality in China and Cultural Relativism // Oxford Academic [Electronic resource]. 1995. P. 407–425. URL: https://academic.oup.com/book/12441/chapter/162078949 (accessed: 08.09.2023).

10. *Krell G.* Feminismus und Internationale Beziehungen. Zwischen Dekonstruktion und Essentialisierung // Zeitschrift für Internationale Beziehungen. № 3 (1). 1996. P. 149–181.
11. *Ioachim J.* Von Frauenrechten zu Menschenrechten. Frauenorganisationen und Internationaler Wandel // WeltTrends. № 36 (10). 2002. P. 81–102

Статья поступила в редакцию 15.10.2023

References

1. Shvedova, N. A. (2020). Otmechaya yubilej: problemy gendernogo ravenstva v prioritetah OON [Celebrating the anniversary: problems of gender equality in UN priorities]. In: *Zhenshina v rossiyskom obshestve* [Electronic resource]. No. 3, p. 16–29. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2020/10/Shvedova_16_29-3.pdf (accessed: 05.15.2023). (In Russ.).
2. Shvedova, N. A. (2020). OON i gendernoe ravenstvo: novaya paradigma [United Nations and gender equality: new paradigm]. In: *Mezhdunarodnye processy* [Electronic resource]. No. 18 (2), p. 31–47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oon-i-gendernoe-ravenstvo-novaya-paradigma (accessed: 15.05.2023). (In Russ.).
3. Zharkevich, I. V. (2007). Feministskoe dvizhenie v sovremennyh mezhdunarodnyh otnosheniyah [Feminist movement in modern international relations]. In: *Collection of works of the 64th scientific conference of undergraduate and graduate students of the Belarusian State University,* Minsk, 15–18.05.2007. Part 2, p. 91–95. (In Russ.).
4. Syagrovets, E. V. (2013). Rol' Pekinskoj konferencii 1995 g. i eyo itogovyh dokumentov v formirovanii mehanizma realizacii gendernogo ravenstva na mezhdunarodnom i nacionalnom urovnyah [The role of the Beijing Conference of 1995 and its final documents in the formation of a mechanism for the implementation of gender equality at the international and national levels]. In: *Aktualnye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava.* Vol. 5. Part 2. Minsk, p. 75–88. (In Russ.).
5. Svilas, S. F. (2021) O deyatelnosti struktury «OON-Zhenshiny» (2010–2020) [About the activities of UN Women]. In: *Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki*. Vol. 21, part 2. Minsk, p. 75–88. (In Russ.).
6. Svilas, S. F., Sleptsova, V. M. (2020). Mezhdunarodnye posledstviya pandemii COVID-19: gendernyj aspekt [International consequences of the COVID-19 pandemic: gender aspect]. In: *Belarus in the modern world: materials of the XIX International Scientific Conference dedicated to the 99th anniversary of the formation of the Belarusian State University*. Minsk, 29.10.2020. Minsk, 2020, p. 77–81. (In Russ.).
7. Sleptsova, V. M. (2022). Deyatelnost' Komissii OON po polozheniyu zhenshin (1998–2000 gg.) [Activities of the UN Commission on the Status of Women (1998–2000)]. In: *Actual problems of international relations and diplomacy: materials of the VI International Scientific and Practical Conference*, Vitebsk, 19.05–20.05.2022. Vitebsk: VSU named after P. M. Masherov, 2022, p. 224–226. (In Russ.).
8. Soldatenkova, Yu. D. (2023) Obespechenie gendernogo ravenstva v sfere politiki kak odin iz klyuchevyh prioritetov OON [Ensuring gender equality in politics as one of the key priorities of the UN]. In: *Sbornik nauchnyh statej studentov, magistrantov, aspirantov*. Vol. 29, Minsk: Chetyre chetverti, 2023, p. 47–49. (In Russ.).

9. Xiaorong, Li (1995). Gender Inequality in China and Cultural Relativism // Oxford Academic [Electronic resource]. P. 407–425. URL: https://academic.oup.com/book/12441/chapter/162078949 (accessed: 08.09.2023).
10. Krell, G. Feminismus und Internationale Beziehungen. Zwischen Dekonstruktion und Essentialisierung [Feminism and International Relations. Between deconstruction and essentialization]. In: *Zeitschrift für Internationale Beziehungen*. No. 3 (1). 1996, p. 149–181. (In Germ.).
11. Ioachim, J. (2002). Von Frauenrechten zu Menschenrechten. Frauenorganisationen und Internationaler Wandel [From women's rights to human rights. Women's organizations and international change]. In: *WeltTrends*. No. 36 (10), p. 81–102. (In Germ.).

Received by editorial board 15.10.2023

УДК 30(81)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРАЗИЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ ЗА РУБЕЖОМ

К. И. Ткачук, С. Ф. Свилас
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

Статья содержит анализ деятельности бразильских культурных центров за рубежом, которые рассматриваются как инструмент продвижения позитивного имиджа страны на международной арене и получения преимуществ для бразильской внешней политики.

На основе документальных и историографических источников, посредством системного подхода, нарративного, историко-ретроспективного, институционального, структурно-функционального методов авторы дают общую характеристику и оценку деятельности культурных центров, выделяют этапы и факторы их эволюции, а также задачи, направления и формы работы.

Особое внимание уделено реформированию МИД Бразилии в контексте исследуемой проблемы, стратегии использования книги как инструмента продвижения языка и культуры, созданию первых культурных центров и центров бразильских исследований, значению протокола о культурной интеграции МЕРКОСУР и Сообщества португалоязычных стран, созданию культурных центров в странах Африки и Ближнего Востока, а в год 200-летия независимости Бразилии – их преобразованию в Институт Гимарайнса Розы, который призван повысить эффективность ее внешней политики и дипломатии.

В белорусской историографии деятельность бразильских культурных центров рассматривается впервые. Практическая значимость исследования состоит в возможности его использования в педагогической и научной деятельности, а также соответствующими учреждениями и организациями с целью усиления эффективности механизмов «мягкой силы» Беларуси.

Ключевые слова: культурная дипломатия; диалог цивилизаций; культурная интеграция; культурные центры за рубежом; Сообщество португалоязычных стран; Бразилия; Институт Гимарайнса Розы.

Образец цитирования: *Ткачук К. И., Свилас С. Ф.* Деятельность бразильских культурных центров за рубежом // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 113–125.

Авторы: Ткачук Карина Ивановна – выпускница бакалавриата факультета международных отношений Белорусского государственного университета, именной стипендиат; e-mail: tkchukarina@mail.ru.
Свилас Светлана Францевна – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: svilas0104@gmail.com.

ACTIVITIES OF BRAZILIAN CULTURAL CENTRES ABROAD

K. I. Tkachuk, S. F. Svilas
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article contains an analysis of the activities of Brazilian cultural centres abroad, which are considered as a tool to promote a positive image of the country in the international arena and to obtain advantages for Brazilian foreign policy.

Based on documentary and historiographical sources, through a systematic approach, narrative, historical-retrospective, institutional, structural-functional methods, the authors give a general description and evaluation of the activities of cultural centres, highlight the stages and factors of their evolution, as well as tasks, directions and forms of work.

Special attention is paid to the reforming of the Brazilian Foreign Ministry in the context of the problem under study, the strategy of using the book as a tool to promote language and culture, the creation of the first cultural centres and centres of Brazilian studies, the significance of the protocol on cultural integration of MERCOSUR and the Community of Portuguese-speaking Countries, the creation of cultural centres in Africa and the Middle East, and, in the year of the 200th anniversary of Brazil's independence, their transformation into the Instituto Guimarães Rosa, which is designed to increase the effectiveness of its foreign policy and diplomacy.

In Belarusian historiography the activity of Brazilian cultural centres is considered for the first time. The practical significance of the study lies in the possibility of its use in pedagogical and scientific activities, as well as by relevant institutions and organisations in order to enhance the effectiveness of Belarus' «soft power» mechanisms.

Key words: cultural diplomacy; dialogue of civilizations; cultural integration; cultural centres abroad; Community of Portuguese-speaking Countries; Brazil; Instituto Guimarães Rosa.

For citations: Tkachuk K., Svilas S. (2023). Deyatel'nost' brazil'skih kul'turnyh centrov za rubezhom [Activities of Brazilian cultural centres abroad]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 113–125. (In Russ.).

Authors: Karina I. Tkachuk – Bachelor's graduate of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, nominee scholarship holder; e-mail: tkchukarina@mail.ru;
Svetlana F. Svilas – Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of International Relations of Belarusian State University; e-mail: svilas0104@gmail.com.

Введение. В сфере международных отношений культура на протяжении XX в. приобретала все больший авторитет, что в немалой степени связано с позицией государств, которые стали рассматривать ее как важный ресурс своей внешней политики. Она способствовала ослаблению напряженности, возникающей в результате применения силы, стабильности в межгосударственных отношениях, развитию мировой экономики и торговли.

В XXI в. особую значимость в области межкультурного диалога приобрели зарубежные культурные центры, деятельность которых отражает актуальные тенденции в современном культурном сотрудничестве государств и народов. Эти учреждения реализуют культурные проекты, обучают языку своей страны, проводят лекции, семинары и выставки, организуют курсы танцев и национальных искусств, встречи с представителями национальной культуры, предоставляют обширную библиотечную базу.

В мире функционирует широкая сеть зарубежных культурных центров, которые активно занимаются развитием межкультурного диалога и являются эффективной платформой для межкультурного обмена, играют ключевую роль в международной информационной и культурной коммуникации. Подобные учреждения созданы, в частности, Германией, Францией, Испанией, Китаем.

Бразилия также превратила свою культуру и преподавание португальского языка в инструмент продвижения позитивного имиджа, утверждения своей идентичности как культурно богатой страны и народа, который, несмотря на высокий уровень преступности, не находится в состоянии этнических или религиозных конфликтов и не подвержен террористическим атакам. Национальная культура рассматривается Бразилией как значимый дипломатический ресурс.

С момента обретения независимости в 1822 г. это латиноамериканское государство развивало активную дипломатию, которая включает в себя и культурное измерение. Термин «мягкая сила» стал широко использоваться бразильскими учеными и политиками, занимающимися культурным менеджментом и международным продвижением страны[1]. Министр культуры Бразилии в

[1] Pelo que é nosso: a diplomacia cultural brasileira no século XX [For what is ours: Brazilian cultural diplomacy in the 20th century] // SciELO – Scientific Electronic Library Online. [Electronic resource]. URL: https://www.scielo.br/j/rbh/a/M3Jh59hNn HsLfFZD3hxqskH/?lang=pt (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

2012–2014 гг. Марта Суплиси активно использовала этот термин во время выступлений на семинарах, форумах и встречах, подчеркивая важность концепции для улучшения позиции государства на международном уровне[2].

Бразилия – страна с развивающейся экономикой. Не обладая военной мощью, она открывает для себя другую форму внедрения в мир – через свои идеи, культуру и практику, которые являются изначальными источниками мягкой силы. Дж. Най в книге «Мягкая сила» (2004) отмечал, что для Бразилии она заключается в яркой культуре, которую можно использовать во внешней политике. В 2022 г. Бразилия стала единственной латиноамериканской страной, вошедшей в список 30 ведущих «мягких сил» мира[3].

Цель данного исследования – общая характеристика и оценка деятельности бразильских культурных центров за рубежом.

В белорусской историографии деятельность такого института бразильской публичной дипломатии, как культурный центр за рубежом, рассматривается впервые.

Актуальность выбранной темы обусловлена ростом авторитета Бразилии в мировой политике и укреплением белорусско-бразильского партнерства. *Практическая значимость исследования* состоит в возможности использования Республикой Беларусь опыта бразильских институтов публичной дипломатии с целью усиления эффективности своих механизмов «мягкой силы».

Методология исследования основана на принципах историзма и системности. В данной работе применяются как общенаучные (индукция, дедукция, анализ, синтез), так и специальные методы (нарративный, историко-ретроспективный, историко-сравнительный, историко-системный, институциональный, структурно-функциональный), а также междисциплинарный и ценностный подходы.

Необходимость проведения такого исследования заключается в важности пополнения объективных данных, в том числе о деятельности институтов культурной дипломатии, для понима-

[2] Marta Suplicy diz que Brasil deve evitar estereótipo do ‘carnaval e futebol’ [Marta Suplicy says Brazil should avoid ‘carnival and football’ stereotype] // BBC [Electronic resource]. URL: https://www.bbc.com/portuguese/noticias/2012/12/121204_marta_londres_ru (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[3] Global soft power Index 2022 // Brand finance [Electronic resource]. URL: https://brandirectory.com/softpower/2022/nation?country=197 (accessed: 10.10.2023).

ния внешней политики Бразилии, происходящих региональных и глобальных процессов.

Объектом исследования является культурная политика и дипломатия Бразилии, *предметом* – основные направления и формы деятельности культурных центров Бразилии за рубежом.

Обзор литературы по теме. История публичной дипломатии в Бразилии начинается с конца XIX в., когда это латиноамериканское государство стало активно участвовать в международных отношениях и использовать различные средства «мягкой силы», чтобы формировать и укреплять свою позитивную репутацию на международной арене.

Бразильские историографические источники о публичной дипломатии Бразилии многочисленны. Одним из наиболее известных исследователей является К. Л. Д. Вилланова, который рассматривает различные ее аспекты, включая историю, стратегии и практики в книге «Публичная дипломатия и имидж Бразилии в XXI веке» [1]. Также следует выделить таких бразильских экспертов, как Р. Рикуперо [2] и Э. Рибейро [3].

Особенности политического, гуманитарного, культурного развития страны рассматриваются в трудах видных экспертов Института Латинской Америки РАН: В. М. Давыдова [4], З. В. Ивановского [5], Л. С. Окуневой [6], А. И. Сизоненко [7], А. Н. Глинкина [8], Б. Ф. Мартынова [9]. А. Ю. Борзова в своих публикациях делает акцент на деятельности МИД Федеративной Республики Бразилия, прослеживает его становление и реформирование, а также деятельность отделов, отвечающих за вопросы научных, культурных и образовательных связей [10]. Среди работ белорусских авторов укажем публикацию А. А. Челядинского [11], а также статью С. Ф. Свилас и К. И. Ткачук [12].

Результаты исследования. На протяжении Первой республики (1889–1930 гг.) Бразилия не проводила систематической политики по распространению национальной культуры за рубежом, а практиковала лишь единичные инициативы, не имеющие особой связи друг с другом. После административной реформы (1920 г.) Министерство иностранных дел официально взяло на себя задачу «содействовать коммерческому обмену, промышленным, интеллектуальным и торговым миссиям на благо Бразилии» [13, p. 279]. В 1938 г. был создан Отдел интеллектуального сотрудничества – структура в составе Министерства иностранных дел, занимающаяся культурными связями и распространением

информации о бразильской действительности на международном уровне; отдел продолжает отвечать за культурную дипломатию и в XXI в[4]. Накопленный им на протяжении нескольких десятилетий опыт способствует оперативности и высокой эффективности культурной дипломатии страны.

С 1937 по 1945 г. Бразилия переживала важный этап в своей культурной политике: правительство Ж. Варгаса стремилось повысить престиж страны за рубежом и одним из способов достижения этой цели стали книги бразильских интеллектуалов, распространявшиеся посольствами. Через Отдел интеллектуального сотрудничества тиражировались и отправлялись за рубеж издания по политике, экономике, истории, литературе. Книги, восхваляющие правительство Ж. Варгаса, пользовались особым вниманием, а некоторые из них были переведены на несколько языков. Вместе с тем распространялись и работы таких интеллектуалов, как С. Буарке де Оланда, Ж. Фрейре, М. Бомфим, А. Линс, которые стимулировали изучение португальского языка за рубежом[5].

Стратегия использования книги как инструмента продвижения языка и культуры имела последствия, и первым стал Монтевидео. В результате организованной в уругвайской столице книжной ярмарки (1940) был учрежден первый бразильский культурный центр, получивший название Уругвайско-бразильского культурного института. Вскоре в Аргентине, Парагвае и Боливии также открылись культурные центры, призванные обозначить присутствие Бразилии через ее образ, созданный на основе португальского языка и самобытной культуры[6].

Бразильские культурные центры – это учреждения, находящиеся в непосредственном подчинении главы дипломатического представительства или консульского учреждения Бразилии в каждой стране и являющиеся основным инструментом реализации

---

[4] Pelo que é nosso: a diplomacia cultural brasileira no século XX [For what is ours: Brazilian cultural diplomacy in the 20th century] // SciELO – Scientific Electronic Library Online [Electronic resource]. URL: https://www.scielo.br/j/rbh/a/M3Jh59hNnHsLfFZD3hxqskH/?lang=pt (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[5] História do Brasil – Um resumo da Política Externa Brasileira na Era Vargas [History of Brazil – A summary of Brazilian Foreign Policy in the Vargas Era] // Diário das Nações [Electronic resource]. URL: https://diariodasnacoes.wordpress.com/2020/10/22/historia-do-brasil-um-resumo-da-politica-externa-brasileira-na-era-vargas/ (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[6] Criação do Instituto Cultural Uruguaio-Brasileiro, ICUB [Creation of the Uruguayan-Brazilian Cultural Institute, ICUB] // História do Ensino de Línguas no Brasil. HELB [Electronic resource]. URL: http://www.helb.org.br/index.php/linha-do-tempo/1116-1940/220-criacao-do-instituto-cultural-uruguaio-brasileiro-icub- (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

культурной политики за рубежом. Их деятельность направлена на преподавание бразильского варианта португальского языка, распространение бразильской литературы и информационных материалов о стране, организацию выставок изобразительного искусства и театральных представлений, совместное издание и распространениее текстов бразильских авторов, бразильской классической и популярной музыки, бразильского кинематографа, а также других форм выражения бразильской культуры (лекции, семинары и т.д.)[7].

С начала 1940-х гг. Бразилия приступила к целенаправленной политике по продвижению португальского языка, который рассматривался как средство установления дружественных отношений с соседними странами. После 1945 г. развитие внешней культурной политики Бразилии ускорилось, она включала распространение народной, массовой и элитарной культуры.

В 1954 г. при посольстве Бразилии в Буэнос-Айресе был создан первый Центр бразильских исследований, по образцу которого в последующие десятилетия стали создаваться центры и в других латиноамериканских и европейских столицах.

В 1961 г. проводилась вторая реформа в Министерстве иностранных дел, которая еще более усилила вес сектора культурной дипломатии. 14 июля 1961 г. был создан департамент культурной информации во главе с Васко Маризом, напрямую связанный с Генеральным секретариатом Итамарати. Эта структура состояла из трех отделов: интеллектуального сотрудничества, распространения культуры и информационного. Спустя семь лет, после присоединения информационного отдела к Генеральному секретариату, департамент культурной информации был преобразован в департамент культуры, а затем в департамент культурного, научного и технологического сотрудничества. В 1975 г. три отдела (распространения культуры, интеллектуального и технического сотрудничества) указанного департамента были объединены. Создание отдела распространения информации (1978 г.) с целью «продвижения бразильского имиджа за рубежом с акцентом на вопросы кино и телевидения» еще более расширило компетенцию департамента культурного, научного и технологического сотрудничества[8].

---

[7] Rede Brasil Cultural [Brazil Cultural Network] // Governo do Brasil [Electronic resource]. URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/difusao-da-lingua-portuguesa/rede-brasil-cultural (ac-cessed: 10.10.2023). (In Port.).

[8] Dimensões da cultura e políticas públicas [Dimensions of culture and public policies] //

В 1990-е гг., в связи с окончанием «холодной войны», культурная политика как внутри страны, так и за рубежом стала более проницаемой для рынка, который способствовал ее прогрессу. Не менее важна и активная позиция, которую Бразилия заняла на международной арене в рамках стратегии, известной как «автономия через интеграцию». Благодаря созданию Южноамериканского общего рынка (1994 г.) Южная Америка стала привилегированным направлением внешнеполитической деятельности Бразилии, а в 1996 г. Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем был одобрен Протокол о культурной интеграции МЕРКОСУР[9]. В том же году создается Сообщество португалоязычных стран – пространство для политико-дипломатического диалога, одной из основополагающих целей которого является продвижение языка[10].

Бразилия позиционирует себя как великую державу, при этом не навязывает свои культурные ценности другим народам. Культура используется для достижения политических целей, как в плане содействия более эффективной региональной интеграции с соседями, так и в поиске нового пространства для международных действий.

В начале 2000-х гг. центры бразильских исследований распространяются на регионы, малоизвестные бразильской дипломатии, но постепенно приобретавшие значение в эпоху президентства Л. да Сильвы (2003–2011 гг.) – страны Африки и Ближнего Востока. По состоянию на 2008 г. насчитывалось 20 таких центров, переименованных в том же году в культурные центры. Новым названием подчеркивалось расширение сферы их деятельности: наряду с преподаванием португальского языка эти структуры приступили к разработке разнообразной культурной программы [14, p. 309].

В мае 2019 г. Министерство иностранных дел Бразилии объявило о создании Института по продвижению и распространению бразильской культуры за рубежом, названного в честь бразильского писателя и дипломата Гимарайнса Розы (1908–1987).

SciELO - Scientific Electronic Library Online [Electronic resource]. URL: https://www.scielo.br/j/spp/a/cf96yZJdTvZbrz8pbDQnDqk/?lang=pt (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[9] Promulga o Protocolo de Integração Cultural do Mercosul [Promulgation of the Mercosur Cultural Integration Protocol] (1999) [concluído em Fortaleza 16.12.1996]. Associação Brasileira de Mantenedoras de Ensino Superior, Brasilia. (In Port.)

[10] Processo Histórico [Historical Process] // Comunidade dos Países de Lingua Portuguesa [Electronic resource]. URL: https://www.cplp.org/id-2752.aspx (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

Концепция культурной дипломатии, используемая бразильским правительством, направлена на продвижение национальных интересов в области внешней политики посредством культуры, образования и португальского языка за рубежом.

Набор подразделений Министерства иностранных дел Бразилии по продвижению португальского языка ранее назывался Бразильской сетью образования за рубежом, а с 2013 г. – Бразильской культурной сетью. Такие подразделения включают бразильские культурные центры, связанные с посольствами Бразилии в зарубежных странах, и бразильские читательские центры. С 2022 г. бразильские культурные центры за рубежом были переименованы в *Instituto Guimarães Rosa*[11].

Институт Гимарайнса Розы был создан в рамках празднования двухсотлетия независимости Бразилии (сентябрь 2022 г.). Как и Институт Камойнса, Институт Гёте и Институт Сервантеса, которые являются организациями, связанными с посольствами Португалии, Германии и Испании соответственно, подразделения Института Гимарайнса Розы за рубежом – это учреждения, занимающиеся продвижением бразильской культуры и языка в других странах и координируемые посольствами Бразилии[12].

В рамках Министерства иностранных дел Институт Гимарайнса Розы, совместно с другими компетентными органами в области культурных и образовательных связей, отвечает за продвижение бразильской культуры и языка за рубежом. Кроме того, институт ведет переговоры и контролирует выполнение международных соглашений в области культурных и образовательных связей, а также координирует участие бразильского правительства в международных организациях и встречах, связанных с многосторонними вопросами культуры и образования, продвижением португальского языка[13].

---

[11] Mais de cinco mil obras disponíveis para pesquisa no domínio das artes e ciências [More than five thousand works available for research in the arts and sciences] // Jornal de Angola [Electronic resource]. URL: https://www.jornaldeangola.ao/ao/noticias/mais-de-cinco-mil-obras-disponiveis-para-pesquisa-no-dominio-das-artes-e-ciencias/ (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[12] Itamaraty lança em setembro Instituto Guimarães Rosa, vitrine da língua portuguesa e da cultura brasileira no exterior [Itamaraty launches Instituto Guimarães Rosa in September, a showcase of the Portuguese language and Brazilian culture abroad] // UOL [Electronic resource]. URL: https://noticias.uol.com.br/ultimas-noticias/rfi/2022/05/11/itamaraty-lanca-em-setembro-instituto-guimaraes-rosa-vitrine-da-lingua-portuguesa-e-da-cultura-brasileira-no-exterior.htm (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[13] Instituto Guimarães Rosa [Guimarães Rosa Institute] // Governo do Brasil [Electronic

Штаб – квартира Института Гимарайнса Розы находится в Бразилии и управляет 24 подразделениями, 6 центрами бразильских исследований при посольствах Бразилии и 40 центрами чтения. Из 24 подразделений института 13 находятся в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, 6 – в Африке, 3 – в Европе и 2 – на Ближнем Востоке[14].

Деятельность Института Гимарайнса Розы направлена на организацию мероприятий для бразильских общин, проживающих в других странах (курсы португальского языка как языка наследия для экспатриантов; курсы португальского языка для сдачи экзамена *CELPE-Bras*, подтверждающего уровень владения бразильским португальским языком). Подразделения Института предлагают курсы танцев, музыки, кулинарии, пластических искусств и др.[15]

В рамках Института Гимарайнса Розы действует программа *Leitorado Guimarães* для преподавателей университетов Бразилии, которые выражают желание продвигать язык и культуру страны в зарубежных высших учебных заведениях. Вакансии объявляются Министерством иностранных дел Бразилии и специальной службой, координирующей деятельность по совершенствованию кадрового обеспечения высшего образования (*Capes*). Прошедшие открытый конкурсный отбор магистры или доктора наук получают грант от правительства и стипендии зарубежных учебных заведений, к которым они прикреплены[16].

Заключение. В истории культурных центров Бразилии авторы выделяют четыре этапа. На первом (1930-е – первая половина 1940-х гг.) был создан отдел интеллектуального сотрудничества в МИДе, открыт первый культурный центр в Буэнос-Айресе. На втором этапе (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.) во внешнеполитическом ведомстве появился специальный департамент уже из нескольких отделов, курирующий вопросы культурного,

---

resource]. URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/assuntos/cultura-e-educacao/instituto-guimaraes-rosa (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[14] Embaixada do Brasil no México inaugura o Instituto Guimarães Rosa [Brazilian Embassy in Mexico inaugurates the Guimarães Rosa Institute] // RFI [Electronic resource]. URL: https://www.rfi.fr/br/podcasts/brasil-américa-latina/20230716-embaixada-do-brasil-no-méxico-inaugura-o-instituto-guimarães-rosa (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[15] O Instituto Guimarães Rosa em Barcelona [The Guimarães Rosa Institute in Barcelona] // Centro Cultural do Brasil em Barcelona [Electronic resource]. URL: https://www.ccbrasilbarcelona.org (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

[16] 70 anos do Programa Leitorado [70 years of the Leitorado Program] // Governo do Brasil [Electronic resource]. URL: https://www.gov.br/mre/pt-br/canais_atendimento/imprensa/notas-a-imprensa/70-anos-do-programa-leitorado (accessed: 10.10.2023). (In Port.).

научного и технологического сотрудничества, началось создание центров бразильских исследований. Главным содержанием третьего этапа (1990-е гг.) стало заметное усиление взаимосвязи экономической и культурной дипломатии, подписание протокола о культурной интеграции МЕРКОСУР, создание Сообщества португалоязычных стран, что способствовало интенсификации деятельности культурных центров. На четвертом этапе (с начала 2000-х гг.) центры бразильской культуры появляются в странах Африки и Ближнего Востока, а в год 200-летия независимости Бразилии эта структура преобразуется в Институт Гимарайнса Розы, что сопровождалось значительным укреплением ее материальной базы и расширением функций.

Сеть бразильских культурных центров способствует укреплению и диверсификации межкультурного диалога, а также достижению других целей этого влиятельного латиноамериканского государства на международной арене – политических, экономических и научно-технических. Центры становятся способом распространения образа страны, которая ставит во главу угла мирное решение международных конфликтов, заменяя оружие культурой и обучением языкам. Культурные центры являются основным инструментом культурной дипломатии Бразилии, способом формирования комплексной и конструктивной концепции страны за рубежом.

Библиографические ссылки

1. *Villanova C. L. D.* Diplomacia pública e imagem do Brasil no século XXI. Brasília: FUNAG, 2017. 357 p.
2. *Ricupero R. A.* Diplomacia na Construção do Brasil. Rio de Janeiro: Versal editors, 2017. 724 p.
3. *Ribeiro E. T.* Diplomacia Cultural: seu papel na política externa brasileira. Brasília: Fundação Alexandre de Guzmão, 2011. 128 p.
4. *Давыдов В. М.* Латинская Америка в современной мировой политике. М.: ИЛА РАН, 2009. 581 с.
5. *Ивановский З. В.* Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности. М.: ИЛА РАН, 2022. 586 с.
6. *Окунева Л. С.* Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008. 824 с.
7. *Сизоненко А. И.* Становление отношений СССР со странами Латинской Америки (1917–1945 гг.). М.: ИЛА РАН, 1981. 199 с.
8. *Глинкин А. Н.* Латинская Америка в международных отношениях: XX век. М.: ИЛА РАН, 1988. 288 с.

9. *Мартынов Б. Ф.* «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки. М.: ИЛА РАН, 2004. 160 с.
10. *Борзова А. Ю.* Дипломатическая служба Бразилии как инструмент реализации внешней политики страны (1902–2014 гг.). М.: Изд-во РУДН, 2016. 413 с.
11. *Челядинский А. А.* Бразилия в современном мире. Минск: Право и экономика, 2012. 438 с.
12. *Свилас С. Ф.* Министерство иностранных дел Бразилии как институт публичной дипломатии // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии: матер. VI Междунар. научн.-практ. конфер., Витебск, 19–20 мая 2022 г. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. С. 316–319.
13. *Castro F. M. O.* História da organização do Ministério das Relações Exteriores. Brasília: A Fundação Alexandre de Gusmão, 1983. 641 p.
14. *Roth I. A.* Política Externa dos Institutos Culturais: Uma Análise da Diplomacia Cultural Sob a Dimensão Sociológica da Cultura // Revista do centro de pesquisa e formação. 2020. Vol. 4, № 11. P. 295–318.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023

References

1. Villanova, C. L. D. (2017). Diplomacia pública e imagem do Brasil no século XXI [Public diplomacy and image of Brazil in the 21st century]. Brasília: FUNAG, 357 p. (In Port.).
2. Ricupero, R. A. (2017). Diplomacia na Construção do Brasil [Diplomacy in the Construction of Brazil]. Rio de Janeiro: Versal editors, 724 p. (In Port.).
3. Ribeiro, E. T. (2011). Diplomacia Cultural: seu papel na política externa brasileira [Cultural Diplomacy: its role in Brazilian foreign policy]. Brasília: Fundação Alexandre de Guzmão, 128 p. (In Port.).
4. Davydov, V. M. (2009). Latin America in modern world politics. M.: ILA RAS, 2009, 581 p. (In Russ.).
5. Ivanovsky, Z. V. (2022). Latin America: political landscape against the background of turbulence. M.: ILA RAS, 586 p. (In Russ.).
6. Okuneva, L. S. (2008). Brazil: peculiarities of the democratic project. Pages of the newest political history of the Latin American giant (1960s–2006). M.: MGIMO-University, 824 p. (In Russ.).
7. Sizonenko, A. I. (1981). The establishment of the USSR's relations with Latin America (1917–1945). M: ILA RAS, 199 p. (In Russ.).
8. Glinkin, A. N. (1988). Latin America in international relations: XX century. M.: ILA RAS, 288 p. (In Russ.).
9. Martynov, B. F. (2004). «Golden Chancellor». Baron de Rio Branco – the great diplomat of Latin America. M.: ILA RAS, 160 p. (In Russ.).
10. Borzova, A. Y. (2016). Diplomatic service of Brazil as a tool for realising the country's foreign policy (1902–2014). M.: PFUR Publishing House, 413 p. (In Russ.).
11. Chelyadinsky, A. A. (2012). Brazil in the modern world. Minsk: Law and Economics, 438 p. (In Russ.).
12. Svilas, S. F. (2022). Ministerstvo inostrannyh del Brazilii kak institut publichnoj diplomatii [Ministry of Foreign Affairs of Brazil as an institution of public diplomacy]. In: *Actual problems of international relations and diplomacy: proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Vitebsk, 19-20 May 202.* Vitebsk: P. M. Masherov VSU, 2022. P. 316–319. (In Russ.).

13. Castro, F. M. O. (1983). História da organização do Ministério das Relações Exteriores [History of the organization of the Ministry of Foreign Affairs]. Brasília: A Fundação Alexandre de Gusmão, 641 p. (In Port.).
14. Roth, I. A. (2020). Política Externa dos Institutos Culturais: Uma Análise da Diplomacia Cultural Sob a Dimensão Sociológica da Cultura [Foreign Policy of Cultural Institutes: An Analysis of Cultural Diplomacy Under the Sociological Dimension of Culture]. In: *Revista do centro de pesquisa e formação.* Vol. 4, № 11, p. 295–318. (In Port.).

Received by editorial board 10.10.2023

УДК 327+341.123(510)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ КНР В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В XXI ВЕКЕ

Хуан Шэнсян, И. М. Авласенко,
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Цель научного исследования – охарактеризовать четыре ключевых направления политики КНР в рамках Организации Объединенных Наций в XXI в., которые отражают понимание Китаем глобальных вызовов и его ответ на них, а также его стратегию сотрудничества и взаимовыгодности с международным сообществом. Эти четыре ключевых направления включают: создание сообщества единой человеческой судьбы, достижение Целей устойчивого развития, поддержание многосторонности и международного порядка, решение проблем изменения климата и охраны окружающей среды.

В статье авторами были выделены четыре ключевых инициативы, которые КНР продвигала в ООН, подробно изложены содержание и особенности этих направлений, проанализированы теоретические установки и международное влияние Китая в этих сферах. Также показано, что Китай продемонстрировал образ ответственной державы, внес важный вклад в мировое развитие и завоевал широкое уважение и доверие.

Все четыре указанных направления внешней политики КНР отвечают интересам национальным интересам Республики Беларусь и соответствуют ее внешнеполитической доктрине. Авторами охарактеризованы перспективы сотрудничества Китая и Беларуси; сделан вывод о том, что обе страны имеют общие взгляды на многие глобальные проблемы, а также могут взаимодействовать на разных уровнях и международных площадках.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; Китайская Народная Республика; сообщество единой судьбы человечества; Инициатива глобального развития; Цели устойчивого развития; мультилатерализм.

Образец цитирования: *Хуан Шэнсян, Авласенко И. М.* Основные направления политики КНР в Организации Объединенных Наций в XXI веке // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 126–140.

Авторы: Хуан Шэнсян – магистрант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: chriskeyment@gmail.com;
Авласенко Игорь Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета (Минск); e-mail: AvlasenkIM@bsu.by.

MAIN DIRECTIONS OF PRC POLICY IN THE UNITED NATIONS IN THE XXI CENTURY

Huang Shengxiang, I. M. Aulasenka
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The purpose of the research is to characterize the four key areas of China's policy within the United Nations in the XXI century, which reflect China's understanding of global challenges and its response to them, as well as its strategy of cooperation and mutual benefit with the international community. These four key areas include: creating a community of a single human destiny, achieving the Goals of Sustainable Development, maintaining multilateralism and international order, solving the problems of climate change and environmental protection.

In the article, the authors identified four key initiatives that the PRC promoted at the UN, described in detail the content and features of these areas, analyzed theoretical attitudes and China's international influence in these areas. It is also shown that China has demonstrated the image of a responsible power, made an important contribution to world development and won widespread respect and trust.

All four of these areas of China's foreign policy meet the interests of the national interests of the Republic of Belarus and correspond to its foreign policy doctrine. The authors describe the prospects for cooperation between China and Belarus; it is concluded that both countries have common views on many global problems, and can also interact at different levels and international platforms.

Key words: United Nations; People's Republic of China; human community with a shared future; Global Development Initiative; Sustainable Development Goals; multilateralism.

For citations: Huang Shengxiang, Aulasenka, I. M. (2023). Osnovnyye napravleniya politiki KNR v Organizatsii Ob'yedinennykh Natsiy v XXI veke [Main directions of PRC policy in the United Nations in the XXI century]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 126–140. (In Russ.).

Authors: Huang Shengxiang – Master student of the Department of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: chriskeyment@gmail.com; Aulasenka Ihar Mikhailavich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations of the Belarusian State University (Minsk); e-mail: AvlasenkIM@bsu.by.

Введение. В связи с ростом влияния Китая на международной арене различные аспекты его внешнеполитической активности являются предметом интереса со стороны исследователей и дипломатов всего мира. Одним из самых важных глобальных форумов, где Китай проявляет особую активность, является Организация Объединенных Наций, а также ее специализированные учреждения.

Несмотря на часто звучащую критику, ООН остается одной из немногих площадок, где представлены практически все государства мира представители которых могут высказать официальную точку зрения по различным проблемам. Политика в ООН занимает важное место в дипломатии Китайской Народной Республики, поскольку является одним из инструментов наращивания глобального влияния Пекина, а также сопротивления политическому и экономическому давлению, которому он нередко подвергается со стороны Соединенных Штатов Америки и их союзников. В этой связи для Республики Беларусь изучение опыта участия КНР в ООН, а также предложений, выдвинутых китайскими дипломатами в этой международной организации в последнее время, обладает не только теоретической, но и практической значимостью.

Таким образом, цель исследования – выявление основных направлений политики КНР в Организации Объединенных Наций и характеристика их содержания.

Обзор литературы по теме. Внешнеполитическому курсу Китайской Народной Республики, в особенности в период председательства Си Цзиньпина, в последнее время посвящено немало работ в русскоязычной литературе. Тем не менее, отдельным аспектам политики и инициативам Пекина в Организации Объединенных Наций уделяется не столь значительное внимание. Некоторые стороны данной проблемы затрагивались в публикациях российских исследователей В. В. Никуленкова, В. Ф. Печерицы, А. В. Бояркиной, Н. В. Козыкиной, К. Г. Муратшиной [1–3]. Т. С. Тараканова рассмотрела в своей статье внешнеполитические концепции Китайской Народной Республики, уделив особое внимание специфике их формулировок [4]. А. С. Литвинова опубликовала ряд работ, посвященных деятельности Китая в ООН, однако они охватывают преимущественно самое начало XXI в. [5].

Среди новейших работ, посвященных внешней политике Китая и опубликованных в Республике Беларусь, следует упомянуть

статьи И. А. Чувилова, Ю. И. Малевич «Концепт «сообщество единой судьбы человечества» и его взаимосвязь с инициативой «Один пояс – один путь» (2022 г.), В. М. Мацеля «Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина» (2023 г.), а также работы китайских аспирантов, проходивших обучение в Республике Беларусь: Го Цзиньлуна, Чжоу Лэчжэна [6–9].

Основными источниками для проведения исследования стали выступления председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, опубликованные в сборниках «О государственном управлении» (Т. 1–4, 2014–2022 гг.), в сборнике «*On building a human community with a shared future*» (2019), выступления бывшего председателя КНР Ху Цзиньтао и других государственных деятелей Китая, материалы средств массовой информации, а также отдельные статистические сведения [10–16].

Методы исследования. Для получения результатов авторы использовали общенаучные методы (анализ и синтез), специально-научные (историко-генетический и историко-сравнительный), а также провели контент-анализ документов – текстов выступлений представителей Китайской Народной Республики. С целью выявления места и роли ООН во внешней политике Пекина, использовался системный подход. При проведении исследования авторы руководствовались принципами историзма и объективности.

Результаты исследования. Авторами были выделены четыре ключевых инициативы, которые КНР продвигала в ООН.

I. Строительство «сообщества единой судьбы человечества». Строительство «сообщества единой судьбы человечества» является одной из самых важных дипломатических концепций и инициатив Китая в ООН в XXI в.. Эта концепция была впервые упомянута в отчетном докладе бывшего Председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII съезде Коммунистической партии Китая в 2012 г.[1], а в дальнейшем активно стала использоваться нынешним лидером КНР Си Цзиньпином в выступлениях на различных международных площадках, включая Генеральную Ассамблею ООН, Всемирный экономический форум и саммиты БРИКС [14]. Эта концепция отражает видение Китая о мирном, инклюзивном и устойчивом развитии мирового сообщества на основе принципов равноправия, сотрудничества и взаимовыгодности.

[1] Chen, S. Community of Common Destiny for Mankind // China Media Project [Electronic resource]. URL: https://chinamediaproject.org/the_ccp_dictionary/community-of-common-destiny-for-mankind/ (accessed: 15.09.2023).

Данная концепция соответствует основному содержанию теории китайской внешней политики, а именно принципам пути мирного развития, проведения независимой и мирной внешней политики, отстаивания справедливости и защиты правды. Она также согласуется с выступлениями и документами Ху Цзиньтао, Си Цзиньпина и других китайских политических деятелей, отражая глубокое понимание и твердую веру Китая в строительство сообщества общей судьбы человечества.

Мысли, которые легли в основу концепции «сообщества единой судьбы человечества», уже прослеживались в текстах выступлений китайских руководителей в 2000-е гг. В частности, в своем выступлении на общих дебатах 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2009 г. бывший председатель Китая Ху Цзиньтао подчеркнул, что человеческая цивилизация развивается в условиях укрепления многополярности мира, экономической глобализации, усиления многосторонности и демократизации международных отношений, когда взаимозависимость между странами стала еще более тесной[2]. В свою очередь, лидер Китая Си Цзиньпин в своем выступлении в штаб – квартире ООН в Женеве в 2017 г. уточнил смысловое содержание данной концепции, подчеркнув необходимость «создания прочного мира на планете путем диалога и консультаций», «создания мира всеобщей безопасности путем общих усилий и совместного пользования их плодами», «создания мира всеобщего процветания путем взаимовыгодного сотрудничества», «создания открытого инклюзивного мира путем обменов и взаимозаимствований» [11, с. 773–778].

Китайское правительство в 2015 г. опубликовало белую книгу «Внешняя помощь Китая», в которой изложены принципы, масштабы, формы, сферы, региональное распределение и другие аспекты китайской внешней помощи. В книге подчеркивается необходимость придерживаться отсутствия каких-либо политических условий, уважать суверенитет стран-получателей, содействовать повышению их собственных возможностей развития, учитывать эффективность и результативность, добиваться взаимной выгоды[3].

---

[2] Ху цзинь тао цзай ди 64 цзе лянь да и бань син бянь лунь ши де цзян хуа [Выступление Ху Цзиньтао на общих прениях 64-й сессии Генеральной Ассамблеи (полный текст)] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжун ян жэнь минь чжэн фу = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2009-09/24/content_1424772.htm (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

[3] «Чжун го де дуй вай юань чжу» бай пи шу [Белая книга «Внешняя помощь Китая»] // Чжун го го цзя го цзи фа чжань хэ цзо шу = Китайское межнациональное агентство

Позднее у этой концепции появлялись новые оттенки. Выступая на одной из встреч с представителями иностранных делегаций, посвященной 70-летию создания флота Народно-освободительной армии Китая в 2019 г., Си Цзиньпин предложил создать «морское сообщество единой судьбы», указав что данные принципы должны касаться в том числе и международного морского пространства [12, p. 538–539].

II. Поддержка мультилатерализма и полицентричного международного порядка. Еще одним важным принципом политики Китая в ООН является поддержка многосторонности (мультилатерализма) и полицентричного международного порядка. Эта установка неоднократно излагалась и защищалась представителями КНР в Организации Объединенных Наций на заседаниях Совета Безопасности ООН, Совета ООН по правам человека, Конференции ООН по разоружению и др. Данная инициатива затрагивает глобальные и региональные проблемы мира и безопасности, а также осуждает односторонность, гегмонизм и силовую политику отдельных стран или сил. Как отмечал заведующий Канцелярией руководящей группы ЦК КПК по иностранным делам Ян Цзэчи в своем выступлении на 55-й сессии Мюнхенской конференции по безопасности в 2019 г., многосторонность соответствует основным положениям теории китайской внешней политики: «Будучи членом – учредителем ООН и постоянным членом ее Совета Безопасности, Китай всегда поддерживал мультилатерализм, следовал многостороннему подходу и выступал за мир, развитие и взаимовыгодное сотрудничество, последовательно играя роль защитника мира, международного порядка и внося вклад в глобальное развитие»[4].

На XIX съезде КПК в 2017 г. была изложена «китайская концепция глобального управления, основанная на принципах совместных консультаций, совместного строительства и совместного пользования». В этом выступлении прозвучал призыв «демократизировать международные отношения, отстаивать равенство стран вне зависимости от их величины, потенциала и уровня зажиточности, поддерживать активную роль ООН и расширение представительства и права голоса развивающихся стран» [15, с. 87–88].

по сотрудничеству в области развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.cidca.gov.cn/2018-08/06/c_129925064_2.htm (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

[4] Full text of Yang Jiechi's keynote speech at the 55th Munich Security Conference // Xinhua.net [Electronic resource]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-02/17/c_137827311.htm (дата обращения: 15.09.2023).

В ООН Китай активно выступает за политическое урегулирование споров мирными средствами, противостоит одностороннему вмешательству во внутренние дела других стран со стороны США и их союзников, а также применению или угрозе применения силы. Как отмечалось в Белой книге «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН», Китай является одним из крупнейших спонсоров подобных операций, а также одним из самых важных государств-участниц по направлению миротворческих сил[5]. Начало участия КНР в миротворческих операциях датируется 1990-м г., когда 5 военных наблюдателей впервые были направлены на Ближний Восток [16, с. 1]. К октябрю 2014 г. военнослужащие НОАК приняли участие в 24 миротворческих операциях ООН. В 2015 г. около 2000 китайских военнослужащих одномоментно были дислоцированы в различных районах проведения миротворческих операций [16, с. 2]. Китай также поддерживает усиление роли ООН в борьбе с терроризмом, в предотвращении распространения ядерного оружия, в содействии разоружению и контролю над вооружениями и активно участвует в соответствующих механизмах и процессах. В частности, на десятой Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия в 2022 г. китайский представитель выдвинул три основных предложения: во-первых, твердо придерживаться концепции общей безопасности и продвигать вперед процесс международного ядерного разоружения, во-вторых, придерживаться курса на политическое урегулирование и решать проблему ядерного нераспространения, и в-третьих, придерживаться первоначального намерения совместно содействовать мирному использованию ядерной энергии[6].

В ООН Китай настаивает на разрешении разногласий путем диалога и консультаций, выступает против односторонних санк-

[5] «Чжун го цзюнь дуй цань цзя лянь хэ го вэй хэ син дун 30 нянь» бай пи шу синь вэнь фа бу хуй (вэнь цзы ши лу) [Пресс-конференция, посвященная изданию Белой книги «30 лет участия китайской армии в миротворческих операциях ООН» (стенограмма)] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го го фан бу = Министерство обороны Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfyr/ztjzh/16031693.html (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

[6] Чжун го дай бяо туань чу си «бу ко сань хэ у ци тяо юе» ди ши цы шэнь и да хуэй [Китайская делегация на десятой Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чан чжу лянь хэ го дай бяо туань = Постоянное представительство Китайской Народной Республики при ООН [Электронный ресурс]. URL: http://un.china-mission.gov.cn/zgylhg/cjyjk/npt/202208/t20220803_10732587.htm (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

ций и экс-территориальной юрисдикции. Он призывает уважать право стран на самостоятельный выбор социальных систем и путей развития, выступает против политизации вопросов прав человека и вынесения двусторонних проблем на многосторонний уровень. На 46-й сессии Совета ООН по правам человека, проходившей в марте 2021 г., китайская делегация выступила с заявлениями по вопросам, связанным с Синьцзяном и Гонконгом. Китай вместе с более чем 140 другими странами опубликовал совместное заявление о противодействии односторонним принудительным мерам, подрывающим права человека, указав, что односторонние принудительные меры противоречат целям и принципам Устава ООН и серьезно подрывают основные права человека[7]. Как отмечал Си Цзиньпин в октябре 2021 г. на конференции, посвященной 50-й годовщине восстановления законного места КНР в Организации Объединенных Наций, «необходимо решительно поддерживать авторитет ООН и работать совместно над продвижением истинной многосторонности» [13, p. 553].

III. Поддержка Целей устойчивого развития. Содействие глобальному развитию является еще одним важным аспектом дипломатии Китая в ООН. Это направление политики поддерживается Китаем на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН, Экономического и Социального Совета ООН и других органов. Оно направлено на решение проблем несбалансированного, недостаточного и неустойчивого развития в мире, а также ликвидации ущерба, который нанесла глобальному развитию пандемия коронавирусной инфекции.

В своем выступлении на саммите ООН по устойчивому развитию, на котором были приняты Цели устойчивого развития на период до 2030 г., председатель КНР Си Цзиньпин призвал мировое сообщество удвоить усилия для достижения поставленных задач. В частности, лидер Китая указал на несколько аспектов:

1) необходимость укрепления нашей способности к достижению целей развития; каждая страна должна сформулировать свою уникальную стратегию развития;

[7] Чжун го дай бяо туань цань цзя лянь хэ го жэнь цюань ли ши хуй ди 46 цы хуэй и [Китайская делегация принимает участие в 46-й сессии Совета по правам человека ООН] // Чжун го жэнь цюань ван = Портал «Права человека в Китае» [Электронный ресурс]. URL: https://www.humanrights.cn/html/special/20210223/ (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

2) необходимость улучшить международную среду для развития (так как «мир и развитие идут рука об руку»);

3) необходимость оптимизировать партнерства в целях развития (все члены международного сообщества должны выполнять свои обязательства, в особенности развитые страны);

4) необходимость усиления координирующих механизмов для развития (и здесь Организация Объединенных Наций должна выполнять свою лидирующую функцию) [14, p. 260–261].

Выступая на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2021 г. Си Цзиньпин предложил учредить Инициативу глобального развития, которая, по его мнению, содержала бы следующие смысловые аспекты:

– приверженность развитию как приоритету;

– приверженность человеко-ориентированному подходу;

– приверженность выгоде для всех (всеобщей выгоде);

– приверженность такому типу развития, который движется благодаря технологическим инновациям;

– приверженность принципу гармонии между человечеством и природой;

– приверженность действиям, ориентированным на конкретный результат [13, p. 545–546].

Китай активно поддержал реализацию Повестки дня по устойчивому развитию на период до 2030 г. в ООН, внес значительный вклад в достижение Целей тысячелетия ООН и ликвидацию бедности. Согласно данным, предоставленным правительством КНР, Китай передал около 400 млрд юаней 166 странам и международным организациям, направил более 400 тыс. человек для оказания внешней помощи, внес существенный вклад в глобальное сокращение бедности[8]. Китай также продвигает строительство «Одного пояса, одного пути», подписал более 200 соглашений о сотрудничестве с более чем 140 странами и международными организациями, создал новые возможности для совместного развития и совместного процветания[9].

Китай активно способствует развитию глобальной системы

[8] Вэй жэнь лэй цзинь бу ши е эр фэнь доу де да дан дань дан – цзюй цзяо дан де ши цзю цзе лю чжун цюань хуэй [Ответственность главной партии в борьбе за прогресс человечества – в центре внимания Шестого пленума ЦК КПК 19-го созыва] // Чжун го го цзи вэнь ти янь цзю юань = Китайский институт международных исследований [Электронный ресурс]. URL: https://m.ciis.org.cn/sspl/202112/t20211201_8273.html (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

[9] Чжун го и дай и лу ван = Портал «Один пояс – один путь» Китайской Народной Респу-

здравоохранения. Особенно важный вклад в борьбе с пандемией коронавируса *COVID*-19 китайское правительство внесло путем обмена опытом профилактики и лечения, выделения большого количества антиэпидемических материалов, вакцин и лекарств разным странам, углубления научно-исследовательского сотрудничества по изучению вируса. Китай также передал Всемирной организации здравоохранения 50 млн долл. США, оказал помощь в вакцинации более 80 развивающимся странам; предоставил 2 млрд долл. США в помощь развивающимся странам, пострадавшим от пандемии, для борьбы с ней и восстановления экономического и социального развития. Более 150 стран и 13 международных организаций получили помощь в антиэпидемических материалах из КНР[10].

IV. Противодействие изменению климата и охрана окружаю\щей среды. В основу этого направления дипломатии КНР положены ключевые положения Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Конвенции ООН о биологическом разнообразии, деятельности Программы ООН по окружающей среде и других органов Организации Объединенных Наций. Деятельность в этом направлении ориентирована на решение этих проблем и сформулирована в ответ на серьезные угрозы и вызовы, которые они представляют для жизни и развития всего человечества.

Китай в ООН придерживается принципа общей, но дифференцированной ответственности, утверждая, что развитые страны должны нести основную нагрузку, предоставлять финансовую, технологическую и другую поддержку развивающимся странам, помогая противостоять изменению климата. Пекин также активно выполняет свои обязательства, поставив задачу достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2060 г. [13, p. 545–546]. Китай также активно способствует реализации Парижского соглашения, усиливает связь и координацию со всеми сторонами, играет конструктивную роль в продвижении глобального климатического управления. В ноябре 2021 г. Си Цзиньпин в своем выступлении на саммите лидеров стран

блики [Электронный ресурс]. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/77298.html (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

[10] Чжун го вэй цюань цю чжань и дай лай синь синь [Китай приносит уверенность в глобальной победе над коронавирусом] // Чжун хуа жэнь минь гун хэ го чжун ян жэнь минь чжэн фу = Центральное народное правительство Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-08/14/content_5631266.htm (дата обращения: 15.09.2023) (на кит. яз.).

на 26-й сессии Конференции государств – участников Рамочной конвенции ООН по изменению климата объявил о ряде конкретных мер Китая по контролю за потреблением угля, увеличению использования новых и возобновляемых источников энергии, усилению охраны экологии и восстановлению экосистем и призвал все страны объединиться в борьбе с изменением климата[11].

В Организации Объединенных Наций КНР активно осуществляет концепцию «зеленого» развития, включает экологические принципы в систему национального управления и стратегию развития, что способствует согласованию экономического и социального развития с бережной охраной ресурсов и окружающей среды. Китай также выступает за усиление роли ООН в таких областях, как поддержка биологического разнообразия, охрана морей, борьба с опустыниванием, и активно участвует в соответствующих механизмах и процессах. Так например, 30 сентября 2020 г. Си Цзиньпин в своем видео выступлении на саммите ООН по биологическому разнообразию предложил общее видение построения гармоничного сосуществования человека и природы, и объявил о ряде конкретных действий Китая по охране биологического разнообразия, усилению управления экосистемами, продвижению глобального управления окружающей средой и т.д., и призвал все страны объединиться в борьбе с кризисом биологического разнообразия, «совместно построить процветающий, чистый и красивый мир»[12].

Все четыре указанных направления внешней политики КНР отвечают интересам национальным интересам Республики Беларусь и соответствуют ее внешнеполитической доктрине.

Инициатива Китайской Народной Республики по построению сообщества единой судьбы человечества отражает понимание того, что многие глобальные вызовы, такие, как терроризм, бедность, эпидемии, изменение климата, распространение ядерного оружия и др., могут быть решены только совместными усилиями членов международного сообщества, а также привержен-

[11] Xi Jinping Delivers a Written Speech at the World Leaders Summit at the 26th Session of the Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Electronic resource]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb_663304/zzjg_663340/gjs_665170/gjsxw_665172/202111/t20211102_10439191.html (accessed: 15.09.2023).

[12] Полный текст выступления Си Цзиньпина на саммите ООН по биоразнообразию // Газета «Жэньминь жибао» онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2020/1001/c31521-9766505.html (дата обращения: 15.09.2023).

ности стратегии «*win-win*», то есть игры с положительной суммой для всех участников. Эта доктрина имеет значительный потенциал к тому, чтобы стать платформой для выработки совместных белорусско-китайских инициатив на полях Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

Политика КНР по достижению Целей устойчивого развития направлена на решение проблем несбалансированного, недостаточного и неустойчивого развития в мире, в том числе вызванного пандемией *COVID*-19. Министр иностранных дел Республики Беларусь С. Ф. Алейник во время выступления на 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН выразил поддержку китайской Инициативе глобального развития, отметив, что она «будет способствовать дальнейшему достижению Целей устойчивого развития…»[13]. Ранее Республика Беларусь стала членом Группы друзей данной инициативы.

Политика КНР по поддержке мультилатерализма и полицентричного международного порядка направлена на противодействие односторонним мерам, на осуждение гегемонизма, на поддержку принципа невмешательства во внутренние дела государств. Официальные представители Республики Беларусь неоднократно выступали на различных международных форумах с осуждением односторонних действий, прежде всего, Соединенных Штатов Америки. Построение полицентричного международного порядка вписывается в белорусскую стратегию создания сильного Евразийского экономического союза, который имеет потенциал к превращению в один из полюсов глобального миропорядка.

Политика КНР по противодействию изменения климата и вклад в охрану окружающей среды представляет ответ на серьезные угрозы и вызовы для человеческого существования и развития, вызванные этими проблемами. Пекин принял активное участие в координации международных усилий в этой сфере, в том числе в выработке текста Парижского соглашения по климату 2015 г. и поставил задачу на национальном уровне достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 г. и достичь углеродной нейтральности к 2060 г.

---

[13] Алейник: в условиях глобальной турбулентности Китай демонстрирует образцовое лидерство // БелТА [Электронный ресурс]. URL: https://www.belta.by/politics/view/alejnik-v-uslovijah-globalnoj-turbulentnosti-kitaj-demonstriruet-obraztsovoe-liderstvo-589101-2023 (дата обращения: 20.09.2023).

Ускоренное продвижение КНР по пути освоения новых чистых и возобновляемых источников энергии закладывает основу для сотрудничества Минска и Пекина в области новых технологий, в том числе создания экологически чистого транспорта.

Выводы. Таким образом, при анализе политики КНР в ООН в качестве основные направлений Китая в ООН в XXI в. были выделены следующие:

– продвижение идеи по построению человеческого сообщества единой судьбы;

– поддержка принципа многосторонности и международного порядка;

– достижение Целей устойчивого развития на национальном уровне и вклад в их достижение на глобальном;

– содействие международным усилиям по предотвращению изменения климата и вклад в охрану окружающей среды.

Указанные направления политики КНР в ООН соответствуют основным пунктам содержания внешней политики Китая, а именно приверженности пути мирного развития, проведению независимой и мирной внешней политики, отстаиванию справедливости и правды, активного участия в глобальном управлении. Эти идеи, высказанные в выступлениях Си Цзиньпина, Ху Цзиньтао и других китайских политиков, отражают глубокое понимание и твердую веру в построение подлинно справедливого международного порядка, в принципы мультилатерализма и устойчивого экономического роста, а также демонстрируют вклад Китая в обеспечение мира и глобального развития.

Библиографические ссылки

1. *Никуленков В. В.* Очерки российско-китайского сотрудничества в ООН и других глобальных организациях (1969–2015 гг.): монография. Красноярск: СФУ, 2016. 138 с.

2. *Печерица В. Ф., Бояркина А. В.* Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2020. 224 с.

3. *Козыкина Н. В., Муратшина К. Г.* Особенности дипломатии современного Китая: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 148 с.

4. *Тараканова Т. С.* Внешнеполитические концепции Китайской Народной Республики // Научно-технические ведомости. СПбПУ, серия Гуманитарные и общественные науки. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. № 3 (251). С. 68–74.

5. *Литвинова А. С.* О позиции Китая и России в вопросе о роли ООН в современных международных отношениях // Россия и АТР. 2006. № 3. С. 97–104.

6. *Chuvilov I. A., Malevich J. I.* Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2022. No. 1. P. 43–50.
7. *Мацель В. М.* Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. 2023. № 1. С. 38–49.
8. *Чжоу Лэчжэн.* О концептуальных основах внешней политики КНР в период председательства Ху Цзиньтао // Журнал международного права и международных отношений. 2022. № 3-4. С. 82–86.
9. *Го Цзиньлун.* Приоритетные направления внешней политики КНР в 2020–2021 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2021. Вып. 9. С. 214–226.
10. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Т. 1. 2014. 624 с.
11. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении Т. 2. 2018. 802 с.
12. *Xi Jinping.* The governance of China. Vol. 3. Beijing, 2020. 650 p.
13. *Xi Jinping.* The governance of China. Vol. 4. Beijing, 2022. 658 p.
14. *Xi Jinping.* On building a human community with a shared future. Beijing: Central Compilation and Translation Press, 2019. 569 p.
15. Ключевые слова Китая. Внешняя политика в новую эпоху / пер. и ред.: А. Семашко [и др.]. Пекин: Новый мир, 2019. 216 с.
16. *Шан Чанъи.* НОАК и миротворческая операция ООН. Пекин: Межконтинентальное издательство Китая, 2016. 224 с.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023

References

1. Nikulenkov, V. V. (2016). Ocherki rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva v OON i drugikh global'nykh organizatsiyakh (1969–2015 gg.) [Essays on Russian-Chinese cooperation in the UN and other global organizations (1969–2015)]. Krasnoyarsk: SFU, 138 p. (In Russ.).
2. Pecheritsa, V. F., Boyarkina, A. V. (2020). Kontseptsiya Si Tszin'pina "soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva": ot idei do prakticheskogo voploshcheniya [Xi Jinping's concept of "a community of a common destiny for humanity": from idea to practical implementation]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 224 p. (In Russ.).
3. Kozykina, N. V., Muratshina, K. G. (2017). Osobennosti diplomatii sovremennogo Kitaya : ucheb. posobiye [Features of the diplomacy of modern China: textbook]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 148 p. (In Russ.).
4. Tarakanova, T. S. (2016). Vneshnepoliticheskiye kontseptsii Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Foreign policy concepts of the People's Republic of China]. In: *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences.* SPb.: Izd-vo Politekhn. un-ta, No. 3 (251), p. 68–74. (In Russ.).
5. Litvinova, A. S. (2006). O pozitsii Kitaya i Rossii v voprose o roli OON v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [On the position of China and Russia on the issue of the role of the UN in modern international relations]. In: *Russia and Asian-Pacific Region.* No. 3, p. 97–104. (In Russ.).
6. Chuvilov, I. A., Malevich, J. I. (2022). Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and Road Initiative. In: *Journal of the Belarusian State University. International Relations.* No. 1, p. 43–50.

7. Matsel', V. M. (2023). Vneshnepoliticheskaya strategiya KNR epokhi Si Tszin'pina [Foreign policy strategy of the PRC during the Xi Jinping era]. In: *Journal of the Belarusian State University. History.* No 1, p. 38–49. (In Russ.).
8. Zhou Lezhen (2022). O kontseptual'nykh osnovakh vneshney politiki KNR v period predsedatel'stva Hu Jintao [On the conceptual foundations of Chinese foreign policy during the presidency of Hu Jintao]. In: *Journal of International Law and International Relations.* No. 3 (4), p. 82–86. (In Russ.).
9. Guo Jinlong (2021). Prioritetnyye napravleniya vneshney politiki KNR v 2020–2021 gg. [Priority directions of Chinese foreign policy in 2020–2021]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk. Vol. 9, p. 214–226. (In Russ.).
10. Xi Jinping (2014). O gosudarstvennom upravlenii [The governance of China]. Vol. 1. Beijing, 624 p. (In Russ.).
11. Xi Jinping (2018). O gosudarstvennom upravlenii [The governance of China]. Vol. 2. Beijing, 802 p. (In Russ.).
12. Xi Jinping (2020). The governance of China. Vol. 3. Beijing, 650 p.
13. Xi Jinping (2022). The governance of China. Vol. 4. Beijing, 658 p.
14. Xi Jinping (2019). On building a human community with a shared future. Beijing: Central Compilation and Translation Press, 569 p.
15. Semashko, A. [ed.] [etc.] (2019). Klyuchevyye slova Kitaya. Vneshnyaya politika v novuyu epokhu [Key words of China. Foreign policy in a new era. Pekin: Novyy mir, 216 p. (In Russ.).
16. Shang Changyi (2016). NOAK i mirotvorcheskaya operatsiya OON [The PLA and the UN peacekeeping operation]. Pekin: Mezhkontinental'noye izdatel'stvo Kitaya, 224 p. (In Russ.).

Received by editorial board 25.09.2023

УДК 327.323.38(510)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЯ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ДИНАСТИИ ЦИН И ДО ОБРАЗОВАНИЯ КПК

И. А. Чувилов, В. С. Бельская
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Политическое развитие Китая в 1910-х – начале 1920-х гг. представляет особый научный интерес, поскольку в этот период происходит кардинальный пересмотр формы государственного устройства, Китай пытается выработать формулу перехода от монархического строя к республиканскому. В исследовании установлено влияние Синьхайской революции на развитие государственности Китая, в результате которой страна столкнулась с противоречивыми тенденциями государственного строительства, что привело к повторной неудавшейся попытке установления империи. На основании этого в статье представлен анализ концептуальных направлений выработки стратегии политического развития государства в контексте борьбы идеологических течений и разных коалиций, по-разному оценивавших перспективы развития Китая. Это стало основой для соперничества разных политических партий на протяжении всей второй половины XX в. Авторы отразили влияние итогов Первой мировой войны на позиционирование Китая в системе международных отношений, уделив особое внимание формированию коммунистических идей и образованию Коммунистической партии Китая, которая направляет политическое развитие КНР на современном этапе.

Исследование политического развития Китая в 1910-х – начале 1920-х гг. имеет явный актуальный характер, поскольку роль КНР в современных международных отношениях поступательно возрастает. Для выработки грамотной и продуктивной стратегии сотрудничества с Китаем важно учитывать особенности его политического развития в исторической ретроспективе. Заявленный в исследовании период стал начальным этапом формирования современного Китая, его изучение позволит выработать более четкое понимание принципов государственного строительства в Китае и особенностей проводимых в стране политических преобразований.

Ключевые слова: династия Цин, политическое развитие Китая, Коммунистическая партия Китая.

Образец цитирования: *Чувилов И. А., Бельская В. С.* Политическое развитие Китая после падения династии Цин и до образования КПК // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития : сб. науч. ст. Минск, 2023. Вып. 11. С. 141–154.

Авторы: Чувилов Иван Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: chuvilovIA@bsu.by.
Бельская Валерия Сергеевна – студентка 2 курса факультета международных отношений; e-mail: belskaya.valerochka@mail.ru.

POLITICAL DEVELOPMENT OF CHINA AFTER THE FALL OF THE QING DYNASTY AND TILL THE FORMATION OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA

I. A. CHUVILOV, V. S. BELSKAYA
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Political development of China at the beginning in the 1910s – early 1920s is of particular scientific interest, since during this period there was a radical revision of the form of government, China was trying to develop a formula for the transition from a monarchical system to a republican one. The study established the influence of the Xinhai Revolution on the development of Chinese statehood, as a result of which the country was faced with contradictory trends in state building, which led to a repeated failed attempt to establish an empire. Based on this, the study presents an analysis of the conceptual directions for developing a strategy for the political development of the state in the context of the struggle of ideological currents and various coalitions that differently assessed the prospects for China's development. This became the basis for rivalry between different political parties throughout the second half of the twentieth century. The authors reflected the influence of the results of the First World War on the positioning of China in the system of international relations, and also paid special attention to the formation of communist ideas and the formation of the Communist Party of China, which guides the political development of the PRC at the present stage.

The study of the political development of China in the 1910s – early 1920s is clearly relevant since the role of the PRC in modern international relations is progressively increasing. To develop a competent and productive strategy for cooperation with China, it is important to take into account the peculiarities of its political development in historical retrospect. The period stated in the study became the initial stage of the formation of modern China; its analysis will allow us to develop a clearer understanding of the principles of state building in China and the features of the political transformations being carried out in the country.

Key words: Qing dynasty, political development of China, Communist Party of China.

For citations: Chuvilov I. A., Belskaya V. S. (2023). Politicheskoe razvitie Kitaya posle padeniya dinastii Cin i do obrazovaniya KPK [Political development of China after the fall of the Qing dynasty and till the formation of the Communist Party of China]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk, Vol. 11, p. 141–154.

Authors: Chuvilov Ivan Alekseevich – PhD (Political Studies), associate professor of the Department of International Relations, Belarusian State University; e-mail: chuvilovIA@bsu.by;
Belskaya Valeria Sergeevna – 2nd year student of the Faculty of International Relations, Belarusian State University; e-mail: belskaya.valerochka@mail.ru.

Введение. В течение нескольких тысячелетий территория современного Китая представляла собой монархические владения, институт китайского императора является одним из древнейших и сильнейших в мировой истории. Однако уже во второй половине XIX в. влияние императора начало постепенно снижаться. В начале XX в. империя под управлением династии Цин вступила в череду революционных событий, которые оказали всеобъемлющее влияние на политическое развитие Китая в XX в. Свержение монархии, государственный переворот, формирование новых идейно-политических течений и постулирование различных взглядов на государственное устройство республики обусловили причины наиболее важного события для политической истории Китая прошлого века, а именно образования КНР. В условиях нестабильной и быстро развивающейся политической обстановки первой половины XX в. имели место две мировые войны. При этом период 1910-х – начала 1920-х гг., вероятно, является одним из самых насыщенных в истории Китая, так как в эти десятилетия начинают концептуализироваться коммунистические идеи, которые постепенно начали формировать собственное политическое течение.

Концентрация политических и социальных трансформаций в рассматриваемых десятилетиях просто колоссальна. Поэтому в рамках современного усиления роли КНР в глобальных международных связях крайне актуально изучение событий начала XX в. в китайской политической истории, выявление причинно-следственных связей, определение роли исторических личностей и КПК, в особенности.

Методология исследования. *Объект исследования* – политическое развитие Китая в 1910-х – начале 1920-х гг. *Предмет исследования* – направления и формы перехода Китая на республиканскую форму правления в условиях внутриполитической неопределенности и влияния внешних международных факторов. *Цель статьи* – выявить особенности республиканского строительства в Китае в 1910-х – начале 1920-х гг. Для достижения данной цели определены следующие *задачи исследования*:

1) установить последствия Синьхайской революции для политического развития Китая;

2) выявить внутри- и внешнеполитические тенденции развития Китая в 1910-х – начале 1920-х гг.

Методологической основой исследования стали принципы объективности и историзма, историко-генетический и истори-

ко-сравнительный методы. При подготовке исследования учитывались традиции школы политического реализма в изучении международных отношений, благодаря чему удалось программно раскрыть достаточно сложный период в китайской политической истории.

Обзор литературы по теме исследования. Вопросы политической истории Китая начала XX в. в белорусской исторической науке до сих пор не до конца проанализированы, данная проблематика нуждается в уточнении, дополнении ее новыми фактологическими сведениями. При этом необходимо также указать на уже существующие исследования по политическому развитию Китая 1910-х – начала 1920-х гг. В диссертации О. А. Лихаревой «Политика США в отношении Китая во время Синьхайской революции 1911–1913 гг.» последствия падения династии Цин рассмотрены через динамику китайско-американских отношений[1]. Д. А. Рыбель рассмотрел итоги Синьхайской революции в контексте Британской политики в Китае[2]. Важно также отметить труды О. Е. Непомнина [1], В. А. Глушакова [2], О.А. Вестада [3], которые в рамках отдельных разделов уделили внимание периоду после падения династии и до образования КПК.

Результаты исследования.

Синьхайская революция и ее роль в переходе Китая на республиканскую форму правления. Династия Цин правила в Китае почти три столетия, за которые облик китайской империи постоянно изменялся. За последние годы правления династии Цин китайская империя перешагнула через порог модернизации, в стране вводились новаторские изменения в ее социально-политическом развитии. Сохранив культурные и некоторые политические особенности исконно династического Китая, во время поздней династии Цин империя ступила на путь преобразований по примеру других развитых стран: выход из изоляции, развитие и либерализация экономики, демократизация политической системы, модернизация института власти, технический прогресс.

[1] Лихарева О. А. Политика США в отношении Китая во время Синьхайской революции 1911–1913 гг.: диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.03 / Владивосток, 2000. 228 с.

[2] Рыбель Д. А. Британская политика в Китае во время Синьхайской революции 1911–1913 гг.: диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук: 07.00.03 / Владивосток, 2009. 213 с.

Последние годы существования Цинского режима ознаменовали начало строительства нового Китая, в чем немаловажную роль сыграла вдовствующая императрица Цыси.

Во время активно проводимых реформ политические перемены были ожидаемы, однако революция 1911 г. все же застала китайское государство врасплох. Отмена многовековой системы экзаменов для приема на государственную службу, попытка перехода на конституционную монархию, пересмотр правовой и законодательной системы, создание школ и университетов современного образца, появление иностранных, в том числе европейских, товаров и технологий – реформы были амбициозными, но проводились слишком поздно.

Революция 1911 г. под руководством Сунь Ятсена получила название Синьхайской. Как пишет научный сотрудник Института истории партии Академии общественных наук КНР Ли Чжэнцзюнь, революция «свершилась в период заката феодальной абсолютистской системы и возникновения угрозы со стороны западных держав. … Участниками сначала были в основном патриоты из числа китайских студентов за границей, передовой интеллигенции и китайских эмигрантов. Затем к ним присоединялось все больше членов революционных обществ и представителей народных масс» [4, с. 155].

1 января 1912 г. было официально объявлено об образовании временного правительства Китайской Республики в городе Нанкине. На политической карте Азии образовалась первая демократическая республика, где впервые были проведены выборы президента и его заместителя путем голосования представителей разных провинций, а верхняя палата парламента даже могла отстранить президента в случае измены. Был обнародован первый в китайской истории основной закон государства демократического характера, в котором отражалась политическая система китайского общества, определялись демократические права и обязанности граждан [4, с. 158]. Таким образом, Синьхайская революция стала основанием перехода Китая на республиканскую форму правления.

Первым временным президентом республики был избран Сунь Ятсен. Выбор этого политического деятеля был обусловлен его многолетним вкладом в революционное дело и убедительным видением Китая как республики. Однако важная политическая фигура еще во времена династии Цин Юань Шикай по-прежнему имел верных военных сторонников, а его бывшие сорат-

ники управляли северными провинциями Китая[3]. Поддавшись давлению, Сунь Ятсен был вынужден отказаться от занимаемой должности.

Роль Синьхайской революции в политической истории Китая до сих пор привлекает интерес многих исследователей. После столетий монархического управления Китай начал приобретать дополнительные атрибуты современного государства, начался переход на республиканскую форму правления. Изменениям поддались общественная и политическая мысль, установился плюрализм, видение Китая как единого государства. В связи с данными событиями начали подниматься народные массы, продвигающие свои идеи государственного устройства, зародилось национальное самосознание. Китайская политическая культура и общественная жизнь стремительно преобразовывались. Пришел полноценный конец самоизоляции, китайское общество стремилось стать равноправным членом международного сообщества. В результате этих событий было положено начало становления Китая как перспективной региональной державы.

Период установления власти Юань Шикая. Приход к власти Юань Шикая был отчасти обусловлен внутриполитической неопределенностью в самом Китае, который только начинал переход к республиканскому строительству. Сунь Ятсен решил отказаться от президентства в пользу Юань Шикая в обмен на обещания, что тот перенесет столицу в Нанкин и возьмет на себя обязательства по приверженности демократической республиканской системе. Юань Шикай поступил иным образом, направив политическое развитие Китая в другую сторону. При этом Сунь Ятсен организовал новую партию Гоминьдан в августе 1912 г. [5, с. 227]. Юань Шикай правил Китаем в течение четырех лет, с 1912 г. до своей смерти в 1916 г. Основную поддержку ему оказывали ведущие офицеры армии. В период становления республики Юань Шикай столкнулся с двумя основными проблемами. Первая – борьба за государственную власть с Гоминьданом, партией большинства в Национальном собрании, и вторая – борьба между центральным правительством и провинциями, большинство из которых пользовались фактической автономией[4].

[3] To, M. China's Quest for a Modern Constitutional Polity: A thesis submitted to the Faculty of Graduate and Postdoctoral Affairs in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Political Science / Ottawa, 2016. P. 65.

[4] Jun, Fang. From Political Centralism to Constitutional Monarchy: The Quest of Yuan Shikai

В первые годы республики продолжалась борьба между Юань Шикаем и бывшими революционерами по вопросу о том, кому принадлежит высшая власть – парламенту или президенту. Юань Шикай в довольно традиционной манере выступал за централизованное государство с сильным правителем. Конфликт в полной мере разгорелся после выборов в Национальное собрание в конце 1912 г. Электорат был ограничен по полу, достатку и образованию, но сорок миллионов мужчин впервые в истории Китая приняли участие в выборах на государственном уровне [4, с. 228]. Это стало важным событием в политической истории Китая и способствовало дальнейшему формированию политической осознанности граждан в контексте республиканского строительства.

При Юань Шикае наступил сложный период, политическая система была подконтрольна ему, а Сунь Ятсен был вынужден укрыться в Японии. Юань Шикай даже выступил с попыткой реставрации монархии. Ситуация ухудшилась еще в 1915 г. из-за начавшейся Первой мировой войны. Она дала Японии возможность значительно расширить свое влияние в Китае. 18 января 1915 г. Япония во главе с премьер-министром Окумой Сигэнобу предъявила Юань Шикаю так называемые «двадцать одно требование», среди которых были территориальные уступки и предоставление Японии некоторых прав по контролю за политическим и военным развитием Китая. Китайское правительство пыталось вести переговоры, но после ввода японских войск Юань Шикай решил принять большую часть выдвинутых требований.

Несмотря на известные истории противоречивые оценки политики Юань Шикая, за период своего правления он осуществил целый ряд нововведений и провел ряд модернизационных новаций, способствовавших укреплению экономики, принял ряд законов, которые интенсифицировали промышленное развитие Китая. За годы его управления в Китае не были утрачены и окончательно забыты конфуцианские принципы государственного управления, формировалась новая политическая идеология, образовывались общественные организации, в некоторой степени поощрялось создание политический партий, ориентированных на укрепление государственной системы в Китае [4, с. 159]. 22 марта 1916 г. он объявил об упразднении новой империи. Однако восстание про-

and His Advisors, 1912–1916: thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts / Atlanta, 2021. P. 55.

тив политического ориентира развития государства, обозначенного Юань Шикаем, продолжало распространяться, и все больше военных лидеров провозглашали независимость своих провинций. При этом, как пишет И. Е. Пожилов, «краху амбиций Юань Шикая послужил целый комплекс факторов» [6, с. 184]. Юань Шикай не успел полностью воплотить в жизнь свои неординарные идеи, так как тяжело заболел и 6 июня 1916 г. скончался.

Таким образом, Синьхайская революция обозначила трансформационный этап в развитии Китая от традиционного общества с монархической властью к демократической республике, благодаря ей начался следующий колоссально важный этап в китайской истории [4, с. 157]. Хотя она и привела к длительному политическому и общественному кризису, но также положила начало пути к сильному Китаю.

Уже на первом этапе модернизации были заложены основы коллективизма, государственного руководства экономикой и безусловного централизованного контроля над ее ведущими отраслями. Специфика плановой экономики зародилась в китайском обществе сразу в первые годы после революции, и была поддержана не только коммунистами. Главным противоречием в определении вектора политического развития в этот период был выбор между президентской и парламентской формами правления[5]. Наследие централизованной власти и унитарного государства, полученного в результате длительного имперского развития, все еще оставалось важным фактором принятия государственных решений для китайской политической элиты, а принцип разделения власти казался политикам, обученным государственному управлению на основе конфуцианских идеалов, странным и непрактичным[6].

Китай во время Первой мировой войны и влияние внешних международных факторов на политическое развитие государства. Первая мировая война 1914–1918 гг. затронула 38 государств, в том числе и Китай, который рассчитывал на нейтралитет в войне. Китайское правительство выступило с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая, включая «арендованные» западными державами китайские земли, однако 22 августа 1914 г. Япония высадила 30-тысячную армию север-

[5] To, M. China's Quest for a Modern Constitutional Polity: A thesis submitted to the Faculty of Graduate and Postdoctoral Affairs in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Political Science / Ottawa, 2016. P. 68–69.

[6] Там же.

нее Циндао – в центре немецкой колонии в провинции Шаньдун [7, с. 14]. Китаю пришлось искать способы сдерживания экспансионистской политики Японии и при этом также добиваться международного признания своего статуса равноправного члена международных отношений.

Еще молодая республика столкнулась с нежеланием Японии идти на компромисс. Правительство под управлением Юань Шикая пыталось найти всяческие дипломатические решения для сдерживания японских амбиций в отношении контроля над Китаем. Япония же выдвинула ряд требований, о которых уже упоминалось выше (контроль японской стороной над отдельными отраслями китайской экономики, разрешение на проведение добычи полезных ископаемых, дислоцирование японской армии в стратегически важных северных регионах Китая). Учитывая сложную внутриполитическую ситуацию и отсутствие международной поддержки, Китай, как обозначалось ранее в статье, был вынужден согласиться с большинством японских требований. В конце 1915 г. между странами Антанты и Юань Шикаем начались переговоры о вступлении Китая в войну против Германии. Стоит отметить, что в 1916–1918 гг. премьер-министром Китая был Дуань Цижуй, который выступал за поддержание отношений с Японией. Под давлением Великобритании, Франции, США и Японии правительство Дуань Цижуя 14 августа 1917 г. официально объявило войну Германии, надеясь получить признание иностранных держав[7].

В период Первой мировой войны китайская общественность не желала, чтобы Китай оставался на периферии международной политики. Когда на Парижской конференции по итогам Первой мировой войны интересы Китая практически не были учтены, начались студенческие демонстрации в городах по всей стране. Стоит также отметить, что на конференции Китай был представлен общей делегацией из северного и южного правительств (так как в этот период политическое развитие республики находилось в разнонаправленном состоянии, а политическая система не была выстроена в едином виде). Демонстранты требовали восстановления территориального суверенитета, полного признания права Китая на самоопределение, признания недействительными неравноправных договоров, действовав-

[7] Роль Китая в Первой мировой войне // Справочник Автор24 [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnick.ru/istoriya/istoriya_gosudarstva_kitay/rol_kitaya_v_pervoy_mirovoy_voyne/ (дата обращения: 10.09.2023).

ших еще со времен двух Опиумных войн, когда иностранные державы вторглись в Китай и насильственно навязали ему свои требования. Дуань Цижуй официально отказался от подписания договора и объявил об отставке прояпонски настроенных членов своего кабинета.

В череде кульминационных событий политической истории Китая Парижская конференция занимает немаловажное место. Участие китайской делегации, несмотря на неспособность защитить свои интересы, является первым в истории случаем, когда китайское государство было принято на международном уровне и получило возможность выразить свои пожелания касательно решений конференции. Это стало первым, хоть и незначительным, толчком на пути к признанию Китая как сильного самодостаточного государства, являющегося равноправным участником международных отношений.

Образование Коммунистической партии Китая. В исследуемый период китайские студенты и активисты начали серьезно изучать западные политические течения. Привлекательность левых идей в Китае была обусловлена успехом Октябрьской революции 1917 г. в России. Первых китайских коммунистов больше вдохновлял ленинизм, нежели марксизм. В это время Коминтерн решил содействовать созданию Коммунистической партии в Китае. Это был очевидный шаг, направленный на завоевание влияния в стране, имеющей протяженную континентальную границу с Россией.

В августе 1920 г. в Шанхае была создана коммунистическая группа, состоявшая из студентов, преподавателей и журналистов. С осени 1920 г. по первую половину 1921 г. аналогичные коммунистические группы одна за другой появились в Пекине, Ухане, Цзинане, Гуанчжоу и других городах. В ноябре 1920 г. коммунистическая группа в Шанхае разработала «Манифест Коммунистической партии Китая» [5, с. 257].

Официально КПК была создана в июле 1921 г., когда в Шанхае во Французской концессии был созван первый съезд новой партии. На съезде присутствовали двенадцать делегатов, представлявших пятьдесят трех членов партии из семи населенных пунктов, среди них были Мао Цзэдун и Дун Биу. В первые несколько лет после образования партии, вплоть до 1923 г., деятельность КПК не имела масштабного характера, политическая повестка партии и круг сторонников декларируемых ею идей расширялись постепенно. Число членов КПК с 1921 по 1923 гг., по

некоторым оценкам историков, выросло с 57 до 900, и подобные достаточно медленные темпы роста вначале не могли обеспечить достижение цели партии по обретению национального политического влияния [8, с. 77]. Однако спустя еще несколько лет число сторонников КПК стало крайне быстро увеличиваться. Идейные взгляды партийных лидеров стали приобретать все большую поддержку в китайском обществе.

Образование КПК считается отправной точкой новой эпохи, когда начался путь к строительству великого государства, служащего интересам нации. Исходной точкой и конечной целью работы партии были защита интересов всех слоев населения, возрождение китайской нации, прекращение порабощения страны империализмом, феодализмом и бюрократическим капитализмом, богатство и процветание государства. На основе сохранения традиционных устоев и развития инновационной деятельности КПК начала работу по построению социализма с китайской спецификой.

В настоящее время КПК успешно направляет политическое развитие КНР. Председатель Си Цзиньпин в своем выступлении отметил: КПК и китайский народ пережили тяжелые невзгоды и глубоко осознают ценность мира и развития. Уверенный в себе китайский народ, обладающий чувством собственного достоинства, будет продолжать твердо защищать суверенитет, безопасность и интересы развития страны и при этом вместе с народами всех стран активно продвигать создание сообщества единой судьбы человечества, непрерывно внося новый и еще больший вклад в благородное дело мира и развития всего человечества» [9, с. 108]. Важно также указать, что Китай под управлением Си Цзиньпина создает новый международный порядок, новую систему международных отношений [10, с. 49]. Стремительный рост влияния КНР на современном этапе стал возможен благодаря КПК, которая с момента своего основания, то есть с 1921 г., ставила целью также и повышение значимости Китая в международной политике. Уже с позиций сегодняшнего дня можно с уверенностью утверждать, что более чем вековой период в развитии коммунистической партии привел к тому, что КНР стала глобальной державой, с интересами которой должны считаться все остальные государства.

Выводы. За период 1910-х – начала 1920-х гг. Китай претерпел ряд трансформаций в национальном политическом развитии. Синьхайская революция обусловила необходимость определения

национального пути государственного строительства, который отразился в формировании республиканского строя.

Новая республика в первые годы своего существования столкнулась с разрушительным характером Первой мировой войны, когда произошел кардинальный общемировой пересмотр системы безопасности. Хотя касательно Парижской конференции ожидания китайского руководства не оправдались, страна не осталась ни с чем, имели место определенные значимые приобретения. Это, в первую очередь, возвращение некоторого объема национального суверенитета. Китайская делегация получила возможность презентовать собственные взгляды на миропорядок, зарождающуюся систему международных отношений.

За исследуемый в статье период в китайском обществе начинали постепенно распространяться марксистско-ленинские идеи. Коммунистические группировки, а позже и собственно Коммунистическая партия Китая, образованная в 1921 г., начали свой путь с неудач, за первые годы им не удалось закрепить свое положение и взять власть под свое начало. КПК была вынуждена искать поддержки среди крестьян в отдаленных горных районах. Однако это вовсе не означало поражение коммунистической верхушки и идеологии в целом. Создание КПК знаменовало начало новой эпохи. В первые годы после образования она столкнулась с трудностями, но они показали, какие ошибки были совершены и в каком направлении следует двигаться дальше, китайская нация обрела новый ориентир.

В целях и идеях двух основных политических партий – КПК и Гоминьдана можно было наблюдать относительную схожесть. На этапе зарождения и укрепления их лидеры зачастую выражали намерение сотрудничать и совместно бороться за «Великий Китай». Однако со временем различия в политических методах привели к расколу революционного правительства. Руководство Гоминьдана считало коммунизм неестественным для китайского общества и вместо классовой борьбы выступало за примирение классов. Именно так начала зарождаться политическая и идеологическая борьба двух партий, которая определила политическое развитие Китая уже периода конца 1920-х – 1940-х гг.

Библиографические ссылки

1. *Непомнин О. Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. Москва: Восточная литература, 2005. 712 с.

2. *Глушаков В. А.* История Китая в двадцатом веке. Москва: Энциклопедия-ру, 2019. 480 с.
3. *Вестад О.А.* Беспокойная империя. Китай и мир с 1750 года / пер. с англ. С.А. Белоусова. Москва : ЗАО Издательство Центрполиграф. 2014. 639 с.
4. *Ли Чжэнцзюнь.* О некоторых важных проблемах Синьхайской революции (1911) в Китае // Россия и АТР. 2012. № 2. С. 154–161.
5. *Mühlhahn K.* Making China Modern. From the Great Qing to Xi Jinping. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press. 2019. 717 p.
6. *Пожилов И. Е.* Война в защиту республики: к оценке события и его главных действующих лиц (1924–1928 гг.) // Общество и государство в Китае: 47-я научная конференция / Институт востоковедения РАН. 2017. С. 179–189.
7. *Аракчаа Б. А.* Уголовное право и процесс стран восточной Азии 1900–1957 гг. (на примере Китайской Народной Республики) // Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума «Наука и инновации – современные концепции». Том 2. Издательство Инфинити, 2018. С. 11–18.
8. *Yang K., Liu W.* Studying the Chinese Communist Party in historical context: an interview with Yang Kuisong // Journal of Modern Chinese History. 2016. № 10(1). P. 67–86.
9. *Си Цзиньпин.* О государственном управлении. Том 3. Пекин: Издательство лит. на иностр. яз., 2021. 846 с.
10. *Chuvilov I. A., Malevich J. I.* Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2022. № 1. P. 43–50.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023

References

1. Nepomnin, O. E. (2005). Istorija Kitaja: Jepoha Cin. XVII – nachalo XX veka [History of China: The Qing Era. XVII – early XX centuries]. M: Vostochnaja literature, 712 p. (In Russ.).
2. Glushakov, V. A. (2019). Istorija Kitaja v dvadcatom veke [History of China in the twentieth century]. Moscow: Jenciklopedija-ru, 480 p. (In Russ.).
3. Vestad, O.A. (2014). Bespokojnaja imperija. Kitaj i mir s 1750 goda [Restless empire. China and the world since 1750]. Moscow, ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf, 2011. 639 p. (In Russ.).
4. Li, Chzhjenczjun'. (2012). O nekotoryh vazhnyh problemah Sin'hajskoj revoljucii (1911) v Kitae [About some important problems of the Xinhai Revolution (1911) in China]. In: *Rossija i ATR.* № 2, p. 154–161. (In Russ.).
5. Mühlhahn, K. (2019). Making China Modern. From the Great Qing to Xi Jinping. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press. 717 p.
6. Pozhilov, I. E. (2017). Vojna v zashhitu respubliki: k ocenke sobytija i ego glavnyh dejstvujushhih lic (1924–1928 gg.) [The War in Defense of the Republic: An Assessment of the Event and Its Main Characters (1924–1928)]. In: *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: 47-ja nauchnaja konferencija.* Institut vostokovedenija RAN. P. 179–189. (In Russ.).
7. Arakchaa, B. A. (2018). Ugolovnoe pravo i process stran vostochnoj Azii 1900–1957 gg. (na primere Kitajskoj Narodnoj Respubliki) [Criminal law and procedure

of the countries of East Asia 1900-1957 (on the example of the People's Republic of China)]. In: *Sbornik nauchnyh statej po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma "Nauka i innovacii – sovremennye koncepcii"*. Tom 2. Izdatel'stvo Infiniti. P. 11–18. (In Russ.).
8. Yang, K., Liu, W. (2016). Studying the Chinese Communist Party in historical context: an interview with Yang Kuisong. In: *Journal of Modern Chinese History.* 2016. № 10(1), p. 67–86.
9. Xi, Jinping. (2021). O gosudarstvennom upravlenii [The Governance of China] T. 3. Pekin: Izd-vo lit. na inostr. jaz., 846 p. (In Russ.).
10. Chuvilov, I. A., Malevich, J. I. (2022). Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative. In: *Journal of the Belarusian State University. International Relations.* № 1, p. 43–50.

Received by editorial board 15.09.2023

УДК 327(54)

THE SOUTH ASIAN ASSOCIATION FOR REGIONAL COOPERATION: GEOPOLITICAL DIMENSIONS AND PERSPECTIVES

Y. A. Shcharbina
Belarusian State University

The research on the geopolitical dimensions and perspectives of SAARC construction is highly relevant due to several reasons. Firstly, SAARC is an important regional organization in South Asia with the potential to promote economic growth, social progress, and cultural exchange among member states. However, the organization has faced numerous challenges in achieving its objectives, particularly in the face of political tensions and conflicts among member states.

The literature suggests that the historical animosities and conflicts between member states have significantly impacted SAARC's effectiveness and potential. Secondly, the research on SAARC's geopolitical aspects is relevant in light of the changing geopolitical landscape in South Asia. The region has experienced increased competition and influence from external powers which has complicated regional dynamics and made cooperation among SAARC member states more challenging. Thirdly, the relevance of the research lies in the analysis of the potential implications for regional security, with a specific focus on the progress made so far and the opportunities for the future. This highlights the importance of understanding the geopolitical landscape of the region and how it can impact the stability and security of the member states. Therefore, understanding the geopolitical factors that affect SAARC's construction and its ability to improve regional stability is critical to mitigate conflict and promote peace in the region. This paper aims to identify the key assumptions, concepts, and arguments in the literature related to SAARC. The research is expected to illuminate and evaluate the unquestioned assumptions in the literature on SAARC's geopolitical dimensions and perspectives. This will help to inform policymaking, promote regional cooperation and integration, and contribute to regional stability and security in South Asia.

Key words: SAARC; South Asia; cooperation; International Relations; geopolitics; regional organization; integration.

For citations: Shcharbina Y. A. (2023). The South Asian Association for Regional Cooperation: Geopolitical Dimensions and Perspectives. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11. P. 155–174.

Author: Yury Shcharbina – postgraduate student of the Faculty of International Relations, Belarusian State University; e-mail: jyriisherbina@mail.ru.

АССОЦИАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН ЮЖНОЙ АЗИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ю. А. Щербина
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

Исследование геополитических аспектов и перспектив строительства САРК весьма актуально по нескольким причинам. Во-первых, САРК является важной региональной организацией в Южной Азии, которая способствует экономическому росту, социальному прогрессу и культурному обмену между государствами-членами. Однако региональная организация столкнулась с многочисленными проблемами в достижении своих целей, особенно в условиях политической напряженности и конфликтов между государствами-членами.

В литературе описано, что историческая враждебность и конфликты между государствами-членами значительно повлияли на эффективность и потенциал САРК. Во-вторых, исследование геополитических аспектов САРК актуально в свете меняющегося геополитического ландшафта в Южной Азии. В регионе усилилась конкуренция и влияние внешних сил, что усложнило региональную динамику и сделало сотрудничество между государствами-членами САРК более сложным. В-третьих, актуальность исследования заключается в анализе потенциальных последствий для региональной безопасности с особым акцентом на достигнутый прогресс и возможности будущего. Это подчеркивает важность понимания геополитического ландшафта региона и того, как он может повлиять на стабильность и безопасность государств-членов. Поэтому понимание геополитических факторов, влияющих на строительство САРК, и его способности улучшать региональную стабильность имеет особое значение для смягчения конфликтов и содействия миру в регионе. Эта статья направлена на определение ключевых предположений, концепций и аргументов в литературе, связанных с САРК. Ожидается, что исследование прольет свет и оценит бесспорные предположения в литературе о геополитических измерениях и перспективах САРК. Это поможет информировать разработчиков политики, способствовать региональному сотрудничеству и интеграции, а также содействию региональной стабильности и безопасности в Южной Азии.

Ключевые слова: САРК; Южная Азия; сотрудничество; международные отношения; геополитика; региональная организация; интеграция.

Образец цитирования: *Щербина Ю. А.* Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии: геополитические измерения и перспективы // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 155–174.

Автор: Юрий Щербина – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: jyriisherbina@mail.ru.

The South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) is a regional organization comprising eight member states from South Asia. The organization was established in 1985 with the primary goal of promoting regional cooperation and integration[1] in areas such as economic development, social progress, and cultural exchange. However, despite the potential benefits of regional cooperation, SAARC has faced numerous challenges, particularly in terms of geopolitical factors that have affected its construction. This analytical paper aims to examine the geopolitical aspects of SAARC construction, including the political tensions among member states and the role of external powers in the region. The research is expected to illuminate and evaluate the unquestioned assumptions in the literature on SAARC's geopolitical dimensions and perspectives. This will help to inform policymaking, promote regional cooperation and integration, and contribute to regional stability and security in South Asia. The paper will also assess the scientific novelty of the research, describe the research methods used, and outline the goals and objectives of the study.

Goals and Objectives of the Study. The primary goal of this study is to provide a comprehensive analysis of the geopolitical aspects of SAARC construction and to illuminate and evaluate unquestioned assumption in the literature. Critically evaluate the validity, reliability, and generalizability of these assumptions, concepts, and arguments based on empirical evidence and alternative perspectives and to develop a nuanced understanding of SAARC's geopolitical dimensions and perspectives that acknowledges the complexity, diversity, and dynamics of the region and its interactions with the global context. The study aims to assess the impact of political tensions and conflicts among member states on regional stability and cooperation, and to examine the role of external powers in the region. The involvement of external powers can either facilitate or impede regional cooperation and integration. Therefore, it is essential to examine the role of external powers in SAARC construction. Additionally, the study seeks to identify the challenges that SAARC has faced in promoting regional integration and cooperation, and to evaluate the progress made by the organization in achieving its objectives. Another objective of the study is to identify the opportunities and potential areas for further cooperation and integration within the region.

[1] About SAARC / The South-Asian Association for Regional Cooperation [Electronic resource]. 2020. URL: https://www.saarc-sec.org/index.php/about-saarc/about-saarc (accessed: 28.02.2023).

Scientific Novelty. The scientific novelty of this research lies in its comprehensive and systematic analysis of the geopolitical aspects of SAARC construction. While there have been some studies on this topic, this research provides a more in-depth and up-to-date analysis of the challenges and opportunities facing SAARC. Additionally, this research adopts a multi-disciplinary approach, drawing on insights from political science, international relations, and regional studies. The research methods used in the study also contribute to its scientific novelty, including a review of existing literature on SAARC, an analysis of primary and secondary data sources, and expert interviews.

Research Methods. The research methods used in this study include a review of existing literature on SAARC, an analysis of primary and secondary data sources, and expert interviews. The literature review involved an extensive search of academic articles, policy papers, and other relevant sources on SAARC and regional integration. The analysis of primary and secondary data sources involved a review of official documents and reports from SAARC, as well as data from regional organizations and international agencies. The expert interviews involved discussions with scholars, policymakers, and regional experts with extensive knowledge of SAARC and regional politics.

Existing visions in literature. The literature on SAARC's geopolitical dimensions and perspectives has several key assumptions and concepts. One such assumption is that the geopolitical context of South Asia is characterized by inter-state rivalries, mistrust, and security dilemmas. This context has shaped SAARC's functioning and effectiveness, as member states are often hesitant to cooperate and integrate due to concerns over national security and sovereignty. Another key assumption is that SAARC's geopolitical context is further complicated by external factors, such as the influence of major powers and non-state actors in the region.

The literature also highlights several key concepts related to SAARC's geopolitical dimensions and perspectives. One such concept is that of regional security, which has been a significant concern for SAARC member states. The literature emphasizes the need for SAARC to develop a regional security framework that can help address common security challenges, such as terrorism and transnational crime. Another key concept is that of regional trade and economic integration. Intra-regional trade within SAARC remains

low, and member states often face trade-related barriers and obstacles. The literature suggests that greater regional trade and economic integration could help promote stability and cooperation in the region.

Arguments. The literature on SAARC's geopolitical dimensions and perspectives presents several arguments. One such argument is that SAARC's effectiveness is limited due to the dominance of India in the organization. The literature suggests that other member states are often hesitant to cooperate and integrate due to concerns over Indian dominance and interference in their internal affairs. Another argument is that SAARC's effectiveness is limited due to political tensions and conflicts between member states. The literature suggests that political tensions and conflicts have prevented SAARC from realizing its full potential in promoting regional cooperation and integration.

The literature also presents several arguments regarding potential solutions to SAARC's geopolitical challenges. One argument is that SAARC needs to develop a more robust and comprehensive regional security framework that can address common security challenges. Another argument is that SAARC needs to focus on promoting greater regional trade and economic integration, which can help reduce dependence on extra-regional trade partners and enhance economic integration within the region. The literature also emphasizes the need for greater connectivity within the region, both physical and digital, which can help promote greater economic and social integration.

I. Abraham, E. Newman and M. L. Weiss's research "Political Violence in South and Southeast Asia: Critical Perspectives" explores the issue of political violence in the South Asian and Southeast Asian regions, with a focus on the dynamics and causes of such violence. The authors challenge several unquestioned assumptions that have been prevalent in the literature on political violence in the region [1].

One of the key assumptions that the authors challenge is the notion that political violence is a result of cultural or religious differences. They argue that this view oversimplifies the complexities of political violence and ignores the role of political, economic, and social factors in shaping the dynamics of violence. The authors suggest that political violence is often a response to political and economic grievances, and it is perpetuated by power asymmetries and the struggle for resources.

Another unquestioned assumption that the authors challenge is the idea that political violence is a form of irrational behavior. They argue that political violence is often a rational strategy used by groups

and individuals to achieve political, economic, or social goals. The authors suggest that understanding the rationality of political violence is crucial for developing effective strategies for preventing and addressing it.

Furthermore, the authors challenge the assumption that state actors are the primary perpetrators of political violence. They argue that non-state actors, such as insurgent groups, criminal and terrorism organizations, are increasingly involved in political violence in the region. The authors suggest that addressing the issue of political violence requires a comprehensive approach that takes into account the role of both state and non-state actors.

Overall, I. Abraham, E. Newman and M. L. Weiss's research provides a critical perspective on political violence in South and Southeast Asia, challenging several unquestioned assumptions that have been prevalent in the literature on the topic. Their analysis highlights the complex nature of political violence and the need for a nuanced understanding of its dynamics and causes [1].

In the "SAARC and region-building: is South Asia a region?", B. Chakma delves into the intricacies of delineating South Asia as a distinct region. The analysis traces the historical development of the region's identity and examines how contemporary efforts to define it have not unified its regional character but have rather generated a variety of discourses, narratives, and interpretations regarding South Asia [2].

In the "South Asian Regionalism: The Limits of Cooperation" research, B. Chakma analyzes the assumptions surrounding regionalism in South Asia. The author argues that the dominant assumption that regional cooperation and integration are key for promoting economic growth and development in South Asia is an unquestioned assumption. B. Chakma questions whether regionalism can really achieve the desired economic outcomes in a region as diverse and divided as South Asia, where there are deep-seated political conflicts and security issues [3].

B. Chakma also highlights the assumption that greater connectivity and trade liberalization will automatically lead to peace and stability in the region. He argues that this assumption is questionable, as it overlooks the root causes of conflict and instability in South Asia, such as territorial disputes, historical animosities, and identity politics.

Thus, B. Chakma's analysis challenges the assumption that regionalism is an unqualified good in South Asia and calls for a more nuanced and critical approach to understanding the limits of regional cooperation and integration in the region [3].

In the study on "Conflicts and Conflict Management in SAARC: Assessing the Challenges and Way Forward", M. Idrees and M. A. Naazer highlight the unquestioned assumption that conflicts in the SAARC region are primarily due to inter-state rivalries and territorial disputes. They argue that this assumption overlooks other important factors, such as ethnic and religious tensions, economic disparities, and historical legacies of colonialism. The authors also point out the unquestioned assumption that the SAARC Charter, which emphasizes non-interference in the internal affairs of member states, is an effective mechanism for conflict management. They argue that this assumption ignores the complex and multi-layered nature of conflicts in the region and the need for a more proactive and comprehensive approach to conflict management [4].

The conference report "SAARC towards Greater Connectivity" high-lights some unquestioned assumptions on SAARC's geopolitical dimensions and perspectives. One of the key assumptions is that greater connectivity within the SAARC region will necessarily lead to greater economic growth and development. The report notes that while connectivity is important, it is not sufficient on its own to achieve economic growth, and that other factors such as political stability, institutional capacity, and trade facilitation are also important. The report also challenges the assumption that regional connectivity must be limited to physical infrastructure such as roads and ports, and suggests that digital connectivity and soft infrastructure such as education and research collaboration should also be prioritized[2].

V. Kumar explores SAARC Motor Vehicles Agreement as a case study [5].

H. Mahaseth and A. Reddy's article "The SAARC Framework for Energy Cooperation (Electricity) and the Further Steps Taken for the Realisation of Regional Cooperation" explores the energy cooperation framework in the South Asian Association for Regional Cooperation and highlights some unquestioned assumptions related to energy cooperation. One of the main assumptions is that energy cooperation can be achieved through the establishment of regional grids and interconnections. The authors argue that while this may be a desirable outcome, it is difficult to achieve in reality due to

[2] Institute of Peace and Conflict Studies, Konrad Adenauer Foundation, and India International Centre. (2008). SAARC towards Greater Connectivity. Conference report, Colombo, Sri Lanka, 15-16 January 2008.

various political and economic factors. Another assumption is that energy cooperation will lead to greater regional integration and political stability. The authors argue that while energy cooperation can contribute to these outcomes, it is not a sufficient condition and needs to be complemented with other measures such as trade and investment. Finally, the authors question the assumption that energy cooperation can lead to a more sustainable and climate-friendly energy system. They argue that energy cooperation can exacerbate existing environmental challenges, and there is a need to incorporate sustainability considerations in the design and implementation of energy cooperation initiatives [6].

S. Perere's study compares the impacts of different trade policy options [7]. N. Soheni analyzing long-standing disputes over the border area of Kalapani [8].

R. Raghurampatruni, M. Senthil and N. Gayathri critically evaluate in their study "The Future Potential and Prospects of SAARC Regional Grouping" the unquestioned assumption that SAARC has the potential to emerge as a strong regional grouping in the future. They argue that although SAARC has the potential to foster regional cooperation and integration, there are several challenges that need to be addressed to realize this potential [9].

One of the key assumptions they question is the idea that economic integration alone can drive regional cooperation and growth. They argue that other factors such as political will, security cooperation, and people-to-people contacts are equally important for building trust and promoting regional cooperation.

Another assumption they question is the assumption that SAARC member states share a common vision and interest in regional cooperation. They argue that the divergent interests and priorities of member states pose a significant challenge to the realization of SAARC's potential.

Moreover, they also question the assumption that SAARC's potential is constrained solely by external factors such as the unresolved conflicts between member states and interference by external powers. They argue that internal factors such as institutional weakness, lack of political will, and bureaucratic hurdles also play a significant role in hindering regional cooperation.

Generally, the authors critically evaluate several assumptions about the potential and prospects of SAARC and highlight the need for addressing the underlying challenges to realize SAARC's potential as a strong regional grouping [9].

S. Sandeep, K. Amanpreet and S. Amandeep in their work "Changing equations of India-Pakistan relations: unresolved Kashmir dispute as a decider factor" focused on the unresolved Kashmir dispute and its impact on India-Pakistan relations. The authors identified several unquestioned assumptions in the literature, including the assumption that Kashmir is the only issue between India and Pakistan, the assumption that the conflict is primarily a bilateral issue, and the assumption that the conflict can be resolved through negotiations between India and Pakistan alone [10].

The authors argued that these assumptions ignore the fact that the Kashmir conflict has wider regional implications and involves other stakeholders such as China, the United States, and the United Kingdom. They also argued that the conflict is not just about Kashmir, but also about broader issues such as religious identity and nationalism. Finally, they argued that the conflict cannot be resolved through bilateral negotiations alone, but requires a more comprehensive approach that takes into account the concerns of all stakeholders and addresses the root causes of the conflict [10].

The United Nations report titled "Unlocking the Potential of Regional Economic Cooperation and Integration in South Asia: Potential, Challenges and the Way Forward" examines the potential benefits of regional economic cooperation and integration in South Asia. The report highlights the region's enormous potential for economic growth and development through increased trade, investment, and cooperation[3].

The report identifies several key barriers to regional cooperation and integration, including political tensions, lack of infrastructure, and inade-quate institutional frameworks. The report argues that addressing these challenges requires sustained political commitment and cooperation among South Asian countries, as well as support from international organizations and development partners[4].

The report also highlights several areas where regional economic cooperation and integration could have significant benefits, including in trade, energy, transport, and tourism. For example, the report notes that increased trade within South Asia could result in significant gains in terms of economic growth and job creation[5].

[3] United Nations. (2018). Unlocking the Potential of Regional Economic Cooperation and Integration in South Asia: Potential, Challenges and the Way Forward. Report for Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Report. No. A X (5-012):337.91 Uni SSWA. 2017.
[4] Ibid.
[5] United Nations. (2018). Unlocking the Potential of Regional Economic Cooperation and

Overall, the United Nations report underscores the importance of regional economic cooperation and integration in South Asia, and highlights the potential benefits that could be realized through increased cooperation among the region's countries[6].

Thus, SAARC's geopolitical dimensions and perspectives are complex and multifaceted, with several key assumptions, concepts, and arguments that require further analysis and evaluation. By examining these factors critically and objectively, policymakers and scholars can identify opportunities and challenges for SAARC and its member states, and work towards promoting regional cooperation, integration, and stability.

Political Tensions and Conflicts among Member States. One of the key challenges facing SAARC's construction is the presence of political tensions and conflicts among member states. The most significant of these tensions is the long-standing border dispute between India and Pakistan, which has hindered SAARC's ability to foster regional stability and cooperation. The dispute has led to a lack of trust between the two countries, making it difficult to reach agreements on regional issues such as trade, energy, and transport connectivity. Similarly, the ongoing conflict between India and Nepal over the Kalapani region has also hampered SAARC's efforts to promote regional integration. The dispute has led to a deterioration in bilateral relations between India and Nepal, which has in turn affected regional dynamics [8, p. 1–12].

The geopolitical aspects of SAARC construction have played a significant role in the organization's ability to promote regional integration and cooperation. The presence of political tensions is one of the most significant challenges facing SAARC. Despite the organization's goal of promoting regional cooperation, member states have struggled to overcome their historical and political differences. India and Pakistan, the two largest and most powerful members of SAARC, have had a contentious relationship since the partition of British India in 1947, resulting in numerous conflicts and political disputes [10, p. 89]. The ongoing territorial dispute over Kashmir remains a significant source of tension between the two countries, with India accusing Pakistan of supporting separatist movements in the region [1, p. 105].

Integration in South Asia: Potential, Challenges and the Way Forward. Report for Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Report. No. A X (5-012):337.91 Uni SSWA. 2017.

[6] Ibid.

Similarly, political tensions between Bangladesh and Pakistan have also hindered regional cooperation within SAARC. Bangladesh has accused Pakistan of committing war crimes during the 1971 Bangladesh Liberation War, which resulted in the formation of Bangladesh. The issue has strained diplomatic ties between the two countries and prevented them from engaging in meaningful cooperation within the SAARC framework.

Sri Lanka and India have also had a tense relationship due to the Sri Lankan Civil War, which lasted from 1983 to 2009. India supported the Tamil Tigers, a rebel group fighting for an independent Tamil state in Sri Lanka, while the Sri Lankan government received military assistance from Pakistan and China. The conflict resulted in significant loss of life and strained diplomatic relations between India and Sri Lanka.

Nepal and Bhutan have relatively amicable relationships with their neighbors, but both countries have their own unique political challenges that have affected their engagement with SAARC. Nepal has struggled with political instability and governance issues, which have hindered its ability to participate effectively in regional initiatives. Bhutan has traditionally maintained a policy of isolationism and neutrality, which has limited its engagement with SAARC and other regional organizations.

The geopolitical aspects of SAARC construction have also been influenced by the internal political dynamics of member states. For instance, the political instability in Afghanistan has had a spillover effect on the region, particularly in terms of terrorism and security concerns.

Neighbouring countries have expressed concerns about India's dominant position in the region and its perceived interference in their internal affairs, fueled by India's size and strength [4, p. 5].

Overall, the presence of political tensions among member states has been a significant barrier to regional cooperation within SAARC. Despite the organization's efforts to promote dialogue and cooperation, historical grievances and ongoing conflicts have prevented meaningful progress on key regional issues.

Role of External Powers in the Region. Another factor that has affected SAARC's construction is the influence of external powers in the region. The region has attracted the attention of major global powers such as the United States, China, European Union, Russia and Great Britain, all of whom have their own interests in the

region. The involvement of external powers in the region has led to a power struggle among them, which has further complicated regional dynamics and contributed to political tensions and instability. For example, the United States has sought to expand its influence in the region through its strategic partnerships with countries such as India, while China has pursued its economic interests in the region through its Belt and Road Initiative (BRI).

The role of external powers in the region has also had a significant impact on SAARC construction. South Asia has long been a region of interest for external powers due to its strategic location and economic potential[7]. The involvement of external powers can either facilitate or impede regional cooperation and integration. Therefore, it is essential to examine the role of external powers in SAARC construction.

One external power that has had a significant influence on the region is China. China has been increasing its influence in South Asia through its Belt and Road Initiative, which includes investments in infrastructure projects in several SAARC member states, including Pakistan and Sri Lanka. While the BRI presents opportunities for regional development and cooperation, it also raises concerns about debt sustainability and strategic implications. This has raised concerns in India about China's growing presence in the region and its potential to challenge India's influence.

The rivalry between India and China, for example, has had implications for regional security and economic cooperation.

Similarly, India's relationship with the United States has also had implications for SAARC. The US has been increasingly focused on the Indo-Pacific region, which includes South Asia, as part of its strategic competition with China. The US has sought to deepen its ties with India and other regional powers to counter China's growing influence. This has resulted in increased US engagement with SAARC, including initiatives to promote economic development and regional security.

However, its dominance has also been a source of tension with other member states, particularly smaller countries such as Nepal and Bhutan. India's perceived hegemony in the region has sometimes undermined the trust and cooperation between member states, which has hindered the progress of SAARC. India, as the largest country in the region, has played a significant role in SAARC.

[7] United Nations. (2018). Unlocking the Potential of Regional Economic Cooperation and Integration in South Asia: Potential, Challenges and the Way Forward. Report for Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Report. No. A X (5-012):337.91 Uni SSWA. 2017.

Another external power that has had an impact on SAARC is the United States. The US has been involved in the region for several decades, particularly through its strategic partnership with India. While the US has been supportive of SAARC's goals, its strategic interests in the region have sometimes conflicted with the organization's objectives. For example, the US has been critical of Pakistan's role in supporting terrorism in the region, which has hindered regional cooperation and stability.

As an external power, Great Britain plays a significant role in the development of SAARC. Historically, Great Britain has had close ties with several member states of SAARC, such as India, Pakistan, and Bangladesh, due to its colonial past in the region and the legacy of British imperialism has shaped the political, economic, and social systems of these countries. As such, there is a shared history between Great Britain and SAARC that provides a basis for cooperation and collaboration.

The cooperation between SAARC and Great Britain has significant geopolitical aspects, and the two entities have engaged in various activities aimed at enhancing regional stability, security, and economic development. One of the key areas of cooperation between SAARC and Great Britain is in promoting regional security, particularly in countering terrorism and violent extremism. Great Britain has provided significant support to SAARC member states in enhancing their counter-terrorism capabilities, including through training, capacity building, and sharing of intelligence. The UK has provided support for peacekeeping missions in the region and has worked with SAARC member states to address common security challenges.

One of the key roles played by Great Britain in SAARC is in providing economic and development assistance to member states. The UK is one of the largest donors to the region, providing significant amounts of aid and technical assistance in areas such as health, education, and economic development. This assistance has helped to promote regional stability and reduce poverty in the region.

Another area of cooperation is in the field of trade and investment. Great Britain is one of the largest investors in South Asia and is a significant trading partner for many SAARC member states. The two sides have been working to deepen economic ties through bilateral trade agreements and investment promotion initiatives.

One area of cooperation between SAARC and Great Britain is in the field of education. Great Britain has a long tradition of providing

education in South Asia, with many universities and schools established during the colonial period. Today, the British Council, which is the UK's international organization for cultural relations and educational opportunities, works closely with SAARC member states to promote educational exchanges and collaborations.

Overall, the role of Great Britain as an external power in SAARC has been focused on promoting regional cooperation and integration in various areas, including economic development, trade, security, and political stability. Its historical ties with the region and its economic and political influence have allowed it to play an important role in shaping the development of SAARC.

Russia has also sought to deepen its engagement with the region through its diplomatic and military ties, energy and infrastructure cooperation, as well as Russia want to increase trade and investment with the SAARC member countries. The Russian Federation has cooperated with SAARC member states on counter-terrorism and security issues, as well as on initiatives to promote regional stability and conflict resolution. In addition, Russia has sought to enhance cooperation with SAARC member states in the areas of science and technology, including through joint research and development projects. Overall, Russia's engagement with SAARC member states is aimed at promoting regional integration, enhancing stability and security, and promoting economic and cultural exchange.

As mentioned by Director General of Inter Services Public Relations Pakistan Major General I. Babar during the interview with "Global Village Space" Magazine in 2020: "What we want to and what we keep telling the international community, and our friends in the rest of the world, the international community has to understand that any major disturbance in the balance of power in South-Asia will be a major disaster, not only for the region but also for the rest of the world, so this balance of power must be maintained at every level and the more it is disturbed, the more it gets lopsided, the more dangerous it becomes"[8].

However, the role of external powers in the region has also created challenges for SAARC. Some member states, particularly Pakistan, have been skeptical of India's growing ties with the US and other external powers, viewing it as a threat to their sovereignty

[8] DG ISPR Gen. Babar Iftikhar on Pakistan & Fifth Generation Warfare // Global Village Space Magazine [Electronic resource]. 2020. Vol. III, Issue XII. URL: https://www.globalvillagespace.com/dgisprgen-babar-iftikhar-on-pakistan-fifth-generation-warfare/ (accessed: 02.09.2023).

and regional influence. This has hindered regional cooperation within SAARC and created divisions among member states.

SAARC's Progress in Promoting Regional Integration. Despite aforementioned challenges, SAARC has made some progress in promoting regional cooperation and integration. For instance, the organization has been successful in promoting trade liberalization and economic cooperation among member states through the establishment of the South Asian Free Trade Area (SAFTA) and the promotion of regional connectivity through initiatives such as the South Asian Subregional Economic Cooperation (SASEC) and the South Asian University (SAU)[9]. SAFTA has resulted in increased trade among member states, with trade within the region increasing from $5.5 billion in 2004 to $25 billion in 2014 [11]. The organization has taken several initiatives to increase people-to-people contact, including the establishment of the SAARC Visa Exemption Scheme, which allows for visa-free travel among member states for certain categories of people. Additionally, SAARC has played a crucial role in addressing common regional challenges such as climate change, natural disasters, and poverty reduction. Furthermore, SAARC has fostered cultural exchange and people-to-people connectivity through initiatives such as the SAARC Cultural Centre and the SAARC Youth Awards. Through its programs and initiatives, SAARC has helped to improve the lives of millions of people in the region.

SAARC has also made progress in promoting social and cultural integration among member states. The organization has initiated several programs and initiatives to promote cooperation in areas such as education, health, and culture. SAARC has established the South Asian University in New Delhi, which aims to promote regional integration through education and research. The organization has also established the SAARC Cultural Centre in Colombo, which aims to promote cultural exchange and cooperation among member states.

Moreover, SAARC has taken steps to address common social challenges facing member states, including poverty, illiteracy, and gender inequality. The organization has established several programs to address these challenges, including the SAARC Social

[9] United Nations ESCAP. Poverty and Development Division. (2005). Asia-Pacific development journal. Vol. 12, No. 1, 155 p.

Charter and the SAARC Gender Information and Development Centre.

However, there is still a long way to go in terms of achieving the objectives of SAARC. While SAFTA has been established, progress in implementing the agreement has been slow, and several member states continue to impose trade barriers that hinder regional trade. Moreover, the organization has been criticized for its lack of decision-making power and its inability to address the political tensions and conflicts among member states. The failure to hold regular meetings and to reach agreements on important issues has led to skepticism about the organization's ability to make a real difference in the region.

However, the progress has been limited, and the organization has not been able to fully realize its potential in promoting regional cooperation and integration.

Opportunities for Further Cooperation and Integration. Despite the challenges facing SAARC, there are still opportunities for further cooperation and integration within the region. One area of potential cooperation is in the field of energy, with the development of regional energy infrastructure and cooperation in renewable energy. The region has enormous potential for renewable energy, with several member states having abundant solar, wind and hydro-power resources. A regional approach to energy could help to address energy security concerns and promote sustainable development. However, several member states still face energy shortages and rely heavily on non-renewable energy sources such as coal and oil. A regional approach to energy cooperation could help to address these issues, promote energy security and sustainability, and reduce dependence on non-renewable energy sources.

One such initiative is the SAARC Framework Agreement for Energy Cooperation (Electricity) signed in 2014, which aims to facilitate cross-border energy trade, develop regional energy infrastructure, and promote renewable energy cooperation [6]. While progress has been slow due to political tensions and technical challenges, there is still significant potential for further cooperation in the energy sector.

Another area of potential cooperation is in the field of regional security, with the establishment of a regional security framework that could help address common security challenges such as terrorism and transnational crime. The region has been plagued by security concerns, with several member states experiencing terrorism and

violent extremism. A regional approach to security could help to address these issues and promote greater stability and cooperation.

One of the most significant areas for further cooperation within SAARC is trade. Intra-regional trade within SAARC remains low, accounting for only 5% of the region's total trade[10].

There is immense potential for increasing trade among member states, particularly in areas such as agriculture, textiles, and pharmaceuticals. A more robust intra-regional trade regime would help to reduce dependence on extra-regional trade partners and enhance economic integration within the region.

To achieve this, SAARC has already taken several steps, such as the signing of the South Asian Free Trade Area (SAFTA) agreement in 2004 [7, p. 539]. However, implementation has been slow due to political tensions among member states, tariff and non-tariff barriers, and other trade-related obstacles.

Additionally, there is potential for greater cooperation in areas such as education, health, and tourism. Improved regional connectivity and cooperation could help to promote the exchange of knowledge and expertise in these areas, leading to greater social and economic development in the region.

Connectivity is another critical area for further cooperation and integration within SAARC. The region's poor infrastructure and lack of connectivity are significant obstacles to regional integration and development. Improved connectivity, both physical and digital, could help to promote greater economic and social integration, facilitate the movement of goods and people, and enhance regional trade and investment.

Several initiatives have been undertaken to improve connectivity within SAARC, such as the SAARC Motor Vehicles Agreement (MVA) and the SAARC Agreement on Railways [5, p. 1-13]. However, implementation has been slow due to political tensions and technical challenges such as inadequate infrastructure, security concerns, and regulatory barriers. Therefore, greater political will and commitment from member states are necessary to make progress in improving connectivity within the region.

The areas of trade, energy, and connectivity offer immense potential for enhancing regional integration and development. To

[10] United Nations. (2018). Unlocking the Potential of Regional Economic Cooperation and Integration in South Asia: Potential, Challenges and the Way Forward. Report for Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Report. No. A X (5-012):337.91 Uni SSWA. 2017.

achieve these goals, greater political will and commitment from member states are necessary, along with concerted efforts to address the various obstacles and challenges. By taking advantage of these opportunities, SAARC can become a more integrated and prosperous region, promoting peace, stability, and economic growth.

Conclusion. The geopolitical aspects of SAARC construction have played a significant role in the organization's ability to promote regional integration and cooperation. The presence of political tensions and conflicts among member states, as well as the influence of external powers in the region, has hampered SAARC's efforts to achieve its objectives. China's growing influence in the region, India's perceived hegemony, and the US's strategic interests have all complicated the organization's objectives. Additionally, the internal political dynamics of member states have also contributed to the challenges facing SAARC.

In the literature related to SAARC's geopolitical dimensions and perspectives highlights several key assumptions, concepts, and arguments. The geopolitical context of South Asia is characterized by interstate rivalries, mistrust, and security dilemmas, which have shaped SAARC's functioning and effectiveness. The literature emphasizes the need for SAARC to develop a regional security framework, promote greater regional trade and economic integration, and enhance regional connectivity to address these challenges. By taking advantage of these opportunities, SAARC can become a more integrated and prosperous region, promoting peace, stability, and economic growth.

However, the organization has made some progress in promoting regional economic cooperation, addressing common challenges, and fostering cultural exchange. There are also opportunities for further cooperation and integration within the region, particularly in the areas of energy, security, and social development. To achieve its objectives, SAARC will need to navigate the complex geopolitical dynamics of the region and find ways to build trust and cooperation among its member states [2, p. 8–15].

Despite the potential benefits of regional cooperation, member states have struggled to overcome historical grievances and ongoing conflicts, creating barriers to meaningful progress on key regional issues

While SAARC has made some progress in promoting regional cooperation and integration, its potential has not been fully realized. The organization needs to address the political tensions and external factors that have hindered its progress. SAARC also needs to adopt

a more pragmatic approach to regional cooperation, focusing on areas where progress can be made rather than trying to address all the complex issues facing the region. Finally, SAARC needs to strengthen its institutional capacity and governance to effectively address the challenges and opportunities facing the region.

Several authors have analyzed SAARC's geopolitical dimensions and perspectives, and their research highlights several key assumptions, concepts, and arguments in the literature which are considered in current paper. Firstly, SAARC's geopolitical significance is evident from its location in a strategic region that connects South Asia with Central Asia, the Middle East, and East Asia. Therefore, SAARC is seen as an important platform for promoting regional connectivity, trade, and economic growth.

Secondly, SAARC's geopolitical dynamics are shaped by the strategic competition and rivalry between India and Pakistan, the two largest and most powerful members of the organization. This rivalry has hindered SAARC's ability to promote regional cooperation and integration, as well as address common challenges such as terrorism and climate change.

Thirdly, the research on SAARC's geopolitical aspects is relevant due to its potential implications for regional security, with a focus on progress already made and future opportunities. For instance, SAARC's efforts to promote connectivity and economic integration through the SAARC Framework Agreement on Regional Connectivity could enhance regional security by reducing poverty and inequality, and promoting economic growth.

Fourthly, SAARC's geopolitical significance is also evident from its interactions with other regional and global powers, such as China and the United States. China's growing influence in South Asia has prompted India to strengthen its ties with SAARC members, while the United States has sought to engage with SAARC as part of its efforts to promote stability and security in the region.

In conclusion, SAARC's geopolitical dimensions and perspectives are complex and multifaceted, with several key assumptions, concepts, and arguments that were analyzed and evaluated. By examining these factors critically and objectively, policymakers and scholars can identify opportunities and challenges for SAARC and its member states, and work towards promoting regional cooperation, integration, and stability.

Thus, the geopolitical aspects of SAARC construction have had significant implications for regional stability and cooperation.

References

1. Abraham I., Newman E., Weiss M. L. (2010). Political Violence in South and Southeast Asia: Critical Perspectives. Singapore: United Nations University Press, 236 p.
2. Chakma, B. (2018). SAARC and region-building: is South Asia a region?, In: *Journal of the Indian Ocean Region*, No. 14:2, p. 189-205, DOI: 10.1080/19480881.2018.1478272.
3. Chakma, B. (2020). South Asian Regionalism: The Limits of Cooperation. Bristol: Bristol University Press, 250 p.
4. Idrees, M., Naazer, M. A. (2017). Conflicts and Conflict Management in SAARC: Assessing the Challenges and Way Forward. In: *Liberal Arts and Social Sciences International Journal*. No. 1 (2), p. 1–11.
5. Kumar, V. (2017). Sub-Regionalism in South Asia: A Case Study of the Bangladesh–Bhutan–Nepal–India Motor Vehicles Agreement. In: *Strategic Analysis Journal*. Vol. 41. P. 1-13. DOI: 10.1080/09700161.2016.1249180.
6. Mahaseth, H., Reddy, A. (2018). The SAARC Framework for Energy Cooperation (Electricity) and the Further Steps Taken for the Realization of Regional Cooperation. In: *International Energy Law Review.* No. 1, p. 9–16.
7. Perere M.S.S., The South Asian Free Trade Area: an Analysis of Policy Options for Sri Lanka, In: *Journal of Economic Integration*, Vol. 24, No. 3, September 2009, p. 530-562.
8. Sohini, N. "India and Nepal's Kalapani Border Dispute: An Explainer," ORF Issue Brief No. 356, April 2020, In: *Observer Research Foundation*, 12 p.
9. Raghurampatruni, R., Senthil, M., Gayathri, N. (2021). The Future Potential and Prospects of SAARC Regional Grouping: A Study. In: *India Quarterly*. No. 77 (4), p. 579–604.
10. Sandeep, S., Amanpreet, K., Amandeep, S. (2015). Changing Equations of IndiaPakistan Relations: Unresolved Kashmir Dispute as a Decider Factor. In: *International Research Journal of Social Sciences*. No. 4 (3), p. 88–95.
11. Kumar, R. (2020). India & South Asia: Geopolitics, regional trade and economic growth spillovers. In: *The Journal of International Trade & Economic Development*. No. 29 (1), p. 69–88.

Received by editorial board 02.10.2023

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 351(510)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОДВИЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

В. Э. Василевская
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются особенности продвижения концепции Китая «Сообщество единой судьбы человечества» на международной арене. Внимание концентрируется на главной форме продвижения – проекте «Диалог КПК с миром», который организуется руководством КНР с 2014 г.

По праву самым значимым в реализации концепции стал 2017 г., когда на церемонии открытия «Диалог КПК с миром–2017» Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что концепция превращается из идеи в реальные действия. Подтверждением тому является повышение ее уровня до полноценного включения во внешнеполитическую стратегию Китая на XIX Всекитайском съезде.

Также в настоящей статье представлены концептуальные основы Инициативы по глобальному развитию и Инициативы по глобальной безопасности, в качестве основных форм практической реализации концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Так, Инициатива по глобальному развитию призывает мир к усилению макроэкономической политики, в том числе за счет предоставления целенаправленной поддержки китайской стороной развивающимся странам. В свою очередь, Инициатива по глобальной безопасности призывает страны отказаться от конфронтационного мышления в пользу рациональных гарантий безопасности глобального масштаба.

Ключевые слова: Белая книга; внешняя политика КНР; Диалог КПК с миром; Инициатива по глобальной безопасности; Инициатива по глобальному развитию; СЕСЧ.

Образец цитирования: *Василевская В. Э.* Об особенностях продвижения концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып.11. С. 175–190.

Автор: Василевская Валерия Эдуардовна – аспирант кафедры международных отношений, факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: vasilevskaya.v.e@mail.ru

ABOUT THE PECULIARITIES OF PROMOTING THE CONCEPT OF "COMMUNITY OF THE COMMON DESTINY OF MANKIND"

V. E. Vasilevskaya
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article discusses the features of promoting China's concept of the «Community of the Shared Destiny of Humanity» in the international arena. Attention is focused on the main form of promotion – the project «Dialogue of the CPC with the World», which has been organized by the leadership of the PRC since 2014.

Rightfully, the most significant year in the implementation of the concept was 2017, when at the opening ceremony of the «Dialogue of the Communist Party of China with the World 2017», President of the People's Republic of China Xi Jinping said that the concept was turning from an idea into real actions. This is confirmed by the increase in its level to full inclusion in China's foreign policy strategy at the 19th National Congress.

This article also presents the conceptual foundations of the Global Development Initiative and the Global Security Initiative, as the main forms of practical implementation of the concept of the «Community of the Shared Destiny of Humanity». Thus, the Global Development Initiative calls on the world to strengthen macroeconomic policies, including through the provision of targeted Chinese support to developing countries. In turn, the Global Security Initiative calls on countries to abandon confrontational thinking in favor of rational security guarantees on a global scale.

Key words: White paper; foreign policy of the China; Dialogue of the CCP with the world; Global Security Initiative; Global Development Initiative; SECH.

For citation: Vasilevskaya V. E. (2023). Ob osobennostyah prodvizheniya koncepcii «Soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» [About the features of promoting the concept of «Community of the Common Destiny of Humanity»]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk. Vol. 11, p. 175–190. (In Russ.).

Author: Vasilevskaya Valeria – postgraduate student of the Department of International Relations, Faculty of International Relations of the Belarusian State University; mail: vasilevskaya.v.e@mail.ru.

Введение. Современный Китай продолжает традиции прошлого в контексте приверженности среднесрочному планированию, определяя достигнутые результаты в рамках «пятилеток», обозначенных съездами КПК. В связи с чем, для полного понимания динамики развития Китая в исторической ретроспективе, следует обращаться к анализу непосредственно докладов Генеральных секретарей партии, представленных на съездах [1, с. 79].

В октябре 2022 г. прошло одно из самых важных государственных мероприятий в Китае – состоялся XX Всекитайский съезд КПК. В докладе «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» Председателя КНР Си Цзиньпина были представлены основные положения достигнутых результатов, текущего состояния и перспектив развития Поднебесной. А именно, в докладе отмечается, что за последние десять лет достигнуты колоссальные результаты на пути построения среднезажиточного общества. Благодаря сплоченной борьбе руководства КНР и китайского народа удалось существенно нарастить экономическую мощь государства, общий объем ВВП увеличился почти в 2,5 раза, что составляет около 19% от мирового ВВП. Ликвидирована бедность, обеспечив надежную производственную и энергетическую безопасность для 1,4 млрд китайцев. Обрабатывающая промышленность по своему уровню вышла на второе место в мире. Усилен научно-технический потенциал за счет увеличения объемов финансирования НИОКР до 2,8 трлн юаней[1].

В политической проекции за последние десять лет Китай активно углублял реформы, высвобождаясь от идейных стереотипов, устоявшихся в государственной системе с прошлого столетия. В докладе отмечается, что в настоящем десятилетии социалистический строй с китайской спецификой окончательно закрепился и приобрел зрелую форму. Благодаря этому в государстве сложилась новая атмосфера сплоченности и единства народа, на базе социального равенства и справедливости.

Реализуя внешнеполитическую стратегию, Китай всесторонне продвигал дипломатию мировой державы, выступал за формирование нового типа международных отношений, основанного на многополярном порядке [2]. Во благо всеобщего мирового развития, Китай способствовал созданию сообщества единой судьбы человечества, защищая, таким образом, равенство и права всех суверенных государств. О важной роли концепции «Сообщества единой судьбы человечества» во внешнеполитической стратегии Китая свидетельствует ее особое выделение в докладе съезда. Так,

[1] Доклад XX Всекитайского съезда КПК «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» [Электронный ресурс]. 16.10.2023. URL: https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJlsd23-20221025.pdf (дата обращения: 14.10.2023).

согласно разделу XIV «Содействовать миру и развитию на планете, стимулировать построение сообщества единой судьбы человечества», основной целью внешней политики Китая является защита мира во всем мире и содействие справедливости в международных отношениях. Уважение суверенитета, соблюдение равноправия сильных и слабых стран, поддержка их самостоятельного выбора пути развития, укрепление мира на планете – составляет основу современной миролюбивой политики Китая, что отчетливо выражено в концепции Председателя КНР Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» (далее – СЕСЧ).

Целью настоящей работы является характеристика основных форм продвижения концепции СЕСЧ на международной арене.

Методология исследования. В качестве методов в работе применялся структурно-функциональный метод, компаративный анализ, аналитический метод, наблюдение, а также общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение). Научно-теоретическая значимость работы заключается во всестороннем изучении опыта продвижения внешнеполитической концепции Китая «Сообщество единой судьбы человечества».

Обзор литературы. Анализ литературы по теме работы представлен трудами преимущественно авторов русскоязычного научного пространства. Так, к примеру, наиболее полно специфика продвижения концепции СЕСЧ раскрыта в трудах российского исследователя, научного сотрудника Центра новейшей истории Китая А. Л. Верченко [4; 6; 7].

О сопряжении концепции СЕСЧ и инициативы «Пояс и путь» отмечается в работе российского исследователя, кандидата политических наук А. Н. Бояркиной [8]. Лингвополитический анализ термина СЕСЧ проведен в труде российских исследователей, кандидатов исторических наук А. В. Семёнова и А. В. Цвык [3]. Эволюция реализации концепции СЕСЧ с конца 1990-х по настоящее время рассматривается в труде российского исследователя, кандидата социологических наук Н. Б. Помозовой [1]. Идейные положения концепции анализируются в труде китайских дипломатов Цуй Цимина и Сунь Цзина [9]. Следует отметить, что в научном плане проблема определения сущности и продвижения концепции СЕСЧ недостаточно проработана в настоящий момент. В связи с чем, автор статьи активно обращается к анализу первоисточников, а именно официальных заявлений и выступле-

ний государственных лиц, нормативно-правовым документам, статистическим сборникам и др.

Результаты и обсуждение. «Эпоха, в которую мы живем, полна вызовов, полна она и надежд. Китайский народ готов совместно со всеми народами мира рука об руку создавать еще более прекрасное будущее человечества!», – заявил Председатель КНР Си Цзиньпин в завершении XIV раздела доклада XX Всекитайского съезда КПК, посвященной раскрытию приоритетов концепции «Сообщество единой судьбы человечества»[2]. Он также заверил, что Китай твердо придерживается основной внешнеполитической цели – защитить мир и стимулировать его развитие, неустанно обеспечивая строительство сообщества единой судьбы человечества.

Впервые формулировка СЕСЧ была публично освещена в ноябре 2012 г. во время XVIII съезда КПК. Тогда в докладе «Твердо продвигаться вперед по пути социализма с китайской спецификой» Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цхиньтао обратил особое внимание на важность решения общемировых проблем, связанных с продовольственной, энергоресурсной и сетевой безопасностью. В XI разделе доклада «Продолжать продвигать вперед благородное дело мира и развития человечества», он подчеркнул, что Китай твердо выступает за равноправие, толерантность и взаимный выигрыш в международных отношениях, и отметил: «необходимо ратовать за выработку сознания общности судеб человечества»[3].

Уверенную конкретизацию и практическое воплощение концепция СЕСЧ получила благодаря новому лидеру КНР Си Цзиньпину [3, с. 548]. Стартовой площадкой представления концепции был выбран ведущий российский институт МГИМО, где в марте 2013 г. Си Цзиньпин выступил с докладом на тему «Идти в ногу со временем, содействовать миру и развитию на планете». Тогда он обратил внимание слушателей на кардинальную смену облика современного мира, в котором начинают превалировать тенденции сотрудничества во имя взаимного выигрыша. Сильные

[2] Доклад XX Всекитайского съезда КПК «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» [Электронный ресурс]. 16.10.2023. URL: https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJlsd23-20221025.pdf (дата обращения: 14.10.2023).

[3] Доклад на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. 08.11.2012. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 14.10.2023).

страны должны оказывать поддержку нуждающимся странам, открывающим свои рынки для всесторонней интеграции. Глава китайского государства в своем выступлении также глубоко изложил позицию Китая в отношении будущего миропорядка, основанного на равноправии и сотрудничестве: «Мы надеемся, что мир будет лучше, и у нас есть основания полагать, что так и произойдет», – отметил Председатель КНР[4]. В качестве реальных оснований он заявил, что Китай намерен встать на защиту мира во всем мире и содействовать всеобщему развитию на принципах уважения достоинства всех народов и гарантии их безопасности.

В сентябре 2015 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выдвигаемые китайской стороной предложения, озвученные лидером КНР в МГИМО, были представлены в формате конкретных направлений работы по построению СЕСЧ. А именно план включает пять направлений:

1) установление отношений диалога (но не конфронтации) и партнерства (но не союза);

2) стремление к взаимной открытости, инновационности и инклюзивности;

3) содействие культурному обмену (при сохранении различий);

4) образование глобальной зеленой экосистемы;

5) создание модели региональной и глобальной безопасности [4, с. 7].

Особое внимание в своем выступлении китайский Лидер обратил на вопрос обеспечения безопасности во взаимосвязанном мире. Когда экономическая глобализация инициировала зависимость стран по «законам джунглей» (слабые подвластны сильным). В связи с чем, Китай призывает сильные страны отступить от дискриминирующего притеснения слабых стран и разрешать противоречия между ними путем диалога и консультаций [5, с. 120]. При этом сам Китай гарантирует никогда не свернуть с мирного пути развития во благо поддержания единой судьбы человечества: «Мы всячески привержены мирному развитию, независимо от дальнейшей эволюции международного ландшафта, независимо от того, каким сильным станет Китай», – заверил в выступлении Председатель КНР[5].

[4] Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в МГИМО [Электронный ресурс]. 23.03.2013. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/201304/t20130401_2934216.htm (дата обращения: 14.10.2023).

[5] Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на сессии Генеральной Ассам-

Таким образом, стратегические планы китайской концепции СЕСЧ постепенно завоевывали все большую поддержку и одобрение другими странами, на фоне продвижения Китаем открытой миролюбивой политики. Неоднократные заявления китайского руководства, с выраженным подчеркиванием взаимного выигрыша от построения гармоничного сообщества нового типа, способствовали переходу концептуального начала на новый уровень практической реализации. И здесь важно отметить, что конкретной траектории продвижения концепции не было, мероприятия, в рамках которых осуществлялась пропаганда китайской инициативы, охватывали совершенно разные направления (от вопросов культуры и бизнеса до проблематики общественной деятельности) и форматы (конференция, форум, саммит). Что, безусловно, отражает большой размах работы всех вовлеченных в продвижение разнородных субъектов, в числе которых как государственные органы и общественные организации, так и отдельные лица, спонсируемые бизнесом.

О том, что СЕСЧ из концепции превращается в реальные действия, на высоком уровне, было объявлено во время мероприятия «Диалог КПК с миром» в 2017 г. Данный проект является одной из самых масштабных платформ продвижения концепции СЕСЧ. Как отмечается в работе исследователя А. Л. Верченко, «Диалог КПК с миром» представляется аналогом советской партийной дипломатии, когда КПСС организовывала совещания по вопросам деятельности рабочих и коммунистических партий [4, с. 8]. Однако в отличие от китайского проекта, в совещаниях КПСС участвовал очень ограниченный круг политической элиты, подымающий на обсуждение вопросы исключительно идеологической направленности. О приглашении представителей других партий (кроме рабочей и коммунистической), в период «холодной войны», речи быть не могло, поскольку это подрывало бы преимущество социологических идей. В связи с чем, отличительной спецификой «Диалога КПК с миром» является, в первую очередь, модернизированный формат встреч, на которые приглашается максимальное число разнонаправленных партий, выражающих противоположные позиции [6, с. 78].

блеи ООН в сентябре 2015 года [Электронный ресурс]. 28.09.2015. URL: https://ria.ru/20150928/1288938872.html (дата обращения: 14.10.2023).

Первый «Диалог КПК с миром» на тему «Реформы в Китае: роль правящей партии» прошел в 2014 г. в формате встречи с представителями партий различных политических взглядов и был ориентирован на вступительное ознакомление иностранных гостей с опытом и внешними целями КПК. Спустя год, была организована вторая встреча в рамках проекта на основательную тему «Строго руководить партией: миссия правящей партии». И если в 2014 г. охват участников составил 30 стран с количеством 60 политических экспертов, то в 2015 г. их количество увеличилось до 80 человек из 33 стран. В октябре 2016 г. в городе центрального подчинения Чунцине состоялась третья встреча в рамках «Диалога КПК с миром», которую посетило свыше 300 представителей 70 политических партий [7, с. 556]. Помимо значительного роста охвата, третий диалог выделяется среди предшественников подписанием первого совместного итогового документа – «Чунцинской инициативы». Согласно содержанию документа, главным импульсом мирового экономического развития являются инновации, в связи с чем, руководства стран должны способствовать раскрытию научного потенциала во внутренней политике, с целью обеспечения полного восстановления мировой экономики за счет аккумулированной силы инноваций. В завершающей третий «Диалог КПК с миром» конференции, заведующий отделом международных связей ЦК КПК Сун Тао, выступил с докладом на тему роли инновационного упорядочения мировой экономики в строительстве общности судьбы. И отметил, что необходимо «превращать диалог в окно, через которое мир смотрит на Китай, как важный мост для усиления взаимопонимания между цивилизациями»[6].

По-настоящему значимым событием в реализации концепции СЕСЧ стало проведение форума «Диалог КПК с миром – 2017», впервые официального обозначенного как мероприятие высокого уровня, участие в котором приняла и руководящая элита из числа 120 стран. Здесь важно подчеркнуть, что работа форума проходила с учетом разделения политических ареалов, что свидетельствовало о детальном подходе китайской стороны к продвижению концепции на многосторонней и двусторонней основе. Так, в рамках симпозиума «КПК и мир в новой эпохе» обсуждались перспективы сотрудничества со странами «Пояс и путь»; в формате семинара прошли перего-

[6] О завершающей «Диалог КПК с миром-2016» конференции в Чунцине [Электронный ресурс]. 16.10.2016. URL: http://russian.news.cn/2016-10/16/c_135757929.htm (дата обращения: 14.10.2023).

воры с африканскими партнерами; сопряжение политических инициатив Китая и Центральной Азии обсуждалось на втором форуме стран; отдельно был организован десятый диалог политических партий Китая и США.

На церемонии открытия «Диалог КПК с миром – 2017» выступил Председатель КНР Си Цзиньпин. Освещая проблематику развития международных отношений в новую эпоху, когда все сильнее переплетается судьба народов стран мира, он заявил, что «концепция сообщества единой судьбы человечества завоевывает все большую поддержку и одобрение, превращаясь из концепции в реальные действия»[7]. Он также указал на то, что в 2017 г. концепция СЕСЧ была включена во внешнеполитическую стратегию Китая, что подтверждается ее включением в Устав КПК на XIX Всекитайском съезде.

В разделе XII доклада Председателя КНР Си Цзиньпина, озвученного на XIX Всекитайском съезде в ноябре 2011 г. отмечается, что миссия КПК заключается в борьбе за счастье народа и содействии прогресса всего человечества. Китай будет продолжать основательно стимулировать формирование нового типа международных отношений, на основе взаимного уважения, равенства и справедливости для всех народов мира [8, с. 124]. При этом, по мнению китайского руководства, любое развитие возможно только при условии сохранения мира, расширения экономической глобализации, ускорения информатизации и принятия культурного разнообразия. Совместное развитие не только повышает уровень взаимозависимости стран, а также уравновешивает соотношение сил на международной арене.

Особое внимание в докладе, Глава китайского государства обратил на бесконечное нарастание вызовов, с которыми должно справиться человечество. Это, в первую очередь, климатические изменения, экологические катастрофы и инфекционные заболевания, а также различные угрозы безопасности, расширение разрыва между богатыми и бедными странами. Справиться с такими вызовами в одиночку не в силах не одна страна. В связи с чем, Китай призывает все страны общими усилиями строить процветающее сообщество единой судьбы. А разногласия между странами решать сугубо мирным путем, организуя специальные диалоги и консультации[8].

---

[7] Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия форума «Диалог КПК с миром-2017» [Электронный ресурс]. 02.12.2017. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2017/1202/c31521-9299677.html (дата обращения: 14.10.2023).

[8] Доклад XIX Всекитайского съезда КПК [Электронный ресурс]. 04.11.2017. URL: http://

Таким образом, спустя четыре года после официального представления, идея гармоничного развития мира превратилась из концепции в полноценную внешнеполитическую стратегию Китая, призванную обеспечить условия для осуществления «китайской мечты». В непростых обстоятельствах глобальных перемен политического и экономического авангарда на мировой арене, всепоглощающей глобализации, разъедающей культурной диверсификации, Китай предлагает план нового миропорядка, путем объединения сил для процветания единой судьбы человечества. С целью практической реализации плана, в сентябре 2021 г. выступая на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул *Инициативу по глобальному развитию*, призывая мир к усилению макроэкономической политики, в том числе, за счет предоставления целенаправленной поддержки китайской стороной развивающимся странам. «Развитие – ключ к счастливой жизни народа», – подчеркнул Глава китайского государства. Он также выделил шесть пунктов представленной инициативы: приоритет развития; следование принципу «народ превыше всего»; поддержка общедоступности и инклюзивности; ориентация на инновации; стремление к гармоничному сосуществованию человека и природы; обеспечение практических действий. В частности, во исполнение последнего из перечисленных пунктов, Китай объявил о материальной поддержки развивающимся странам в борьбе с восстановлением социально-экономического развития, на фоне последствий пандемии, в размере 3 млрд долл. США. Также Председатель КНР заявил, что поддержку развивающимся странам Китай будет оказывать в рамках «зеленого» и низкоуглеродного развития, намеренно сокращая строительство за рубежом проектов угольных электростанций. Следует отметить, что инициатива Си Цзиньпина получила поддержку ООН, около 100 стран и свыше 20 международных организаций. По мнению Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, Инициатива по глобальному развитию может выступать реальным инструментом достижения целей в рамках Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г[9].

---

ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztbd/19sjd/201711/t20171104_3112907.htm (дата обращения: 14.10.2023).

[9] В Генконсульстве КНР рассказали о выступлении Си Цзиньпина на 76-й сессии Генассамблеи ООН [Электронный ресурс]. 22.09.2021. URL: https://tass.ru/novosti-partnerov/12475695 (дата обращения: 14.10.2023).

В качестве еще одной полноценной составляющей практической реализации СЕСЧ, в апреле 2022 г. на церемонии открытия конференции Боаоского азиатского форума, Лидер КНР представил мировой общественности *Инициативу по глобальной безопасности*. «Это еще одно международное общественное благо, предоставленное Китаем, и яркий пример практической реализации в сфере безопасности концепции сообщества единой судьбы человечества», – отметил представитель МИД КНР Ван Вэньбинь на брифинге с журналистами[10].

В докладе «Объединение усилий для преодоления вызовов во имя прекрасного будущего» Си Цзиньпин обратил внимание на беспрецедентные за всю историю происходящие перемены в мире. Не успев оправиться от титанических усилий в борьбе с пандемией и оживлением на этом фоне мировой экономики, перед человечеством уже стоят новые серьезные вызовы, такие, например, как изменение климата, цифровое управление. Справиться с возникающими трудностями в одиночку невозможно, необходимо действовать сообща. Объединяя судьбу, страны мира должны совместными усилиями противодействовать вызовам ради светлого будущего. Говоря о важности защиты здоровья человечества, Председатель КНР особо подчеркнул роль Китая, который на безвозмездной основе поставил в Африку более 600 млн доз вакцин, а в страны АСЕАН – более 150 млн доз, в общей сложности доставки китайских вакцин в 120 стран мира оцениваются в 2,1 млрд доз.

Согласно опубликованной агентством *Xinhua* документу концепции инициативы, она включает шесть основополагающих принципов, а именно:

1) обеспечение всеобъемлющей безопасности для каждой без исключения страны, путем мирных политических переговоров;

2) сохранение территориальной целостности и суверенитета всех стран, не допуская одностороннего вмешательства во внутренние дела, вне зависимости от их международного авторитета;

3) приверженность принципам устава ООН, в первую очередь, выражающих отвержение современных тенденций гегемонизма и унилатеризма;

[10] Инициатива по глобальной безопасности председателя КНР Си Цзиньпина [Электронный ресурс]. 22.04.2022. URL: https://tass.ru/novosti-partnerov/14447017 (дата обращения: 14.10.2023).

4) применение «разумной озабоченности» в области безопасности стран, без целенаправленной защиты одной страны в ущерб национальной безопасности другой страны;

5) сопротивление враждебному регулированию противоречий, в том числе санкционному давлению;

6) обеспечение нетрадиционной безопасности, под которой понимается борьба с глобальными вызовами: терроризм, кибернетические войны, изменение климата и др.[11]

Добиваться развития без безопасности невозможно, история является подтверждение, что политика силы не приносит планете благ, а лишь усугубляет насущные вызовы. В связи с чем, Инициатива о глобальной безопасности призывает страны отказаться от конфронтационного мышления в пользу рациональных гарантий безопасности глобального масштаба [9, с. 71]. «Односторонность и ультраэгоизм ведет в никуда, любые попытки разъединения и крайнего давления не имеют никакой перспективы. Хотел бы особо отметить роль крупных держав, которые должны подать пример другим, достойно себя вести во имя равноправия.

Экономика Китая демонстрирует огромные стрессоустойчивость, потенциал и возможности. Китай, как мощный драйвер для восстановления мировой экономики, откроет более широкий доступ на свой рынок другим странам. Несмотря ни на какие изменения в мировой ситуации, решительный настрой нашей страны на продолжение реформ и открытости был и остается незыблемым», – заверил Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на конференции Боаоского азиатского форума – 2022[12].

В сентябре 2023 г. Госсовет КНР опубликовал важнейший документ, в котором изложена позиция Китая по видению глобального будущего – Белая книга под названием «Совместное строительство сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая». Главной идеей книги является призыв к построению открытого мира, с общим процветанием. В ней также отмечается, что за последние 10 лет с момента выдвижения

[11] Концепция Инициативы Китая по глобальной безопасности [Электронный вариант]. 21.02.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17099845 (дата обращения: 14.10.2023).

[12] Доклад Председателя КНР Си Цзиньпина «Объединение усилий для преодоления вызовов во имя прекрасного будущего» на церемонии открытии ежегодного совещания Боаоского азиатского форума–2022 [Электронный ресурс]. 21.04.2022. URL: https://russian.news.cn/20220421/b9636a7570754147aca06d32e1d3a991/c.html (дата обращения: 14.10.2023).

концепции СЕСЧ, Китай сделал достаточно усилий, чтобы претворить теорию «глобальной семьи» в практику. Был достигнут прогресс в укоренении концепции в общественном сознании.

По мнению российского исследователя, востоковеда Ю. В. Тарковского, издание «Белой книги» является уточненным продолжением внешнеполитической доктрины Китая, по формированию нового миропорядка, противостоящего гегемонистскому мышлению. Он также обращает особое внимание на то, что долгосрочная китайская концепция СЕСЧ не имеет аналогов ни в Америке, ни в России. При этом сам Китай не пытается навязать данную концепцию внешнему миру в качестве неподдельного руководства к действию, а скорее представляет данную идею на обсуждение в мировом сообществе. На этот факт, по мнению Ю. В. Тарковского, указывает издание книги от имени Госсовета, а не главной политической партии[13].

Заключение. В новую эпоху, перед человечеством все ощутимее проявляется необходимость стать сообществом единой судьбы. Особая ответственность за его реализацию лежит на мировых державах (Китай, Россия, США), которые в силу своего влияния должны стать путеводителем судьбы не только своего народа, но и мирового сообщества в целом. Поскольку современный мир является крайне взаимосвязанным, не имеет государственных границ, когда дело касается глобальных вызовов вроде пандемии коронавируса. Не успев оправиться от борьбы с сильнейшей эпидемиологической вспышкой в текущем десятилетии, в мире уже возникают другие вирусы. В связи с чем, сила в объединении, прежде всего, на основе политического доверия, тесного экономического сотрудничества и культурного диалога.

В современных реалиях антиглобализма, выраженного в учащении конфликтов за первенство сил на мировой арене, протекционистских мер защиты национальной экономики, унилатерального разрешения проблем, все сложнее обеспечивать стабильность глобального развития. Оказать влияние на ход событий в системе международных отношений, не сталкивая интересы соперничающих стран, сегодня по силам только Китаю. В апреле 2014 г. во время заседания Центральной комиссии национальной безопасности, Председатель КНР Си Цзиньпин впервые использовал

[13] О публикации Китая собственного видения глобального будущего – «Белой книги» [Электронный ресурс]. 02.10.2023. URL: https://radiosputnik.ria.ru/20231001/1899774210.html (дата обращения: 14.10.2023).

термин «всеобъемлющей национальной безопасности», базирующийся на поддержании мирного глобального порядка в одиннадцати аспектах: политическом, военном, территориальном, экономическом, информационном, экологическом, ресурсном, социальном, ядерном, научном и культурном. При этом «всеобъемлющий» характер безопасности не отождествляется с понятием «коллективный», поскольку политическая стратегия Китая последовательно выстраивается на принципе неприсоединения в вопросах национальной обороны.

Национальная оборонная стратегия Китая изложена в так называемом программном документе «Белая книга», в котором подчеркивается, что страна завершает строительство умеренно процветающего общества и переходит на новый путь развития, поступательно изменяя национальную оборонную политику в соответствии с внешними вызовами.

Китай стремится к сохранению политической стабильности и этнического единства, на фоне внутренних противоречий, связанных с постоянным подрыванием территориального суверенитета, демаркацией морских и воздушных границ. С началом политики открытости, Китай привержен содействию мира, в связи с чем, добровольно сократил численность армии на 4 млн военнослужащих, преодолел порог бедности ни за счет военной экспансии, а благодаря тяжелой работе своего народа по укреплению экономического и духовного потенциала. На основе равноправного уважения суверенитета больших и малых стран, их самостоятельного выбора собственного пути развития, Китай стремится развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами мира, содействовать формированию Сообщества единой судьбы человечества.

Целью настоящей работы была характеристика основных форм продвижения концепции «Сообщества единой судьбы человечества». Исходя из результатов исследования, стоит отметить, что полноценной стратегии популяризации идеи СЕСЧ китайским руководством разработано не было, формы продвижения применяются различные, от международных конференций до официальных заявлений Первого лица китайского государства. При этом об основательной роли концепции во внешнеполитической доктрине Китая свидетельствует ее включение в Устав КПК на XIX Всекитайском съезде. За десять с лишним лет, с момента представления концепции, Китай неустанно стремился создавать условия для равноправного, мирного и гармоничного развития

человечества. Продвигая свою инициативу на высоком уровне, несокрушимо сдерживаясь провокациям недоброжелателей, оказывая неизмеримую помощь нуждающимся странам.

Библиографические ссылки

1. *Помозова Н. Б.* «Сообщество единой судьбы»: эволюция внешнеполитической концепции Китая (конец 1990-х гг. – наст. вр.) // Вестник РГТУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 76–88.
2. *Denghua Z.* The Concept of «Community of Common Destiny» in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // Asia and the Pacific Policy Studies. John, Willley and sons, Australia, Ltd. 2018. 386 p.
3. *Семёнов А. В., Цвык А. В.* К вопросу о понятии и интерпретации концепции «Сообщество единой судьбы человечества» // Общество и государство в Китае. 2019. № 1. С. 547–554.
4. *Верченко А. Л.* Продвижение Китаем идеи «Сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 6–18.
5. Голобоков А. С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 117–122.
6. *Верченко А. Л.* Китайская концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 71–83.
7. *Верченко А. Л.* «Диалог КПК с миром» как платформа для продвижения идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Общество и государство в Китае. 2019. № 1 (49). С. 555–565.
8. *Бояркина А. В.* Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Теории и проблемы политических исследований. 2020. № 1А. С. 120–140.
9. *Цуй Ц., Сунь Ц.* Сообщество единой судьбы человечества: концепция Си Цзиньпина о путях развития человеческой цивилизации // Беларуская думка. 2017. № 5. С. 68–74.
10. *Liang H., Zhang Y.* The theoretical system of Belt and Road Initiative. Springer Singapore, 2019. 136 p.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023

References

1. Pomozova, N. (2019). «Soobshchestvo edinoj sud'by»: evolyuciya vneshnepoliticheskoj koncepcii Kitaya (konec 1990-h gg. – nast. vr.) [«Community of Shared Destiny»: the evolution of China's foreign policy concept (late 1990s – present)]. In: *Bulletin of RGTU. Series: Political science. Story. International relationships*. 2019, No. 2, p. 76–88. (In Russ.).
2. Denghua, Z. (2018). Koncepciya «Soobshchestva obshchej sud'by» v diplomatii Kitaya: smysl, motivy i posledstviya [The Concept of «Community of Common Destiny» in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications]. In: *Asia and the Pacific Policy Studies.* John, Willley and sons, Australia, Ltd., 386 p.

3. Semenov, A., Tsvyk, A. (2019). Koncepciya «Soobshchestva obshchej sud'by» v diplomatii Kitaya: smysl, motivy i posledstviya [On the issue of the concept and interpretation of the concept of «Community of the Common Destiny of Humanity»]. In: *Society and state in China*. No. 1, p. 547–554. (In Russ.).
4. Verchenko, A. (2020). Prodvizhenie Kitaem idei «Soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» [China's promotion of the idea of a «Community with a Shared Destiny for Humanity»]. In: *East Asia: facts and analytics*. No. 1, p. 6–18. (In Russ.).
5. Golobokov, A. (2010). Stanovlenie i razvitie vneshnepoliticheskoj doktriny Kitaya [Formation and development of China's foreign policy doctrine]. In: *Ecumene*. No. 3, p. 117–122. (In Russ.).
6. Verchenko, A. (2022). Kitajskaya koncepciya «Soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» i diplomatiya pervogo lica [The Chinese concept of the «Community with a Shared Destiny for Humanity» and First Person Diplomacy]. In: *China in world and regional politics. History and modernity,* 2022. No. 27, p. 71–83. (In Russ.).
7. Verchenko, A. (2019). «Dialog KPK s mirom» kak platforma dlya prodvizheniya idei «soobshchestva edinoj sud'by chelovechestva» [«Dialogue of the CCP with the world" as a platform for promoting the idea of a "community with a common destiny for mankind»]. In: *Society and state in China.* No. 1 (49), p 555–565. (In Russ.).
8. Boyarkina, A. (2020). Kitajskaya iniciativa «Poyas i put'» v kontekste koncepcii Si Czin'pina «Soobshchestvo edinoj sud'by chelovechestva» [China's Belt and Road Initiative in the context of Xi Jinping's concept of the «Community with a Shared Destiny for Humanity»]. In: *Theories and problems of political research*. No. 1A, p. 120–140. (In Russ.).
9. Cui, C., Sun, C. (2017). Soobshchestvo edinoj sud'by chelovechestva: koncepciya Si Czin'pina o putyah razvitiya chelovecheskoj civilizacii [Community of a shared future for humanity: Xi Jinping's concept of the development of human civilization]. In: *Belarusian thought*. No. 5, p. 68–74. (In Russ.).
10. Liang, H., Zhang, Y. (2019). Teoreticheskaya sistema iniciativy «Poyas i put'» [The theoretical system of Belt and Road Initiative]. In: *Springer Singapore*. 136 p.

Received by editorial board 16.10.2023

УДК 327

ВОЗДЕЙСТВИЕ РАСШИРЕНИЯ БРИКС НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Лю Лу
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются проблемы создания и деятельности механизма взаимодействия «БРИКС плюс» и расширения БРИКС в контексте глобальной трансформации международных отношений. Автор связывает соответствующие процессы с общей трансформацией объединения БРИКС, приходя к выводу, что создание механизма «БРИКС плюс» и расширение БРИКС в 2023 г. стали закономерным результатом деятельности «пятерки», роста ее авторитета в мировой политике и экономике, умения успешно реагировать на современные вызовы и решать возникающие проблемы. Особенно значимым было воздействие БРИКС на страны «глобального Юга».

На основе анализа мнений экспертов в странах БРИКС и странах Запада, автор приходит к выводу о вероятности воздействия «внешних акторов» на деятельность расширенного БРИКС с целью его раскола и игры на противоречиях между государствами – членами. Автор приходит к выводу о необходимости усовершенствования механизмов деятельности указанного объединения с учетом новых обстоятельств.

Научная новизна исследования заключается в оценке воздействия новых механизмов деятельности БРИКС на современные международные отношения. Результаты исследования могут использоваться для дальнейшего изучения БРИКС и оценке его роли в современных международных отношениях.

Ключевые слова: БРИКС; «БРИКС плюс»; механизмы взаимодействия; расширение БРИКС.

Образец цитирования: *Лу Лю.* Воздействие расширения БРИКС на международные отношения // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 191–206.

Автор: Лю Лу – аспирант кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: 2751292482@qq.com.

IMPACT OF BRICS EXPANSION ON INTERNATIONAL RELATIONS

Liu Lu
Belarussian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the problems of the creation and operation of the BRICS+ interaction mechanism and the expansion of BRICS in the context of the global transformation of international relations. The author connects the relevant processes with the general transformation of the BRICS association, coming to the conclusion that the creation of the BRICS+ mechanism and the expansion of BRICS in 2023 were the natural result of the activities of the "five", the growth of its authority in world politics and economics, the ability to successfully respond to modern challenges and solve emerging problems. The impact of BRICS on the countries of the "global South" was particularly significant.

Based on the analysis of the opinions of experts in the BRICS countries and Western countries, the author comes to the conclusion about the likelihood of the impact of "external actors" on the activities of the expanded BRICS in order to split it and play on the contradictions between the member states. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the mechanisms of activity of this association, taking into account new circumstances.

The scientific novelty of the study is to assess the impact of the new mechanisms of BRICS activities on modern international relations. The results of the study can be used for further study of BRICS and assessment of its role in modern international relations.

Key words: BRICS; BRICS+; mechanisms of interaction; expansion of BRICS.

For citations: Liu Lu (2023). Vozdejstviye mekhanizma BRICS na mezhdunarodnye otnosheniya [Impact of BRICS Expansion on International Relations]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 191–206. (In Russ.).

Author: Liu Lu – post-graduate student of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: 2751292482@qq.com.

Введение. БРИКС представляет собой объединение пяти государств – Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики. Это объединение возникло в 2009 г. на встрече высших государственных руководителей Бразилии, России, Индии и Китая, прошедшей в Екатеринбурге. Поскольку встреча проходила в условиях мирового финансового кризиса, ее участники сконцентрировали внимание на вопросах экономики. В 2011 г. к объединению была подключена ЮАР. «Четверка» была преобразована в «пятерку» и приобрела современное название, под которым фигурирует и поныне. В 2023 г. название было решено сохранить как устоявшийся бренд.

В начале 2020-х гг. на страны БРИКС приходилось более 40% населения Земли и более четверти мировой экономики. Каждое из государств – членов объединения представляет собой достаточно крупную экономическую и политическую величину, вместе они имеют возможность влиять на правила мирового развития и получать конкретные преимущества, несмотря на наличие определенных расхождений в подходах.

Повышение значимости БРИКС в мировой политике и экономике определяет актуальность изучения различных аспектов его деятельности, включая проблематику взаимодействия с государствами, не входящими в его состав.

Методология исследования. В данной статье рассматриваются особенности функционирования БРИКС на современном этапе. Объектом исследования является БРИКС, предметом – новый механизм взаимодействия с другими странами мира в форматах «БРИКС плюс» и расширения «пятерки».

Цель исследования – выявить основные направления деятельности БРИКС в контексте его расширения. Для достижения цели поставлены задачи:

1) определить предпосылки создания механизма «БРИКС плюс» и расширения БРИКС;

2) оценить основные результаты деятельности механизма «БРИКС плюс» и воздействие расширения БРИКС на международные отношения.

Следует отметить, что соответствующая проблематика недостаточно разработана в научном плане. В значительной части ранее опубликованных научных работ, в которых содержался анализ различных аспектов функционирования БРИКС, основное внимание уделялось внутренним проблемам «пятерки», со-

вершенствованию механизмов его деятельности с позиций основных государств – членов объединения [1—10]. Внешние же аспекты деятельности БРИКС практически не рассматривались. Определенный научный задел в рамках данной проблематики осуществили российские исследователи Н. Попова, М. Лагутина, В. Титов (в соавторстве с Б. В. Ф. Агоннуде) [11—13] и китайские исследователи Лу Цзин, Чжу Цзецзинь, Хуан Жэньвэй [14; 15]. Автор статьи активно использовал выступления политических лидеров государств – членов БРИКС и текущих материалов информационных агентств в связи с недостаточной научной проработанностью проблем, связанных с функционированием механизма «БРИКС плюс» и расширением БРИКС.

Методологической основой исследования являются принципы объективности, научной достоверности, методы политического анализа (ивент-анализ, интент-анализ), изучения источников и экспертных мнений.

Результаты исследования. Глобальные геополитические изменения, конкуренция крупных держав, в том числе в рамках БРИКС, территориальные споры, борьба с последствиями глобальной пандемии *COVID*–19 и другие задачи требуют совершенствования механизмов сотрудничества в рамках рассматриваемого объединения. В начале 2020-х гг. в рамках БРИКС сформировалась многоуровневая структура, основу которой составляют встречи лидеров стран – участниц, а также руководителей отдельных министерств и ведомств (представителей по вопросам безопасности, руководителей Нового банка развития, министров иностранных дел и т.п.).

Создан и успешно функционирует многоуровневый механизм поддержки сотрудничества, включая механизм банковского сотрудничества БРИКС, Деловой совет, Резервный валютный фонд, Новый банк развития БРИКС и т.д. Регулярно проводятся встречи на уровне различных министерств, ведомств, рабочих групп по актуальным проблемам развития сотрудничества в рамках БРИКС. Важным является сотрудничество в десятках областей, таких как экономика и торговля, политика, финансы, наука и технологии, сельское хозяйство, культура, образование, здравоохранение, развитие аналитических центров, встречи представителей администраций городов и регионов-партнеров, укрепление взаимодействия городов – побратимов стран – участниц БРИКС.

Очевидные успехи БРИКС в формировании мировой повестки дня привлекают другие страны мира. К началу 2023 г. заявки на членство в БРИКС подали Аргентина и Иран, заинтересованность в присоединении к объединению выразили Саудовская Аравия, Турция и Египет. Исходя из новых политических реалий, сопряженных с ростом интереса международного сообщества к участию в деятельности БРИКС, началось формирование механизма сотрудничества с государствами, непосредственно не входящими в указанное объединение. Изначально таким механизмом стал «БРИКС плюс».

Движение к созданию нового механизма взаимодействия началось в 2013 г., когда в рамках V саммита БРИКС в Дурбане (ЮАР) лидеры «пятерки провели встречу с руководством Африканского союза и лидерами восьми интеграционных объединений Африки [13, с. 78]. В 2014 г. в рамках VI саммита БРИКС в Бразилиа была проведена встреча лидеров «пятерки» с лидерами стран Южной Америки. На VII саммите БРИКС в Уфе в 2015 г. лидеры «пятерки» провели встречу с лидерами стран ЕАЭС, ШОС и государств – наблюдателей при ШОС (Армении, Афганистана, Беларуси, Ирана, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана) [13, с. 78].

В 2017 г. по инициативе Китая начался переход к формированию механизма «БРИКС плюс». В марте 2017 г. министр иностранных дел КНР Ван И предложил подключить к партнерству крупные развивающиеся экономики. Цель китайской инициативы была направлена на то, чтобы сделать БРИКС более влиятельной платформой для сотрудничества по линии Юг – Юг, позиционировать группу как «точку пересечения» между G20 и другими развивающимися странами [13, с. 78].

Это предложение получило развитие на IX саммите БРИКС в Сямэне в сентябре 2017 г. В выступлении на Деловом форуме БРИКС 3 сентября 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин предложил расширить влияние БРИКС и сформировать широкое партнерство на его основе, учитывая то, что влияние БРИКС вышло за пределы «пятерки» и стало привлекательным для многих развивающихся стран и стран с формирующимся рынком. «Мы должны в полной мере раскрыть собственные преимущества и влияние, содействовать сотрудничеству Юг – Юг и диалогу Север – Юг, объединить общие силы всех стран, совместно отвечать на риски и вызовы. Мы должны расширить выгоды от со-

трудничества БРИКС, внедрять модель сотрудничества «БРИКС плюс», создать открытую и многообразную сеть партнерства по развитию, чтобы еще больше стран с формирующимся рынком и развивающихся стран присоединялись к делу единства, сотрудничества, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша», – заявил китайский лидер[1].

В 2022 г. инициатива создания механизма «БРИКС плюс» получила практическое воплощение. В частности, к встрече министров иностранных дел стран БРИКС, которая прошла 19 мая 2022 г. в онлайн-формате при поддержке Китая, смогли подключиться представители Египта, Нигерии, Сенегала, Аргентины, Индонезии, Казахстана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Таиланда[2]. В тот же день был проведен Форум политических партий, аналитических центров и НПО с участием представителей Камбоджи, Сенегала и Аргентины. Тем самым было положено начало формированию инклюзивного формата диалога, охватывающего основные регионы Евразии, Африки и Латинской Америки[3].

В том же году с конкретными предложениями по кандидатурам стран, готовых присоединиться к БРИКС, выступили государства-члены «пятерки». К примеру, министр иностранных дел РФ С. Лавров в июне 2022 г. предложил принять в БРИКС Иран и Аргентину [13, с. 78].

В 2023 г. окончательно стало ясно, что БРИКС не ограничится пятью странами. Расширение объединения было выделено в качестве одного из важных приоритетов председательствования Южно-Африканской Республики. 2 июня 2023 г. в Кейптауне состоялось заседание «Друзей БРИКС» с участием министров иностранных дел «пятерки» и девяти государств, проявивших повышенный интерес к деятельности БРИКС – Аргентины, Бангладеш, Ирана, Индонезии, Казахстана, Коморских Островов, Кубы, ОАЭ и Саудовской Аравии[4]. Также заинтересованность в подключении к деятельности объединения выразили Алжир,

---

[1] Си Цзиньпин. О создании Сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Изд-во «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2021. С. 584.

[2] Лисоволик Я. БРИКС+ возвращается с размахом и амбициями // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/briks-vozvrashchaetsya-s-razmakhom-i-ambitsiyami/ (дата обращения: 10.06.2022).

[3] Там же.

[4] Главы МИД стран БРИКС обсудили прием новых членов в организацию // РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/06/2023/6478afcf9a79475902c2c57a (дата обращения: 28.08.2023).

Афганистан, Бахрейн, Республика Беларусь, Венесуэла, Египет, Зимбабве, Мексика, Нигерия, Никарагуа, Пакистан, Сенегал, Сирия, Судан, Таиланд, Тунис, Турция и Уругвай[5].

1 июня министры иностранных дел «пятерки» рассмотрели концепцию расширения БРИКС, представленную шерпами, и отправили ее на доработку. Рассматривалось несколько формул расширения. Одна из них отдавала приоритет укреплению экономического сотрудничества через Новый банк развития БРИКС, и исходила из того, что принятые в банк страны смогут участвовать в различных мероприятиях группы без формального присоединения к ней. Другая – предполагала наделение новых стран статусом постоянных членов[6].

В конце июля 2023 г. агентство *Bloomberg* распространило информацию о нежелании Индии и Бразилии поддержать предложение Китая о быстром расширении БРИКС. По версии агентства, Бразилия предлагала создать категории «наблюдателей» и «стран – партнеров», а Индия добивалась выработки четких правил вступления в БРИКС[7]. Агентство утверждало, что Китай оказывает давление на партнеров по БРИКС, рассчитывая «превратить блок в антагониста, способного бросить вызов «Большой семерке»»[8]. Схожую информацию распространило агентство *Reuters*[9].

Китайская сторона опровергла рассуждения западных агентств. МИД Китая указал, что «принятие новых членов в БРИКС является политическим консенсусом пяти стран»[10]. Еще резче оценила их китайская англоязычная газета *Global Times*. Она назвала соответствующую информацию клеветой и высказала мнение, что страны Запада распространяют подобные слухи, потому что боятся «исправления несовершенного порядка, в котором доминирует Запад»[11].

---

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Раньян Сен С., Стембиле С., Иглесиас С. Попытки Китая расширить БРИКС терпят неудачу // ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20230728/briks-264681212.html (дата обращения: 28.07.2023).

[8] Раньян Сен С., Стембиле С., Иглесиас С. Попытки Китая расширить БРИКС терпят неудачу // ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20230728/briks-264681212.html (дата обращения: 28.07.2023).

[9] Шэн Ян. У членов БРИКС больше общих интересов, чем различий // ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20230807/briks-264824669.html (дата обращения: 07.08.2023).

[10] Раньян Сен С., Стембиле С., Иглесиас С. Указ соч.

[11] Шэн Ян. Указ. соч.

С опровержениями западных измышлений выступили представители Бразилии и Индии. Президент Бразилии Л.И. Лула да Силва заявил, что он считает очень важным, чтобы такие государства как Саудовская Аравия или Аргентина, и другие крупные развивающиеся страны присоединились к БРИКС[12]. Также он выразил готовность поддержать прием в БРИКС Венесуэлы и ОАЭ[13]. Официальный представитель МИД Индии Шри Ариндам Багчи назвал предположения западных информационных агентств о возражении Индия против приема в БРИКС новых членов необоснованными и не соответствующими действительности[14].

Окончательно вопрос о расширении БРИКС был решен на XV саммите «пятерки» в Йоханнесбурге (ЮАР), который состоялся с 22 по 24 августа 2023 г. В работе саммита приняли участие представители 67 государств мира, включая более 60 глав государств и правительств стран Африки, и развивающихся государств других регионов мира – Бангладеш, Боливии, Чили и Ирана[15].

В ходе саммита президент ЮАР С. Рамафоса сообщил об официальном приглашении в состав БРИКС 6 новых государств: Аргентины, Египта, Ирана, Эфиопии, ОАЭ и Саудовской Аравии. Полноценное членство этих государств в БРИКС начнется с 1 января 2024 г.[16].

Расширение БРИКС высоко оценили лидеры «пятерки». Председатель КНР Си Цзиньпин назвал его историческим событием и новой отправной точкой для сотрудничества. Он подчеркнул, что расширение отражает решимость стран БРИКС сплотиться и сотрудничать с другими развивающимися странами, отвечает ожиданиям международного сообщества и служит общим интересам формирующихся рынков и развивающихся стран. Также он высказал мнение, что расширение придаст новую жизненную силу механизму сотрудничества БРИКС и еще

---

[12] Там же.

[13] Лула предлагает Венесуэле и Аргентине войти в БРИКС, но его правительство против расширения // ИноСМИ. [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20230808/braziliya-264900280.html (дата обращения: 08.08.2023).

[14] Шэн Ян. Указ. соч.

[15] XV саммит БРИКС // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/XV_саммит_БРИКС (дата обращения: 28.08.2023).

[16] БРИКС в Йоханнесбурге был самым успешным саммитом сообщества, заявили в ЮАР // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20230903/briks-1893979705.html (дата обращения: 03.09.2023).

больше укрепит силы, выступающие за мир и развитие во всем мире[17].

Президент Российской Федерации В. Путин отметил, что Россия полностью поддерживает расширение БРИКС, которое свидетельствует о расширении его влияния в мире. Он подчеркнул, что Россия в качестве государства – председателя в 2024 г. готова налаживать практическую работу с новыми членами организации и с теми, кто будет работать в сфере БРИКС в качестве «аутрич»[18].

Премьер – министр Индии Н. Моди заявил, что Индия будет поддерживать страны, желающие стать членами БРИКС, в процессе их присоединения к объединению и внесет вклад в выстраивание консенсуса, необходимого для принятия соответствующих решений. Он высказал мнение, что расширение и обновление БРИКС является «сигналом всем институтам в мире, что они должны меняться в соответствии с требованиями времени», и расценил его как «шаг, который может стать примером реформ для других институтов»[19].

Президент Бразилии Лула да Силва отметил, что Бразилия поддерживает расширение БРИКС и считает, что это объединение не должно оставаться закрытым клубом по аналогии с *G*7. При этом он выступил за установление определенных процедур вступления в БРИКС, чтобы в объединении не оказались те, кто выступает против него[20].

Решение о расширении БРИКС вызвало различную реакцию в экспертном сообществе. В государствах «пятерки» эта реакция была в основном положительной. Большинство исследователей и аналитиков увязало расширение с повышением значимости БРИКС в мировой политике и экономике.

По мнению директора Центра сотрудничества стран БРИКС при Пекинском педагогическом университете Ван Лэя, за по-

---

[17] Расширение БРИКС является историческим событием и новой отправной точкой для сотрудничества – Си Цзиньпин // Жэньминь жибао на русском языке [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0825/c31520-20063210.html (дата обращения: 28.08.2023).

[18] Лидеры БРИКС выступили с заявлениями для СМИ // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/13/events/72095 (дата обращения: 03.09.2023).

[19] Моди заявил, что Индия будет поддерживать дальнейшее расширение БРИКС // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18575853 (дата обращения: 24.08.2023).

[20] Президент Бразилии заявил о поддержке расширения БРИКС // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18560025 (дата обращения: 22.08.2023).

следние 17 лет успешная практика сотрудничества стран БРИКС вселила уверенность в развивающиеся страны, которые хотят ускорить развитие и сохранить независимость, а также завоевала высокое признание и доверие этих стран[21].

Положительно оценил расширение БРИКС Чрезвычайный и Полномочный Посол России, член Совета Федерации Федерального собрания РФ А. Денисов, который отметил, что оно придает миру более сбалансированные очертания и расширенный БРИКС будет полюсом притяжения для других стран. Немаловажным, по его мнению, является то, что одним из системообразующих факторов БРИКС является отсутствие враждебности и недружественности между странами – участницами в сочетании со стремлением к сбалансированному и взаимовыгодному сотрудничеству в целях развития и справедливости в распределении материальных благ между странами мира[22].

Проректор Научно-исследовательского института российской Высшей школы экономики В. Панова сочла, что рост интереса государств мира к деятельности БРИКС обусловлен тем, что данное объединение стало продуктом осознания государствами «пятерки» того, что они выступают в качестве ключевых игроков системы международных отношений с собственными суверенными интересами, цивилизационной и культурной самобытностью и возможностями предложить миру альтернативную, кооперативную повестку взаимодействия, не выступая при этом в роли непримиримого антагониста *G7*[23].

По мнению директора Центра прикладного анализа международных трансформаций РУДН В. Данилова, расширение БРИКС носит продуманный политический характер. Сильным решением саммита стало приглашение к союзу стран Ближнего и Среднего Востока, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ, поскольку энергетическая составляющая экономик этих государств, их

---

[21] Механизм сотрудничества БРИКС получил широкую поддержку международного сообщества и стал позитивной силой в международных делах // Жэньминь жибао на русском языке [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0818/c31521-20059782.html (дата обращения: 25.08.2023).

[22] Денисов А. После расширения БРИКС остается магнитом для многих стран // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/posle-rasshireniya-briks-ostaetsya-magnitom-dlya-mnogikh-stran/ (дата обращения: 02.09.2023)

[23] Панова В. Исторический момент // Известия [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1562059/viktoriia-panova/istoricheskii-moment (дата обращения: 28.08.2023).

влияние на экономические индексы планеты через поставляемые углеводороды неизбежно усилит роль БРИКС в геополитическом раскладе. Египет и Эфиопия имеют ключевое значение для формирования африканского кейса по продвижению влияния БРИКС на континенте. Прием Аргентины способствует закреплению влияния БРИКС в Латинской Америке и выходу двух крупнейших экономик на континенте – Бразилии и Аргентины – из политического и экономического влияния США. Гипотетическое присоединение к объединению Венесуэлы, Боливии и Кубы поможет выходу Латинской Америки из-под влияния США[24].

Впрочем, можно было встретить и более скептические оценки расширения БРИКС. К примеру, научный сотрудник Центра ближневосточных и африканских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России И. Лошкарев заявил, что его озадачил выбор новых членов объединения. «В первую очередь Аргентина: страна предельно зависима от западного капитала. Объединенные Арабские Эмираты тоже своеобразная троянская лошадка. Кроме того, и Саудовская Аравия, и ОАЭ в плане безопасности сами себя не обеспечивают, им помогает Запад. Очень радует наличие в списке новых членов Египта и Ирана. Но получилось так, что в БРИКС приняли сразу две группы государств, образующих своеобразные оси на Ближнем Востоке, которые друг с другом при этом конфликтуют: ось ОАЭ – Саудовская Аравия – Египет и Иран. А турецко-катарскую ось проигнорировали. Эфиопия независимая, но там традиционно сильны и западные позиции, и позиции откровенно недружественных нам стран. Пока непонятно, насколько новые государства в составе БРИКС помогут в выстраивании альтернативного порядка», − отметил он[25].

Схожую позицию занял российский политолог и обозреватель портала Украина.ру Р. Ищенко, который заметил, что он не понимает, какими критериями руководствовались государства «пятерки», принимая новых членов. Он высказал опасение, что БРИКС может превратиться в новое ОБСЕ, а в перспективе – в «новую всепланетную говорильню, вроде Организации Объеди-

[24] Данилов В. Строим новый мир // Известия [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1563844/vitalii-danilov/stroim-novyi-mir (дата обращения: 02.09.2023).

[25] Смирнов А., Скоробогатый П. БРИКС расширяется в поисках смысла // Эксперт [Электронный ресурс]. URL: https://expert.ru/expert/2023/35/briks-rasshiryayetsya-v-poiskakh-smysla/ (дата обращения: 28.08.2023).

ненных Наций», поскольку в объединении отсутствуют внутренние механизмы, цементирующие его, и понимание принципов построения организации[26].

Интересна реакция на результаты саммита БРИКС в Йоханнесбурге представителей стран Запада. В частности, советник президента США по вопросам безопасности Дж. Салливан 22 августа 2023 г. заявил: «Мы не рассматриваем БРИКС в качестве своеобразного геополитического соперника Соединенных Штатов или что-то в этом роде. В современном состоянии оно включает разные государства, Бразилия, Индия, ЮАР – это демократические государства, а Россия и Китай – автократии, у них [государств – членов БРИКС] есть разногласия по важнейшим вопросам в Индо-Тихоокеанском регионе, по войне на Украине, по ряду других вопросов». Официальный представитель США подчеркнул, что его страна намерена продолжать работу по развитию прочных позитивных отношений с Бразилией, Индией и ЮАР, выстраиванию отношений с Китаем и противодействию «агрессии» России[27]. Исходя из того, что БРИКС не является прочным межгосударственным объединением, он не счел нужным прокомментировать возможность его расширения[28].

Британский экономист Дж. О'Нил, который первым использовал аббревиатуру «БРИК» для выделения группы развивающих государств в 2001 г., высказал мнение, что БРИКС не имеет возможности оказывать существенное воздействие на мировую политику и экономику, поскольку между входящими в его состав государствами, прежде всего между Индией и Китаем, существуют серьезные противоречия. Затронув проблему расширения БРИКС, он заметил, что оно представляло собой случайный выбор новых государств – членов, и высказал мнение, что более продуктивным может быть укрепление сотрудничества между

[26] Ростислав Ищенко про БРИКС, Турцию и опасную концентрацию войск на границе с Белоруссией // Украина.ру [Электронный ресурс]. URL: https://ukraina.ru/20230827/1048956302.html (дата обращения: 28.08.2023).

[27] Press Gaggle by National Security Advisor Jake Sullivan // The White House [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2023/08/22/press-gaggle-by-national-security-advisor-jake-sullivan-2/ (date of access: 22.08.2023). В США не считают, что БРИКС становится геополитическим соперником // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18562223 (дата обращения: 22.08.2023).

[28] Press Gaggle by National Security Advisor Jake Sullivan // The White House [Electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2023/08/22/press-gaggle-by-national-security-advisor-jake-sullivan-2/ (accessed: 22.08.2023).

государствами Запада и «глобального Юга» в рамках *G*20, а не конструирование объединений, альтернативных *G*7[29].

Более тревожную оценку возможного расширения БРИКС и механизма «БРИКС плюс» дал аналитик южноафриканского Института изучения безопасности П. Фабрициус. Обратив внимание на возможность приема в БРИКС Ирана и Венесуэлы, он высказал мнение, что БРИКС в большей мере является «союзом против Запада», а не нейтральным «защитником интересов глобального Юга»[30].

Безусловно, между отдельными государствами – членами БРИКС сохраняются разногласия по некоторым политическим вопросам. Однако они не являются непреодолимым препятствием для успешной работы объединения, выстраивания равноправного партнерства между входящими в него государствами на основе взаимной выгоды и ориентации на создание подлинного сообщества единой судьбы человечества.

Выводы. БРИКС прочно занял свою нишу в мировом порядке и стал привлекательным для многих стран «глобального Юга», поспособствовав глобальному переформатированию международных отношений. Декларируя нежелание каким-либо образом противостоять странам *G*7, страны «пятерки» по ряду параметров сравнялись с этими странами, а по некоторым параметрам (площадь территории, численность населения, темпы экономического роста и т.п.) даже превзошли их. Логичным результатом повышения авторитета БРИКС стало появление механизма «БРИКС плюс», активную роль в формировании и развитии которого сыграл Китай. В свою очередь, успешное функционирование механизма «БРИКС плюс» создало благоприятные условия для первого масштабного расширения объединения, решение о котором было принято в 2023 г. на саммите БРИКС в Йоханнесбурге.

Принимая во внимание существование механизма «БРИКС плюс» и решение о первом существенном расширении БРИКС, есть основания предполагать, что это расширение может стать

---

[29] O'Neil J. Does an expanded BRICS mean anything? // Chatham house [Electronic resource]. URL: https://www.chathamhouse.org/2023/08/does-expanded-brics-mean-anything (accessed: 03.09.2023).

[30] Саммит БРИКС в Южной Африке: пять государств хотят изменить мировой порядок // ИноСМИ [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/20230822/briks-265198652.html (дата обращения: 22.08.2023).

не последним. Потенциальными кандидатами на вступление в БРИКС являются Алжир, Турция, Индонезия, Бангладеш, Шри-Ланка, Пакистан. Несомненно, новые государства привнесут в БРИКС свое видение различных аспектов мировой повестки дня, что, в свою очередь, потребует адаптации этого объединения к новым условиям и дальнейшего усовершенствования механизма взаимодействия государств, входящих в его состав. Обновленный БРИКС не должен превратиться в формально действующую организацию. Можно согласиться с мнением В. Глебова и Б. Агоннуде, что БРИКС пока не имеет задокументированной процедуры вступления новых членов и вопрос о его расширении будет основываться в большей степени на общих критериях приемлемости, а не на процедурных моментах [13, с. 79]. Весьма вероятно, что БРИКС расширит взаимодействие не только с отдельными государствами, но и с некоторыми региональными объединениями: Общим рынком стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Сообществом развития Юга Африки (САДК), Африканским союзом, Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др.

Необходимо учесть также и возможность усиления давления и негативного воздействия «внешних акторов» на отдельные страны БРИКС, которое будет направлено на ослабление их позиций на международной арене и на разрыв связей в разных сферах (то, что такие попытки будут предприниматься, вытекает из комментариев политиков и экспертов стран Запада, которые прямо или косвенно воспринимают БРИКС как альтернативу *G*7). Однако можно предположить, что при наличии доброй воли и готовности к диалогу БРИКС преодолеет возникающие трудности, адаптируется к новым условиям и внесет важный вклад в глобальное переформатирование международных отношений, обеспечив достойное будущее всем жителям Земли.

Библиографические ссылки

1. *Ho Chun K.* The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. Ashgate: Ashgate Publishing Limited, 2013. 231 p.
2. *Хейфец Б. А.* Перспективы институциализации БРИКС // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 25–42.
3. *Явнова И. И.* БРИКС: История создания // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. № 9. С. 71–74.
4. *Stuenkel O.* The BRICS and the Future of Global Order. London: Lexington Books, 2015. 213 p.

5. *Конкин А. А.* БРИКС: структурно-функциональные особенности партнерства // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. №9. С. 93–102. DOI: 10.21209/22279245201723993102.
6. *Попова Н. В.* Страны БРИКС в формирующемся многополярном мире // Россия и современный мир. 2017. № 4. С. 155–162.
7. *Shraddha N.* Rising BRICS: a path to multipolar world reality? // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. №1. С. 100–108.
8. *Куемжиева С. А., Складчиков С. В., Гончаров В. В.* Актуальные проблемы и перспективы развития БРИКС // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 33. № 1. С. 80–85.
9. *Кондратов Д. И.* Страны БРИКС в условиях глобальной нестабильности: новые вызовы и перспективы развития // Белорусский экономический журнал. 2021. № 1. С. 23–44.
10. *Юе Ли.* Перспективы БРИКС и будущее сотрудничество Китая и России // Актуальные научные исследования в современном мире: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2021. № 4–5. С. 106–110.
11. *Попова Н. В.* Перспективы развития объединения «БРИКС плюс» // Россия и современный мир. 2018. №2. С. 110–118.
12. *Лагутина М. Л.* Региональное измерение сотрудничества стран БРИКС // Междунар. аналитика. 2022. Т. 13. № 1. С. 66–82.
13. *Глебов В., Агоннуде Б. В. Ф.* Перспективы расширения БРИКС // Междунар. жизнь. 2023. № 4. С. 76–87.
14. *Жэньвэй Хуан, Цзецзинь Чжу.* Цюаньцю чжили шиюй ся цзиньчжуань гоцзя цзичжихуа цзяньшэ [Институционализация БРИКС на пороге глобального управления] // Фудань дасюе идайилу цзи цюаньцю чжили яньцзююань = Институт «Пояса и пути» и глобального управления, Фуданьский университет. 2022. № 7. С. 29–33 (на кит. яз.).
15. *Лу Цзин.* Цзиньчжуань гоцзя хэцзо цзичжи дэ яньцзинь тэдянь цзи ии [Эволюция, особенности и значение механизма сотрудничества БРИКС] // Юйвай = Экстерриториальность. 2022. № 8. С. 70–73 (на кит. яз.).

Статья поступила в редакцию 11.09.2023

References

1. Ho, Chun K. (2013). The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. Ashgate: Ashgate Publishing Limited, 231 p.
2. Kheifets, B. (2015). Perspektivy institutsializatsii BRICS [Prospects for the institutionalization of BRICS]. In: *Voprosy Ekonomiki.* No 8, p. 25–42. (In Russ.).
3. Yavnova, I. (2015). BRICS: Istoriya sozdaniya [BRICS: History of creation]. In: *Aktualnye voprosy obshestvennyh nauk: sociologia, politologia, filosofia, istoria.* No. 9, p. 71–74. (In Russ.).
4. Stuenkel, O. (2015). The BRICS and the Future of Global Order. London: Lexington Books, 213 p.
5. Konkin, A. (2017). BRICS: strukturno-funktsionalnye osobennosti partnerstva [BRICS: structural and functional features of the Partnership]. In: *Vestnik ZabGU*. Vol. 23. No. 9, p. 93–102. (In Russ.).

6. Popova, N. (2017). Strany BRICS v formiruyushemsya mnogopolyarnom mire [BRICS countries in the emerging multipolar world]. In: *Russia and the contemporary world*. No. 4, p. 155–162. (In Russ.).
7. Shraddha, N. (2018). Rising BRICS: a path to multipolar world reality? In: *Comparative Politics Russia*. Vol. 9. No. 1, p. 100–108.
8. Kuemzhieva, S., Skladchikov, S., Goncharov, V. (2020). Akualnye problemy i perspektivy razvitya BRICS [Current problems and prospects of BRICS development]. In: *Law Herald of Dagestan State University.* Vol. 33. No. 1, p. 80–85. (In Russ.).
9. Kondratov, D. (2021). Strany BRICS v usloviyah globalnoy nestabilnosti: novye vyzovy i perspektivy razvitya [BRICS countries in the context of global instability: new challenges and development prospects]. In: *Belarusian Economic Journal.* No 1, p. 23–44. (In Russ.).
10. Yue, Li. (2021). Perspektivy BRICS i budushcheye sotrudnichestvo Kitaya i Rossii [BRICS prospects and future cooperation between China and Russia]. In: *Actual scientific research in the modern world: collection of scientific works.* Ekaterinburg. No. 4-5, p. 106–110. (In Russ.).
11. Popova, N. (2018). Perspektivy razvitiya ob'edineniya BRICS Plus [Prospects for the development of the BRICS Plus association]. In: *Russia and the contemporary world.* No. 2, p. 110–118. (In Russ.).
12. Lagutina, M. (2022). Regionalnoye izmerenie sotrudnichestva stran BRICS [Regional dimension of BRICS cooperation]. In: *Journal of International Analytics.* Vol. 13. No 1, p. 66–82. (In Russ.).
13. Glebov, V., Agonnude, B. (2023). Perspektivy rasshireniya BRICS [Prospects for the expansion of BRICS]. In: *The International Affairs.* No. 4, p. 76–87. (In Russ.).
14. Huang, Renwei. Zhu, Jiejin (2022). Quanqiu zhili shiyu xia jianzhuan guojia jizhihua jianshe [Institutionalization of BRICS on the threshold of global governance]. In: *Fudan daxue yidaiyilu ji quan-qiu zhili yanjiuyuan.* No. 7, p. 29–33 (In Chin.).
15. Lu, Jing (2022). Jinzhuan guojia hezuo jizhi de yanjin tedian ji yiyi [Evolution, features and significance of the BRICS cooperation mechanism]. In: *Yuwai.* No. 8, p. 70–73. (In Chin.).

Received by editorial board 11.09.2023

УДК 327(510)

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ ЛИДЕРСТВА

Ю. И. Малевич, Д. Д. Багрим
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

В современных международных отношениях и мировой политике вопрос о конфигурации мирового лидерства является одним из самых спорных. Мировые политические и экономические системы стремятся к многополярности, появляются новые центры силы, отдельные регионы укрепляют свои позиции. Процессы глобализации и интеграции приводят к усилению взаимозависимости между странами и регионами. Мировые гуманитарные, экономические, глобальные и продовольственные кризисы возникают, ставя вопрос о лидирующих позициях и соотношении сил на международной арене.

В данной статье рассмотрены вызовы и угрозы, которые относятся не только к внешнеполитической жизни страны. Сегодня Китай, несмотря на его успехи в экономической, политической, экологической, финансовой, инвестиционной, инфраструктурной и других областях, сталкивается с большим количеством угроз и вызовов. Говоря об экономических вызовах, которые препятствуют китайскому лидерству, как в регионе, так и на международной арене, мы можем отметить политику сдерживания Китая, торговые войны, формирование экономических мегапартнерств, недостаточное влияние в мировых экономических институтах, таких как МВФ, ВТО, Азиатский банк развития. К политическим угрозам относятся, например, внутрирегиональная конкуренция с Индией, Японией, Южной Кореей, а также усиление в регионе других мировых центров силы. Важное место также занимают вопросы национальной и региональной безопасности, в этом плане важно рассмотреть территориальные споры, тайваньский вопрос, новые трансграничные угрозы, формирование военно-стратегических альянсов.

Ключевые слова: КНР; китайская стратегия лидерства; вызовы; внешняя политика.

Образец цитирования: *Малевич Ю. И., Багрим Д. Д.* Новые вызовы китайской стратегии лидерства // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 207–219.

Авторы: Малевич Юлианна Игоревна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений БГУ; e-mail: malevichy@bsu.by;
Багрим Дарья Дмитриевна – студентка 4 курса кафедры международных отношений БГУ; e-mail: darya_bagrim@mail.ru.

NEW CHALLENGES TO CHINA'S LEADERSHIP STRATEGY

Y. I. Malevich, D. D. Bagrim
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

In contemporary international relations and world politics, the question of the configuration of world leadership is one of the most controversial. The world political and economic systems are striving for multipolarity, new centers of power are emerging, and certain regions are strengthening their positions. The processes of globalisation and integration lead to increased interdependence between countries and regions. World humanitarian, economic, global and food crises arise, raising questions about the leading positions and the balance of power at the international arena.

This article examines the challenges and threats that are not only related to the foreign policy of the country. Today China, despite its successes in economic, political, environmental, financial, investment, infrastructure and other areas, faces a large number of threats and challenges. Speaking about economic challenges that hinder Chinese leadership both in the region and in the international arena, we can mention China's containment policy, trade wars, formation of economic megapartnerships, insufficient influence in global economic institutions such as IMF, WTO, Asian Development Bank. Political threats include, for example, intra-regional competition with such states as India, Japan, South Korea, as well as the strengthening of other world centers of power in the region. National and regional security issues also occupy an important place; in this regard, it is important to consider territorial disputes, the Taiwan issue, new cross-border threats, and the formation of militarystrategic alliances.

Keywords: PRC; Chinese leadership strategy; challenges; foreign policy.

For citations: Malevich Y. I., Bagrim D. D. (2023). Novye vyzovy kitajskoj strategii liderstva [New challenges to China's leadership strategy]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 207–219. (In Russ.).

Authors: Malevich Yuliana Igorevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations of the Belarusian State University; email: malevichy@bsu.by.
Bagrim Darya Dmitrievna – 4th year student of the Department of International Relations; email: darya_bagrim@mail.ru.

Введение. Одним из наиболее дискуссионных в современных международных отношениях и мировой политике, является вопрос о конфигурации мирового лидерства. Мировая политические и экономическая системы стремиться к многополярности, появляются новые центры силы, усиливают свои позиции отдельные регионы, процессы глобализации и интеграции приводят к усилению взаимозависимости стран и регионов, мировые гуманитарные, экономические, глобальные, продовольственные кризисы ставят вопрос, кто же будет занимать лидирующие позиции и каково будет соотношения сил на международной арене.

После мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., происходят серьезные изменения, которые оказывают значительное влияние на мировые политические и экономические процессы. Модели международной общественной жизни, построенной сугубо на постулатах западных либеральных стран, становятся неэффективными, на авансцену выходят развивающиеся страны, стремящиеся к более активному участию в глобальном управлении.

Китайская Народная Республика, которая долгое время стремилась только к региональному лидерству, начинает активно включаться в мировые процессы. За короткое время государство превратилось в одно из ведущих благодаря своему быстрому экономическому росту. Проведение правительством КНР политики реформ и открытости позволило расширить и внешнеполитическое влияние Поднебесной. Страна четко определяет свои принципы и направления внешней политики, использует разные подходы, методы и инструменты, чтобы проводить политику не только в национальном и региональном масштабах, но и глобальном.

Роль, которую Китай сегодня играет в международных отношениях, определить однозначно невозможно. С одной стороны он позиционирует себя как лидер развивающегося мира, проявляя исключительную заинтересованность в отдельных регионах, а с другой стороны все чаще звучат доводы о притязаниях Китая на глобальное лидерство. Поскольку КНР является одним из важных акторов мировой политики и международных отношений в целом, играющим ключевую роль, как на региональном, так и на глобальном уровне, в его политике существуют определенные подходы как к региональному лидерству и миссии Китая в этом контексте, так и к глобальному.

Методы исследования. При написании статьи авторы исходили из принципов научной объективности и историзма, использовали специальные исторические (историко-системный, историко-типологический) и общенаучные (системный, структурно-функциональный) методы.

Объект исследования – внешняя политика Китая. Предмет исследования – новые вызовы китайской стратегии лидерства. Цель исследования – комплексный анализ вызовов в концепции китайского лидерства на современном этапе.

Обзор литературы по теме. Исследования китаеведения, включая анализ важнейших политических преобразований и внешней политики Китая, являются актуальным направлением исследований для ученых и экспертов-международников как в Республики Беларуси, так и за ее пределами. В других странах уже сформировались или продолжают развиваться национальные школы китаеведения.

Российский политолог, китаевед, ведущий специалист в области зарубежного регионоведения и международных отношений А. Д. Воскресенский посвятил некоторые из своих исследований роли Китая в глобальном лидерстве. Автор анализирует современное положение КНР и ее потенциал в качестве мирового лидера по различным аспектам, таким как экономика, политика, военная мощь и культура. Он исследует, каким образом Китай может претендовать на роль глобального лидера, основываясь на своих достижениях и стратегиях. Воскресенский освещает также факторы, которые могут препятствовать достижению Китаем глобального лидерства, такие как протекционистская политика экономического развития, проблемы в области прав человека и отношений с другими странами [1].

Доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений ФМО БГУ А. М. Байчоров уже долгое время исследует внешнюю политику КНР. Монография «Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке» раскрывает внешнеполитические приоритеты современного Китая [2]. Его статья «Внешнеполитический курс Китая в условиях международной турбулентности» также представляет особый интерес, поскольку является актуальным исследованием, рассматривающим современные международные процессы и, в частности, внешнюю политику Китая. Автор исследует понятие мегапартнерства и его роль во внешней политике КНР, рассматривает эту концеп-

цию как важный фактор развития международных отношений, анализирует различные аспекты мегапартнерства (экономическое сотрудничество, политическая поддержка и взаимодействие в рамках международных организаций) [3].

Зарубежные исследователи анализируют результаты экономического и торгового сотрудничества различных стран с Китаем, а также изучают опыт политических преобразований в КНР. Например, К. Хакенеш из Немецкого института развития и Дж. Бадер из Университета Амстердама проводят свои исследования на основе предположения, что Си Цзиньпин открыл новую эру глобального восхождения Китая с собственным видением мирового порядка, тем самым внес свой вклад в развитие концепции китайского лидерства [4]. Дилан Лох Мин Хуэй из Кембриджского университета в своих работах определяет степень влияния Си Цзиньпина на политическое развитие КНР и изменение его положения на международной арене [5].

Результаты исследования. Одним из наиболее серьезных вызовов, который изменил как подход Китая к концепции лидерства, его внешнюю и внутреннюю политику и положение на международной арене, стал мировой экономический кризис 2008–2009 гг. В данный период происходит серьезное усиление экономической и политической мощи Китая, что не могло остаться без внимания лидеров стран Запада. Рост экономического потенциала Китая, который обозначился в период нахождения у власти двух администраций Джорджа Буша-младшего, вызвал серьезную экспертную обеспокоенность и привел к активизации политики Соединенных Штатов Америки по сдерживанию нового азиатского гиганта.

Политика сдерживания, являясь одним из ключевых вызовов для китайского регионального и глобального лидерства, выделяет множество компонентов и обладает действенным инструментарием. Сразу после вступления в должность в 2009 г. президент США Б. Обама начал вести политику, представляющую собой сочетание принципов «вовлечения» и «ограничения». Даже несмотря на то, что при формировании своей администрации Б. Обама уделял отношениям с Китаем особое значение, вектор американо-китайских отношений изменился, после отказа Китая принять участие в *G*2 – это идея о создании неформальных особых отношений между КНР и США.

Соединенные Штаты рассматривали данное сотрудничество в качестве перспективной инициативы по ряду причин.

Были озвучены предположения о том, что КНР обгонит Японию и станет второй экономикой в мире после США, что приведет к ситуации, где США и КНР – две крупнейшие торговые державы (совместно на них приходилась почти половина всего глобального экономического роста во время четырехлетнего бума, предшествовавшего кризису) станут глобальными доминантами. Страны находятся на противоположных полюсах крупнейшего в мире торгового и финансового дисбаланса: Соединенные Штаты являются страной с самым большим дефицитом и страной-должником, в то время как Китай является страной с крупнейшим профицитом и держателем долларовых резервов; они являются лидерами промышленных стран, на каждую из которых в настоящее время приходится около половины мирового производства. Предполагалось, что США и Китай будут вместе вырабатывать решения глобальных проблем, осуществлять совместное поддержание мировой экономики и глобального регулирования. Но Китайская Народная Республика восприняла данное предложение с осторожностью [1].

В качестве механизмов «сдерживания» стали использоваться экономические мегапартнерства, которые представляют собой интеграционные объединения, включающие региональные экономические блоки и блоки с региональными центрами силы. Наряду с концептуальными предпосылками, к созданию экономических мегапартнерств подталкивали и определенные политические императивы, связанные с желанием западных стран и ТНК обуздать нарастающую международную экспансию китайских товаров и инвестиций. Не случайно Китай не был включен ни в одно из формирующихся мегапартнерств [2].

Одним из механизмов, с помощью которого можно было проводить политику «сдерживания Китая», являлось Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Это преференциальное торговое соглашение между 12 странами Азиатско-Тихоокеанского региона, целью которого являлось снижение тарифных барьеров, а также регулирование внутренних правил в странах-участницах в таких областях, как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность. В число стран участниц объединения не входил Китай, а решающую роль играли США и Япония, которые могли использовать рычаги давления на КНР. Соглашение о создании ТТП было подписано в 2016 г., двенадцатью государствами, расположенными в Северной и Южной Америке, в Восточной и

Юго-Восточной Азии (Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Вьетнам). Соглашение предусматривало понижение тарифных и нетарифных барьеров в торговле, устанавливало жесткие экологические стандарты, создавало механизм урегулирования инвестиционных споров и т. д. После решения Д. Трампа не ратифицировать ТПП в мае 2017 г. остальные страны-участницы договорились, что процесс ратификации соглашения будет продолжаться без Соединенных Штатов.

Еще одним мегапартнерством, которое могло негативно отразиться на позициях Китая, являлось Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП). Переговоры по его созданию велись в 2013–2016 гг. В 2017 г. переговоры по созданию ТТИП были приостановлены. Данный проект предусматривал создание зоны свободной торговли между Европейским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Если бы стороны достигли соглашения, то был бы образован самый крупный интегрированный рынок в мире. Соглашение представляло не только экономическую угрозу, но и могло привести к полному переформатированию системы глобального управления и стратегического баланса сил. Заключение соглашений о ТТИП и ТТП рассматривалось как попытка администрации Б. Обамы вернуть американское лидерство, а также как способ крепче привязать к США их традиционных союзников в ущерб отношениям последних с другими центрами силы, такими как КНР и Россия [6].

Вызовы для Китая представляет не только политика США, но так же и конкуренция за лидерство внутри региона. Например, в июле 2017 г. на саммите Большой Двадцатки, проходившем в Гамбурге, Европейский Союз и Япония сделали совместное заявление о достижении «принципиального согласия» по созданию зоны свободной торговли ЕС – Япония, известной также как *JEFTA*. Соглашение об экономическом партнерстве между Европейским союзом и Японией было подписано 21 декабря 2018 г. Это мегапартнерство аккумулирует треть мирового ВВП и создает крайне выгодные условия для торговли товарами и услугами, снижая тарифные барьеры, что делает китайские товары менее конкурентно способными на данном рынке.

Создание мегапартнерств является инструментом политики протекционизма. Несмотря на то, что данное соглашение не ухудшает доступ на рынки ЕС и Японии других стран, оно уве-

личивает взаимное присутствие на рынках друг друга, и ведет к сокращению присутствия третьих стран, в первую очередь Китая.

Еще одним фактором, который неблагоприятно влияет на лидерские позиции Китая, является неоспоримый факт, что в существующих финансово-кредитных организациях доминируют американский, европейские и японский капиталы и интересы. Пекин считает, что необходимо создание новых структур и институтов, которые будут учитывать интересы развивающихся стран. Доминирующую роль в мировых финансово-экономических институтах, таких как ВТО, МВФ, а также в Азиатском банке развития играют американские, европейские и азиатские интересы, что неблагоприятно сказывается на политических и экономических позициях КНР.

Серьезным вызовом для китайского лидерства является усиление других центров силы не только в АТР, ЮВА и в других регионах, где КНР имеет особые интересы, но и на международной арене в целом. В начале XXI в. происходит переориетирование американских интересов на Ближний и Средний Восток, в Центральную и Юго-Восточную Азию, Азиатско-Тихоокеанский регион, а еще в Латинскую Америку и Африку. Все перечисленные регионы являются стратегически важными для КНР с точки зрения национальной и региональной безопасности, энергетической безопасности, экономической политики и др. Здесь происходит столкновение американских и китайских интересов, а также соприкосновение с другими региональными центрами силы, что стимулировало Китай разрабатывать новые стратегии лидерства и активнее продвигать свою политику на международной арене. Более того, постоянный рост значимости АТР в мировой экономике и политике, усиление позиций региона на глобальном уровне, создает вызов китайскому лидерству, поскольку привлекает в регион новых акторов и повышает конкуренцию за влияние.

Анализируя угрозы и вызовы, нельзя не затронуть вопросы безопасности, которые для КНР всегда были кране важны, а, в условиях нестабильности современной системы международных отношений, получают все большую актуальность. В начале XXI в. основными угрозами безопасности КНР являлись тайваньский вопрос, американо-китайские противоречия и нетрадиционные угрозы безопасности, к которым относятся наркоторговля и торговля людьми, киберпреступность, исламский экстремизм и радикализм, трансграничная преступность, торговля оружием, организованная

преступность и др. Любая из этих угроз подрывает позиции Китая, создает неблагоприятные условия для дальнейшего укрепления его позиций и сохранения системы лидерства [7].

Еще одним существенным вызовом для Китая в рамках региона, является соперничество с крупными региональными державами, в первую очередь с Индией. Пограничный конфликт с Индией давно приобрел долгосрочный вялотекущий характер. В 2020 г. стороны нарастили военные потенциалы вдоль границы, что привело к локальным вооруженным столкновениям и значительно обострило двусторонние отношения, создало нестабильную ситуацию в регионе. Этот конфликт имеет не только политическое, но и экономическое измерение. В результате обострения территориальных споров, происходит возрастание политической напряженности, а также свертывание экономического сотрудничества в отдельных сферах, минимизируется транспортное сообщение.

Анализируя угрозы в области безопасности, необходимо учитывать фактор формирования новых блоков, таких как, например, Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (*QUAD*). Это – стратегический диалог между Австралией, Индией, США и Японией по проблемам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. По официальным документам, его основной целью является развитие партнерства в сфере безопасности на основе общих ценностей и интересов. Но на практике, по мнению многих экспертов, реальная цель данного союза – сдерживание китайского лидерства и устремлений Китая в регионах Индийского и Тихого океанов[1].

Специфика отношений с Европейским Союзом, также не дает Китаю в полной степени реализовать свой потенциал. Лидеры Европейского Союза продолжают акцентировать внимание на концептуальных факторах, разделяющих идеологии ЕС и КНР, не позволяющих осуществлять более тесное интеграционное взаимодействие. К ним относятся различия в базовых ценностях, особенно в области прав человека, восприятии либерализма и демократии. Кроме того, страны ЕС все еще опасаются финансового и инвестиционного потенциала азиатского лидера, видят угрозу своим национальным экономикам, в связи с этим затормаживают интеграционные процессы.

[1] Quad [Electronic resource]. URL: https://thediplomat.com/2019/11/us-india-australia-japan-quad-holds-senior-officials-meeting-in-bangkok/ (accessed: 17.02.2023).

На наш взгляд к вызовам можно отнести и неоднозначность в отношениях с региональными державами, обладающими серьезным экономическим и политическим весом, не только в рамках региона, но и на глобальном уровне. В первую очередь с Японией и Южной Кореей. Смена правительства в Японии в сентябре 2020 г. привела к паузе в китайско-японских отношениях. При этом новую настороженность Пекина вызвали обозначенные в сентябре того же года японские планы создания морских систем собственной противоракетной обороны, которые обладали бы способностью наносить удары по ракетным базам предполагаемого соперника. В отношениях с Южной Кореей китайские аналитики предполагают усиление в ближайшие месяцы китайско-американского противоборства за влияние на Сеул[2].

Необходимо обратить внимание и на угрозы, возникающие в рамках региона. В первую очередь к ним относятся неразрешенные территориальные споры, которые создают определенные ограничения для китайской внешней политики. Китай имеет территориальные споры с Индией, Японией, Бутаном, Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Индонезией, Брунеем. Наличие спорных территорий не только создает угрозы в сфере безопасности, но и негативно сказывается на привлекательности КНР в этих странах.

Что касается оборонительных и военных альянсов, они также создают определенную угрозу. К таким образованиям можно отнести военно-стратегический союз трех государств: Австралии, Новой Зеландии и США, также известный как АНЗЮС. А также молодой трехсторонний оборонительный альянс Австралии, Великобритании и США, сокращенно *AUKUS*. Наличие подобного рода объединений реально является вызовом китайскому лидерству, поскольку они ограничивают возможность формирования конструктивных отношений с государствами АТР, входящими в их состав. Хотя Китай не упоминается участниками напрямую, очевидно, что подобного типа союзы и альянсы являются противовесом растущей военной мощи КНР в Тихоокеанском регионе. Китай рассматривает инициативу трех стран в качестве угрозы региональной стабильности. Создание *AUKUS* и сделка по атомным подлодкам приведут к росту напряженности и усилению

[2] The ‘Community of Common Destiny’ [Electronic resource]. URL: https://thediplomat.com/2017/10/the-community-of-common-destiny-in-xi-jinpings-new-era/ (accessed: 17.02.2023).

конфронтации между Китаем и США, а также к новому витку гонки вооружений в регионе [8].

Активная политика Пекина и постоянные темпы экономического роста, ставят вопрос о корыстности или бескорыстности китайской помощи. Сегодня некоторые страны воспринимают действия и помощь Китая, как способ навязывания идей и принципов внутреннего существования и обеспечения внешнеполитической деятельности. Появление зависимости в экономической сфере привело к формированию феномена «китайской угрозы». Близкое соседство с Китаем и несопоставимость его экономического и демографического потенциала со странами Центральной Азии, порождает настороженное отношение к сотрудничеству с Пекином со стороны населения и местных политических элит.

В регионе достаточно сильны опасения, что Китай, который уже стал одним из крупнейших, а для ряда стран – и главным экономическим партнером и инвестором, со временем окончательно их «переварит» и поставит в жесткую финансово-экономическую, а затем и военно-политическую зависимость от себя. Это обеспечивается партнерством в различных объединениях (ШОС, АБИИ) и инициативах (ОПОП), созданных по инициативе и полностью подконтрольных КНР. И вырваться из «лап дракона» в этом случае будет крайне сложно [6].

В рамках концепции построения «единой глобальной судьбы человечества» существует мнение об экспансионистской и эксплуататорской политике Пекина. Развитие данных идей препятствует активной региональной политике Китая, тем сам ограничивает его действия в процессе укрепления регионального и глобального лидерства. Как большие, так и малые страны региона прибегают к политике хеджирования, которая также негативно сказывает на имидже Пекина. Многие вызовы для китайского лидерства формируются в рамках американо-китайских отношений. К таким вызовам можно отнести и упомянутые ранее экономические мегапартнерства, и формирование военно-стратегических и военно-политических альянсов, тайваньский вопрос, использование механизмов торговой войны, которая началась в американо-китайских отношениях в 2018 г [9].

Вызовы и угрозы относятся не только к внешнеполитической жизни страны, важно понимать, что в Китае существует множество внутренних проблем, которые оставаясь неразрешенными, также подрывают позиции страны. К таким внутренним противо-

речиям относятся: демографическая проблема; неравномерность развития, нехватка энергоресурсов, экологическая проблема, угроза внутреннего сепаратизма [10].

Заключение. При детальном исследовании проблемы, необходимо понимать, что сегодня Китай, несмотря на его успехи в экономической, политической, экологической, финансовой, инвестиционной, инфраструктурной и других областях, сталкивается с большим количеством угроз и вызовов. Говоря об экономических вызовах, которые препятствуют китайскому лидерству как в регионе, так и на международной арене, можно отметить политику сдерживания Китая, торговые войны, формирование экономических мегапартнерств, недостаточное влияние в мировых экономических институтах, таких как МВФ, ВТО, Азиатский банк развития. К политическим угрозам можно отнести внутрирегиональную конкуренцию с такими государствами как Индия, Япония, Южная Корея, а также возрастание влияния иных мировых центров силы. Важное место занимают вопросы национальной и региональной безопасности, в этом плане важно рассмотреть территориальные споры, тайваньский вопрос, новые трансграничные угрозы, формирование военно-стратегических альянсов. Ну и, безусловно, существующие внутренние проблемы, которые оставаясь неразрешенными, не дают Китаю в полной мере реализовать свой лидерский потенциал.

Библиографические ссылки

1. *Воскресенский А. Д.* Китай в контексте глобального лидерства? // Международные процессы. 2004. № 2.
2. *Байчоров А. М.* Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. М: Междунар. Отношения, 2013. 192 с.
3. *Байчоров А.М.* Внешнеполитический курс Китая в условиях международной турбулентности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология = Journal of BSU. Philosophy and Psychology. 2022. №2. С.99-104.
4. *Priya M. V.* Is there a Contemporary Relevance of Deng's Foreign Policy // Shanlax International Journal of Arts, Science and Humanities. 2019. № 2. P. 59–64.
5. *Loh Dylan M. H.* Diplomatic Control, Foreign Policy, and Change under Xi Jinping: A Field Theoretic Account // Journal of Current Chinese Affairs. 2018. № 3. P. 111–145.
6. *Мэн Юйфэн*. «Социализм с китайской спецификой» в эпоху Си Цзиньпина: о концептуальных новациях в официальном политическом дискурсе КНР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 270–277.
7. *Мацель В. М.* Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 38–49.

8. *Ярмошук К. И.* Традиционные инструменты соперничества Австралии и КНР за лидерство в Южно-тихоокеанском регионе // Научные труды РИВШ. Вып. 21, 4.1: Политические науки. Минск: РИВШ, 2022. С. 283–284.
9. *Hackenesch C., Bader, J.* The Struggle for Minds and Influence: The Chinese Communist Party's Global Outreach // International Studies Quarterly. 2020. № 64. P. 723–733.
10. *Zhao Yongchen.* Dialectical Unity of Xi Jinping's Thought on Diplomacy // China international Studies. 2018. № 70. P. 15–36.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023

References

1. Voskresensky, A. D. (2004). Kitai v kontekste globalnogo liderstva [China in the context of global leadership]. In: *Mejdunarodnie processi*. No. 2. (In Russ.).
2. Bajchorov, A. M. (2013). Kitaizacija: posledstvija rosta moshhi Kitaja dlja mira v XXI veke [Sinification: the implications of China's rise in power for the world in the 21st century]. Moscow Mezhdunarodnye otnoshenija. 187 p. (In Russ.).
3. Boichorov A. M. (2022). Vneshnepoliticheskyi kurs Kitaya v usloviyah mezdunarodnoi turbulentnosti [China's foreign policy in conditions of international turbulence]. In: *Journal BSU. Philisophy&Psychology*. #2, p. 99–104. (In Russ.).
4. Priya, M. V. (2019). Is there a Contemporary Relevance of Deng's Foreign Policy. In: *Shanlax International Journal of Arts, Science and Humanities*. No. 2, p. 59–64.
5. Loh, Dylan M. H. (2018). Diplomatic Control, Foreign Policy, and Change under Xi Jinping: A Field Theoretic Account. In: *Journal of Current Chinese Affairs*. No. 3, p. 111–145.
6. Mjen, Jujfjen. (2021). «Socializm s kitajskoj specifikoj» v jepohu Si Czin'pina: o konceptual'nyh novacijah v oficial'nom politicheskom diskurse KNR ["Socialism with Chinese Characteristics" in the Xi Jinping Era: On Conceptual Innovations in China's Official Political Discourse]. In: *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. No. 2, p. 270–277. (In Russ.).
7. Macel, V. M. (2023). Vneshnepoliticheskaja strategija KNR jepohi Si Czin'pina [China's Foreign Policy Strategy of the Xi Jinping Era]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. No. 1, p. 38–49. (In Russ.).
8. Yarmoshuk, K. I. (2022). Tradicionnye instrument sopernichestva Avstralii i KNR za liderstvo v YUTR [Traditional Instruments of Competition between Australia and China for Leadership in the South Pacific Region]. In: *Nauchnye Trudy RIVSH.* Vol. 21, 4.1, p. 283–284. (In Russ.).
9. Hackenesch, C., Bader, J. (2020). The Struggle for Minds and Influence: The Chinese Communist Party's Global Outreach. In: *International Studies Quarterly.* No. 64, p. 723–733.
10. Zhao, Yongchen. (2018). Dialectical Unity of Xi Jinping's Thought on Diplomacy. In: *China international Studies*. No. 70, p. 15–36.

Received by editorial board 10.10.2023

УДК 327(510)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ КНР НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ XX ВСЕКИТАЙСКОГО СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Ю. И. Малевич, В. А. Чувилова
Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь

Регулярно проводимые Всекитайские съезды Коммунистической партии Китая (КПК) определяют развитие политической системы государства. В 2022 г. был проведен юбилейный XX съезд, который можно рассматривать промежуточным этапом в выстраивании новой внутриполитической реальности и в процессе расширения глобального влияния КНР в международных отношениях.

В статье рассмотрены ориентиры политического развития КНР накануне XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, а также изложены итоги съезда. Исследование доказывает руководящую роль КПК в выстраивании внутренней и внешней политики государства. Отмечено, что после XIX съезда партии усилился процесс сплочения политической системы КНР вокруг идей генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, руководящая роль в развитии Китая отведена данной должности. XX Всекитайский съезд КПК обозначил достижения преемственного курса, выработанного Си Цзиньпином. Авторы определяют, что после XX Всекитайского съезда партии продолжится реализация процесса китайской модернизации, продвижение Китаем дипломатии мировой державы с китайской спецификой, осуществление строительства сообщества единой судьбы человечества. Китай с центральной ролью КПК в политической системе отстаивает принципы справедливых международных отношений и взаимовыгодное сотрудничество.

Ключевые слова: КНР; Всекитайский съезд КПК; внутренняя политика; внешняя политика.

Образец цитирования: *Малевич Ю. И., Чувилова В. А.* Политические ориентиры КНР накануне и после XX Всекитайского съезда коммунистической партии Китая // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 220–233.

Авторы: Малевич Юлианна Игоревна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений БГУ; email: malevichy@bsu.by; Чувилова Виктория Алексеевна – студентка 3 курса кафедры международных отношений БГУ; email: honeymoon838@mail.ru.

POLITICAL LANDMARKS OF THE PRC ON THE EVE AND AFTER THE 20TH NATIONAL CONGRESS OF THE CHINESE COMMUNIST PARTY

Y. I. Malevich, V. A. Chuvilova
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Regularly held National Congresses of the Chinese Communist Party determine the development of the political system of the state. In 2022, the 20th anniversary congress was held, which can be considered an intermediate stage in building a new domestic political reality and in the process of expanding China's global influence in international relations. The article considers the guidelines for the political development of the PRC on the eve of the XX All-China Congress of the Communist Party of China, and also outlines the results of the congress. The study proves the leading role of the CPC in building the domestic and foreign policy of the state. It was noted that after the 19th Party Congress, the process of rallying the political system of the PRC around the ideas of the General Secretary of the CPC Central Committee Xi Jinping intensified, the leading role in the development of China was assigned to this position. The 20th National Congress of the CPC outlined the achievements of the successive course worked out by Xi Jinping. The authors determine that after the 20th National Congresses of the Chinese Communist Party, the implementation of the process of Chinese modernization, China's promotion of world power diplomacy with Chinese characteristics, and the construction of a community with a common destiny for mankind will continue. China, with the central role of the CPC in the political system, upholds the principles of fair international relations and mutually beneficial cooperation.

Key words: PRC; National Congress of the CPC; domestic policy; foreign policy.

For citations: Malevich Y. I., Chuvilova V. A. (2023). Politicheskie orientiry KNR nakanune i posle HH Vsekitajskogo s#ezda kommunisticheskoj partii Kitaja [Political landmarks of the PRC on the eve and after the 20th National congress of the Chinese communist party]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 220–233. (In Russ.).

Authors: Malevich Yulianna Igorevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations of the Belarusian State University; email: malevichy@bsu.by;
Chuvilova Victoria Alekseevna – 3rd year student of the Department of International Relations; email: honeymoon838@mail.ru.

Введение. Китайская Народная Республика была основана 1 октября 1949 г., руководящая роль в управлении государством была отведена коммунистической партии. Уже на протяжении нескольких десятилетий коммунистическая партия Китая определяет векторы развития всей страны, она полностью контролирует весь политический процесс в КНР. Институциональное значение в выстраивании курса развития государства имеет Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, на котором подводятся итоги за фиксированный период, а также намечаются дальнейшие векторы и задачи государственного развития под руководством партии. Съезд партии является наряду с Центральным Комитетом высшим руководящим органом КПК.

Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, несмотря на то что его решения определяют вопросы партийного развития, оказывает непосредственное влияние на курс всего государства, что связано с главенствующей роль КПК в политической системе КНР.

Каждые 5 лет проводят Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, который организуется на основании прописанных в Уставе КПК нормотворческих механизмов. С момента образования КНР съезды КПК определяли внутриполитические ориентиры развития государства, задавали правила и целевые модели организации внешнеполитического курса Китая. В соответствии с Уставом КПК Всекитайский съезд осуществляет следующие задачи: заслушивание и рассмотрение отчета Центрального Комитета, рассмотрение отчета Центральной комиссии по проверке дисциплины, обсуждение и принятие решений по важнейшим вопросам партии, пересмотр Устава партии, избрание Центрального Комитета и Центральной комиссии по проверке дисциплины[1].

В партийной истории Китая КПК занимает главенствующее положение. В Уставе партии отражены идеи трех политических лидеров КНР – Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина. Партийные идейные основы отражены на всех уровнях государственной власти.

Одним из требований к руководящим партийным работникам всех ступеней государственного управления является следу-

[1] Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК. Глава 3. Центральные органы партии // Синьхуа [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536_4.htm (дата обращения: 17.10.2022).

ющее: «Иметь необходимую для исполнения своих служебных обязанностей подготовку в области марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей тройного представительства, научной концепции развития, первыми идти на реализацию идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи»[2]. Всекитайские съезды партии продвигают идеи партийных лидеров, укрепляют политическое единство, направляют дальнейшее развитие политической системы КНР. Стоит отметить, что в Уставе КПК утверждены наиболее значимые и концептуально важные идеи партийных лидеров за весь период существования коммунистической партии. В Уставе отразились проверенные практическим опытом китайской политической модернизации положения, которые действительно сыграли определяющую роль во внутрипартийном строительстве и развитии национальной политической системы.

Во время каждого съезда генеральный секретарь ЦК КПК выступает с докладом о развитии государства за последнюю пятилетку, а также намечает отдельные контуры будущего развития Китая. На Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая определяется будущее политическое, социальное, экономическое развитие КНР.

Методы исследования. При написании статьи авторы исходили из принципов научной объективности и историзма, использовали специальные исторические (историко-системный, историко-типологический), политологические (*case study*) и общенаучные (системный, структурно-функциональный) методы.

Объект исследования – внутренняя и внешняя политика Китая. Предмет исследования – политическое развитие Китая до и после XX Всекитайского съезда КПК. Цель исследования – изучение особенностей политического развития Китая накануне и после XX Всекитайского съезда КПК.

Обзор литературы по теме. Анализ приоритетных направлений политических трансформаций в Китае, его внешней политики уже стал устоявшимся вектором научных разработок ученых и экспертов-международников в Республике Беларусь. За рубежом уже полностью сформировались или находятся в стадии развития национальные школы китаеведения.

[2] Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 19-м Всекитайским съездом КПК. Глава 6. Партийные кадры // Синьхуа [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726536_7.htm (дата обращения: 17.10.2022).

Белорусские ученые и эксперты – международники исследуют историю дипломатических отношений между Республикой Беларусь и КНР, их взаимодействие на двустороннем уровне, в международных структурах. Доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений ФМО БГУ А.М. Байчоров уже долгое время исследует внешнюю политику и отношения КНР с Беларусью. Монография «Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке» раскрывает внешнеполитические приоритеты современного Китая [1].

Зарубежные ученые исследуют результаты торгово-экономического и политического сотрудничества своих стран с Китаем, а также оценивают опыт внутриполитических трансформаций в КНР. Доктор политических наук, профессор К. Л. Сыроежкин (Казахстан) подвел итоги XVIII съезда коммунистической партии Китая, определил данный съезд как «переходный» в политическом развитии КНР [2]. Доктор экономических наук К. К. Меркулов (Россия) рассмотрел итоги коммунистического движения в Китае накануне XX съезда, наметил перспективы дальнейшего социопрогресса Китая [3]. К. Хакенеш (ФРГ, Немецкий институт развития) и Дж. Бадер (Нидерланды, Университет Амстердама) выстраивают концепцию своих исследований с тех позиций, что Си Цзиньпин открыл новую эру глобального возвышения Китая с собственным видением мирового порядка [4, с. 723]. Дилан Лох Мин Хуэй (Великобритания, Кембриджский университет) в своих работах определяет степень влияния Си Цзиньпина на политическое развитие КНР [5]. Посол Китая в Гренаде Чжао Юнчэнь подготовил научную работу о диалектическом единстве дипломатии Си Цзиньпина, в которой указывает, что после XVIII съезда КПК в Китае был сформирован комплекс инициатив и предложений по усилению действенности китайской внешней политики [6, с. 15].

Аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Чжан Лэй продемонстрировал опыт Китая в обеспечении социально-политической стабильности через построении «гармоничного общества», указав на роль КПК в данном процессе: «Важные источники возникновения концепции «гармоничного общества» воплотились в идее социальной гармонии, которая для современного Китая предстает в качестве национальной идеи, позволяющей КПК надеяться на сплочение общества и гармонизацию его интересов и ценностей. В рамках очередного съезда партии было установлено, что также ак-

туально сочетать древний традиционный принцип «гармонии» с современными политическими и социальными реалиями. В современных реалиях «гармонизация» Китая полностью отражает политику КПК, направленную на развитие страны, и имеет тесную связь с тенденциями современного мира, модели узконаправленного и устойчивого развития внешнего мира, внутренней стабильности и единения» [7, с. 146]. Коммунистическая партия Китая, таким образом, реализует приоритетные идеи политического развития страны. Широкомасштабный и мультифункциональный комплекс выполняемых задач характеризует партию как главную политическую силу.

Результаты исследования. XX Всекитайский съезд КПК преимущественно был посвящен достижениям партии не только за последние 5 лет, но и за все время существования. Коммунистическая партия Китая была образована в 1921 г. и в 2021 г. отметила столетний юбилей. В этой связи возникла необходимость осветить все достижения, которые были осуществлены в Китае под коммунистическим руководством. В данном случае достоверным и объективным источником является большое выступление генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина, обозначенное как «Пояснения к «Решению ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии»».

Си Цзиньпин остановился на обозначении важных достижений партии в руководстве государством: «Партия радикально изменила исторический процесс китайской нации с периода новой истории, вписала новые блестящие страницы в летопись развития мирового социализма, успешно открыла новые горизонты марксизма, совершила бессмертные подвиги во имя великого возрождения китайской нации, внесла весомый вклад в содействие прогрессу человечества. В этом великом процессе партия и народ накопили крайне богатый и бесценный исторический опыт»[3]. В своем выступлении лидер КПК Си Цзиньпин особо подчеркнул исторический прогресс, достигнутый совместными усилиями народа и коммунистической партии. В результате нахождения у власти в Китае коммунистическая партия за последние 10 лет добилась больших результатов:

[3] Полный текст пояснений Си Цзиньпина относительно резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии // Синьхуа [Электронный ресурс]. 2021. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314778.htm (дата доступа: 17.10.2022).

– консолидация общественной поддержки вокруг коммунистического строя и гармонизация структуры государственного управления;

– достижение высоких показателей экономического развития КНР под руководством КПК (общий объем экономики страны увеличился в более чем 2 раза с 2012 г., достигнув показателя 114,4 трлн юаней; доля КНР в мировой экономике увеличилась до 18%; ВВП на душу населения вырос до 12,5 тыс. долл. США);

– построение общества среднего достатка «сяокан»;

– улучшение качества жизни общества, в результате чего средняя продолжительность жизни возросла до 77,9 лет;

– актуализация политики по защите окружающей среды (так, к примеру, совокупные выбросы углекислого газа снизились примерно на 34%)[4].

В области внешней политики партия смогла предложить новые формы международного сотрудничества. Инициатива «Один пояс – один путь» стала ответом Китая на глобальные трансформации в мировой экономике, несправедливые критерии выстраивания торгово-экономических контактов. Коммунистический Китай предложил адекватные меры урегулирования неравномерности экономического развития стран мира. Посредством инициативы «Один пояс – один путь» Китай предложил пересмотреть структуру капиталистической социально-экономической системы и стал добиваться совместных высоких темпов развития. Для этого также была предложена международная программа сообщества единой судьбы, которую можно назвать «сердцевиной» идей Си Цзиньпина о дипломатии, целью внешней политики Китая[5]. Предложенные Китаем инициативы по глобальному развитию и глобальной безопасности, основанные на принципах устойчивого развития и неделимой безопасности, нацелены на создание «глобального сообщества развития» и «глобального сообщества безопасности»[6].

---

[4] Ду Дэвэнь. За последние десять лет Китай достиг заметных успехов в различных областях // Посольство Китайской Народной Республики в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. 2022. URL: http://kg.china-embassy.gov.cn/rus/ggwj/202207/t20220725_10727752.htm (дата доступа: 23.10.2022).

[5] Там же

[6] Посол Китая в России Чжан Ханьхуэй опубликовал в российской газете «Труд» статью «Идеи Си Цзиньпина о дипломатии – руководство к действию для построения Сообщества единой судьбы человечества» // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2022. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/

КПК приложила максимальные усилия для преодоления последствий пандемии. Белорусский политолог С.А. Кизима считает, что компартия КНР смогла реализовать прежний курс на развитие внутреннего рынка и поднятие уровня жизни граждан в сложных экономических и эпидемиологических условиях, успешно провести общенациональную кампанию по ликвидации бедности, повысить рост доходов китайского населения [8, с. 88].

Накануне съезда в Китае сложилась политическая стабильность, партия сплотилась вокруг своего лидера, генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. К тому времени он находился у власти уже 2 срока и смог продемонстрировать эффективность новых инициатив, предложенных партией.

На XII съезде КПК Дэн Сяопин озвучил идею о социализме с китайской спецификой. На XIX съезде партии Си Цзиньпин переосмыслил предложенную Дэн Сяопином идею и предложил развивать в Китае социализм с китайской спецификой в новую эпоху. Как результат были предприняты концептуальные новации в политическом развитии КНР. По мнению китайского исследователя Мэн Юйфэн акцент на сущностную роль КПК в реализации социализма с китайской спецификой составляет одну из важнейших новаций в доктрине Си Цзиньпина по сравнению с эпохой Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина [9, с. 272]. Таким образом, к началу XX Всекитайского съезда КПК Китай смог выстроить действенную систему управления, где руководящая роль отводилась коммунистической партии и ее лидеру Си Цзиньпину.

XX Всекитайский съезд КПК проходил в период с 18 октября по 22 октября 2022 г. За эти дни были приняты решения, касающиеся внутреннего развития КНР, а также ее внешней политики. В рамках внутриполитических решений XX Всекитайского съезда КПК можно назвать несколько наиболее значимых. Си Цзиньпин был переизбран в качестве партийного лидера (вновь занял должность генерального секретаря ЦК Компартии Китая). Следует отметить, что должность Председателя КНР определяется не на съезде КПК, а на Всекитайском съезде народных представителей, который состоялся в 2023 г. Переизбрание Си Цзиньпина на должность Генсека ЦК КПК на третий срок стало беспрецедентным случаем в истории КНР. Ли Цян был избран членом Постоянного комитета Политбюро. На Всекитайском съезде народных

sghd/202208/t20220812_10742516.htm (дата доступа: 19.07.2023).

представителей в 2023 г. Ли Цян сменил Ли Кэцяна на должности главы правительства КНР.

Решения XX Всекитайского съезда КПК оказали кардинальное влияние на политический процесс в КНР. Обновление состава ЦК КПК, общие итоги съезда сформировали повестку «двух сессий» – заседания Всекитайского собрания народных представителей и Всекитайского комитета Народно-политического консультативного совета Китая. Среди депутатов «двух сессий» члены КПК составляют большинство, поэтому на сессиях они преимущественно реализуют те решения, которые были намечены на партийном съезде[7].

Отдельным аспектом XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая стало толкование китайской модернизации. На съезде определены ее характеристики:

1) китайская модернизация понимается как именно позитивный поступательный процесс социалистической модернизации под управлением коммунистической партии, в основу китайской модернизации положен опыт передовых стран мира и национальные реалии в самом Китае, что позволило утверждать о формировании «китайской специфики» в процессе осуществления модернизации;

2) модернизационные процессы реализуются по всей территории государства, что предполагает «достижение всеобщей зажиточности народа страны» (после достигнутого уровня средне зажиточного общества «сяокан»);

3) китайская модернизация опирается на «согласованное развитие материальной и духовной культуры, гармоничное сосуществование человека и природы, а также следование по пути мирного развития»[8].

В процессе социалистической модернизации под руководством КПК было принято решение об усилении принципа «народ прежде всего». Его использование связано с противоэпидемической работой и направлено на поддержку населения и сдерживанию негативных последствий эпидемии. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин несколько раз излагал принцип «народ

[7] «Две сессии» – 2023: основные итоги // РСМД [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dve-sessii-2023-osnovnye-itogi/ (дата доступа: 22.07.2023).

[8] В Пекине закрылся XX Всекитайский съезд КПК, Си Цзиньпин председательствовал на заключительном заседании съезда и выступил с важной речью // МИД КНР [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221024_10790664.html (дата доступа: 02.08.2023).

прежде всего», например, на глобальном саммите по вопросам здравоохранения 21 мая 2021 г., где призвал международное сообщество сплотиться в борьбе с пандемией и создавать сообщество единого здравоохранения.

В Уставе КПК определено: «Коммунистическая партия Китая со дня своего основания всегда рассматривает борьбу за счастье китайского народа и возрождение китайской нации как свою изначальную цель и миссию»[9]. XX Всекитайский съезд КПК сохранил приверженность коммунистической партии работе на благо китайского общества, подчеркнув требование по великому возрождению китайской нации, которое невозможно без закрепления принципа «народ прежде всего».

Съезд обозначил политические ориентиры для внешней политики КНР. Всестороннее продвижение Китаем дипломатии мировой державы с китайской спецификой продолжит оставаться важным элементом политики КПК в мире.

Важнейший для внешней политики КНР проект создания сообщества единой судьбы человечества стал одним из ключевых пунктов в докладах и документах XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Си Цзиньпин подчеркнул приверженность Китая и коммунистической партии к дальнейшей трудоемкой работе по строительству сообщества единой судьбы человечества: «Мы готовы совместно со всеми народами мира развивать общие ценности всего человечества – мир, развитие, равенство, справедливость, демократию и свободу, поддерживать мир на нашей планете, содействовать глобальному развитию, неуклонно стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества»[10]. Раньше Китай избегал брать на себя ведущую роль в региональных вопросах, но теперь он уже выдвинул предложения о создании нового Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути, а также Азиатского инфраструктурного банка и активно участвует в региональных и международных форумах [10, с. 63]. Эти проекты играют важную роль в формировании дружественных торговых и экономических связей Китая с разными государствами и международными организациями.

[9] Полный текст Устава КПК // 20 съезд КПК [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://russian.news.cn/20221026/62bc182b358e45f0824ebdbea699539e/c.html (дата доступа: 13.08.2023).

[10] Си Цзиньпин: Китай продолжит стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества // Синьхуа [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://russian.news.cn/20221023/407c21b78aeb4c658e9636a6c0524b25/c.html (дата доступа: 23.10.2022).

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций осуществляет повсеместную инвестиционную программу. Это также явилось следствием новых механизмов реализации внешнего сотрудничества КНР, определенных коммунистической партией.

Результаты XX съезда получили достойную оценку со стороны государств – партнеров КНР. Премьер – министр Лаоса П. Випхаван повторно попытался убедить международное сообщество, что Народно-революционная партия Лаоса, которая с 1975 г. является правящей партией в стране, «готова вместе с КПК и народом Китая продолжать углублять традиционную дружбу между Вьентьяном и Пекином, продвигать межгосударственное всеобъемлющее стратегическое сотрудничество, а также выводить строительство лаосско-китайского сообщества с единой судьбой на новую ступень, чтобы принести больше выгоды двум странам и их народам и внести еще больший вклад в развитие общего социалистического дела и строительство сообщества единой судьбы для всего человечества»[11].

По словам посла Армении в КНР С.Г. Манасаряна, «Китай исторически решил проблему абсолютной бедности и добился невероятного скачка в социально-экономическом развитии, что стало возможным благодаря грамотному планированию правительства КНР под мудрым руководством КПК»[12]. Опыт Китая по ликвидации бедности и построению среднезажиточного общества интересен другим странам, поэтому трансляция китайского опыта по данному вопросу также служит средством усиления международных контактов.

Большая и результативная деятельность коммунистической партии по созданию обширных международных контактов позволила укрепить отношения Китая со странами – партнерами. Курс на мирные и взаимовыгодные партнерские контакты доказал, что Китай отстаивает принципы справедливых международных отношений, взаимовыгодное сотрудничество.

Белорусский историк В. М. Мацель отмечает, что «в числе новых важных задач в области внешней политики страны,

---

[11] 20-й съезд КПК предоставил богатый опыт Лаосу – премьер-министр страны // Синьхуа [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://russian.news.cn/20221101/98cddb87d63849eab67caa31d2bd50db/c.html (дата доступа: 13.08.2023).

[12] Посол Армении в Китае: 20-й съезд КПК определил вектор дальнейшего развития Китая // Синьхуа [Электронный ресурс]. 2022. URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-10/28/content_78490815.htm (дата доступа: 13.08.2023).

поставленных XX съездом КПК, следует особо выделить завоевание на международной арене права голоса, соразмерного совокупной мощи и международному статусу Китая. Достичь указанной цели Китай сможет, как отмечалось на съезде, лишь превратившись к середине нынешнего века в модернизированную социалистическую державу, которая будет лидировать в мире по совокупной национальной мощи и международному влиянию» [11, с. 47]. Внешнеполитические задачи, обозначенные на съезде, рассчитаны на долгосрочную перспективу и будут осуществляться постепенно с опорой на внутриполитические ориентиры Китая.

Заключение. Основные итоги XX Всекитайского съезда КПК представлены тем, что в главной политической партии Китая произошло еще большее укрепление позиций и влияния генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина. Съезд показал, что партийный лидер пользуется абсолютной поддержкой, а идеи, которые транслируются коммунистической партией, способны привести Китай к намеченным целям. Съезд сплотил членов партии, реорганизация партийных позиций в ранговой системе не привела к серьезному пересмотру устоявшегося курса. Основные результаты XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая нацелены на дальнейшее совершенствование внутриполитического процесса, проведение системных и согласованных модернизаций, поддерживающие достижения прошлых периодов и ускоряющие экономический рост Китая. Несомненно, что решения XX съезда определили новые векторы внешней политики КНР, при этом съезд обозначил преемственность внешнеполитического курса, согласованность процесса внутренних реформ и международной политики Китая.

Библиографические ссылки

1. *Байчоров А. М.* Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. Москва: Международные отношения. 2013. 187 с.
2. *Сыроежкин К.* XVIII съезд коммунистической партии Китая: неокончательные итоги, неотложные задачи, неустойчивые компромиссы // Центральная Азия и Кавказ. 2013. № 1. С. 113–134.
3. *Меркулов К. К.* Китай накануне XX съезда КПК // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 17–27.
4. *Hackenesch C., Bader, J.* The Struggle for Minds and Influence: The Chinese Communist Party's Global Outreach // International Studies Quarterly. 2020. № 64. Pp. 723–733.

5. *Loh, Dylan M. H.* Diplomatic Control, Foreign Policy, and Change under Xi Jinping: A Field Theoretic Account // Journal of Current Chinese Affairs. 2018. № 3. P. 111–145.
6. *Zhao Yongchen.* Dialectical Unity of Xi Jinping's Thought on Diplomacy // China international Studies. 2018. № 70. Pp. 15–36.
7. *Чжан Лэй*. Опыт Китая в обеспечении социально-политической стабильности через построение «гармоничного общества» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. № 4. С. 146–153.
8. *Кизима С. М.* Фактор Китая в международных отношениях XXI века: позиция Республики Беларусь // Проблемы управления. 2022. № 1. С. 87–91.
9. *Мэн Юйфэн.* «Социализм с китайской спецификой» в эпоху Си Цзиньпина: о концептуальных новациях в официальном политическом дискурсе КНР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 270–277.
10. *Priya M. V.* Is there a Contemporary Relevance of Deng's Foreign Policy // Shanlax International Journal of Arts, Science and Humanities. 2019. № 2. Pp. 59–64.
11. *Мацель В. М.* Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 38–49.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023

References

1. Bajchorov, A. M. (2013). Kitaizacija: posledstvija rosta moshhi Kitaja dlja mira v XXI veke [Sinification: the implications of China's rise in power for the world in the 21st century]. Moscow Mezhdunarodnye otnoshenija, 187 p. (In Russ.).
2. Syroezhkin, K. (2013). XVIII s#ezd kommunisticheskoj partii Kitaja: neokonchatel'nye itogi, neotlozhnye zadachi, neustojchivye kompromissy [18th Congress of the Communist Party of China: Inconclusive Results, Urgent Tasks, Unsustainable Compromises]. In: *Central'naja Azija i Kavkaz.* No. 1, p. 113–134. (In Russ.).
3. Merkulov, K. K. (2022). Kitaj nakanune XX s#ezda KPK [China on the Eve of the 20th CPC Congress]. In: *Vostochnaja Azija: fakty i analitika.* No. 1, p. 17–27. (In Russ.).
4. Hackenesch, C., Bader, J. (2020). The Struggle for Minds and Influence: The Chinese Communist Party's Global Outreach. In: *International Studies Quarterly.* No. 64, p. 723–733.
5. Loh, Dylan M. H. (2018). Diplomatic Control, Foreign Policy, and Change under Xi Jinping: A Field Theoretic Account. In: *Journal of Current Chinese Affairs.* No. 3, p. 111–145.
6. Zhao, Yongchen. (2018). Dialectical Unity of Xi Jinping's Thought on Diplomacy. In: *China international Studies.* No. 70, p. 15–36.
7. Chzhan, Ljej. (2019). Opyt Kitaja v obespechenii social'no-politicheskoj stabil'nosti cherez postroenie «garmonichnogo obshhestva» [China's experience in ensuring sociopolitical stability through building a "harmonious society"]. In: *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. No. 4, p. 146–153. (In Russ.).

8. Kizima, S. M. (2022). Faktor Kitaja v mezhdunarodnyh otnoshenijah XXI veka: pozicija Respubliki Belarus' [The China factor in international relations of the 21st century: the position of the Republic of Belarus]. In: *Problemy upravlenija* No. 1, p. 87–91. (In Russ.).
9. Mjen, Jujfjen. (2021). «Socializm s kitajskoj specifikoj» v jepohu Si Czin'pina: o konceptual'nyh novacijah v oficial'nom politicheskom diskurse KNR ["Socialism with Chinese Characteristics" in the Xi Jinping Era: On Conceptual Innovations in China's Official Political Discourse]. In: *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski.* No. 2, p. 270–277. (In Russ.).
10. Priya, M. V. (2019). Is there a Contemporary Relevance of Deng's Foreign Policy. In: *Shanlax International Journal of Arts, Science and Humanities*. No. 2, p. 59–64.
11. Macel', V. M. (2023). Vneshnepoliticheskaja strategija KNR jepohi Si Czin'pina [China's Foreign Policy Strategy of the Xi Jinping Era]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. No. 1, p. 38–49. (In Russ.).

Received by editorial board 30.08.2023

УДК 338

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНТИКРИЗИСНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН

Е. В. Пильгун
Минский государственный лингвистический университет
Минск, Беларусь

В статье рассматриваются теоретические аспекты антикризисного государственного управления в контексте гибридных войн. Автор предлагает классификацию этапов политического цикла, выявляет ключевые позиции мониторинга и оценки факторов риска в кризисной ситуации, разрабатывает модель анализа сложной многосторонней среды в условиях глобальных кризисов, геополитических игр и гибридных войн. Данная модель включает в себя оценку таких факторов, как акторы, среды, временные и пространственные рамки кризиса, существующие проблемы и действующие нормы, заблаговременное планирование на основе комплексного анализа, связей с другими кризисами. Управление кризисом и подходы к антикризисному государственному управлению в многосторонней среде во многом зависят от мониторинга внешних показателей и факторов риска. В условиях гибридных войн необходимо оценивать множество действующих лиц и проблем в сложной среде с учетом применимых норм. Ввиду сжатых временных рамок и быстроты процессов происходит размывание границ между планированием и управлением. Целью комплексного анализа акторов является поиск аутсайдеров в международной политической системе (в том числе негосударственных акторов, непризнанных государств, акторов, подвергающихся преследованиям). Сотрудничество с ними позволит спрогнозировать поведение сторон в многосторонней среде, выявить пути достижения компромисса, определить потенциально опасные точки, пересечение которых спровоцирует конфликт. Такой мониторинг необходим в первую очередь развивающимся независимым государствам, которые в силу своих ресурсов способны лишь ограниченно влиять на международную обстановку. Успешное управление кризисом может стать необходимым для выживания правительств и даже государств, особенно в условиях усиления роли негосударственных субъектов на международной арене и попыток поставить под сомнение легитимность государств.

Ключевые слова: антикризисное управление; управление кризисом; кризисные коммуникации; этапы политического процесса; мониторинг факторов риска; гибридная война.

Образец цитирования: *Пильгун Е. В.* Теоретические аспекты антикризисного государственного управления в условиях гибридных войн // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 234–250.

Автор: Пильгун Елена Витальевна – кандидат филологических наук, проректор по учебной работе и интернационализации образования, УО «Минский государственный лингвистический университет»; e-mail: elenpilgun@gmail.com.

THEORETICAL ASPECTS OF STATE ANTI-CRISIS MANAGEMENT IN HYBRID WARFARE

E. V. Pilgun
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

The article deals with the theoretical aspects of anti-crisis public administration in the context of hybrid wars. The author proposes a classification of the stages of the political cycle, identifies key positions for monitoring and assessing risk factors in a crisis, and develops a model for analysing a complex multilateral environment in the context of global crises, geopolitical games and hybrid wars. This model includes an assessment of such factors as actors, environments, temporal and spatial scope of the crisis, existing problems and current norms, advance planning based on a comprehensive analysis, links to other crises. Crisis management and approaches to anti-crisis public administration in a multilateral environment largely depend on the monitoring of external indicators and risk factors. In hybrid warfare, multiple actors and issues in a complex environment need to be assessed against applicable norms. Due to the compressed time frames and the speed of processes, the boundaries between planning and management are blurring. The purpose of a comprehensive analysis of actors is to search for outsiders in the international political system (including non-state actors, unrecognized states, actors subjected to persecution). Cooperation with them will make it possible to predict the behaviour of the parties in a multilateral environment, to identify ways to reach a compromise, and potentially dangerous points, the intersection of which will provoke a conflict. Such monitoring is necessary for developing independent states, which, by virtue of their resources, are only able to influence the international situation to a limited extent. Successful crisis management may become essential for the survival of governments and even states, especially in the face of the increasing role of non-state actors in the international arena and attempts to question the legitimacy of states.

Key words: state anti-crisis management; crisis management; crisis communications; stages of the political cycle; risk factors monitoring; hybrid warfare.

For citations: Pilgun E. V. (2023). Teoreticheskie aspekty antikrizisnogo gosudarstvennogo upravlenija v uslovijah gibridnyh vojn [Theoretical aspects of state anti-crisis management in hybrid warfare]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk. Vol. 11, p. 234–250. (In Russ.).

Author: Elena Vitalievna Pilgun – PhD, Vice-Rector for Academic Affairs and Internationalization of Education, Minsk State Linguistic University; e-mail: elenpilgun@gmail.com.

Введение. Государственная власть является гарантом спокойствия, безопасности и благополучия общества, основой правовых общественных отношений, осуществляет контроль над поведением индивидов и групп, управляя как общественными процессами, так и самими кризисами. Ни одна катастрофа техногенного или естественного происхождения, ни экономический, политический или гуманитарный кризисы не могут быть решены без определенных действий со стороны государства. Власть доминирует, обладая полной информацией о кризисных ситуациях и обществе в целом. Однако в условиях нестабильности мирового порядка и актуализации геополитических процессов в XXI в. обострились давно тлеющие конфликты, новые кризисы в межгосударственных отношениях. Ответственность за преодоление кризисных ситуаций возлагается в большей степени на государства и властные структуры.

Традиционно государство всегда являлось донором идеологии, своего рода центром. Деятельность государства основана на системе ценностей, идеалов, взглядов и убеждений – идеологии, которая позволяет человеку и обществу ориентироваться в окружающем пространстве и времени, а государству – структурировать и контролировать общественные отношения, особенно в кризисных ситуациях [1, с. 13]. В XXI в. процессы цифровизации обусловили возможность распространять идеологические взгляды в ускоренном темпе не только в рамках одного государства, но и на определенных территориях за его пределами.

Современный мировой порядок характеризуется полицентричностью и представляет собой сеть акторов, основанную на многостороннем взаимодействии [2, с. 18]. Государства в основном являются наиболее значимыми акторами, образуют узловые или центральные точки, вокруг которых распределены подчиненные. Центр устанавливает неформальный контроль над другими акторами международных отношений, а в условиях кризиса использует периферийных акторов в целях его преодоления, антикризисного управления и управления кризисами для идеологизации массового сознания.

Задачи антикризисного управления заключаются в том, чтобы преобразовать неудовлетворительную начальную ситуацию в удовлетворительное конечное состояние. Однако кризисы часто связаны с трудностями, при которых каждое решение имеет свои недостатки и последствия. Антикризисное государственное

управление – это преодоление кризисов, которое включает их предвидение, выявление и анализ, разработку стратегий выхода и принятие контрмер [3, с. 53].

В кризисных ситуациях перед правительствами стоит задача не допустить возникновения и эскалации вооруженных конфликтов или военных действий. Если вооруженного конфликта избежать нельзя, правительство должно оставить возможности для возврата к нормальному положению дел.

В международной политике все активнее участвуют фонды, негосударственные организации [4, с. 214], аналитические центры, бизнес-группы и отдельные лидеры мнений. Эти акторы лоббируют свои интересы, тем самым оказывая влияние на внутреннюю и внешнюю политику. Крупные корпорации приобретают все большее влияние на процессы принятия международных политических решений на основе своего транснационального присутствия [5, с. 230]. В результате цифровизации, доступности интернета и информационных технологий, возрастающей роли социальных сетей произошло перераспределение сфер влияния и глобальными инфлюенсерами уже выступают не только государства, но и отдельные лидеры мнений, репрезентующие те или иные ценности. К примеру, социальная сеть Твиттер открыла доступ к информационному пространству всем категориям граждан, некоторые из которых презентуют себя экспертами в определенных сферах. Глобальные ИТ-корпорации и отдельные персоны оказывают влияние на формирование общественного мнения. Финансируя электоральные кампании, крупные корпорации и бизнес оказывают влияние на политический процесс. Некоторые из этих компаний могут частично уклоняться от национальной юрисдикции. Многие из них обладают достаточной экономической мощью, чтобы бросить вызов небольшим государствам и стать де-факто игроками в международной системе. Все это происходит на фоне современных конфликтов и кризисов, характеризующихся многосторонностью и гетерогенностью участников, поддержкой определенных действий третьей стороной, преследующих собственные интересы и косвенно участвующих в управлении кризисом. Под управлением кризисами в данной статье следует понимать воздействие на акторов всеми возможными способами, в том числе лоббирование интересов на государственном уровне, для достижения определенных целей, получения политических дивидендов, а

также идеологическое воздействие на аудиторию. В свою очередь антикризисное государственное управление предполагает в том числе и использование возможностей управления кризисами.

Цель данной статьи – дать теоретическое обоснование антикризисному государственному управлению в условиях гибридных войн, осложненных множественностью акторов, преследующих свои интересы, и неопределенностью. Для достижения цели поставлены следующие задачи: рассмотреть особенности политического цикла в кризисной ситуации, выявить ключевые позиции мониторинга и оценки факторов риска в целях анализа сложной многосторонней среды и обеспечения безопасности в регионе.

Методологическая основа. Актуальность разработки вопросов антикризисного государственного управления возрастает в контексте глобальных геополитических сдвигов и гибридных войн начала XXI века. Антикризисной тематике посвящены труды Г. В. Атаманчука [6], О. Н. Барабанова [7], С. Ю. Глазьев, [8], Э. М. Короткова[1], И. К. Ларионова[2] [9], Е. В. Охотского [10], Р. А. Попова [11], которые предприняли попытки анализа элементов эффективного механизма антикризисного управления и разработали рекомендации по их преодолению. Изучением природы кризисов занимались С. Катлип, А. Центер и Г. Брум [12], Д. Ньюсом и А. Скотт [13], О. Лербингер [14] и др.

Результаты исследования. Наличие различных акторов, процессы цифровизации и информатизации многих сфер жизни общества, возможности применения технологий воздействия на массовое сознание затрудняют обеспечение информационной безопасности и оценку ситуации в первую очередь для самого государства. На фоне информационных и гибридных войн грани между войной и миром становятся все более размытыми, в связи с чем не только обществу, но и правительствам может быть неясно, на какой стадии находится кризис. Информированность политических сил может быть недостаточно полной в связи с быстротечностью самого кризиса и сложностью геополитических ходов оппонентов. Политики стремятся держать в поле зрения

[1] Антикризисное управление: учебник / под ред. Э. М. Короткова. М.: ИНФРА-М, 2003. 432 с.

[2] Антикризисное управление: общие основы и особенности России: учеб. пособие / под ред. И. К. Ларионова. М.: Дашков и К°, 2001. 248 с.

как можно больше вариантов действий с упором на дипломатические и другие невоенные методы. Однако в условиях кризисов осложняющим элементом является неопределенность: опыт недавних кризисов показывает, что обилие доступной информации, а также разнообразие каналов ее распространения несут в себе риск того, что лидеры мнений предпринимают попытки воздействия на правительства. Сам политический процесс дает возможность отдельным гражданам, политическим партиям и различным организациям гражданского общества активно влиять на события. Действия государств осуществляются в условиях острой международной конкуренции, а потому кризисы используются и становятся поводом для спекуляций и манипуляций [15, с. 36].

С одной стороны, для социума кризисы являются источником знаний о различных областях социальной реальности, а с другой стороны, поводом для идеологизации массового сознания. Управление кризисами начинается с идеологизации общественного сознания посредством подмены фактов, демонстрации выгодных сторон кризисной ситуации, дискуссиями о негативных или позитивных процессах и так далее. Управление кризисом – это глобальная стратегия, задача которой – дать установки и идеи, которые обеспечат жизнеспособность действующего или потенциально возможного политического уклада на фоне кризиса.

Кризисные ситуации обладают сильнейшим потенциалом для воздействия на массовое сознание и являются наиболее эффективной средой для идеологизации общества как внутри страны, так и за рубежом. В этих ситуациях конструирование реальности играет ведущую роль, так как имеет место выбор и получателя информации, и ракурса, и момента ее преподнесения в зависимости от цели [1, с. 25]. Посредством кризиса легко воздействовать на аудиторию, так как он всегда привлекает внимание, вызывает интерес, пробуждает определенные эмоции (страх, злость, негодование, жалость и т.д.), вызывает потребность в защите, побуждает к сохранению существующего порядка либо его изменению.

Одним из путей управления кризисами является коммуникация, выступающая на первый план при структурировании общественных отношений. Кризисные коммуникации – «это часть антикризисного управления, которая используется для предот-

вращения или управления кризисами»[3]. Как и антикризисное управление, кризисная коммуникация требует четких структур и подготовленных стратегий. Прежде всего целесообразными являются коммуникации, направленные на укрепление доверия к государству. Для этого необходимо проводить регулярный мониторинг настроений и интересов целевой аудитории и других заинтересованных пользователей.

Этапы политического цикла в условиях кризиса. В условиях кризиса государства предпочитают действовать, используя мирные политические тактики и дипломатические ходы. К применению вооруженных сил обращаются в случаях, когда ситуация не может быть разрешена в ходе переговоров, когда установление доминирования необходимо для достижения глобальных целей.

Осуществление внутренней и внешней политики государства в условиях кризиса представляет собой политический цикл, состоящий из четырех этапов: инициирование, принятие решения, реализация, оценка и мониторинг эффективности [16]. Под политическим циклом «понимается часть траектории движения политической системы, в начальной и конечной точках которой система оказывается в подобных по ряду важных характеристик, но принципиально различных в эволюционном отношении состояниях» [17, с. 11].

Этап инициирования начинается задолго до обсуждения в правительственных кругах и зачастую со стороны заинтересованных лиц. Инициативы предлагают партии, лидеры мнений, эксперты, представители академических кругов или других организаций. Подобные акторы создают сети влияния, которые работают на подбор аргументов, возможностей, компромиссов, ищут лояльных союзников для решения собственных целей и задач. Обширные сети влияния способствуют вынесению определенного вопроса или проблемы на широкое общественное обсуждение с привлечением политических кругов, гражданского общества, экспертов и др. Зачастую в подобные сети вовлечены организации или лица, имеющие связи с другими государствами, что автоматически ставит вопрос о возможности нежелательного влияния и вмешательстве во внутренние дела государства.

[3] Kriesenkommunikation [Elektronische Ressource]. URL: https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/krisenkommunikation-52704 (accessed: 16.05.2023). (In Germ.).

На этапе инициирования очерчивается конкретная проблема, к которой привлекается внимание политиков и общественности. Актор, которому удается включить интересующие его темы в политическую повестку дня, в какой-то степени направляет политическую дискуссию и получает инициативу в политическом процессе – управляет кризисом. По сути, это не просто участие в дискуссиях, но и громкие публичные заявления и действия. Инициирование может начинаться как реакция на акты насилия, террористические атаки, инциденты, которые сами по себе являются точками обострения определенного латентного кризиса. Такие действия незамедлительно привлекают всеобщее внимание: как общественности, так и власти.

Этап принятия решения начинается с выявления масштабов проблемы и обсуждения возможных вариантов по ее преодолению. Затем формируется подход, предполагающий конкретные действия, доступные правительству. На этом этапе оцениваются преимущества, недостатки, возможности и риски. Многообразие вариантов значительно сокращается при принятии решения посредством парламентского голосования или референдума. Ответственность за выполнение решения возлагается на исполнительную власть.

На третьем этапе происходит реализация избранной политической линии. Важно предопределить ее результаты, так как в случае неэффективности придется повторить все этапы политического цикла, что потребует значительных временных и ресурсных затрат. После этого следует мониторинг и оценка эффективности предпринятой политики.

Каждый этап сопровождается коммуникацией с партнерами, оппонентами, взаимодействием правительства с гражданами. В качестве основных коммуникативных маршрутов выступают традиционные СМИ, которые, в свою очередь, дублируют информацию в социальных сетях, что позволяет охватить более широкую аудиторию и получить вирусный эффект при распространении. Социальные сети стали инструментом для продвижения идей определенных групп, политических партий и отдельных политически активных граждан. При обретении вирусного эффекта информационное сообщение распространяют и политически неактивные граждане, впечатленные сильным эмоционально-психологическим контентом (эффект шока).

Возможности цифровизации и расширение каналов общения позволяют отдельным гражданам распространять свои

взгляды через социальные сети (микроблоги). Это играет серьезную роль в форматировании картины мира цифровой аудитории, граждан того или иного государства. Однако решение об использовании ресурсов страны в целях преодоления определенного кризиса, включая применение вооруженных сил в конфликтной ситуации, остается за властными структурами. Так, действия государства осуществляются исходя из правовой базы и в соответствии с механизмом сдержек и противовесов. Подобная многоступенчатость и сложность позволяет выработать стратегию и не допустить ошибок. В кризисных условиях это необходимо, так как неверные решения и неудачи правительства могут привести к его смене.

Мониторинг и оценка факторов риска. Инструменты обеспечения безопасности. В условиях кризиса процесс принятия решений необходимо ускорить. В этих целях необходимо заранее заложить основу: обеспечить доступ ко всем инструментам обеспечения безопасности, как невоенным, так и военным, наладить межведомственное сотрудничество, обеспечить взаимодействие инструментов безопасности, что требует прогнозирования результатов.

В кризисной ситуации руководством страны, как правило, первыми используются возможности невоенных вариантов обеспечения национальной безопасности и снижения рисков. К ним относятся меры в сфере внешней политики, дипломатии, экономики, международного права, а также культуры, науки, образования, спорта и других. Фундаментальное понимание всего спектра вариантов действий правительства позволяет ему оценить вклад, который должны внести военные средства в рамках комплексной стратегии. Все это создает возможности для планирования, в том числе и военного, которые помимо целей включают еще и сопутствующие эффекты.

В кризисных ситуациях необходимо определить потенциальных участников: акторов, которые могут присоединиться к противостоящему альянсу, тех, кто примет нейтральную сторону и кто попытается лоббировать собственные интересы и получить выгоду. Большое значение имеет предварительный поиск вариантов действий для решения проблемы, лежащей в основе кризиса, а также обращение к нормам международного права. Это позволяет актору получить поддержку большого числа других государств. Однако одна из причин эскалации противоречий заключа-

ется в том, что оценка проблем акторами часто различна. В этой связи предвидение – центральная деятельность государства, которая включает в себя выявление противоречий и проблем, которые могут привести к конфликту, требующему вмешательства государства. Вместе с предотвращением конфликтов, подготовкой, ведением боевых действий и постконфликтной реабилитацией она образует стратегию.

В условиях глобализации кризисы, в частности вооруженные конфликты, достаточно сложно характеризовать как двусторонние. Все чаще прямо или косвенно вовлечены третьи стороны. В этой связи оценка ситуации затруднена, так как две конфликтующие стороны являются не единственными участниками. Соответственно в таких условиях тактические ходы могут быть опрометчивы. Нарастает давление и международных организаций, и сообществ, желающих повлиять на ход кризиса с точки зрения собственной выгоды.

В настоящее время стоит отметить тенденцию к ведению конфликтов и кризисов всеми возможными средствами. То есть при прямом или косвенном участии в конфликте государство прибегает не только к традиционным средствам (дипломатия, военные и др.), но и к использованию гуманитарных и социальных аспектов. Информация, дезинформация и само общество могут выступать в качестве инструментов давления на власть.

В этой связи государству необходимо придерживаться выбранного стратегического курса, осуществляя мониторинг факторов риска, которые способны воздействовать на ход кризиса. Кроме того, на стратегическом уровне необходимо не только учитывать непосредственно затронутые стороны конфликта, но и оценивать всех мыслимых акторов и прогнозировать их поведение в конфликте, не допустить вмешательства третьих сторон, оценить влияние на внутриполитические процессы посредством сторонников и идеологического влияния со стороны третьих сторон. Кроме самих акторов, на международную систему в условиях кризиса оказывают влияние временные обстоятельства, окружающая среда, нормы, сопутствующие проблемы и другие факторы.

В первую очередь, в кризисной ситуации следует подвергнуть анализу самих акторов, их человеческие, экономические, финансовые, научные, технологические, территориальные и другие ресурсы. Статус актора на международной арене предопределяет

способность сторон оказывать политико-дипломатическое, экономическое, военное и иное воздействие на участников международной системы. Ресурсы определяют степень, в которой сторона может сопротивляться внешнему давлению, попасть в зависимость от поддержки других акторов. Комплексный анализ дает возможность оценить состояние, экономическую, финансовую, военную и иную безопасность заинтересованной стороны, определить ее потенциальные возможности, оценить устойчивость страны в конфликтной ситуации, выявить драйверы развития. В этих условиях влиятельные акторы с низкой стабильностью представляют потенциальную опасность для региональной безопасности.

Окружающая среда и военно-политическая обстановка региона оказывает влияние на характер разрешения конфликтов. Поэтому высокоразвитая система коллективной безопасности будет способствовать благоприятному ведению и урегулированию конфликтов преимущественно невоенными методами и средствами. Вовлечение третьих сторон в тот или иной конфликт повышает вероятность применения насильственных методов его разрешения. Пространство охватывает не только физический мир, но также виртуальное пространство (кибер-) и информационное пространство.

Целью комплексного анализа акторов является поиск аутсайдеров в международной политической системе (в их числе негосударственные акторы, непризнанные государства, акторы, подвергающиеся преследованиям). Сотрудничество с ними позволит спрогнозировать поведение сторон в многосторонней среде, выявить пути достижения компромисса, определить потенциально опасные точки, пересечение которых спровоцирует конфликт. Влиятельный актор, на которого может повлиять потенциальный кризис, с большей вероятностью вмешается, чем тот, чье влияние меньше.

Стоит оценить и степень вмешательства. Чем больше действующее лицо затронуто конфликтом, тем решительнее оно будет использовать возможности своей власти. В случае наличия могущественного актора или группы акторов их вмешательство будет определяющим в разрешении кризисной ситуации. Возможные варианты действий актора, а также ограничения его свободы действий обусловлены обязательствами, которые он взял на себя в соответствии с международным правом или из собственных соображений.

На сегодняшний день действующие нормы и принципы международного права и общепризнанные политические принципы являются результатом двух мировых войн, а также холодной войны. Международное право призвано обеспечить безопасность государств и всего региона в случае конфликта. Нарушение норм и принципов международного права, с одной стороны, вызывает реакцию в международном сообществе, с другой стороны, в случае убедительной демонстрации, что какие-либо действия, в том числе военные действия, соответствуют общепринятым политическим или международно-правовым нормам, актор может получить политические дивиденды со стороны международного сообщества. Подобные тактические шаги выгодны для небольших государств, развивающихся стран. Использование открытых или спорных вопросов дает возможность отсрочить формирование альянсов против самих себя.

Анализ актуальных проблемных вопросов на фоне норм международного права позволяет выявить противоречия, которые могут решаться только политическим путем. В случае неправильной противоположной интерпретации норм в определенных случаях возникают кризисы. Противоречия также могут оказывать негативное влияние на ход существующего кризиса. Нормы же представляют собой один из инструментов обеспечения безопасности.

Кроме этого, необходимо оценить соотношение сил. В многосторонней среде не всегда сразу ясно, какие акторы противостоят друг другу, какие из них примут участие на более позднем этапе, кто нацелен на получение политических дивидендов и др. Государства берут на себя международные обязательства, и зачастую их соблюдение отвечает их собственным интересам. Однако не все государства мира имеют одинаково положительный опыт соблюдения международного права и придают ему разную степень важности.

Временные обстоятельства требуют постоянного анализа, так как в условиях кризиса правительства сталкиваются с вызовами со стороны негосударственных акторов, третьих сторон и др., а среда, в которой возникла напряженность, требует постоянного управления кризисом. Управление кризисом в многосторонней среде во многом зависит от внешних показателей, оценок временных рамок, заблаговременного планирования. Ввиду сжатых временных рамок и быстроты процессов происходит размывание границ между планированием и управлением.

В условиях гибридных войн акторы одновременно сталкиваются с несколькими кризисами в разных областях. Зачастую стороны в том или ином конфликте не заинтересованы в его неконтролируемой эскалации и даже могут объединяться в конфликтах против третьих сторон. Остается и необходимость поддерживать сотрудничество с противником в других областях. В этой связи необходимо оценить потенциальные кризисные ситуации в соответствии с их срочностью и опасностью в целях расстановки приоритетов. Кризисы, которые могут привести к нарушению государственной целостности, представляют особую опасность для государства. При отсрочке реагирования ситуация развивается не в пользу этого субъекта. При необходимости разрешения опасной кризисной ситуации целесообразно приступать к действиям, когда другие конфликты решены или находятся на паузе, государство при этом имеет много сильных союзников, снижена его зависимость от других акторов. Тем самым снижается возможность давления со стороны третьих акторов.

В ходе многостороннего сотрудничества в целях мониторинга и оценки факторов риска государства часто используют параллельные тактики сотрудничества и отказа от сотрудничества. Тактика отказа от сотрудничества может в итоге перерасти в вооруженную конфронтацию. Однако использование переговорных тактик без опоры на какие-либо инструменты силы не всегда воспринимается всерьез решительным противником. За счет замедления процесса переговоров актор выигрывает время для сформирования центра тяжести своих усилий. В условиях кризиса государство, которое в одностороннем порядке полагается на военные варианты действий, может быть обвинено в милитаризме.

Заключение. Таким образом, общая оценка ситуации заключается в том, чтобы получить обзор кризиса в пространстве и времени, распознать связи с другими кризисами, оценить срочность решения кризиса и потенциальные риски, если кризис не решен вовремя. По сути, должен осуществляться стратегический мониторинг всех факторов, которые могут оказывать воздействие на ход кризиса. Такими факторами воздействия могут выступать спорные территории в территориальных спорах между государствами, районы расселения пострадавших людей в проблемах с национальными меньшинствами, области происхождения спорных ресурсов, места их обработки и способы их распределения.

Из анализа взаимосвязей между различными кризисами и акторами можно сделать прогноз относительно того, какие союзы

могут быть сформированы, предвидеть потенциально опасные моменты, действия оппонентов, объяснить нейтральность позиции, если таковые имеются, предопределить выгоду и убытки для всех сторон. Рассмотрение кризиса сквозь призму временных отношений позволяет определить последовательность, в которой необходимо решать различные проблемы, и позволяет расставить приоритеты и разработать стратегию.

Урегулирование кризисов должно оставаться в рамках правового поля с учетом принципов Хельсинкского Заключительного акта. При конкретной реализации этих принципов в рамках мирного плана или дорожной карты следует определить конкретные меры, которые будут достигнуты в ходе поэтапного выполнения взаимовыгодных договоренностей. При таком подходе при реализации каждого этапа может быть временной отрезок без значительного прогресса в мирном процессе, однако это не будет иметь негативных последствий для урегулирования кризиса в целом.

В то время, когда негосударственные субъекты все чаще стремятся участвовать в международных делах и ставят под сомнение легитимность государств, успешное управление кризисом может стать необходимым для выживания правительств и даже государств.

В условиях гибридных войн необходимо оценивать множество действующих лиц и проблем в сложной среде с учетом применимых норм. Субъекты, нарушающие общепринятые нормы, рискуют вызвать неприязнь большого числа государств и международных организаций.

Предвидение как центральная деятельность политического цикла включает в себя среди прочего выявление противоречий и проблем, которые могут привести к кризису. Результаты оценки ситуации служат основой для опережающего создания сценариев развития ситуации, включающих прогнозируемые конфликты, возможные комбинации проблем, возможные противостояния и союзы.

В целях выработки вариантов действий в короткие сроки необходимо провести мониторинг временных обстоятельств, акторов, норм, существующих проблем и самой среды.

Такой мониторинг необходим в первую очередь развивающимся независимым государствам, которые в силу своих ресурсов способны лишь ограниченно влиять на международную обстановку. Подобные акторы занимают в основном оборонительную позицию и прибегают к тактике угрозы.

Библиографические ссылки

1. *Пильгун Е. В.* Семантика и прагматика кризисного дискурса. Минск: ИВЦ Минфина, 2020. 203 с.
2. *Leshenyuk O.* Diplomacy of non-state actors in a turbulent world order // Дипломатия Беларуси: новые вызовы: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2022. С. 18–22.
3. *Ряховская А. Н., Кован С. Е.* Антикризисное управление как основа формирования механизма устойчивого развития бизнеса: монография. М.: НИЦ «Инфра-М», 2016. 169 с.
4. *Охотский Е. В.* Антикризисное государственное управление в условиях глобализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 1. С. 213–231.
5. *Лешенюк О. Н.* Интеграционная организация как форма международного сотрудничества в целях реализации повестки 2030: теоретико-функциональные аспекты // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. Минск, 2021. Вып. 9. С. 227–241.
6. *Атаманчук Г. В.* О состоянии, тенденциях и проблемах российского общества (аналитические размышления). Кисловодск, 2012. С. 30.
7. *Барабанов О. Н.* Глобальное управление как тема для научного анализа // Антиглобализм и глобальное управление. Доклады, дискуссии, справочные материалы. М.: МГИМО-университет, 2006. С. 10–32.
8. *Глазьев С. Ю.* Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. 2014. Т. 9. С. 13–29.
9. *Ларионов И. [и др.].* Антикризисное управление. М.: Дашков и К, 2019. 380 с.
10. *Охотский Е. В.* Государственное управление в кризисной ситуации // Вестник государственного и муниципального управления [Электронный ресурс]. 2014. № 2-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-v-krizisnoy-situatsii (accessed: 29.07.2023).
11. Попов Р. А. Антикризисное управление. М: Высшая школа, 2005. 429 с.
12. *Катлип С. М., Центер А. Х., Брум Г. М.* Паблик рилейшенз: теория и практика. 8-е изд. М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2003. 624 с.
13. *Newsom D., Scott A., VanSlyke Turk J.* This is PR: the realities of public relations. 5th ed. Belmont: Wadsworth Publ. Co. XVI, 615 p.
14. *Lerbinger O.* The crisis manager: facing risk and responsibility. Mahwah: Erlbaum, 1997. XIII. 384 p.
15. *Пильгун Е. В.* Роли власти, общества и СМИ в кризисной коммуникации // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / редкол.: В. Г. Шадурский (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. С. 36–37.
16. *Howlett M., Ramesh M.* Studying Public Policy: Policy Cycles and Policy Subsystems. Oxford: Oxford University Press, 2003. 2nd ed. 321 p.
17. *Логинов А. В.* Теория политического цикла как методологическая основа для исследования политического процесса // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки [Электронный ресурс]. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-politicheskogo-tsikla-kak-metodologicheskaya-osnova-dlya-issledovaniya-politicheskogo-protsessa (accessed: 30.07.2023).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023

References

1. Pilgun, E. V. (2020). Semantika i pragmatika krizisnogo diskursa [Semantics and Pragmatics of Crisis Discourse]. Minsk: IVC Minfina, 203 p. (In Russ.).
2. Leshenyuk, O. (2022). Diplomacy of non-state actors in a turbulent world order. In: Diplomacy of Belarus: new challenges: materials of the international scientific and practical conference. Minsk, 24.03.2022. Minsk: BGU, p. 18–22. (In Russ.).
3. Ryakhovskaya, A. N., Kovan, S. E. (2016). Antikrizisnoe upravlenie kak osnova formirovanija mehanizma ustojchivogo razvitija biznesa [Anticrisis management as a basis of sustainable development business mechanism]. M.: NIC «Infra-M», 169 p. (In Russ.).
4. Okhotsky, E. V. (2017). Antikrizisnoe gosudarstvennoe upravlenie v uslovijah globalizacii [Anticrisis State Management in Globalisation Conditions]. In: V*oprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. No. 1, p. 213–231. (In Russ.).
5. Leshenyuk, O. N. (2021). Integracionnaja organizacija kak forma mezhdunarodnogo sotrudnichestva v celjah realizacii povestki 2030: teoretiko-funkcional'nye aspekty [Intagration organization as a form of international collaboration for the Agenda 2030 implementation]. In: *Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i global'nogo razvitija*. Minsk, Vol. 9, p. 227–241. (In Russ.).
6. Atamanchuk, G. V. (2012). O sostojanii, tendencijah i problemah rossijskogo obshhestva (analiticheskie razmyshlenija) [About conditions, trends and issues of Russian sosiety]. Kislovodsk, p. 30. (In Russ.).
7. Barabanov, O. N. (2006). Global'noe upravlenie kak tema dlja nauchnogo analiza [Global management as a theme for scientific analusis]. In: *Antiglobalizm i global'noe upravlenie. Doklady, diskussii, spravochnye materialy.* M.: MGIMO-universitet, p. 10–32. (In Russ.).
8. Glazyev, S. Yu. (2014). Sankcii SShA i politika Banka Rossii: dvojnoj udar po nacional'noj jekonomike [The USA sanctions and the Bank of Russia policy]. In: *Voprosy jekonomiki*. Vol. 9, p. 13–29. (In Russ.).
9. Larionov, I. [etc]. (2022). Antikrizisnoe upravlenie [Anticrisis management]. M.: Dashkov i K, 2019, 380 p. (In Russ.).
10. Okhotsky, E. V. (2014). Gosudarstvennoe upravlenie v krizisnoj situacii [State management in a crisis situation]. In: *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* [Electronic resource]. No. 2 (1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-v-krizisnoy-situatsii (accessed: 29.07.2023). (In Russ.).
11. Popov, R. A. (2005). Antikrizisnoe upravlenie [Anticrisis managenent]. M: Vysshaja shkola, 429 p. (In Russ.).
12. Katlip, S. M., Center, A. H., Brum, G. M. (2003). Pablik rilejshenz: teorija i praktika [Public relations: theory and practice]. 8th ed. M.; SPb.; Kiev: Vil'jams, 624 p. (In Russ.).
13. Newsom, D., Scott, A., VanSlyke Turk, J. (1993). This is PR: the realities of public relations. 5th ed., Belmont: Wadsworth Publ. Co., XVI, 615 p.
14. Lerbinger, O. (1997). The crisis manager: facing risk and responsibility. Mahwah: Erlbaum, XIII, 384 p.
15. Pilgun, E. V. (2017). Roli vlasti, obshhestva i SMI v krizisnoj kommunikacii [Roles of power, society and mass media in crisis communication]. In: *Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages: materials of the XI International Scientific Conference dedicated to the 96th anniversary of the*

Belarusian State University, Minsk, 25.10.2017. Minsk: Izd. centr BGU, p. 36–37. (In Russ.).
16. Howlett, M., Ramesh, M. (2003). Studying Public Policy: Policy Cycles and Policy Subsystems. Oxford: Oxford University Press, 2nd ed., 321 p.
17. Loginov, A. V. (2011). Teorija politicheskogo cikla kak metodologicheskaja osnova dlja issledovanija politicheskogo processa [Theory of political cycle as a methodological basis forpolitical process studies]. In: *Izvestija VUZov. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* [Electronic resourse]. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-politicheskogo-tsikla-kak-metodologicheskaya-osnova-dlya-issledovaniya-politicheskogo-protsessa (accessed: 30.07.2023). (In Russ.).

Received by editorial board 28.08.2023

УДК 327(476)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ ОРГАНОВ ЕАЭС, СНГ, ОДКБ И СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

А. Ю. Тома
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрены проблемы кооперации и взаимодействия между органами интеграционных объединений на постсоветском пространстве. Автором проанализирован процесс принятия наднациональных политических решений и выявлена проблема отсутствия координации деятельности между органами ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства Беларуси и России.

Для решения выявленной проблемы была рассмотрена форма управления под названием «Открытый метод координации», которая применяется в рамках европейской интеграции. Анализ деятельности органов Европейского союза показал, что главную координирующую функцию в союзе выполняет Европейский совет, который обеспечивает общую согласованность действий и гармонично применяет «Открытый метод координации» в своей деятельности.

В статье проанализированы возможности применения «Открытого метода координации» к интеграционным процессам на постсоветском пространстве, по результатам исследования предложены рекомендации по повышению эффективности органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства Беларуси и России. Во-первых, автором обосновано создание координирующего межгосударственного центра, который будет выполнять функцию связующего звена между органами ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства Беларуси и России. Во-вторых, предложено создание новой системы политической коммуникации между ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства Беларуси и России, которая будет способствовать кооперации и взаимодействию органов международных организаций на постсоветском пространстве и правительствами стран-участниц.

Ключевые слова: евразийская интеграция; внешняя политика Беларуси; Евразийский экономический союз; органы международных организаций.

Образец цитирования: *Тома А. Ю.* Политическая коммуникация органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 251–263.

Автор: Тома Алексей Юрьевич – старший преподаватель кафедры евразийских исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: toma.alexey@gmail.com.

POLITICAL COMMUNICATION OF BODIES EAEU, CIS, CSTO AND UNION STATE

A. Y. Toma
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article examines the problems of cooperation and interaction between bodies of integration associations in the post-Soviet space. The author analyzed the process of making supranational political decisions and identified the problem of lack of coordination of activities between the bodies of the EAEU, CIS, CSTO and the Union State of Belarus and Russia.

To solve the identified problem, a form of management called the «Open Method of Coordination», which is used within the framework of European integration, was considered. An analysis of the activities of the bodies of the European Union showed that the main coordinating function in the union is performed by the European Council, which ensures overall consistency of actions and harmoniously applies the «Open Method of Coordination» in its activities.

The author analyzed the possibilities of applying the «Open Method of Coordination» to integration processes in the post-Soviet space. As a result of the study, the author proposed recommendations for increasing the efficiency of the bodies of the EAEU, CIS, CSTO and the Union State of Belarus and Russia. Firstly, the author justifies the creation of a coordinating interstate center that will serve as a link between the bodies of the EAEU, CIS, CSTO and the Union State of Belarus and Russia. Secondly, the author proposed the creation of a new system of political communication between the EAEU, CIS, CSTO and the Union State of Belarus and Russia, which will promote cooperation and interaction between the bodies of international organizations in the post-Soviet space and the governments of the participating countries.

Key words: Eurasian integration; foreign policy of Belarus; Eurasian Economic Union; supranational bodies of international organizations.

For citations: Toma A. Y. (2023). Politicheskaya kommunikaciya organov EAES, SNG, ODKB i Soyuznogo gosudarstva [Political communication of the bodies of the EAEU, CIS, CSTO and the Union state]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers*. Minsk. Vol. 11, p. 251–263. (In Russ.).

Author: Toma Alexey Yurievich – senior lecturer, Department of Eurasian Studies, Faculty of International Relations, Belarusian State University; e-mail: toma.alexey@gmail.com.

Введение. На современном этапе развития Республики Беларусь особо актуальной является тема евразийской интеграции. Во-первых, это связано с тем, что в условиях турбулентности системы международных отношений эксперты все чаще начинают говорить о кризисе западоцентрической модели глобализации и о наступлении новой эпохи регионализации. Данная тенденция может привести к усилению роли таких внешнеполитических проектов, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Союзное государство (СГ).

Во-вторых, изменение архитектуры международных отношений, а также санкционная политика ряда западных стран неизбежно поставят политическое руководство стран – участниц ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ перед проблемой кризиса ресурсов. В данных условиях актуализируется вопрос о развитии собственных интеграционных инициатив, которые будут способны обеспечить экономическую и военную безопасность стран – участниц в долгосрочной перспективе.

В-третьих, дальнейшее участие Республики Беларусь в таких интеграционных проектах, как ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ, сохранит перспективы мирного развития страны, обеспечит политическую стабильность, а также предоставит гарантии сохранения суверенитета в условиях противодействия современным внешнеполитическим вызовам.

Актуальность исследуемой темы определяется еще и тем, что объединение стран – участниц евразийской интеграции в систему предполагает синергетический эффект, в результате которого должен возрасти потенциал каждой страны и ее социально-экономические показатели. Однако данный синергетический эффект возможен только при такой политической коммуникации между странами – участницами, которая будет способна обеспечить формирование согласованных политических решений, отвечающих современным вызовам [1–3].

Методология исследования. При написании статьи были применены следующие методы. Эмпирический метод использовался для мониторинга СМК и Интернет-порталов по теме исследования. Активно применялся метод контент-анализа, посредством которого были выявлены проблемы координации деятельности между органами ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и Союзного государства. Метод сравнения позволил проанализировать различия

в процессе принятия наднациональных политических решений в рамках европейской и евразийской интеграций.

Обзор литературы. Главными источниками для анализа проблематики послужили работы, посвященные различным аспектам политической коммуникации в евразийской и европейской интеграциях: Е. В. Токарева. О. Г. Слука, С. В. Венидиктов и Н. Н. Левчук [1–3; 7].

На основе работы Е. В. Токаревой «Координация взаимодействия органов политического управления в ЕС в условиях неравномерного распределения компетенции» были выявлены особенности функционирования органов Европейского союза. В частности, анализ деятельности органов Европейского союза показал, что главную координирующую функцию в союзе выполняет Европейский совет, который обеспечивает общую согласованность действий и гармонично применяет «Открытый метод координации» в своей деятельности [7].

О. Н. Слука в работах «Коммуникация в евразийской интеграции», «Беларусь в евразийском коммуникационном пространстве: геополитическая стратегия», «Эволюция евразийского информационного пространства» одним из первых в республике исследовал вопросы политической коммуникации на постсоветском пространстве [3].

С. В. Венидиктов в монографии «Медиакоммуникация в гражданском обществе: интеграционный ресурс» провел комплексный анализ коммуникационного взаимодействия отдельных субъектов политики на постсоветском пространстве [2].

В статье также были использованы труды, посвященные информационному взаимодействию в рамках евразийской интеграции. В частности, работа Н. Н. Левчука «Сетевое влияние в системе массовых коммуникаций. Знаковые матрицы» [1].

Результаты исследования. В настоящее время процесс принятия наднациональных политических решений на уровне ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ имеет сложную многоуровневую структуру. Он связан не только с позициями глав государств и их взаимодействием друг с другом, но и с разным видением интеграции. Помимо глав государств в процессе принятия наднациональных политических решений также участвуют наднациональные исполнительные и регулирующие органы, которые взаимодействуют с национальными органами власти. Например, основным регулирующим органом ЕАЭС является Евразийская экономическая

комиссия (ЕЭК). Данный наднациональный орган определяет характер взаимоотношений между ЕАЭС, как международной организации, и органами государственной власти стран – участниц, в частности, через собственную правотворческую деятельность. В соответствии с Договором о ЕАЭС Евразийская экономическая комиссия наделена правом принимать решения, распоряжения и рекомендации в пределах своих полномочий, а также заниматься разработкой проектов международных договоров и решений.

Одним из наиболее ярких примеров сложности принятия наднациональных политических решений является принятие «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.», утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 и подписанных главами стран – участниц ЕАЭС [4].

Работа над данным документом велась несколько лет и представляла собой сложный процесс взаимодействия Евразийской экономической комиссии с правительствами стран – частниц и главами государств (и их администраций). В процессе согласования текст документа многократно изменялся, и по многим положениям так и не удалось прийти к консенсусу. В итоге решением глав государств был утвержден согласованный текст документа, по которому удалось достигнуть договоренности между представителями Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России.

Подобный механизм принятия наднациональных политических решений существует также в СНГ, ОДКБ и СГ. Функционирование данных интеграционных объединений обеспечивается деятельностью их исполнительных и регулирующих органов, которые взаимодействуют с национальными органами власти. В СНГ данную функцию выполняет Исполнительный комитет, в ОДКБ – Секретариат Организации, в СГ – Постоянный комитет.

Анализ деятельности органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ показывает, что в настоящее время существует проблема отсутствия координации на уровне «наднациональный орган одного объединения и наднациональный орган другого объединения». Взаимодействие и кооперация ведется только на уровне «наднациональный орган – национальные органы власти». Повышение эффективности от интеграционных процессов предполагает взаимодействие не только между национальными органами власти, но и между органами различных интеграционных объединений. Как отмечают исследователи, «актуально обеспечить координа-

цию деятельности секретариатов интеграционных объединений на евразийском пространстве для того, чтобы евразийские структуры функционировали как целостная система» [5, с. 59]. Однако решение данной проблемы является комплексной и сложной задачей, с которой уже сталкивался Европейский союз.

На сегодняшний день с точки зрения политической системы Европейский союз представляет собой сложное интеграционное образование, которое сочетает в себе элементы международной организации и государства. Исторически Европейский союз формировался из таких региональных межправительственных организаций, как Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии.

В настоящее время Европейский союз состоит из 27 стран, взаимодействие между которыми осуществляется с помощью наднациональных органов и в рамках общего порядка. Согласно статье 13 Договора о Европейском союзе в данном интеграционном объединении действуют следующие главные институты: Европейский парламент, Европейская комиссия, Европейский совет, Совет Европейского союза, Суд Европейского союза, Европейская счетная палата и Европейский центральный банк. Данные наднациональные органы действуют в качестве полноценных политических акторов и представляют собой регулирующую систему выработки и реализации обязательных всеобщих решений.

Функционирование такого большого количества наднациональных органов Европейского союза обеспечивается с помощью координации деятельности, направленной на установление кооперации между наднациональными органами и 27 странами–участницами с целью достижения и реализации общих целей.

Для того, чтобы все наднациональные органы и правительства стран – участниц Европейского союза функционировали, как единая система в 1990-х гг. была разработана новая форма управления, получившая название Открытого метода координации (ОМК). Основная задача ОМК заключается в выработке единых политических целей и задач, а также мониторинг и экспертная оценка интеграционных процессов [6]. По мнению исследователей, «одним из основных условий эффективного функционирования открытого метода координации является баланс целей, который предполагает, что цели отдельных государств – членов ЕС не доминируют над общими целями. В этом случае координа-

ция деятельности органов политического управления базируется на системе ценностей и целей, разделяемых всеми участниками организационного взаимодействия» [7, с. 21].

На основании проведенного анализа в ОМК можно выделить 4 главных компонента:

1) «определение общего направления (генеральной линии) для Союза в сочетании со специальным графиком реализации целей в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах;

2) определение количественных и качественных индикаторов и критериев оценки наилучших мировых образцов, но адаптированных к потребностям различных стран – членов и секторов, как средства сравнения с наиболее успешными практиками;

3) трансформация общих европейских целей в национальную и региональную политику с определением специфических целей и мер, учитывающих национальные и региональные различия;

4) периодический мониторинг, оценка и взаимооценка, организованные как взаимообучающий процесс» [8, с. 62].

Анализ деятельности наднациональных органов Европейского союза показывает, что главную координирующую функцию в союзе выполняет Европейский совет, который обеспечивает общую согласованность действий и гармонично применяет ОМК в своей деятельности. Применение ОМК в структуре Европейского союза доказало свою эффективность и представляет собой значительный интерес применительно к евразийской интеграции. Однако копировать ОМК для применения к интеграционным процессам на постсоветском пространстве без значительных изменений не представляется возможным по следующим причинам.

Во-первых, ОМК доказал свою эффективность только в рамках Европейского союза, который хоть и включает в себя большое количество стран и наднациональных органов, но все же является одним интеграционным объединением. Применительно к евразийской интеграции речь идет о 4 интеграционных объединениях (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ) с разным количеством стран – участниц и форматами взаимодействия.

Во-вторых, в Европейском союзе для осуществления координирующей функции существует отдельный наднациональный орган – Европейский совет. Применительно к евразийской интеграции не представляется возможным наделить полномочиями для осуществления координирующей функции уже существующие наднациональные органы по ряду объективных причин.

В-третьих, применение ОМК предполагает выработку единых целей и задач для стран-участниц и наднациональных органов, что в свою очередь требует общего видения на процессы интеграции и наличие общих объединяющих идей и ценностей.

Решение этих проблем напрямую связано с повышением эффективности органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ и координации деятельности между данными органами и правительствами стран–участниц. По нашему мнению, первоочередной задачей является создание координирующего межгосударственного центра, который будет способен выполнять функцию связующего звена между органами ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ, а также предоставлять экспертные оценки эффективности работы данных органов. Наиболее перспективным представляется создание Координационного центра при Министерствах иностранных дел стран – участниц СНГ, так как в СНГ входят страны, которые также являются полноправными членами ЕАЭС, ОДКБ и СГ.

Второй важной задачей является создание новой системы политической коммуникации между ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ, которая будет способствовать кооперации и взаимодействию наднациональных органов между собой и правительствами стран-участниц, а также повысит уровень обмена политической информацией между органами международных организаций на постсоветском пространстве.

В современном мире политическая информация используется не только для формирования информационных влияний, но и выступает как важнейший информационно-властный ресурс, позволяющий эффективно внедрять концепции, идеи, ценности и т.д. в сознание общества через информационное пространство (СМИ, СМК). Данный феномен в государственном управлении напрямую связан с появлением сети Интернет, социальных сетей, развитием мультимедийных СМИ и является в современной политике основным средством для управления социально-политическими процессами.

Применительно к интеграционным процессам политическая информация собирается, структурируется, хранится и выдается по запросу лиц, участвующих в подготовке и принятии наднациональных политических решений. Как правило, для этого создаются отдельные базы данных, архивы и библиотеки в каждом интеграционном объединении.

Политическая информация также используется и для согласования действий сотрудников наднациональных органов. Например, при принятии решения сотрудник органов Европейского союза будет учитывать те концепции и идеи, которые были им усвоены в процессе обучения и работы. В этом случае речь идет о «европейских ценностях», «правах человека» и т.д. Идеология, основанная на таких ценностях, которую еще называют европеизм, позволяет унифицировать модели поведения сотрудников наднациональных органов в определенных ситуациях. Более того, данная идеология, не являясь юридически закрепленной, считается фундаментальной базой Европейского союза и одной из основ европейской интеграции.

Для раскрытия содержания политической информации в деятельности наднациональных органов важную роль играет ее классификация. В научной литературе подобная классификация в настоящее время отсутствует, поэтому нами была разработана авторская классификация применительно к теме исследования. На наш взгляд, политическую информацию целесообразно разделить на концептуально-мировоззренческую, идеологическую, ограничивающую, директивную, оценочную и справочную.

1. Концептуально-мировоззренческая информация отражает смысл и ход развития социально-политических процессов, происходящих на глобальном, региональном и локальном уровнях, формирует мировоззрение (картину мира) общества и лиц, принимающих политические решения. На ее основе задается целеполагание, определяется «дерево целей», как система взаимоувязанных фундаментальных, стратегических, тактических и оперативных целей. Концептуальная информация (идеи, концепции, доктрины, программы) ориентирована на интеллектуальную сферу людей и используется для политического проектирования интеграционных проектов и формирования влияний на широкие массы людей.

2. Идеологическая информация – это идеи, трансформированные в яркие чувственно воспринимаемые образы и символы, которые наиболее доходчивы для масс. Идеологическая информация, сливаясь с чувственно воспринимаемыми образами, ориентированными на эмоциональную сферу, трансформируется в убеждения, настроения и мнения. На данном уровне идеи становятся движущей силой. В качестве идеологической информации могут выступать лозунги, символы, политические ролики и т. д.

3. В качестве ограничивающей информации выступает нормативно-правовая база государств и интеграционных объединений, господствующие в обществе идеи, а также политическая культура и политические традиции, главной задачей которых в современном мире является «обобщение смысловых ориентаций субъектов властного взаимодействия (символическое кодирование), позволяющее оформиться политическим идентичностям и коммуникативным программам публичного целедостижения» [9, с. 45]. С помощью нормативно-правовой базы политические элиты определяют границы дозволенной политической деятельности, которые накладывают ограничения на принимаемые ими политические решения.

4. Директивная информация – это информация, необходимая для принятия политических решений, а также сами политические решения. Данную информацию также можно назвать управленческой информацией.

Границы решений органов государственной власти определяются юрисдикцией государства и носят обязательный характер (законы, декреты, постановления и т.д.). В зависимости от того, к какой ветви власти они относятся, их целесообразно делить на законодательные, исполнительные и судебные. Градацию директивной информации целесообразно также проводить по общественно значимым проблемам в области политики, экономики, науки, культуры и т.д.

5. Оценочная (характеризующая) информация – это количественно-качественные оценки состояния государства или международной организации.

6. Справочная информация представляет собой объективные данные, которые могут быть использованы при принятии решений и формирования информационных влияний.

Анализируя деятельность наднациональных органов Европейского союза, можно сделать вывод, что между европейскими наднациональными органами осуществляется передача всех шести видов вышеперечисленной политической информации. В свою очередь, это обеспечивает устойчивость ЕС, как целостной системы, в долгосрочной перспективе.

В сравнении с Европейским союзом органы ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ в своей политической коммуникации используют только 4 вида политической информации: ограничивающую, директивную, оценочную и справочную. Передача политической

информации концептуально-мировоззренческого и идеологического видов в настоящее время не осуществляется, так как в рамках евразийской интеграции отсутствует общая идеология. В связи с этим без идеологического наполнения политическая коммуникация в рамках ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ имеет значительные ограничения. В условиях меняющейся архитектуры международных отношений данная уязвимость может оказаться критической и привести к распаду некоторых интеграционных объединений.

Исключительно экономическая и военно-политическая интеграция без использования идеологических компонентов создает риски внутриполитического характера, так как экономические и военно-политические связи необходимо дополнять гуманитарной повесткой, наднациональной идеологией и общими ценностями [10]. Данные направления являются обязательным условием на пути расширения и углубления евразийской интеграции, которая по объективным причинам будет адаптироваться к глобальным изменениям в мире.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

– Повышение эффективности работы органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ связано с решением проблемы по координации деятельности между данными органами и правительствами стран – участниц интеграционных объединений. Для этого актуально создать координирующий межгосударственный центр, который будет способен выполнять функцию связующего звена между органами ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ. Наиболее перспективным представляется создание Координационного центра при Министерствах иностранных дел стран – участниц СНГ.

– Значительный интерес в исследовании проблемы по координации деятельности между наднациональными органами представляет форма управления под названием «Открытый метод координации» (ОМК). Данная форма управления применяется в Европейском союзе с 1990-х гг. и доказала свою эффективность. В результате применения ОМК все наднациональные органы и правительства стран – участниц Европейского союза функционируют как единая система. Однако копирование ОМК для применения к интеграционным процессам на постсоветском пространстве без значительных изменений не представляется возможным по ряду объективных причин.

– Политическая коммуникация органов ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ в настоящее время имеет значительные ограничения. Передача политической информации концептуально-мировоззренческого и идеологического видов между органами ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и СГ не осуществляется в связи с отсутствием наднациональной идеологии. Данное ограничение создает риски внутриполитического характера, так как экономические и военно-политические связи необходимо дополнять гуманитарной составляющей. Продвижение объединяющей идеологической повестки является важнейшим направлением на пути расширения и углубления интеграции, особенно в условиях совместного противодействия новым вызовам.

Библиографические ссылки

1. *Левчук Н. Н.* Сетевое влияние в системе массовых коммуникаций. Знаковые матрицы. Минск: РИВШ, 2016. 194 с.
2. *Венидиктов С. В.* Медиакоммуникация в гражданском обществе: интеграционный ресурс: монография. Могилев: Институт МВД, 2016. 180 с.
3. *Слука О. Г.* Эволюция евразийского информационного пространства // Зборнік навуковых прац; пад агул. рэд. С. В. Венідзіктава. Вып. 3. Інфармацыйна-прававое поле еўразійскай інтэграцыі. Могилев: Могилевский институт МВД, 2016. С. 3–12.
4. *Мясникович М. В.* О текущем состоянии и дальнейшем перспективном развитии интеграции в Евразийском экономическом союзе // Сборник докладов международного форума «Евразийская экономическая перспектива». Санкт-Петербург: СПБГЭУ, 2020. С. 7–11.
5. *Лешенюк О. Н.* Координация секретариатов евразийских структур в процессе расширения их полномочий // Евразия. Эксперт. 2021. № 2. С. 57–61.
6. *Dudova I.* Convergence and open method of coordination in European social policy // Economic magazine-XXI. 2015. No. 9–10. P. 19–22.
7. *Токарева Е. В.* Координация взаимодействия органов политического управления в ЕС в условиях неравномерного распределения компетенции // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 1. С. 18–27.
8. *Ларионова М. В.* Открытый метод координации как рабочий метод управления интеграционными процессами в образовании // Экономика образования. 2008. № 3. С. 62–68.
9. *Завершинский К. Ф.* Политическая культура как способ семантического конституирования политических коммуникаций // Политическая наука. 2006. № 3. С. 31–46.
10. *Тома А. Ю.* Беларусь и Россия: работа над гуманитарными ошибками // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15. С. 163–166.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023

References

1. Levchuk, N. N. (2016). Setevoe vliyanie v sisteme massovykh kommunikaciy. Znakovie matricy [Network influence in the system of mass communications. Sign matrices]. Minsk: RIVSH, 194 p. (In Russ.).
2. Venidiktov, S. V. (2016). Mediakommunikacia v grazhdanskom obschestve: integracionnyi resurs: monographia [Media communication in civil society: an integration resource: monograph.]. Mogilev: Institut MVD, 180 p. (In Russ.).
3. Sluka, O. G. (2016). Evolucia evraziiskogo informacioonogo prostranstva [Evolution of the Eurasian information space]. In: *Collection of scientific practices; ed. by S. V. Venidiktov. Vol. 3. Information and legal field of European integration.* Mogilev: Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus, p. 3–12. (In Russ.).
4. Myasnikovich, M. V. (2020). O tekuschem sostoyanii i dalneishem perspektivnom razvitii integracii v Evraziiskom ekonomicheskom souse [On the current state and further future development of integration in the Eurasian Economic Union]. In: *Collection of reports of the international forum "Eurasian Economic Perspective"*. St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University, p. 7–11. (In Russ.).
5. Leshenyuk, O. N. (2021). Koordinacia sekretariatov evraziyskikh struktur v processe raschireniya ikh polnomochiy [Coordination of secretariats of Eurasian structures in the process of expanding their powers]. In: *Eurasia.Expert.* No. 2, p. 57–61. (In Russ.).
6. Dudova, I. (2015). Convergence and open method of coordination in European social policy. In: *Economic magazine-XXI.* No. 9–10, p. 19–22.
7. Tokareva E. V. (2010). Koordinacia vzaimodeistvia organov politicheskogo upravlenia v ES v usloviakh neravnomernogo raspredelenia kompetenciy [Coordination of interaction between political governance bodies in the EU in conditions of uneven distribution of competence]. In: *Chelovekh. Obschestvo. Upravlenie*. No. 1, p. 18–27. (In Russ.).
8. Larionova M. V. (2008). Otkrytyi metod koordinacii kak rabochiy metod upravlenia integracionnymi processami v obrazovanii [The open method of coordination as a working method for managing integration processes in education]. In: *Ekonomika obrazovania*. No. 3, p. 62–68. (In Russ.).
9. Zavershinskiy, K. F. (2006). Politicheskaya kultura kak sposob semanticheskogo konstituirovania politicheskikh kommukaciy [Political culture as a way of semantic constitution of political communications]. In: *Politicheskaya nauka*, No. 3, p. 31–46. (In Russ.).
10. Toma, A. Y. (2020). Belarus i Rossiya: rabota nad gumanitarnymi oshibkami [Belarus and Russia: work on humanitarian mistakes]. In: *Rossiya: tendencii i perspektivy razhitiya*. No. 15, p. 163–166. (In Russ.).

Received by editorial board 30.08.2023

УДК 316(470+476)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПОСРЕДНИЧЕСТВО» И «МЕДИАЦИЯ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

А. Д. Черняк
Белорусский государственный университет, Минск
Республика Беларусь

Статья посвящена рассмотрению понятий «посредничество» и «медиация» в контексте теоретического соотношения и практического применения в рамках как публичного пространства Российской Федерации и Республики Беларусь, так и в сфере глобальной политики. Проанализированы различные интерпретации терминов «посредничество» и «медиация», где отдельное внимание уделено процессу возникновения понятия «медиация» как процедуры внесудебного разрешения спора с привлечением третьей стороны (медиатора) в гражданском и уголовном судопроизводстве.

На основе многостороннего анализа, в том числе и национального законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь, автор определяет понятие «посредничество» как обладающее большим смысловым наполнением по отношению к понятию «медиация» и выделяет 5 категорий применения термина «посредничество». Отдельно рассматривается понятие «международное посредничество» не только в качестве способа урегулирования международного конфликта, но и как средства реализации политических интересов государства путем оказания посреднических услуг. В заключении автор делает вывод, что, ввиду высокой конфликтогенности международных отношений, посредничество, в наиболее широком его понимании, заслуживает тщательного анализа возможных перспектив его реализации в том или ином виде как составляющей части международных отношений.

Ключевые слова: посредничество; медиация; Республика Беларусь; Российская Федерация; международное посредничество.

Образец цитирования: *Черняк А. Д.* Соотношение понятий «посредничество» и «медиация» в международном политическом пространстве (на примере Российской Федерации и Республики Беларусь) // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 264–284.

Автор: Черняк Анна Дмитриевна – аспирант и преподаватель кафедры международных отношений Белорусского государственного университета: e-mail: anna.cher828@gmail.com.

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «POSREDNICHESTVO» AND «MEDIATION» IN THE INTERNATIONAL POLITICAL SPACE (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS)

A. D. Chernyak
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article considers the concepts of «posrednichestvo» (as a Russian analog of mediation) and «mediation» in the context of theoretical correlation and practical application within both public space of the Russian Federation and the Republic of Belarus, and the global politics. Various interpretations of the terms «posrednichestvo» and «mediation» are analyzed, and special attention is paid to the process of the emergence of «mediation» concept as a procedure for out-of-court dispute resolution involving a third party (mediator) in civil and criminal proceedings.

Based on a wide-ranging analysis, including a deep analysis of the national legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus, the author defines «posrednichestvo» as a concept that has greater semantic content compared to the concept of «mediation» and identifies 5 categories of application of the term «posrednichestvo». The concept of «international mediation» is considered separately not only as a way to resolve an international conflict, but also as a means of realization of state's political interests by providing mediation services. Finally, the author concludes that, due to the high conflict potential of international relations, mediation needs a thorough analysis of the possible prospects for its implementation as an integral part of international relations.

Key words: posrednichestvo; mediation; Republic of Belarus; Russian Federation; international mediation.

For citations: Chernyak A. D. (2023). Sootnoshenie ponyatij «posrednichestvo» i «mediaciya» v mezhdunarodnom politicheskom prostranstve (na primere Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus') [Correlation of the concepts of «posrednichestvo» and «mediation» in the international political space (on the example of the Russian Federation and the Republic of Belarus)]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk, Vol. 11, p. 264–284. (In Russ.).

Author: Chernyak Anna Dmitrievna – postgraduate student and lecturer, Department of International Relations, Belarusian State University; e-mail: anna.cher828@gmail.com.

Введение. Международное политическое пространство представляет собой сложное явление, являясь местом столкновения властных интересов не столько отдельных индивидов и группы лиц, сколько целых государств, международных организаций и транснациональных корпораций. В то же время, как многомерное явление, как место существования политического бытия, само политическое пространство может быть представлено через репрезентацию всего многообразия смыслов, скрытых в понятии «политика». В классическом прочтении в понятии «политика» выделяют 3 категории: «*polity*» (греч. «*politeia*») как наиболее широкое понятие, означающее общую политическую организацию общества, как механизм организации власти и осуществления властных полномочий; «*policy*» – как совокупность действий, программа или отдельный метод, используемые отдельно взятым индивидом или группой в разрешении конкретной проблемы или совокупности проблем; «*politics*» как отдельная сфера жизнедеятельности общества, в которой происходит противоборство и конкуренция различных течений, отдельных личностей, их групп, государств и их блоков и объединений; «*politics*» как сфера столкновения политических интересов индивида или группы [1, с. 12 18].

Складывая данные категориальные единицы и выводя понятие политики в широком смысле как способа взаимодействия индивидов и иных акторов по поводу разделения и реализации властных ресурсов в пределах существующих общественных ограничений (законодательных норм, правил и институт), чье существование также определяет порядок и условия политического взаимодействия, можно отметить обязательность факта социального взаимодействия для существования политического пространства.

Одной из форм социального взаимодействия можно назвать феномен посредничества, известный человечеству с давних времен. Посредничество, как объект исследования, рассматривается в ряде социально-гуманитарных наук: политология, юриспруденция, социология, психология, философия, экономика и в некоторых других отраслях знания, что демонстрирует крайне широкую распространенность этого феномена в человеческой деятельности. В данной статье понятие «посредничество» рассматривается с учетом его семантики и этимологии, а также его взаимосвязи с понятием «медиация» в русскоязычном пространстве на теоретическом и практическом уровнях.

Методология исследования. *Объект исследования* – понятие «посредничество». *Предмет исследования* – соотношение понятий «посредничество» и «медиация» в теоретическом и практическом пространствах Республики Беларусь и Российской Федерации. *Цель статьи* – эксплицировать различия в трактовках понятий «посредничество» и «медиация», отобразить их место в правовых системах государств место посредничества во внешней политике Республики Беларусь и Российской Федерации. Для достижения заявленной цели поставлены задачи:

1) выявить семантику и этимологию понятий «посредничество» и «медиация» в русскоязычном пространстве;

2) выделить уровень правовой регламентации феноменов «посредничество» и «медиация» и степень их соотношения в Республике Беларусь и Российской Федерации;

3) определить место посредничества во внешнеполитической деятельности Республики Беларусь и Российской Федерации.

Для решения указанных задач в настоящей статье применялись методы политической науки, контент-анализ новостного агрегатора и законодательных актов, ряд общенаучных методов.

Обзор литературы. В Республике Беларусь отсутствуют работы по комплексному анализу понятия «посредничество». Для анализа были использованы работы Н. Толушева [2], О. В. Аллахвердова [3], Г. В. Севастьянова[1], С. Д. Мирхусеевой [4], В. И. Бековой [5], И. А. Пановой [6], Р. В. Фомичевой и О. С. Черниковой [7], раскрывающих понимание феномена медиации как процедуры альтернативного разрешения споров и особенности реализации на практическом уровне. Белорусская практика толкования и история формирования понятий «посредничество» и «медиация» была рассмотрена в работах О. Н. Здрок [8] и В. С. Каменкова [9]. С. А. Ловушкин [10] рассматривает динамику взаимоотношений ЕС и Республики Беларусь в 2014–2015 гг.; Р. С. Аветисян [11] отображает регулирование Нагорно-Карабахского конфликта при участии Минской группы ОБСЕ. Дж. Беркович [12] дает общую характеристику феномену международное посредничество.

Результаты исследования. С точки зрения лингвистики, слово «посредничество» образовано от слова «посредник», вос-

[1] Севастьянов Г. В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров. 2009. С. 91–121.

ходящего к общеславянскому слову *serda* (срѣда – по срѣдѣ – посрѣдьникъ – посредник), имеющего значение «середина»[2]. Следовательно, посредником является лицо или международный актор, осуществляющее промежуточные услуги между двумя субъектами отношений, а само посредничество является процессом осуществления посреднических (промежуточных по своим свойствам) функций. Для первичного понимания понятия «посредничество» стоит обратится за трактовкой к толковым словарям и энциклопедиям. В зависимости от предметного поля отдельно взятой науки появляются и различия в понимании посредничества. Например, в Толковом словаре Д. Н. Ушакова (1935–1940 гг.) посредничество по сути дается в 3 разных трактовках: 1) как содействие заключению сделок между сторонами; пользование посредничеством биржи при найме рабочей силы; в том числе действовать через посредничество третьих лиц – отображение функций посредничества с точки зрения экономической науки; 2) с позиции юриспруденции посредничество понимается как налаживание связи между соучастниками преступления (посредничество при даче взятки); 3) и отдельно выделяется «как деятельность по примирению двух спорящих или враждующих сторон»[3].

Схожие толкования термина «посредничество» присутствуют и в других словарях. В первую очередь стоит рассмотреть наличие данного понятия в спектре политической науки. В словаре-справочнике по политической науке посредничество определяется как «одно из средств мирного разрешения споров между государствами; осуществляется государством, не участвующим в споре, на основе предложенных им условий[4]. В словаре по конфликтологии посредничество – это «процесс, содействующий межличностным, межгрупповым и межгосударственным переговорам»[5].

В «Энциклопедии социологии» посредничество толкуется как: 1) содействие соглашению, сделке между сторонами; а также указывается, что 2) в международном праве – участие третьего

[2] Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. С. 596.

[3] Посредничество. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54791 (дата обращения: 15.09.2023).

[4] Посредничество. Политическая наука: Словарь-справочник; сост. Санжаревский И. И. 2010. [Электронный ресурс]. URL: https://rus-politology-dict. slovaronline.com/2709-Посредничество (дата обращения: 15.09.2023).

[5] Посредничество. Словарь по конфликтологии. [Электронный ресурс]. URL: https://slovar-pokonfliktologii.slovaronline.com/337-посредничество (дата обращения: 15.09.2023)

государства или международной организации в разрешении спора, конфликта между другими государствами[6].

В Большом юридическом словаре посредничество трактуется как одна из форм улаживания межгосударственных споров, конфликтов и военных столкновений с помощью дипломатических средств[7]. В то же время Юридическая энциклопедия дает уже 2 трактовки: 1) посредничество в международном праве – одно из мирных средств разрешения международных споров; представляет собой ведение переговоров не состоящим в споре государством … со спорящими сторонами с целью нахождения компромиссных путей мирного урегулирования спора; 2) посредничество, посреднические операции – экономические операции, совершаемые по поручению субъектов экономической деятельности независимыми посредническими фирмами на основе отдельных поручений или специальных соглашений (вторую часть определения можно понимать как трактовку с позиции хозяйственного права)[8]. В словарях бизнес-терминов посредничество рассматривается как «вмешательство в промышленный конфликт нейтральной третьей стороны…» и «предпринимательская деятельность по содействию заключению контрактов между поставляющей и потребляющей сторонами»[9].

Одновременно с этим в русскоязычном пространстве существует и другой термин, несущий аналогичную смысловую нагрузку – медиация. В том же Толковом словаре Д. Н. Ушакова медиация определяется как посредничество, содействие третьей стороны в мирном разрешении споров, преимущественно в международных отношениях[10]. Аналогичные определения даются и в других источниках. К примеру, в ранее упомянутом Словаре по конфликтологии, медиация – это переговорный процесс по разрешению конфликта с участием посредник-медиатора[11]; в Энцикло-

---

[6] Посредничество. Энциклопедия социологии. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2943/ПОСРЕДНИЧЕСТВО (дата обращения: 15.09.2023).

[7] Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. С. 543.

[8] Посредничество. Юридическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/8147 /ПОСРЕДНИЧЕСТВО (дата обращения: 15.09.2023).

[9] Посредничество. Словарь бизнес-терминов. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/10249 (дата обращения: 15.09.2023).

[10] Медиация. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=29205 (дата обращения:15.09.2023).

[11] Медиация. Словарь по конфликтологии. [Электронный ресурс]. URL: https://slovarpokonfliktologii.slovaronline.com/252-медиация (дата обращения:15.09.2023).

педии социологии медиация понимается как: 1) метод диалектического разрешения противоречий между единичным и общим, человеком и природой, индивидом и обществом, субъектом и объектом; 2) как посредничество в международном споре государства, непосредственно в нем не участвующего[12]; а в Энциклопедии права, медиация – это посредничество в международном споре государства, непосредственно в нем не участвующего[13].

Некоторую двойственность вносит тот факт, что термин медиация является фактической транслитерацией англ. *mediation*, который можно перевести и как посредничество, и как медиация. Термин «медиация» восходит к латинскому слову «*mediare*» – посредничать, занимать середину между двумя крайностями, предлагать средний путь, держаться нейтрально, беспристрастно [2, с. 148]. Возникновение в русскоязычном пространстве термина «медиация», максимально близкому в своем понимании к термину «посредничество, связано с общемировым распространением практики реализации процедур альтернативного разрешения споров – совокупности методов, не связанных с процессом судебного разбирательства [3, с. 32]. Само определение «альтернативное разрешение споров (АРС)» является прямым переводом от английского «*alternative dispute resolution*» – название явления, возникшего в США в 1960-е гг. для обозначения различных, внесудебных способов разрешения споров, в юридической практике имеющее ярко выраженный гражданско-правовой характер.

Например, Г. В. Севастьянов АРС рассматривает как «право выбора любого не запрещенного законом способа разрешения спора и урегулирования конфликта самими субъектами спорного правоотношения исходя из конкретной ситуации»[14]. М. А. Романенко дает немного другое видение АРС, понимая его как «совокупность процедур, направленных на разрешение правового конфликта путем достижения взаимоприемлемого результата, не обладающая признаками судебного разбирательства, применяющаяся до, во время или вне судебного процесса» [4, с. 224]. Данный подход часто быстрее, проще и обладает большей конфи-

[12] Медиация. Энциклопедия социологии. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2055/МЕДИАЦИЯ (дата обращения: 15.09.2023).

[13] Медиация. Энциклопедия права. [Электронный ресурс]. URL: https://encyclopediya_prava.academic.ru/3089/Медиация (дата обращения: 15.09.2023).

[14] Севастьянов Г. В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров. 2009. С. 94.

денциальностью, нежели судебный процесс. Как правило, в АРС используется нейтральная третья сторона, которая помогает сторонам общаться, обсуждать разногласия и разрешать спор. Это метод, позволяющий отдельным лицам и группам поддерживать сотрудничество, социальный порядок и дающий возможность снизить градус враждебности.

Понятие «альтернативное решение споров» обладает собирательным характером и объединяет в себе ряд отдельно взятых процедур, некоторые из которых комбинируют в себе другие способы АРС. В целом, к АРС можно отнести следующие процедуры: экспертное определение (заключение), переговоры, переговоры с участием посредника, примирение, посредничество, посредничество-арбитраж, независимое разрешение, мини-процесс, установление фактических обстоятельств дела, комиссии по рассмотрению споров, частный суд, предварительная независимая оценка, досудебное совещание по урегулированию спора, упрощенный суд присяжных и др. [5, с. 128].

В своей статье «Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права» Г. В. Севастьянов говорит о традиционном делении вышеуказанных способов АРС на основные и комбинированные. В качестве основных способов АРС выделяют посредничество, переговоры и арбитраж (третейское разбирательство). В результате взаимного переплетения и сочетания данных методов возникают новые совмещенные формы разрешения – посредничество-арбитраж, мини-суд, коллективное урегулирование трудовых споров, независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств и др.[15]

В то же время наиболее популярным и законодательно закрепленным методом АРС является медиация, которая, как элемент межчеловеческого взаимодействия, имеет глубокие корни и примеры которой можно найти в истории любого общества. Тем не менее, в качестве уже отдельного развитого общественного института медиация сформировалась именно в США и достигла повсеместного распространения внутри государства к 1970-м гг., в 1980-х гг. – данная процедура АРС стала массово использоваться в странах Европы, а к концу 1990-х медиативные технологии

[15] Севастьянов Г. В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров. 2009. С. 94–98.

уже были внедрены в правовые системы государств Европы. Тотальные изменения в общественно-политической жизни СССР в конце 1980-х и дальнейший распад СССР в 1991 г. сделали возможным появление медиации в американской трактовке на уже постсоветском пространстве. В 1990–1993 гг. на территории Российской Федерации было образовано несколько общественных организаций, привлекших к своей деятельности американских медиаторов. В дальнейшем на российско-американской основе были созданы условия для первоначального развития практики медиации в России, что, вероятно всего, и явилось причиной появления нового термина «медиация» в научном и практическом пространстве [3, с. 33].

Системное закрепление термина «медиация» в Республике Беларусь произошло значительно позже чем в Российской Федерации – только в 2007 г. с реализации совместного проекта Германского правового фонда и судебных органов Республики Беларусь, направленного на распространение знаний о медиации среди белорусских юристов. Немецкие судьи – медиаторы в качестве экспертов посещали Беларусь для распространения опыта организации и проведения медиации в суде. В 2011–2012 гг. был проведен пилотный проект по продвижению медиации в хозяйственных судах с целью разрешения экономических и других правовых споров, в рамках которого первые белорусские медиаторы прошли обучение, было создано первое специализированное учебно-практического учреждение подобного толка – «Центр медиации и переговоров», главной задачей которого стало распространение и продвижение медиации на территории Беларуси[16].

Несмотря на то, что в начале статьи были даны определения как посредничества, так и медиации, они носят крайне обобщенный характер, во многом пересекаются, не имеют индивидуальной трактовки и являются совокупным опытом исследований многих авторов, так как были взяты из словарей и энциклопедий. Следовательно, возникает вопрос: стоит ли понимать термины «посредничество» и «медиация» как идентичные?

В научных статьях превалируют материалы, в которых исследователи определяют особенности понимания именно фено-

[16] Власов Л. Медиация в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/mediatsiya-v-respublike-belarus-/ (дата обращения: 15.09.2023).

мена «медиация». И. А. Панова дает определение медиации как «процедуры примирения конфликтующих сторон путем их вступления в добровольные переговоры с помощью третьей стороны-посредника (медиатора), оказывающего содействие для урегулирования спора [6, с. 73]. О. С. Черникова и Р. В. Фомичева трактую медиацию как «основанный на соглашении конфиденциальный процесс, в ходе которого стороны конфликта добровольно пытаются с помощью третьего нейтрального лица найти точки соприкосновения, позволяющие им выработать решение и урегулировать спор» [7, с. 339]. По мнению С. К. Загайновой, под медиацией следует понимать альтернативный способ разрешения правовых конфликтов, в основе которого заложена определенным образом организованная процедура переговоров, основанная на применении специальных техник коммуникаций[17].

Как видно из представленных определений и с учетом анализа других существующих материалов, преобладающее большинство исследователей в русскоязычном пространстве при описывании понятия «медиация» отталкиваются от юридической трактовки и рассматривают его как часть АРС. При этом они нередко базируются на правоприменительной практике Российской Федерации с упоминанием Федеральный закона Российской Федерации от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в котором процедура медиации описана как «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения»[18].

В российском законодательстве закреплено понятие «посредничество». Посредничество на федеральном уровне рассматривается как: 1) одна из процедур, нацеленная на получения коммерческой выгоды (прибыли)[19]; 2) как характеристика уголовного преступления (посредничество во взяточничестве

[17] Загайнова С. К. О государственно-правовой политике интеграции медиации в российскую правовую культуру // Тенденции развития цивилистического процессуального законодательства о судопроизводстве в современной России: материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. А. И. Зайцев. Саратов, 2009. С. 195.

[18] Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 15.09.2023).

[19] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakonrf.info/kodeks-torgovogo-moreplavania/ (дата обращения: 15.09.2023).

или коммерческом подкупе)[20]; 3) посредничество как вид примирительной процедуры, частью которой является медиация[21]; 4) упоминается в контексте представительных или промежуточных функций государственных органов или возможной деятельности граждан[22]; 5) один из способов укрепления международного мира и безопасности[23].

Сравнение понимания терминов «посредничество» и «медиация» как в русскоязычном пространстве, так и в законодательстве Российской Федерации отображает существующий перевес в смысловой наполненности термина «посредничество» по отношению к термину «медиация». Тем не менее, в случае описания действий третьей стороны по добровольному и внесудебному урегулированию конфликта между двумя и более сторонами, допускается возможность использования термина «медиация» в качестве стилистической замены термину «посредничество», в том числе в случаях описания международного посредничества [13, с. 314].

Схожую картину можно наблюдать и при анализе работ белорусских исследователей. Например, О. Н. Здрок в своей статье для Белорусской юридической энциклопедии применяет термины «посредничество» и «медиация» как синонимичные и объясняет их суть фактически как часть процедуры АРС [8, с. 122]. В. С. Каменко в статье «История и перспективы медиации в Республике Беларусь» указывает на значительный исторический опыт реализации посредничества, в том числе и на территории современной Беларуси, и говорит о законодательном переименовании посредничества и наполнения его новыми смыслами [9, с. 9].

Обратимся к актуальному белорусскому законодательству на предмет фигурирования в нем понятия «посредничество». Непосредственно термин «посредничество» в национальных правовых документах встречается в следующих контекстах:

---

[20] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakonrf.info/uk/ (дата обращения: 15.09.2023).

[21] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakonrf.info/doc-35823306/ (дата обращения: 15.09.2023).

[22] Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakonrf.info/doc-35823306/ (дата обращения: 15.09.2023).

[23] Указ Президента Российской Федерации об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-229-31032023/ (дата обращения: 15.09.2023).

1) в Уголовном кодексе Республики Беларусь в ст. 432 –данный термин встречается как «Посредничество во взяточничестве», где в ч. 1 дается его определение «непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя»[24];

2) в Трудовом кодексе Республики Беларусь в ст. 251 и ст. 382, определяющих условия создания «органов примирения, посредничества и арбитража для урегулирования индивидуальных трудовых споров» и порядок их функционирования[25];

3) в Налоговом кодексе ст. 13 ч. 2.19 – посреднические услуги – услуги по содействию в установлении контактов и заключении сделок между производителями и … потребителями …, действующих на основании …гражданско-правовых договоров; ст. 88 ч. 2.1, ч. 2.2, ст. 92 ч. 4.2 – регулирование посредничества в коммерческой сфере[26];

4) «посредничество» в понимании промежуточного звена между двумя элементами системы или действия присутствует: в самой Конституции Республики Беларусь в ст. 79 ч. 2, касаемой осуществления Президентом посредничества между органами государственной власти[27]; Кодекс Республики Беларусь о браке и семье («посредничество при усыновлении»)[28], и в других законодательных актах, преимущественно касающихся регулирования брокерской и нотариальной деятельности, особенно в законах о присоединении и ратификации международных соглашений, договоров и конвенций.

В действительности, институциональное закрепление медиации, правовое регулирование ее применения произошло в Республике Беларусь немного позже, чем Российской Федерации – только в 2013 г путем принятия Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации». В нем определение

---

[24] Уголовный кодекс Республики Беларусь № 275-З [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900275 (дата обращения: 15.09.2023).

[25] Трудовой кодекс Республики Беларусь № 296-З [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296&q_id=8901714 (дата обращения: 15.09.2023).

[26] Налоговый кодекс Республики Беларусь № 71-З (Особенная часть) [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0900071&q_id=8901748 (дата обращения: 15.09.2023).

[27] Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=8901793 (дата обращения: 15.09.2023).

[28] Кодекс Республики Беларусь о браке и семье № 278-З [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278&q_id=8901818 (дата обращения: 15.09.2023).

медиации дается как «переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения[29]. За последние 10 лет было принято 3 дополнительных закона, изменяющих и дополняющих Закон «О медиации» 2013 г. (в 2016, 2019 и 2021 гг.), в которых было разработано подробное регулирование медиации в широком круге аспектов, включая:

– последствия применения медиации для гражданско-правовых отношений;

– применение медиации в процессе разбирательства в государственном суде (включая гражданский и хозяйственный процесс)[30].

В работах, рассматривающих место медиации в Республики Беларусь, так же как и в исследованиях российских авторов, медиация в первую очередь понимается как процедура урегулирования споров с привлечением третьей (нейтральной) стороны, то есть в качестве процедуры АРС. В то же время, несмотря на близкое время появления законов, регламентирующих порядок проведения медиации в Республике Беларусь и Российской Федерации, в настоящий момент именно законодательство Республики Беларусь предоставляет гражданам более широкий инструментальный аппарат для использования медиативных процедур. Это заметно и при анализе исследований, посвященных обзору белорусской практики реализации медиации, в которых рассматриваются перспективы применения медиации не только в гражданских, но и в уголовных делах, что законодательно не закреплено в российских реалиях.

Если касаться вопроса реализации посредничества государства как способа разрешения и урегулирования международного конфликта, то в законодательстве Российской Федерации, в отличие от законодательства Республики Беларусь, прямо зафиксирован данный момент в качестве одного из инструментов укрепления международного мира и безопасности в соответствии с текстом Концепции внешней политики Российской Федерации № 229 от 31.03.2023.

---

[29] Закон Республики Беларусь «О медиации» № 58-З [Электронный ресурс]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11300058&q_id=8901799 (дата обращения: 15.09.2023).

[30] Жуков М. Медиация как способ примирения сторон: опыт и практика регулирования в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://journal.arbitration.ru/ru/analytics/mediatsiya-kak-sposob-primireniya-storon-opyt-i-praktika-regulirovaniya-v-respublike-belarus/ (дата обращения: 15.09.2023).

С точки зрения обзора истории употребления, теории и законодательства, можно обозначить смысловые рамки термина «медиация» в отношении термина «посредничество», но происходит ли подобное разграничение на уровне медиа и государственной позиции? Автор провел краткий анализ одного из главных новостных агрегаторов Республики Беларусь – Белорусского телеграфного агентства (БелТА) – на предмет и качество упоминания термина «медиация», а также для понимания общей картины термина «посредничество»[31]. Для анализа используем временной отрезок с января 2021 г. (год принятия последних поправок в закон «О медиации») и до сентября 2023 г. С 01.01.2021 по 01.09.2023 г. термин «медиация» согласно поисковой строке сайта БелТА был упомянут 66 раз: 11 раз в 2023 г., 19 раз в 2022 г. и 36 раз в 2022. Всплеск количества упоминаний в 2021 г. связан с публичным обсуждением изменений в законодательном регулировании медиации. Термин «медиация» за указанный период 51 раз упоминался как категория юридической науки или же как часть процедуры АРС, еще 13 раз употреблялся для обозначения регулирования социальных конфликтов путем примирения (в семейной и школьной сфере). За аналогичный временной период термин «посредничество» был употреблен в 191 публикации: 42 раза за 2023 г., 101 раз в 2022 г. и 48 раз в 2021 г. В указанный период анализа термин «посредничество» употреблялся в контексте привлечения уголовного наказания за необоснованную деятельность – в сумме 47 раз (16 раз в 2021 г., 20 раз в 2022 г., 11 раз в 2023 г.), в рамках экономического посредничества – 37 раз (12 раз в 2021 г., 15 раз в 2022 г., 10 раз в 2023 г.), и больше всего в аспекте понимания международного посредничества – в сумме 81 раз.

Феномен «медиация – посредничество» нельзя отнести к предметному полю одной науки, оно довольно многообразно, но в значительной степени регламентировано законодательными актами и активно реализуются на разных уровнях социального взаимодействия: межличностном, межгрупповом, государственном и межгосударственном (международном).

Как видно из представленного анализа одного из главных медийных агрегаторов Республики Беларусь, в публичной практике термин «посредничество» обладает широким спектром зна-

[31] БелТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. URL: https://www.belta.by/ (дата обращения: 15.09.2023).

чений и употребляется в новостных публикациях в 3 раза чаще, чем термин «медиация». При совокупном анализе всей представленной информации – научных публикаций, законодательства и медийных источников, становится очевидной тенденция к употреблению термина «посредничество» в более широком спектре, выходящем за рамки АРС. На этом основании можно выделить несколько условных категорий употребления термина «посредничество» в следующих контекстах:

1) промежуточное звено между двумя элементами, представительство (посредничество при усыновлении, адвокатская и нотариальная деятельность);

2) осуществление коммерческой деятельности – к данной категории можно отнести брокерство и финансовое посредничество при реализации торговых сделок;

3) характеристики наказания – соучастие в преступлениях, особенно в регламентации наказания за взяточничество (посредничество во взяточничестве);

4) процесса внесудебного урегулирования спора между конфликтующими сторонами с привлечением одобренного основными участниками конфликта третьей стороны – посредника;

5) посредническая деятельность государства на международном уровне, преимущественно в регулировании политических конфликтов.

Понятие «международное посредничество» представляет собой широкий круг действий третьей стороны, одобренной сторонами конфликта, усилия которой направлены на урегулирование и разрешение международного конфликта без применения или угрозы силой. Как правило, в качестве третьей стороны выступает государство, намного реже – иной актор международных отношений (международная организация или транснациональная корпорация). В зависимости от стратегии поведения, посредник может избрать пассивный (с позиции наблюдателя над процессом общения и обмена информацией) или активный образ поведения через осуществление взаимодействия со сторонами конфликта и ведение с ними активной полемики [13, p. 3–4].

Говоря подробнее про упоминание международного посредничества в Республике Беларусь, то в течении 2022 г. термин «посредничество» в данном контексте был использован 45 раз, что более чем в 2 раза больше, нежели в 2021 г. (16 раз) и до текущего момента, 01.09.2023 (20 раз). Такой всплеск объясняется значи-

тельными изменениями в мировой геополитической обстановке. Непосредственное затрагивание Республики Беларусь в этом процессе связано в первую очередь с освещением обострения до военной фазы российско-украинского конфликта в феврале 2022 г. В 2021 г. главным новостным поводом для упоминания международного посредничества стал армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе и участие других государств в его урегулировании. Периодически упоминания международного посредничества происходили и в 2022 г., и в 2023 г. Для дипломатической практики Республики Беларусь оба конфликта имеют знаковый характер, так как белорусская сторона выступила посредником и в армяно-азербайджанском, и в российско-украинском конфликте.

За годы своего независимого существования Республика Беларусь несколько раз становилась медиатором, а столица – переговорной площадкой. Впервые это произошло в 1992 г., когда на заседании ОБСЕ в Хельсинки было принято решение о создании отдельной группы для организации процесса подготовки Минской конференции, нацеленной на урегулирование Карабахского конфликта. В состав данной группы вошли: Азербайджан, Армения, Россия, Республика Беларусь, Турция, Германия, Италия, Франция, Швеция, Финляндия и США [11, с. 238–242]. Несмотря на многочисленные усилия Минской группы ОБСЕ, поддержку ее деятельности Советом Безопасности ООН, конфликт перешел в военную фазу в 2020 г. и стороны признают низкую эффективность Минской группы ОБСЕ, не отказываясь при этом в посредничестве отдельных стран, входящих состав Минской группы ОБСЕ[32].

В 2014 г. Минск снова стал переговорной площадкой для урегулирования конфликта на Юго-Востоке Украины, в регионе Донбасса. На основании первых проведенных переговоров 5 сентября 2014 г. Трехсторонней группой (ОБСЕ, Украина и Россия) был подписан Минский протокол, включающий в себя комплекс мер, направленных на прекращения огня и нормализацию обстановки на Юго-Востоке Украины – I Минский протокол. Несмотря на подписанные документы, в январе 2015 г. ситуация вновь обострилась. С целью скорейшего урегулирования кризиса

[32] Баранов И. Первая встреча лидеров Азербайджана и Армении после войны в Карабахе: без рукопожатий, но с мирными планами // BBC News [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/news-55620532 (дата обращения: 15.09.2023).

11–12 февраля 2015 г. в Минске состоялась встреча лидеров России, Украины, Франции и Германии («нормандская четверка»). По итогам этих переговоров, а также заседания контактной группы, В. Путин, А. Меркель, Ф. Олланд и П. Порошенко согласовали комплекс мер по выполнению минских соглашений (протокол подписали участники Контактной группы, а также главы ДНР и ЛНР). Подписанный документ получил поддержку Совета Безопасности ООН и стал обязательным для выполнения. Данный акт составлен из 13 пунктов, которые частично повторяли условия первого Минского соглашения и предусматривали все шаги по преодолению украинского кризиса. В организации встречи непосредственно участвовал и А. Г. Лукашенко. По мнению некоторых исследователей, это позволило в дальнейшем расширить рынки взаимообмена Беларуси и ЕС как части многовекторной экономической политики, а также показать белорусского президента на европейской арене как политика-миротворца и способствовать повышению имиджа государства в глазах международного сообщества [10, с. 390].

В начале активизации военной фазы украинско-российского конфликта 24 февраля 2022 г., президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко предложил провести переговоры в Минске. Несмотря на первоначальный отказ украинской стороны, 28 февраля на приграничной территории Беларуси состоялся первый раунд переговоров, 3 марта в Беловежской пуще – второй раунд, и третий раунд – 7 марта. В ходе данных переговоров сторонам не удалось сделать шаги по урегулированию конфликта, было достигнуто соглашение только в отношении некоторых гуманитарных аспектов. В дальнейшем Республика Беларусь утратила свой статус переговорной площадки и уступила место Турции. Как видно, Республика Беларусь не обладает значительным бэкграундом в международном посредничестве, но опыт 2014–2015 гг. демонстрирует уровень потенциальной внешнеполитической выгоды, которую можно получить через реализацию подобной деятельности.

Российская Федерация в международном посредничестве обладает куда большим опытом, нежели Республика Беларусь. Как говорилось ранее, в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. посредничество упоминается в качестве способа укрепления международного мира и безопасности, что отображает заинтересованность государства в реализации данной деятельности на международном уровне. И действительно, после распада

СССР, Россия принимала активное участие в разрешении большинстве конфликтов, возникших как внутри, так и между новообразованными независимыми государствами (в регионе Нагорного Карабаха между Арменией и Азербайджаном, в Приднестровье – Молдова, в конфликте между Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией). Однако, далеко не всегда как посредник, чаще как миротворец, вводя свой военный контингент на воюющие территории для установления режима прекращения огня. Данные конфликты и по сей день находятся либо в замороженном состоянии, либо, как армяно-азербайджанский конфликт, периодически переходит в горячую фазу, фазу ведения военных действий.

В течение последнего десятилетия Россия принимала активное участие в качестве посредника в ряде конфликтов, выходящих за пределы постсоветского пространства, участвуя в разрешении конфликта в Сирии, Ливии, Афганистане и Центральноафриканской Республике. Можно сказать, что во всех случаях Россия так или иначе задействовала свой военный контингент или использовала позицию силы, прежде чем переходить к организации переговорного процесса. Британский исследователь Д. Г. Льюис выделяет 7 принципов российской стратегии посредничества. Один из них гласит, что посредничество России направлено на установление минимального политического порядка в соответствии с геополитическими интересами России[33]. Российская Федерация обладает огромными экономическими и военно-политическими ресурсами, определенно является региональным лидером и имеет запросы на избавление от гегемонии США в международном пространстве. Россия также активно позиционирует себя как сильное государство, не склонное к либеральной позиции, что доказывается способами реализации международного посредничества как внешнеполитического инструмента.

Заключение. Феномен посредничества представляет собой сложное многоаспектное явление, рассматриваемое рядом социально-гуманитарных наук. В этимологическом плане термин «посредничество» схож с термином «медиация», но, как показал анализ трактовок и существующего законодательства, «посредничество» шире в своем понимании, нежели «медиация».

[33] Lewis D. G. Russia as peacebuilder? Russia's coercive mediation strategy // George C. Marshall European Center for Security Studies [Electronic resource]. URL: https://www.marshallcenter.org/ en/publications/security-insights/russia-peacebuilder-russias-coercive-mediation-strategy-0#author_blurb (accessed: 15.09.2023).

Понятие «медиация» неразрывно связано с практикой мирного внесудебного урегулирование споров с привлечением третьей стороны преимущественно в гражданском судопроизводстве. Понятие «посредничество», ввиду более долгого существования в общественном пространстве, обладает более широким перечнем смыслов и употребляется в 5 смысловых категориях:

В публичной практике термин «медиация» употребляется значительно реже и преимущественно в контексте процедуры АРС, в то время как термин «посредничество» является для обывателя более привычным и ясным. Ввиду большего смыслового наполнения, именно через осуществление посреднической деятельности можно описать феномен международного посредничества, которое в практическом плане присутствует как во внешнеполитической деятельности Республики Беларусь, так и Российской Федерации. Государства поразному реализуют данную процедуру ввиду их различного экономического и геополитического положения, что определяет соответствующие инструменты и подходы при решении международного конфликта.

Однако, учитывая конфликтогенность международного пространства, анализ возможных перспектив реализации данного способа урегулирования международного конфликта, является крайне важным для понимания его роли как неотъемлемой части международных отношений.

Библиографические ссылки

1. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
2. *Толошушев Н.* Понятие и значением медиации в юридической науке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–4. С. 148–151.
3. *Аллахвердова О. В*. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 4. С. 31–49.
4. *Мирхусеева С. Д.* К вопросу о терминологии понятия альтернативного разрешения споров // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 224–227.
5. *Бенова В. И.* Классификация способов альтернативного разрешения споров // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2013. № 5. С. 128–129.
6. *Панова И. А.* Медиация: проблемы и пути их решения // Вестник высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 10 (227). С. 73–83.
7. *Фомичева Р. В.*, Черникова О. С. Принципы медиативной (посреднической) деятельности // Право и его реализация в XXI веке: сб. научных трудов: в 2 ч.; под общ. ред. С. Н. Туманова. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2011. С. 339–341.

8. *Здрок О. Н.* Посредничество (медиация) // Белорусская юридическая энциклопедия. Т. 3. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. С. 122–123.
9. *Каменков В. С.* История и перспективы развития медиации в Республики Беларусь // Актуальные вопросы развития практики медиации: опыт Республики Беларусь и России: материалы междунар. круглого стола, Минск, 19 апреля 2018 г. / БГУ; под ред. О. Н. Здрок. Мн.: БГУ, 2018. 48 с.
10. *Лоушкин С. А.* Отношения Беларуси и ЕС в контексте кризиса в Украине // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 4. С. 387–397.
11. *Аветисян Р. С.* Создание Минской группы ОБСЕ и ее роль в процессе урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 1. С. 237–248.
12. *Bercovitch J.* International Mediation // Journal of Peace Research. 1991. Vol. 28. № 1. P. 3–6.
13. *Быкова Т. В.* Понятие и сущность посредничества (медиации) по спорам, возникающим из публичных правоотношений // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 20. С. 312–321.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023

References

1. Aron, R. (1997). Demokratija i totalitarizm [Democracy and totalitarianism]. M.: Tekst, 303 p. (In Russ.).
2. Toloshushev, N. (2021). Ponjatie i znacheniem mediacii v juridicheskoj nauke [The concept and significance of mediation in legal science]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. No. 4–4, p. 148–151. (In Russ.).
3. Allahverdova, O. V. (2006). Mediacija – novaja kommunikativnaja praktika v razreshenii konfliktov [Mediation - a new communicative practice in conflict resolution]. In: *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii.* Vol. 9, No. 4, p. 31–49. (In Russ.).
4. Mirhuseeva, S. D. (2013). K voprosu o terminologii ponjatija a'ternativnogo razreshenija sporov [On the issue of terminology of the concept of alternative dispute resolution]. In: *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, p. 224–227. (In Russ.).
5. Benova, V. I. (2013). Klassifikacija sposobov al'ternativnogo razreshenija sporov [Classification of methods of alternative dispute resolution]. In: *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Juridicheskij zhurnal*. No. 5, p.128–129. (In Russ.).
6. Panova, I. A. (2011). Mediacija: problemy i puti ih reshenija [Mediation: problems and ways to solve them]. In: *Vestnik vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii*. No. 10 (227), p. 73–83. (In Russ.).
7. Fomicheva, R. V., Chernikova, O. S. (2011). Principy mediativnoj (posrednicheskoj) dejatel'nosti [Principles of mediation (intermediary) activity]. In: *Law and its implementation in the 21st century: collection of scientific works.* Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii, p. 339–341. (In Russ.).
8. Zdrok, O. N. (2010). Posrednichestvo (mediacija) [Mediation]. In: *Belarusian legal encyclopedia.* Vol. 3. Minsk: GIUST BSU, p. 122–123. (In Russ.).
9. Kamenkov, V. S. (2018). Istorija i perspektivy razvitija mediacii v Respubliki Belarus' [History and prospects for the development of mediation in the Republic of Belarus]. In: *Actual issues in the development of mediation practice: the experience of*

the Republic of Belarus and Russia: materials of the international round table, Minsk, 19.04.2018. Minsk: BSU, 48 p. (In Russ.).
10. Loushkin, S. A. (2018). Otnoshenija Belarusi i ES v kontekste krizisa v Ukraine // In: *Postsovetskie issledovanija*. Vol. 1, No. 4, p. 387–397. (In Russ.).
11. Avetisjan, R. S. (2011). Sozdanie Minskoj gruppy OBSE i ejo rol' v processe uregulirovanija konflikta vokrug Nagornogo Karabaha [Creation of the OSCE Minsk Group and its role in the process of resolving the conflict around Nagorno-Karabakh]. In: *Politicheskaja jekspertiza: POLITJeKS.* Vol. 7, No. 1, p. 237–248. (In Russ.).
12. Bercovitch, J. (1991). International Mediation. In: *Journal of Peace Research*. Vol. 28, No. 1, p. 3–6.
13. Bykova, T. V. (2011). Ponjatie i sushhnost' posrednichestva (mediacii) po sporam, voznikajushhim iz publichnyh pravootnoshenij [The concept and essence of mediation in disputes arising from public legal relations]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki.* No. 20, p. 312–321. (In Russ.).

Received by editorial board 15.09.2023

УДК 327(54)

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ АЗИИ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Ч. Юйлинь
Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

В статье представлен краткий обзор характерных черт развития стран Южной Азии после падения колониальной системы на основе сопоставления восточной (коммунистической) и западной (капиталистической) точек зрения. Изучение стран Южной Азии как постколониального и постраздельного региона позволяет описать геополитическую основу формирования и развития международных отношений в регионе.

Рассматриваются факторы, которые неотделимы от внешних сил, в формировании международной модели отношений в Южной Азии. Внимание других крупных держав (Индии и Китая) к Южной Азии является залогом определения развития ситуации в Южной Азии во многие важные моменты.

Определены ключевые проблемы развития межгосударственного сотрудничества стран региона, обусловленные в первую очередь проблемами обеспечения национальной безопасности и суверенитета. В статье обосновывается, что в историческом контексте границы стран Южной Азии являются результатом войн, конфликтов и побед, а иногда они были проведены в результате дипломатических усилий и административных удобств, что объясняет сложность разрешения территориальных споров. Географическая близость и пограничные различия между Китаем и странами Южной Азии, особенно Индией, в нынешних условиях могут превратиться в геоэкономические преимущества. Установлено, что на формирование международной системы отношений в Южной Азии глубоко повлияла геополитическая конкуренция.

Ключевые слова: международные отношения; геополитика; Южная Азия; колониальная система; национальная безопасность; суверенитет государства; территориальный спор; государственные границы.

Образец цитирования: *Юйлинь Ч.* Характерные черты развития Южной Азии после падения колониальной системы // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 285–300.

Автор: Чжан Юйлинь – аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: xz936958658@sina.com.

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF SOUTH ASIA AFTER THE FALL OF THE COLONIAL SYSTEM

Z. Yulin
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

The article provides a brief overview of the characteristic features of the development of South Asian countries after the fall of the colonial system based on a comparison of the Eastern (communist) and Western (capitalist) points of view. The study of the countries of South Asia as a postcolonial and postpartition region allows us to describe the geopolitical basis for the formation and development of international relations in the region.

Factors that are inseparable from external forces in the formation of the international model of relations in South Asia are considered. The attention of other major powers (India and China) to South Asia is key to determining the development of the situation in South Asia at many important moments.

The article argues that in the historical context, the borders of South Asian countries are the result of wars, conflicts and victories, and sometimes they were drawn as a result of diplomatic efforts and administrative conveniences, which explains the difficulty of resolving territorial disputes.

The key problems in the development of interstate cooperation between the countries of the region are identified, primarily due to the problems of ensuring national security and sovereignty. Geographical proximity and border differences between China and South Asian countries, especially India, can translate into geoeconomic advantages in the current environment. It has been established that the formation of the international system of relations in South Asia was deeply influenced by geopolitical competition.

Key words: international relations; geopolitics; South Asia; colonial system; national security; state sovereignty; territorial dispute; state borders.

For citations: Yulin Z. (2023). Harakternye cherty razvitiya Yuzhnoj Azii posle padeniya kolonialnoj sistemy [Characteristic features of the development of South Asia after the fall of the colonial system]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk. Vol. 11, p. 285–300. (In Russ.).

Author: Zhang Yulin – postgraduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations of the BSU (Minsk); e-mail: 936958658@qq.com.

Введение. Южная Азия является одним из регионов, глубоко затронутых политикой «холодной войны», и традиционные геополитические концепции сыграли решающую роль в формировании международных отношений в регионе.

Страны Южной Азии, особенно Индия, Непал, Бутан и другие страны не только имеют географическую границу с Китаем, но также схожие гуманитарные, исторические, религиозные и культурные корни. Такого рода историческое, культурное сходство и географическое расположение считается основным условием противоречия и конфронтации. В традиционном обществе и исторической памяти это основные факторы, ведущие к конфронтации и даже войне. Однако по мере того, как экономическая глобализация вступает в XXI в., тщательный анализ развития стран Южной Азии в постколониальную эпоху показывает, что все это может стать благоприятными условиями для соединения судеб стран и создания сообщества с единым будущим.

В дополнение к вышеперечисленным факторам, таким как категория общей восточной цивилизации, построение сообщества с единой судьбой в Южной Азии имеет и историческую подоплеку, которую нельзя игнорировать. Пять принципов мирного сосуществования, совместно выдвинутые Китаем и Индией в 1954 г., по-прежнему остаются важными нормами и принципами международных отношений. Их также можно назвать предвестником и типичным примером построения сообщества с единой судьбой человечества. Это соответствует идее сообщества с единым будущим для человечества, которую сегодня отстаивает Китай, и является общей практической основой для построения сообщества с единым будущим для Южной Азии.

Актуальность исследования. Китай и государства Южной Азии являются развивающимися странами, перед которыми стоит историческая задача реализации национальной индустриализации. В процессе построения южноазиатского сообщества с единым будущим Индия и другие государства Южной Азии сталкиваются с внешними вызовами со стороны мира. При этом следует признать, что существует множество структурных противоречий между Китаем и Южной Азией. Отсутствие взаимного политического доверия между Китаем и Индией и частичное сходство промышленных структур – факторы, которые нельзя игнорировать при построении сообщества с общим будущим для Китая и Южной Азии. Проблема заключается в том, что конку-

ренция не может рассматриваться как конфронтация или перерастать в конфронтацию. В этой связи особую актуальность приобретает исследование современных направлений развития стран Южной Азии и их влияние на внешнюю политику Китая.

Цель проводимого исследования – изучить новые характерные черты развития стран Южной Азии после падения колониальной системы на основе сопоставления восточной и западной точек зрения.

Объект исследования – страны Южной Азии. Предмет исследования – страны Южной Азии и отдельные характеристики их политического влияния в системе международных отношений.

Методология исследования. В ходе написания статьи был использован преимущественно метод научного анализа в целях разделения проблемы исследования на отдельные части и элементы, а также их последующего рассмотрения с целью выявления сущности. Кроме того, был применен метод синтеза для определения взаимосвязей между выделенными особенностями.

Обзор литературы. За последние два десятилетия признавалось, что более ранние изображения азиатских обществ не учитывали важные аспекты их политической жизни. До 2000-х гг. данная сфера исследований была ограничена изучением вклада отдельных личностей, событий и обстоятельств колониальной истории начиная с XVII века, когда движения за социальные реформы начали реагировать на вызов, вызванный колониальным вторжением. В настоящее время возникли новые мотивы для изучения данного региона, которые выходят за рамки традиционного европоцентристского понимания Южной Азии [1; 3; 10]. Такие подходы также представляют большое количество акторов как агентов социальных и политических изменений. В результате взгляды на характерные черты развития Южно-Азиатского региона после падения колониальной системы стали отличаться от других систем мышления и закрепились в идейной трансформации политических систем стран Южной Азии [5; 12; 13].

Согласно литературным источникам, важным аспектом изучения политического развития Южной Азии является роль правительств в проведении институциональных реформ. В постколониальной системе правительства стран региона сосредоточились на укреплении своего военного потенциала в условиях усиливающейся межгосударственной конкуренции. [11, с. 542]. В постколониальной системе правительства стран региона сосредоточились на укреплении своего военного потенциала в условиях усилива-

ющейся межгосударственной конкуренции. Институциональные реформы, проведенные правительствами, способствовали укреплению государственных институтов и долгосрочному экономическому развитию Южной Азии, обеспечивая внутреннюю безопасность и социально-экономический прогресс. [2, с. 7].

Однако стоит отметить, что большая часть научной литературы посвящена историческому опыту влияния Западной Европы на развитие стран Южной Азии. В результате исследования политического влияния Южной Азии и ее роли в мире в настоящее время признаны как динамичная и сложная междисциплинарная область, посвященная изучению истории, культуры и политики. Несмотря на риск использования расширенной классификации политических проблем и взаимосвязей между странами (политических, военно-технических, культурных, социально-экономических) для понимания сложности политических процессов, появились новые исследования этого региона, которые обсуждают определенные темы, аргументы и политические практики [7; 10; 12].

Результаты. Современная Южная Азия, как это ни парадоксально, является одновременно и богатым и бедным регионом из-за несоответствия возможностей и ресурсных потенциалов входящих в нее государств. Это регион, где люди через границы культурно и социально взаимосвязаны, однако данная общность не находит отражения в межгосударственных отношениях.

Южная Азия является одновременно одним из самых быстрорастущих и одним из наименее интегрированных регионов мира. Это и регион контрастов, отмеченный как оптимизмом, так и пессимизмом со множеством сложностей [6, с. 4]. Обусловленная историческим развитием дихотомия силы и слабости, безопасности и незащищенности, надежды и страха в сочетании со связями и разъединениями является примечательной, если не необычной чертой Южной Азии, и порождает границы с различными «взглядами» территориальности [3].

Границы Южной Азии, как и границы других стран, являются активными политическими агентами. Иногда именно эти границы оказывают значительное влияние на внешнюю политику и политику безопасности государств. В контексте Южной Азии границы приобретают политическую форму и остаются неотъемлемой частью внутриполитических дискурсов [13, с. 189]. Для понимания важности границ в Южной Азии необходимо изучить их формирование в геоисторической перспективе. Многие грани-

цы стран Южной Азии образовались в результате колониального государственного строительства и связанных с ним жестоких исторических событий, поэтому постколониальные перспективы по разрешению разногласий в этом вопросе кажутся малообещающими. Эти границы являются результатом войн, конфликтов и побед, а также были проведены благодаря дипломатическим усилиям и административным уступкам.

В Южной Азии некоторые колониальные политические темы не только сохранены, но и обновлены. «Картографическую тревогу» в регионе можно охарактеризовать как наследие британского колониального правления. В случае с Индией заметим, что границы продолжают играть центральную роль в современной национальной политике страны и остаются причиной беспокойства и споров, как для государства, так и для народа [7; 11]. Международная граница Индии является третьей по протяженности в мире и имеет общие сухопутные и морские границы почти со всеми странами Южной Азии. Более того, поражение Индии в войне 1962 г. с Китаем только усугубило беспокойство по поводу безопасности границ. Представляется важным, что «тема воспринимаемой незаменимости «надежных» или «нерушимых» границ для национального развития, фактически для самой национальности, не ограничивается политикой. В индийском обществе это постоянная тема» [7, с. 813].

Таким образом, в Южной Азии территориальные границы приобретают крайнюю значимость во всех аспектах возможного взаимодействия, стесняя общества разделительными линиями, проведенными властными элитами. Известно, что для установления границы необходимо согласие обеих сторон, а «надежная» и секьюритизирующая граница не может поддерживаться в течение длительного времени без убедительного обоснования неделимости территории. В регионе, который культурно связан, еще труднее держать людей разделенными. Именно здесь психологические и ментальные рубежи становятся весьма важными для территориально ограниченного государственного управления и практик поддержания границ. Это также верно в случае с Южной Азией, где государства разработали множество методов, чтобы держать людей отдельно друг от друга.

Характер приграничных районов стран Южной Азии определяется склонностью к внутренней национализации, переплетенной с ориентацией на внешнюю региональную границу. На

внутреннем уровне долгая колониальная история оказала значительное влияние на социально-экономическое развитие стран региона. Поскольку большинство коренных жителей Южной Азии занимались сельским хозяйством, вакансия торговцев, вызванная колониальным торговым бумом, была заполнена значительным количеством китайских и индийских экспатриантов. Массовая иммиграция не только изменила структуру населения стран Южной Азии, но и способствовала резкому экономическому неравенству между этническими группами из-за разделения труда между коренными жителями и иммигрантами [4, с. 1190].

Обширные конфликты между коренными жителями и новыми поселенцами из-за гражданства, языка и религиозных убеждений создавали бесчисленные препятствия на пути к восстановлению национального единства стран Южной Азии. Европейские колонисты относились к этим странам как к торговым портам на пути в Восточную Азию и как к поставщикам сырья в Европу, способствуя развитию прибрежных районов и выращиванию определенных товарных культур, таких как кофейные зерна [4, с. 1991].

Следовательно, после обретения независимости страны Южной Азии обычно сталкивались с двумя экономическими проблемами. Одной из них было несбалансированное развитие между прибрежными и внутренними районами. Другой была неэффективная структура промышленности, в которой самодостаточный сельскохозяйственный сектор доминировал над внутренним производством, в то время как развитие обрабатывающей промышленности, символизирующее индустриализацию и модернизацию, существенно отставало [12, с. 57].

Капитала и технологий было намного меньше, чем рабочей силы в большинстве стран региона после обретения независимости. В этой связи страны Южной Азии изначально предпочитали развивать трудоемкие отрасли, чтобы компенсировать нехватку капитала [10].

Колониальное наследие в социальных и экономических структурах привело к слабости государственного потенциала стран Южной Азии, что затруднило им самостоятельное достижение индустриализации. При этом биполярная международная система во время холодной войны обеспечивала кратчайший путь для развития новых независимых стран. Интегрированный рынок капиталистической мировой системы предоставил странам-членам доступ к кредитам, инвестициям и экспортным рынкам. Та-

кие ресурсы заложили основу для направленных вовне стратегий индустриализации стран Южной Азии, обеспечив их быстрое развитие в дальнейшем.

Хотя относительно закрытая антикапиталистическая мировая система не позволяла странам Южной Азии сформировать рыночные институты, развивающиеся страны все же получали стратегическое и техническое руководство по построению своих национальных экономических систем и необходимые гарантии безопасности от ведущих стран, таких как Советский Союз. Эти антикапиталистические страны также присоединились к мировому рынку после окончания холодной войны. Кроме того, существовали препятствия для реконструкции социальных систем в странах Южной Азии.

Долгосрочное влияние древних цивилизаций Китая и Индии в сочетании с вмешательством колонистов привело к созданию многоэтнического и многоконфессионального обществая со значительными различиями между странами. К сожалению, национальные правительства обычно прибегают к экстремальной этнической политике, чтобы исправить несбалансированность социально-экономической структуры. В результате рост националистических настроений и межэтнических конфликтов скомпрометировал и без того хрупкое региональное общество и поставил новые задачи в построении «социокультурной общности» в странах Южной Азии [3].

В период после «холодной войны» изменения в международной системе отношений стран Южной Азии с внешним миром происходили главным образом в следующих трех аспектах.

Во-первых, во всем мире расширилась экономическая интеграция. Быстрый рост свободной торговли, значительное увеличение транснациональных корпораций и рост иностранных инвестиций облегчили странам Южной Азии доступ к производственным факторам, особенно к капиталу. Между тем, внутренние рынки развитых стран стали более открытыми для трудоемких экономик, что сделало рост валового внутреннего продукта за счет экспорта более реальным.

Во-вторых, отметился рост регионализма. Европейская интеграция реализовала многопрофильное сотрудничество в рамках формальных институциональных механизмов [3], в то время как азиатская регионализация характеризуется открытостью, гибкостью и неформальными правилами [10]. Страны Южной Азии

активно изучали возможности более тесного сотрудничества и более тесной интеграции, чтобы сделать регион новым полюсом в многополярной международной системе.

В-третьих, американская гегемония ослабевала, в то время как Китай находился на подъеме. Когда после 1980-х гг. геополитическая структура времен холодной войны начала рушиться, Китай активно развивался, приняв принципы и механизмы построения рыночной экономики. С тех пор он стал ведущей силой, влияющей на текущую ситуацию в Южной Азии, наряду с США и Японией. Война с терроризмом и кризис субстандартного ипотечного кредитования обусловили экономические проблемы в США в конце 2008 г., в то время как реформы и открытость высвободили огромный потенциал Китая в качестве мирового лидера, конкурирующего с США [10].

В начале XXI в., играя важную роль как в американской стратегии перебалансировки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в китайской инициативе «Один пояс, один путь», территория Южной Азии вновь была вовлечена в споры между различными мировыми системами.

Сосредоточив внимание на вопросах региональной безопасности и экономического процветания, новая концепция построения межгосударственных отношений объединила слабо организованные страны Южной Азии. В то же время Китай является относительно новым игроком в Южной Азии по сравнению с другими внешними державами, такими как США. До недавнего времени он был далек от того, чтобы играть центральную роль в экономиках Южной Азии [14, с. 23]. Одной из уникальных особенностей Южной Азии является превосходство Индии как политического и экономического игрока, помимо ее доминирующих исторических и культурных связей с регионом. В этом состоит отличие от Юго-Восточной Азии, где исторически китайское влияние более или менее на равных соперничало с индийским влиянием. Другой причиной является тот факт, что большая часть региона – по крайней мере, с начала этого столетия – имеет тенденцию отхода от авторитарного правления и регулярной смены правительств. Это одновременно создало возможности и усложнило двусторонние отношения для Китая.

Тем не менее, соседи Индии в Южной Азии рассматривают инициативу Китая «Один пояс, один путь» как перспективу возможностей развития, которые сама Индия не смогла предложить

в отсутствие мощностей и экономической интеграции с остальной частью Южной Азии. В результате Китай создает новый экономический порядок в Южной Азии посредством инициативы «Один пояс – один путь», в рамках которой многие страны имеют более значимые экономические отношения с Китаем, нежели с Индией. Для самой Индии Китай является одним из крупнейших торговых партнеров.

В контексте влияния соседства премьер-министр Н. Моди провозгласил «политику соседства прежде всего» как призванную продемонстрировать мягкую позицию по привлечению стран региона в свою сферу влияния. Возьмем, к примеру, индийские экономические инициативы в Непале. Проекты развития инфраструктуры, электроэнергетические проекты и гидроэнергетические проекты являются лишь некоторыми из событий недавнего прошлого. В Бангладеш Индия инвестировала более 8 млрд долларов США в различные проекты, а Шри-Ланке был предоставлен экстренный пакет немедленной помощи во избежание полного краха. Развитие прибрежной инфраструктуры и расширение морского сотрудничества являются приоритетом Индии в отношениях со Шри-Ланкой и Мальдивами. Индия также извлекает выгоду из своих исторических и культурных связей со странами Южной Азии, подчеркивая «общее наследие и общие ценности». Глобальное видение Индии основано на формировании нового международного порядка[1] [11].

В целях противостояния влиянию Китая на протяжении многих лет Индия включала больше элементов мягкой силы в свою региональную стратегию, в том числе мягкую внешнюю политику, продвижение экономической взаимозависимости и тесное культурное сотрудничество. Подчеркивая принципы «невмешательства» и «сотрудничества», Индия продемонстрировала умелую дипломатию во взаимодействии со своими соседями из Южной Азии, что предоставило ей большие рычаги воздействия и дипломатическое пространство.

Наряду с изменениями в экономическом порядке, также произошел растущий сдвиг в политическом, когда меньшие страны Южной Азии стали приспосабливаться к интересам Китая. Непал, например, ограничил поток тибетских беженцев, а правящая

[1] Bangladesh's Story in South Asia Is Commendable [Electronic resource] // Diplomatist. URL: https://diplomatist.com/2022/08/18/bangladeshs-story-in-south-asia-is-commendable-says-amb-anil-trigunayat/ (accessed: 22.09.2023).

Коммунистическая партия Непала имеет тесные связи с Коммунистической партией Китая. При этом активные межпартийные связи демонстрируются тем, что последняя проводит учебные программы для первых [9, с. 377]. Шри-Ланкой и Мальдивами в разное время руководили влиятельные люди, которые развивали дружественные отношения с Китаем и принимали экономические решения в пользу последнего [8, с. 211].

На новом этапе исторического развития международных отношений в странах Южно-Азиатского региона стратегическая стабильность между Китаем, Индией и Пакистаном остается хрупкой. Две диады (Китай – Индия; Индия – Пакистан) пережили идеологические конфликты, территориальные споры и соперничество за власть. Хотя движущие силы конфликтов различаются в каждой диаде, общие стремления и история соглашений о совместной безопасности являются достойной основой для управления будущими стратегическими рисками в Южной Азии. Территориально три государства встречаются на стыке спорных субрегионов – Кашмира, Синьцзяна и Тибета – где территориальные претензии, сепаратистские движения и трансграничные столкновения стали частым явлением и в последнее время вызывают обеспокоенность международного сообщества. В то время как каждое государство в стратегическом треугольнике сталкивается со множеством дилемм безопасности, новые источники нестабильности усугубляют стратегическую трилемму.

Все три страны модернизируют свои обычные и стратегические ядерные силы, одновременно сталкиваясь с новыми нетрадиционными вызовами безопасности. Китай, Индия и Пакистан разработали ядерное оружие как один из способов сдерживания конфликта с более мощными противниками (США, Китай и Индия). Каждое из государств Южной Азии расширяет свой ядерный арсенал и инвестирует в соответствующие системы национальной обороны. Все ядерные государства Южной Азии стремятся создать ядерные триады с гарантированным потенциалом нанесения второго удара, но Китай, Индия и Пакистан находятся на очень разных стадиях данного процесса. Осуществляя инвестиции в национальную безопасность, каждое государство также несет потенциальную угрозу своим менее могущественным соперникам. В результате возникла «каскадная дилемма безопасности» в регионе, которая поощряет гонку вооружений, под-

рывает региональную стратегическую стабильность и повышает риск возникновения глобальных кризисов[2] [6].

Так, вероятность конфликта между Индией и Пакистаном остается высокой после кризиса Пулвама – Балакот в 2019 г. Последующая дипломатия привела к возобновлению режима прекращения огня вдоль линии пограничного контроля в 2021 г., но основные причины враждебности, включая спорность территории Кашмира, остаются.

За последние несколько лет отношения Индии с Китаем также заметно ухудшились. Летом 2020 г. на их давно оспариваемой сухопутной границе произошли самые жестокие столкновения за более чем четыре десятилетия. Индия и Китай с тех пор отвели силы от горячего конфликта, но не нашли способа вернуться к статускво, существовавшему до 2020 г.[3] [11]. Обе страны активно инвестируют в новый военный потенциал и инфраструктуру вдоль своей спорной границы с Гималаями, что повышает вероятность того, что будущие споры могут перерасти в еще более значительные военные столкновения. Использование ядерного оружия остается маловероятным, но его нельзя исключать, хотя бы как (по меньшей мере как) непреднамеренное последствие обычной военной эскалации.

Другие события в регионе, например, в Афганистане, где к власти пришел Талибан, с большой вероятностью создадут новые возможности для террористических группировок и поставят под угрозу стратегическую стабильность в регионе. В конечном счете именно непредсказуемое развитие этой опасной динамики в сочетании с индийско-пакистанскими кризисами, конфликтами на китайско-индийской границе и возрождающимися террористическими угрозами должно вызвать обеспокоенность по поводу того, что неизбежные обострения могут развиваться в Южной Азии по спирали.

На протяжении всей истории Китай и страны Южной Азии поддерживали взаимные отношения без зависимости или эксплуатации. На политической арене сохраняются споры по поводу

[2] Enhancing Strategic Stability in Southern Asia: USIP senior study group final report [Electronic resource]. URL: https://www.usip.org/sites/default/files/2022-05/enhancing-strategic-stability-in-southern-asia-final-report.pdf (accessed: 10.09.2023).

[3] Bangladesh's Story in South Asia Is Commendable [Electronic resource] // Diplomatist. URL: https://diplomatist.com/2022/08/18/bangladeshs-story-in-south-asia-is-commendable-says-amb-anil-trigunayat/ (accessed: 22.09.2023).

«линии девяти пунктиров» в Южно-Китайском море между Китаем и странами Южной Азии. Однако соответствующие страны придерживаются принципа «отложить споры и продолжить совместное развитие» в решении вопросов Южно-Китайского моря путем подавления конфликтов в интересах экономического сотрудничества [13, с. 193].

Таким образом, хотя страны Южной Азии больше не подчиняются внешним силам в постколониальный период, они по-прежнему сильно зависят от капитала, технологий и экспортных рынков развитых стран в процессе обеспечения своего собственного развития. Политическая осторожность стран Южной Азии по-прежнему сдерживает перспективы развития экономических связей и торговых потоков. Южную Азию объединяют не только политика и экономика, но и культурные связи. Государства данного региона игнорируют культурную близость, прилагая усилия для политической и экономической интеграции. Отрицание же социокультурных связей еще больше усугубляет перспективы преодоления политических разногласий.

Небольшие страны Южной Азии продолжат поддерживать хорошие связи как с Китаем, так и с Западом. Китай предложил больше автономии Шри-Ланке, Пакистану и Бангладеш, чтобы сбалансировать Индию и ее партнеров в регионе. Китай также обладает значительным экономическим рычагом, который имеет решающее значение для того, чтобы регион приступил к экономическому восстановлению и воспользовался пакетами помощи Международного валютного фонда.

Националистическая и популистская риторика политического руководства различных государств Южной Азии становится традиционной. Некоторые из популярных методов создания ментальных границ включают спонсируемую государством пропаганду через СМИ и другие средства продвижения национальной идеологии. Более детальный анализ также показывает, как социальные практики, окружающие повседневную жизнь в Южной Азии, создают несколько границ. Кастовая дискриминация, религиозный фундаментализм, патриархат, экономические лишения и т. д. – это только часть некоторых из общих видимых границ и проблемных вопросов, которые существуют во всем регионе.

Заключение. Южная Азия преодолела множество проблем за последние 50 лет и добилась значительных успехов в улуч-

шении социально-экономического развития и политического влияния в мире. Капиталистический способ производства и глобальная экономическая интеграция в совокупности сохранили экономическую зависимость стран Южной Азии от мирового рынка. Независимо от этого государства Южной Азии последовательно обрели независимость, при этом между новыми независимыми странами сосуществовали враждебность и сотрудничество из-за их различного идеологического выбора.

Проведенное исследование постколониального развития региона позволяет выделить ряд существенных фактов.

Во-первых, наследие колониальной экономики еще больше повлияло на социальное развитие стран Южной Азии после обретения ими независимости.

Во-вторых, ключевая проблема новых независимых государств – восстановление своего суверенитета. Границы, установленные сферой влияния в колониальный период, заменили первоначальные границы, определяемые природой, историей и этнической принадлежностью. Это вызвало множество пограничных споров между странами Южной Азии после Второй мировой войны.

В-третьих, изменение внутренней промышленной структуры. Страны Южной Азии приняли разные стратегии развития из-за различий в обеспеченности ресурсами, прежних ролей в колониальной экономике и выбора политической системы после обретения независимости.

Библиографические ссылки

1. *Астафьева Е. М.* Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития – 2021 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Том. 3. № 53. С. 321–342.

2. *Фурсов К. А*. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 5–19.

3. *Ahmed I.* Regionalism in South Asia: A Conceptual Note // Millennial Asia. 2012. Vol. 3. P. 95–103.

4. *Banerjee A., Iyer L.* History, institutions, and economic performance: The legacy of colonial land tenure systems in India // American Economic Review. 2005. Vol. 95. № 4. P. 1190–1213.

5. *Dincecco M., Wang Y.* Violent conflict and political development over the long run: China versus Europe // Annual Review of Political Science. 2018. Vol. 21. P. 341–358.

6. *Fenske J., Kala N.* Linguistic distance and market integration in India // The journal of Economic History. 2021. Vol. 81. № 1. P. 1–39.

7. *Gupta B.* Falling behind and catching up: India's transition from a colonial economy // The Economic History Review. 2019. Vol. 72. № 3. P. 803–827.
8. *Jacob J. T.* China's evolving strategy in the Indian Ocean region: Risks in China's MSR initiative // India and China at sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean / Ed. by D. Brewster. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 208–223.
9. *Jacob J. T.* "To Tell China's Story Well": China's international messaging during the COVID-19 pandemic // China Report. 2020. Vol. 56. № 3. P. 374–392.
10. *Ван Ч.* Биан юан ди даи фа жан лун (Ши йие ти хи ю донг нан я де фа жан) [Ван Ч. Теория периферийного развития (Мировая система и развитие Юго-Восточной Азии)] Шанхай: Шанг хаи рен мин чу бан ше, 2018. 376 с.
11. *Nandy A.* The idea of South Asia: a personal note on post – Bandung blues // InterAsia Cultural Studies. 2005. Vol. 6. № 4. P. 541–545.
12. *Panyamanee P.* An Analytical Survey of Rethinking Postcolonialism in India and Thailand: Achievements and Failures in the Global South // Graduate Review of Political Science and Public Administration Journal. 2022. Vol. 1. № 1. P. 55–85.
13. *Tripathi D.* Influence of Borders on Bilateral Ties in South Asia: A Study of Contemporary India-Nepal Relations // International Studies. 2019. Vol. 56. № 1–2. P. 186–200.
14. *Xavier C.* Converting Convergence into Cooperation: The United States and India in South Asia // Asia Policy. 2019. Vol. 14. № 1. P. 19–50.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023

References

1. Astaf'eva, E. M. (2021). Yugo-Vostochnaya Aziya i Yuzhno-Tihookeanskij region: aktual'nye problemy razvitiya – 2021 [South-East Asia and the South Pacific: Current Development Challenges – 2021]. In: *South-East Asia: Current Development Challenges.* 2021. Vol. 3. No. 53, p. 321–342. (In Russ.).
2. Fursov, K. A. (2015). Dekolonizaciya afro-aziatskogo mira: predposylki, etapy, modeli [Decolonisation of the Afro-Asian World: Background, Stages, Patterns]. In: *East. Afro-Asian Societies: History and Modernity.* No. 2, p. 5–19. (In Russ.).
3. Ahmed, I. (2012). Regionalism in South Asia: A Conceptual Note. In: *Millennial Asia.* Vol. 3, p. 95–103.
4. Banerjee, A., Iyer, L. (2005). History, institutions, and economic performance: The legacy of colonial land tenure systems in India. In: *American Economic Review.* Vol. 95. No. 4, p. 1190–1213.
5. Dincecco, M., Wang, Y. (2018). Violent conflict and political development over the long run: China versus Europe. In: *Annual Review of Political Science.* Vol. 21, p. 341–358.
6. Fenske, J., Kala, N. (2021). Linguistic distance and market integration in India. In: *The journal of Economic History.* Vol. 81. No. 1, p. 1–39.
7. Gupta, B. (2019). Falling behind and catching up: India's transition from a colonial economy. In: *The economic History Review.* Vol. 72. No. 3, p. 803–827.
8. Jacob, J. T. (2018). China's evolving strategy in the Indian Ocean region: Risks in China's MSR initiative. In: *India and China at sea: Competition for Naval Dominance in the Indian Ocean*. Oxford: Oxford Univ. Press, p. 208–223.
9. Jacob, J. T. (2020). "To Tell China's Story Well": China's international messaging during the COVID-19 pandemic. In: *China Report.* Vol. 56. No. 3, p. 374–392.

10. Wang, Z. (2018). Bian yuan di dai fa zhan lun (Shi jie ti xi yu dong nan ya de fa zhan) [Marginal Zone Development Theory (World System and Development in South-East Asia)]. Shanghai: Shang hai ren min chu ban she, 376 c. (In Chin.).
11. Nandy, A. (2005). The idea of South Asia: a personal note on post – Bandung blues. In: *Inter-Asia Cultural Studies.* Vol. 6. No. 4, p. 541–545.
12. Panyamanee, P. (2022). An Analytical Survey of Rethinking Postcolonialism in India and Thailand: Achievements and Failures in the Global South. In: *Graduate Review of Political Science and Public Administration Journal.* Vol. 1. No. 1, p. 55–85.
13. Tripathi, D. (2019). Influence of Borders on Bilateral Ties in South Asia: A Study of Contemporary India-Nepal Relations. In: *International Studies*. Vol. 56. No. 1–2, p. 186–200.
14. Xavier, C. (2019). Converting Convergence into Cooperation: The United States and India in South Asia. In: *Asia Policy.* Vol. 14. No. 1, p. 19–50.

Received by editorial board 12.09.2023

УДК 327(510)

КОНЦЕПТ СООБЩЕСТВА ЕДИНОЙ СУДЬБЫЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР

И. А. Чувилов
Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

В статье изучен процесс имплементации концепта сообщества единой судьбы человечества в мировую политику, который начался с приходом к власти нового поколения китайских лидеров во главе с Си Цзиньпином. За время строительства сообщества единой судьбы человечества изменилась форма его позиционирования: из локальной, региональной программы расширения китайского влияния сообщество превращается в глобальный механизм сотрудничества во главе с КНР. Концепт сообщества единой судьбы человечества сопряжен с иными инициативами международного характера председателя КНР, в том числе с инициативой «Один пояс – один путь», взаимопересечение которых происходит в гуманитарной плоскости.

К определяющим характеристикам сообщества единой судьбы человечества на его современном этапе имплементации в международную политическую реальность можно отнести отсутствие институционально закрепленного характера развития, «мягкосиловой» базис, взаимная ответственность участников сообщества в процессе его строительства, идеалистический характер поставленных целей (всеобщий выигрыш, построение нового типа международных отношений, отказ от политики силы, совместное формирование новых партнерских отношений). Реализация концепта сообщества единой судьбы человечества организуется на основе следующих принципов: мирное развитие, достижение взаимного согласия, равноправные отношения между государствами-участниками.

Ключевые слова: сообщество единой судьбы человечества; внешняя политика; КНР; политическая стратегия.

Образец цитирования: *Чувилов И. А.* Концепт сообщества единой судьбы человечества в политической стратегии КНР // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 301–311.

Автор: Чувилов Иван Алексеевич – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных отношений Белорусского государственного университета; e-mail: chuvilovIA@bsu.by.

THE CONCEPT OF THE COMMUNITY WITH A SHARED FUTURE FOR MANKIND IN THE POLITICAL STRATEGY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

I. A. Chuvilov
Belarusian State University Minsk, Republic of Belarus

The article examines the process of implementing the concept of the community with a shared future for mankind in world politics, which began with the coming to power of a new generation of Chinese leaders led by Xi Jinping. During the construction of a community with the community with a shared future for mankind, the form of its positioning has changed: from a local, regional program for expanding Chinese influence, the community is turning into a global mechanism of cooperation led by the PRC. The concept of the community with a shared future for mankind is associated with other initiatives of an international nature of the President of the People's Republic of China, including the Belt and Road initiative, which intersect in the humanitarian field.

The defining characteristics of the community with a shared future for mankind at its present stage of implementation in international political reality include the absence of an institutionally fixed nature of development, the "soft-power" nature, the mutual responsibility of community members in the process of its construction, the idealistic nature of the goals set (universal gain, building a new type of international relations, the rejection of power politics, the joint formation of new partnerships). The implementation of the concept of the community with a shared future for mankind is organized on the basis of the following principles: peaceful development, achievement of mutual agreement, equal relations between the participating states.

Key words: community with a shared future for mankind; foreign policy; PRC; political strategy.

For citations: Chuvilov, I. A. (2023). Koncept soobshhestva edinoj sud'by chelovechestva v politicheskoj strategii KNR [The concept of the community with a shared future for mankind in the political strategy of the People's Republic of China]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk. Vol. 11, p. 301–311. (In Russ.).

Author: Chuvilov Ivan Alekseevich – PhD (Political Studies), senior lecturer of the Department of International Relations; e-mail: chuvilovIA@bsu.by.

Введение. Концепт сообщества единой судьбы человечества во многом определяет современную модель внешней политики КНР. После прихода к власти Си Цзиньпина китайская политическая стратегия включила в себя новые смыслы и формы достижения цели успешного превращения КНР в мировую державу. Одним из таких концептов стало *сообщество единой судьбы*, которое впоследствии трансформировалось в *сообщество единой судьбы человечества*.

Китайская политическая культура опирается на традиционные каноны, которые сформировались тысячелетия назад. Конфуцианство направляло модель развития китайской политики в отношениях с миром в перечне долгих периодов династий. И сегодня конфуцианство также оказывает прямое влияние на взаимодействие Китая с миром. Однако формы и методы позиционирования КНР изменились. С учетом роста геополитической напряженности, возникновения новых центров влияния Китай стремится выработать парадигму международного развития, в которой смогут сосуществовать разные цивилизации, политические системы и культуры. Так был выдвинут концепт сообщества единой судьбы человечества. В данной статье исследуемый концепт рассмотрен с позиций ответа КНР на меняющуюся международную реальность. Подчеркнуто личное влияние председателя КНР Си Цзиньпина на постулирование сообщества единой судьбы человечества в международной политике.

Методология исследования. *Объект исследования* – внешняя политика КНР при Си Цзиньпине. *Предмет исследования* – сообщество единой судьбы человечества как новая модель взаимодействия КНР с миром.

Цель статьи – эксплицировать содержание, принципы и формы процесса имплементации в мировую политику концепта сообщества единой судьбы человечества. Для достижения заявленной цели поставлены *задачи*:

1) выявить содержание и формы имплементации сообщества единой судьбы человечества в мировую политику;

2) определить принципы построения сообщества единой судьбы человечества с учетом усиливающегося влияния КНР в мировой системе.

Для решения указанных задач в настоящей статье применялись методы политической науки, анализ политических заявлений, документов и выступлений, ряд общенаучных методов.

Обзор литературы по теме исследования. В Республике Беларусь сообществу единой судьбы человечества пока что достаточно редко посвящаются отдельные научные публикации. В основном рассматривается политика КНР в целом, экономическое развитие Китая и его отношения с разными государствами и международными организациями. В. М. Мацель рассмотрел концепт сообщества единой судьбы человечества как часть внешней политики КНР [1]. А. В. Семенов и А. В. Цвык обратились к лингвистической интерпретации сообщества единой судьбы человечества [2], Цуй Цзявэнь – к культурно-цивилизационной идентичности Китая на примере исследуемого сообщества [3]. А. Л. Верченко исследует личностный вклад Си Цзиньпина в осуществление концепта сообщества единой судьбы человечества [4].

Результаты исследования. Процесс имплементации концепта сообщества единой судьбы человечества в мировую политику как части политической стратегии КНР начался после вступления Си Цзиньпина в должность председателя КНР. Китайская дипломатия стала более амбициозной, активизировался процесс адаптации уровня экономического развития к международному позиционированию КНР в мировой политике.

Китайская политическая стратегия реализует концепт сообщества единой судьбы человечества все последнее десятилетие. До этого развитие Китая согласовывалось с программой интеграции в международное политическое пространство, теперь же КНР создает новые форматы международного сотрудничества. **Формы** имплементации сообщества единой судьбы человечества в международную реальность становятся более диверсифицированными по мере укрепления позиций КНР.

Если в первые годы нахождения Си Цзиньпина в должности председателя сообщество единой судьбы было в форме локальных, региональных связей Китая, то к настоящему времени уместно говорить о глобальном масштабе сообщества единой судьбы всего человечества. Вначале Си Цзиньпин в своих официальных выступлениях говорил о локальных сообществах единой судьбы. 3 октября 2013 г. в речи в Совете народных представителей Индонезии Си Цзиньпин изложил видение будущего Морского Шелкового пути XXI в. Основой новой формы отношений китайский лидер назвал сообщество единой судьбы Китай – АСЕАН: «Если сообщество единой судьбы Китай – АСЕАН

станет теснее и будет больше соответствовать тенденциям эпохи в поиске мира, стремлении к развитию, содействии сотрудничеству и достижении обоюдного выигрыша, начнет лучше отвечать общим интересам народов разных стран Азии и всего мира, то оно получит более широкое пространство и могучий потенциал развития» [5, с. 399].

Си Цзиньпин выделяет отдельное сообщество единой судьбы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: «АТР должен стремиться к развитию взаимодействия. Интересы различных экономических субъектов АТР тесно переплетаются. … Мы должны крепко помнить, что АТР – это сообщество единой судьбы. Нам необходимо собственным развитием способствовать развитию других субъектов, максимально выявлять свои преимущества путем координации и взаимодействия, передавать позитивную энергию, чтобы сформировать обстановку положительного взаимодействия и координированного развития» [там же, с. 475]. Таким образом, очевидна отдельная выборка регионов, по которым Китай стремился в 2013 и 2014 гг. реализовывать идею нового сообщества. Из высказываний Си Цзиньпина можно определить, что такие сообщества единой судьбы условно формировались и интегрировались на основе экономических факторов развития.

В 2015 г. на Боаоском азиатском форуме Си Цзиньпин отходит от принципа региональных сообществ единой судьбы и говорит о важности создания сообщества единой судьбы всего человечества.

Выступая элементом политической стратегии КНР в системе международных отношений, сообщество единой судьбы человечества наделено качественными **характеристиками**, которые позволяют целенаправленно постулировать его в отношениях Китая с международными акторами.

Сообщество единой судьбы человечества к настоящему времени не приобрело институционально закрепленный характер. Это означает, что данный концепт используется как подкрепляющий, стимулирующий фактор для продвижения иных глобальных инициатив КНР. Практическим воплощением новых идей во внешнеполитической стратегии Китая стала инициатива «Один пояс – один путь», которая наглядно демонстрирует новое видение КНР современной системы мирового устройства. Инициатива носит экономический характер, однако она также реализуется в гуманитарной и политической областях.

Сообщество единой судьбы человечества следует рассматривать совместно с инициативой «Один пояс – один путь», поскольку оба концепта зависят друг от друга и дополняют собственные практические решения. Если инициатива приносит ощутимые результаты уже в краткосрочной перспективе, то сообщество единой судьбы человечества несет в себе далеко идущие стратегические задачи. Вместе с тем, представляется, что развитие сообщества единой судьбы человечества и инициативы «Один пояс – один путь» по мере усиления влияния КНР в мировой экономике и политике не будет осуществляться абсолютно по разным траекториям. В случае закрепления позиций инициативы «Один пояс – один путь» как преимущественно экономической программы взаимодействия Китая с миром концепт сообщества единой судьбы человечества будет использован как модель «мягкосилового» пересмотра глобального порядка. Если же гуманитарное и политическое измерения инициативы «Один пояс – один путь» не перестанут быть ее значимыми аспектами, тогда сообщество единой судьбы человечества будет коррелировать с гуманитарными и политическими стратегиями инициативы «Один пояс – один путь».

Концепт сообщества единой судьбы человечества продолжит быть опорным механизмом в рамках конкретных международных структур, среди которых можно выделить Шанхайскую организацию сотрудничества и БРИКС. Си Цзиньпин на Деловом форуме БРИКС в 2022 г. отметил, что БРИКС – «ведущая площадка сотрудничества государств с формирующимся рынком и развивающихся стран, сегодня сотрудничество в формате БРИКС вышло на новый этап высококачественного развития»[1]. Одним из этапов такого сотрудничества становится взаимная ответственность участников за достигнутые результаты, ответственный подход к глобальным вопросам современности.

Сообщество единой судьбы человечества не налагает строгих обязательств на своих участников. Официальные высказывания Си Цзиньпина и других китайских политиков демонстрируют, что государства внутри сообщества обладают полной свободой действий. Главное ограничение состоит в том, чтобы развитие одного государства несло также пользу и другим акторам. Одним из

[1] Си Цзиньпин выступил с программной речью на открытии Делового форума БРИКС // Министерство иностранных дел КНР [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202206/t20220622_10708161.html (дата обращения: 01.06.2023).

посылов в официальной позиции Китая является взаимная ответственность, когда благосостояние участников сообщества единой судьбы человечества зависит от каждой вовлеченной стороны. В. М. Мацель считает, что концепт создания сообщества единой судьбы человечества отражает общее стремление участников к таким непреходящим ценностям, как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия, свобода, процветание [1, с. 46].

Из этого положения логически выводится следующая особенность сообщества единой судьбы человечества. В нем определяющую, главенствующую роль занимает КНР. Интенциональное содержание сообщества единой судьбы человечества можно проследить из категорий управления государством и международными отношениями, которые характерны для древнего Китая различных династий. Так, понятие трибутарной системы в некоторой степени способно дать объяснение подходу КНР к современной глобальной политике. В имперском Китае международные отношения формировались с условием главенства китайской династии в регионе. Г. Киссинджер отметил по этому поводу следующее: «Соседние народы, как полагали китайцы, получали выгоду от общения с Китаем и китайской цивилизацией. От них требовалось лишь одно – признавать сюзеренитет китайского правительства» [6, с. 33]. В современных условиях сообщество единой судьбы человечества реализуется по иному направлению, когда соседним государствам не нужно подносить дары китайскому государству и находиться в полной от него зависимости. Стратегически Китай пересмотрел концепцию отношений с миром, которая была использована китайскими династиями, и доработал ее. В сущности возникла уникальная, абсолютно новая форма управления в международных отношениях. Сейчас демонстрируется общая логика построения сообщества единой судьбы, не приводятся конкретные цели и способы достижения всеобщего выигрыша в глобальном масштабе. Китай все так же считает себя ответственной державой, от которой зависит дальнейшее развитие региона и даже мира. Си Цзиньпин указал, что КПК стремится к благополучию китайского народа и прогрессу человечества, и при этом КПК является самой крупной политической партией мира [7, с. 632]. Постулирование сообщества единой судьбы человечества через арсенал средств КПК доказывает ответственность китайского правительства перед международным сообществом.

Исследуемое сообщество единой судьбы человечества находится на начальной стадии строительства. Из-за того, что концепт сообщества единой судьбы человечества только начинает имплементироваться в политическую стратегию КНР, сложно обозначить его конечную цель. Для понимания границ сообщества и его значимости для самого Китая необходимо ориентироваться на обозначенные перспективы развития КНР в будущем. Главное событие, которое в рамках данного анализа даст возможность определить хотя бы некоторые временные рамки в реализации концепта сообщества единой судьбы человечества, это 2049 г., когда наступит столетие со дня образования КНР.

Процесс имплементации концепта сообщества единой судьбы человечества в мировую политику осуществляется на основе обозначенных **принципов**. Развитие Китая и реализация его внешнеполитической стратегии будет осуществляться мирным путем. Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что «Китаю больше всего необходимы мирная и гармоничная обстановка внутри страны и мирная и спокойная международная обстановка» [7, с. 237]. Постулирование сообщества единой судьбы человечества в международных отношениях Китаем демонстрирует его пока что явно идеалистический посыл. Китайский исследователь Гао Фэй, преподающий в Китайском университете иностранных дел, делится собственным взглядом на проблему реализации сообщества единой судьбы человечества и определяет, что сегодня мир переживает невиданные за столетия масштабные изменения, стремительно формируются новые глобальные вызовы, поэтому Китай выдвинул сообщество единой судьбы человечества для того, чтобы способствовать построению нового формата сотрудничества, основанного на уважении и справедливости[2].

Значимым принципом имплементации сообщества единой судьбы человечества можно назвать достижение взаимного согласия. Китай руководствуется мнением и заботами каждого государства, заинтересованного в продвижении идеи о сообществе единой судьбы человечества. Китай строит сообщество единой судьбы человечества посредством дипломатии мировой державы с китайской спецификой. Китай стремится обогащать и развивать

[2] Тянь ся цин хуай туй дун гоу цзянь жэнь лэй мин юнь гун тун ти [Чувства к миру, содействие построению сообщества единой судьбы человечества] // Агентство китайского международного сотрудничества. 2021. URL: http://www.cidca.gov.cn/2021-07/12/c_1211237506.htm (дата обращения: 01.06.2023) (на кит. яз.).

дипломатические концепции, чтобы его внешнеполитическая деятельность приобрела национальный стиль, китайскую манеру [7, с. 247]. Концепция Си Цзиньпина, как уточняет А. А. Тушков, несмотря на многоаспектность, «проста для понимания и исторически оправдана, ее с воодушевлением воспринимают внутри страны и поддерживают многие представители международного сообщества, особенно в развивающихся странах» [8, с. 169]. Для построения сообщества недостаточно простого следования политике КНР, «все участники международных отношений должны прилагать усилия в области взаимовыгодного партнерства, укрепления структур безопасности, развития экономики, культурного обмена, экологического строительства» [9, с. 79]. Сообщество единой судьбы человечество невозможно без взаимного уважения и равноправных отношений между государствами: «Все страны – большие или маленькие, сильные или слабые, лидирующие или отстающие в развитии – все они являются равноправными членами международного сообщества, все имеют равные права участвовать в региональных и международных делах» [7, с. 255].

Сообщество единой судьбы человечества можно понимать как модель взаимоотношений акторов системы международных отношений в противовес вестернизации, концептуально базирующаяся на принципах конфуцианской мысли, достижения общего выигрыша посредством регулярных доверительных контактов, инспирированных гуманитарным вовлечением и взаимоуважением народов вдоль сообщества в рамках реализации инициативы «Один пояс – один путь» и формирования системы глобального управления [10, с. 60–61].

Выводы. Сообщество единой судьбы человечества превращается в опорный элемент китайской политической стратегии, используемой для выстраивания отношений с международным сообществом в эпоху Си Цзиньпина. За время реализации данного концепта изменилась его форма позиционирования, сообщество из локальной, региональной программы расширения китайского влияния превращается в глобальный механизм. К качественным характеристикам сообщества единой судьбы человечества можно отнести отсутствие институционально закрепленного характера развития, «мягкосиловой» характер, взаимная ответственность участников сообщества в процессе его строительства, идеалистический характер поставленных целей.

Имплементация концепта сообщества единой судьбы человечества в мировую политику организуется на основе принципов: мирное развитие, достижение взаимного согласия, равноправные отношения между государствами-участниками. Сообщество единой судьбы человечества, выдвинутое при Си Цзиньпине в должности председателя КНР, нацелено на формирование международных отношений нового типа, создает условия для более ответственного подхода каждого государства к международному сотрудничеству.

Библиографические ссылки

1. *Мацель В. М.* Внешнеполитическая стратегия КНР эпохи Си Цзиньпина // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 1. С. 38–49.
2. *Семенов А. В., Цвык А. В.* К вопросу о понятии и интерпретации концепции «сообщества единой судьбы человечества» // Общество и государство в Китае. 2019. № 1. С. 547–554.
3. *Цуй Цзявэнь.* Концепция сообщества единой судьбы человечества в контексте культурно-цивилизационной идентичности Китая // Общество: философия, история, культура. 2019. № 4. С. 87–91.
4. *Верченко А. Л.* Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 71–83.
5. *Си Цзиньпин.* Си Цзиньпин тань чжи го ли чжэн ди и цзюань [О государственном управлении]. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках. 2018. Т. 1. 654 с. (на кит. яз.).
6. *Киссинджер Г.* О Китае. Москва: АСТ, 2023. 640 с.
7. *Си Цзиньпин.* Лунь цзянь чи туй дун гоу цзянь жэнь лэй мин юнь гун тун ти [О создании сообщества единой судьбы человечества]. Пекин: Центральное издательство компиляции и перевода. 2021. 691 с. (на кит. яз.).
8. *Тушков А. А.* К вопросу об экспликации концепта «сообщества единой судьбы человечества» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 168–172.
9. *Цуй Цимин, Сунь Цзин.* Сообщество единой судьбы. Концепция Си Цзиньпина о путях развития человеческой цивилизации // Беларуская думка. 2017. № 5. С. 68–74.
10. *Chuvilov I. A., Malevich J. I.* Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2022. № 1. P. 43–50.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023

References

1. Matsel’, V. M. (2023). Vneshnepoliticheskaya strategiya KNR epokhi Si Tszin’pina [China’s Foreign Policy Strategy of the Xi Jinping Era]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* No. 1, p. 38–49. (In Russ.).

2. Semenov, A. V., Tsvyk, A. V. (2019). K voprosu o ponyatii i interpretatsii kontseptsii «soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva» [To the question of the concept and interpretation of the concept of the "community with a shared future for mankind"]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. No. 1, p. 547–554. (In Russ.).
3. Tsui, Tszyaven'. (2019). Kontseptsiya soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva v kontekste kul'turno-tsivilizatsionnoi identichnosti Kitaya [The concept of the community with a shared future for mankind in the context of China's cultural and civilizational identity]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* No. 4, p. 87–91. (In Russ.).
4. Verchenko, A. L. (2022). Kitaiskaya kontseptsiya «soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva» i diplomatiya pervogo litsa [The Chinese concept of the community with a shared future for mankind and diplomacy of the first person]. In: *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'.* No. 27, p. 71–83. (In Russ.).
5. Xi, Jinping. (2018). Xijinping tan zhiguo li zheng [The Governance of China]. Beijing, Foreign Languages Press. Vol. 1, 654 p. (In Chin.).
6. Kissindzher, G. (2023). O Kitae [On China]. Moscow, AST, 640 p. (In Russ.).
7. Xi, Jinping. Lun jianchi tuidong goujian renlei mingyun gongtongti [On the creation of the community with a shared future for mankind]. Beijing: Central Compilation & Translation Press, 691 p. (In Chin.).
8. Tushkov, A. A. (2021). K voprosu ob eksplikatsii kontsepta «soobshchestva edinoi sud'by chelovechestva» [To the question of the explication of the concept of the community with a shared future for mankind]. In: *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 1, p. 168–172. (In Russ.).
9. Tsui, Tsimin, Sun' Tszin. (2017). Soobshchestvo edinoi sud'by. Kontseptsiya Si Tszin'pina o putyakh razvitiya chelovecheskoi [The community with a shared future for mankind. Xi Jinping's concept of the development of human]. In: *Belaruskaya dumka*. No. 5, p. 68–74. (In Russ.).
10. Chuvilov, I. A., Malevich, J. I. (2022). Community with a shared future for mankind, and how this concept is related to the Belt and road initiative. In: *Journal of the Belarusian State University. International Relations*. № 1, p. 43–50.

Received by editorial board 31.08.2023

УДК 327(4-11)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИМПЕРИИ

А. Л. Шевцова
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь

Теоретическая значимость постановки и решения данной научной проблемы обусловлена актуализацией в начале XXI в. в восточноевропейском регионе геополитических проектов, в которых прослеживается продолжение уже существовавших в предыдущие исторические периоды геополитических проектов в виде региональных империй. Выделены четыре современных геополитических проекта: «Новая Речь Посполитая», Континентальный блок, «Балтоскандия», «Новая Австрийская империя».

Данные геополитические проекты воспроизводятся на основе имперских образований, сформировавшихся в регионе Восточной Европы в эпоху революции цен XVI–XVII вв.: Речи Посполитой, Пруссии, Австрии, Швеции.

Выявлены общие черты, позволяющие считать данные имперские образования однотипными. Определена общая геополитическая функция данных геополи¬тических проектов: барьер между Западной Европой с одной стороны – и Московским (Российским) государством и другими континентальными державами, с другой. Указана главная причина невозможности формирования устойчивой восточноевропейской континентальной империи – недостаток ресурсов на территории Восточной Европы, недостаточность собственных источников ресурсов вне региона. Сделан вывод, что ресурсные ограничения геополитических акторов в достижении своих целей и порождаемые этими ограничениями слабости и уязвимости региональных геополитических имперских проектов в Восточной Европе в предыдущие исторические периоды распространяются и на современные геополитические проекты в восточноевропейском регионе. Сформулировано определение восточноевропейской региональной империи: это страна, доминирующая или претендующая на доминирование в регионе Восточной Европы, но не обладающая значительными колониями или иными богатыми ресурсами территориями за пределами этого региона.

Ключевые слова: Восточная Европа; геополитический регион; геополитический проект; региональная империя; революция цен.

Образец цитирования: *Шевцова А. Л.* Геополитические проекты в восточноевропейском регионе: региональные империи // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. статей. Минск, 2023. Вып. 11. С. 312–330.

Автор: Шевцова Алла Леонидовна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры экономической политики и государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь; e-mail: shevcova_al@pac.by.

GEOPOLITICAL PROJECTS IN THE EAST EUROPEAN REGION: REGIONAL EMPIRES

A. L. Shevtsova
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Using the methods of geopolitical analysis, historical analysis, comparative analysis, reconstruction method, the article conceptualizes the phenomenon of regional empires in Eastern Europe. The theoretical significance of the formulation and solution of this scientific problem is due to the actualization at the beginning of the 21st century in Eastern Europe of geopolitical projects, in which the continuation of geopolitical projects that already existed in previous historical periods in the form of regional empires can be traced.

Four modern geopolitical projects have been identified: "New Commonwealth", Continental bloc, "Baltoscandia", "New Austrian Empire". These geopolitical projects are reproduced on the basis of imperial formations that formed in the region of Eastern Europe in the era of the price revolution of the 16th– 17th centuries: the Commonwealth, Prussia, Austria, and Sweden. Common features are revealed that allow us to consider these imperial formations of the same type. The general geopolitical function of these geopolitical projects is determined: a barrier between Western Europe, on the one hand, and the Moscow (Russian) state and other continental powers, on the other.

The main reason for the impossibility of forming a stable Eastern European continental empire is indicated – the lack of resources in Eastern Europe, the insufficiency of own sources of resources outside the region. It is concluded that the resource limitations of geopolitical actors in achieving their goals and the weaknesses and vulnerabilities of regional geopolitical imperial projects in Eastern Europe in previous historical periods generated by these limitations also apply to modern geopolitical projects in the Eastern Europe. The definition of the Eastern European regional empire is formulated – this is a country that dominates or claims to dominate in the region of Eastern Europe, but does not have significant colonies or other resource-rich territories outside this region.

Key words: Eastern Europe; geopolitical region; geopolitical project; regional empire; price revolution.

For citations: Shevtsova A. L. (2023). Geopoliticheskie proekty v vostochnoevropejskom regione: regionalnye imperii [Geopolitical projects in the Eastern European region: regional empires]. In: *Actual problems of international relations and global development: collection of scientific papers.* Minsk. Vol. 11, p. 312–330. (In Russ.).

Author: Alla L. Shevtsova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Policy and Public Administration at the Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus; e-mail: shevcova_al@pac.by.

Введение. Развитие Восточной Европы как особого геополитического региона происходит в общем контексте геополитических процессов в Евразии. Прекращение существования военно-политического альянса Организации Варшавского договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), распад СССР, произошедшие в 1991 г., изменили структуру глобальной и европейской систем международных отношений, сложившихся после Второй мировой войны. Принципиально важно, что в международных системах не просто увеличилось количество государств и всевозможных международных организаций, экономических, политических, военных союзов, но произошло нарушение военно-стратегического баланса сил, отступление от политики взаимного сдерживания государств-лидеров, обладающих примерно равной комплексной силой. Появились другие акторы, претендующие на лидерство в своем регионе и пытающиеся создать собственные гео¬политические проекты. В этой связи является актуальным анализ целей, действий, взаимодействий участников геополитического процесса, стремящихся к доминирующему положению в восточноевропейском регионе. Но особенно важно выявить основания, опираясь на которые акторы претендуют на геополитический статус регионального лидера.

Методология исследования. В статье осуществлена концептуализация феномена региональных империй в Восточной Европе с использованием методов геополитического анализа, исторического анализа, компаративного анализа, метода реконструкции.

Цель статьи – концептуализация феномена региональных империй в Восточной Европе. С опорой на тезис, что «в соответствии с теорией геополитики, геополитические проекты исторически воспроизводятся» [1, с. 153], в статье выдвигается следующая научная гипотеза: в настоящее время в восточноевропейском регионе происходит формирование региональных объединений, в которых выделяются государства-лидеры, выстраивающие деятельность и идеологическое обоснование данных объединений как продолжение и преемственность уже существовавших в предыдущие исторические периоды геополитических проектов (региональных империй), обладавших общими чертами.

Под геополитическим проектом в статье понимается стратегический план действий одного актора или группы акторов – лидеров мировой или региональной политики в целях трансформации определенного геополитического пространства в

своих интересах. Такая трактовка сущности геополитического проекта отражена во многих научных публикациях, среди которых отметим статью В. Э. Багдасаряна, раскрывающую «латентные геополитические установки современного политического проектирования» [1], статьи А. Г. Гольцова [2], А. А. Ирхина и О. А. Москаленко [3], касающиеся истории, теории и практики геополитического проектирования в восточноевропейском регионе. З. Т. Мураталиева, анализируя политику великих держав в современной Центральной Азии, рассматривает понятие «геополитический проект» через призму его составных категориальных единиц (геополитическая доктрина и внешнеполитическая концепция) и отводит геополитическому проекту «роль связующего звена между геополитической доктриной и внешнеполитической концепцией страны» [4, с. 59]. В качестве геополитических проектов З. Т. Мураталиева рассматривает межгосударственные инфраструктурные проекты в регионе. Здесь очевидно ограничение проблематики геополитического проектирования рамками институционального подхода.

Для проверки сформулированной гипотезы и обоснования выводов в статье применяется следующий методологический инструментарий: геополитический анализ, исторический анализ, компаративный анализ, метод реконструкции.

Реконструкция в гуманитарных исследованиях «используется в качестве некоторого метода исследования, для того чтобы установить истинные предпосылки тех или иных концепций, истоки и основания тех или иных феноменов», но важно, что реконструктивные стратегии применяются и тогда, когда «мы интерпретируем современную социально-политическую реальность» [5]. В проведенном исследовании метод реконструкции позволил выстроить сущностную иерархию действий и приоритетов политических игроков в период зарождения и продвижения геополитических проектов, а также интерпретировать идею их геополитической диспозиции в современных условиях.

В работе использованы процедуры концептуализации: абстрагирование, идеализация, моделирование, интерпретация, обоснование. При проведении исследования автор опирался на принципы историзма, объективности, системности.

Объектом исследования выступают геополитические процессы в восточноевропейском регионе. *Предмет исследования* – феномен восточноевропейских региональных империй.

Методология исследования, сформулированные положения и выводы опираются на научные труды Ф. Броделя [6], Э. Дж. Гамильтона [7], Х. Маккиндера [8], В. Цымбурского [9], Э. Шопрада [10].

Результаты исследования. В геополитическом пространстве восточноевропейского региона в начале XXI в. происходит актуализация четырех геополитических проектов.

1. «Новая Речь Посполитая». Проект выстраивается под идею регионального лидерства Польши в Восточной Европе. После 2014 г., и особенно с началом проведения Российской Федерацией специальной военной операции, проект обрел второе дыхание, трансформируясь из идеи потенциального «санитарного кордона», отделяющего Европу от России, в проект открытого военно-политического противостояния России.

2. Проект континентального блока. В основе проекта находится идея германо-российского альянса, в современном прочтении – курирование Германией всего Европейского союза, а также в некоторых версиях и Восточной Европы с опорой на российские природные (в первую очередь энергетические) ресурсы. Наиболее ярким и мощным воплощением этой идеи явилось строительство ямальских газопроводов и «Северных потоков».

3. «Балтоскандия». Проект, ориентированный на идею регионального лидерства Швеции с прекращением нейтралитета и переходом к лидерству относительно соседних скандинавских стран, трех бывших советских прибалтийских республик и активному противостоянию России.

4. «Новая Австрийская империя». Идея особо тесного сотрудничества Австрии, Венгрии, Чехии – стран ареала бывшей Австрийской (Австро-Венгерской) империи. В этом геополитическом проекте пока нет ярко выраженной страны-лидера. Австрия может выступать как страна, унаследовавшая искусство дипломатии Габсбургов. В свое время Австрия достигла успехов благодаря умелому использованию династической политики и консервативной религиозной политики. Чехия выступала и может выступать в роли экономического центра.

Данные геополитические проекты воспроизводятся на основе имперских образований, сформировавшихся в регионе Восточной Европы в эпоху «революции цен» XVI–XVII вв.[1] Современные региональные проекты унаследовали возможности, риски

[1] Революция цен – это резкий рост цен в XVI–XVII вв. в Европе на товары, исчисленных в

и уязвимости своих исторических предшественников, которые были попытками создать континентальную империю.

Используя методы идеализации и моделирования, выявим истоки и рассмотрим процесс формирования восточноевропейских региональных империй, прежде всего, определим их общие черты.

Революция цен и быстрый рост ключевого региона новой империи. Для региона Вислы последствия «революции цен» привели к быстрому развитию фольварочного хозяйства, и регион попал в зависимость от Антверпенской, а позднее – от Амстердамской биржи. Речь Посполитая развивала в первую очередь регионы, важные для производства и поставок на европейский рынок лесных товаров и зерна. В бассейне Вислы, в устье которой находился Гданьск, являвшийся по образному определению Ф. Броделя «главной … входной и выходной дверью между широким миром и громадной Польшей» [6, с. 253], рост зернового производства произошел быстрее, чем в бассейне Немана. В этот же период в Чехии промышленность развилась быстрее, чем в других районах Австрийской империи, поскольку Чехия нужна была империи как производитель оружия, учитывая наличие на ее территории металлических руд. Точно так, как бассейн Вислы был нужен Речи Посполитой как производитель зерна.

В обоих случаях инвестиции пришли в регионы извне. На Вислу деньги приходили из католической финансовой системы или из Голландии. Регион Вислы стал играть важную роль для всей Европы, что способствовало быстрому формированию буферного государства. В 1569 г. таким государством стала Речь Посполитая.

Континентальный буфер от неевропейских государств. У Речи Посполитой было много общих черт с Австрией. Во-первых, это был барьер против крымских татар, Османской империи и Московского государства. Во-вторых, Речь Посполитая выполняла функцию региона, который стал основным поставщиком хлеба в Европу. Возникла необходимость в военном укреплении этого государства. Но для создания собственного оборонительного комплекса у Речи Посполитой не было железных руд и других источников сырья. Она пользовалась готовым оружием и готовы-

благородных металлах, а также изменение соотношений между ценами на разные товары, в том числе на рабочую силу.

ми металлическими изделиями, поставлявшимися извне по оптовым ценам. Речь Посполитая имела возможность приглашать наемников из Германии, Шотландии, позднее из Венгрии, которые умели обращаться со сложными для своего времени видами оружия и техническими изделиями.

Речь Посполитая получила финансовый и организационный толчок к развитию за счет переноса на ее территорию самых передовых методов сельскохозяйственного производства в фольварочном хозяйстве. Однако развитие фольварка в деревне, цехов в городах, немецко-шведско-итальянских форм организации жизни в городах повлекло за собой и формирование ядра политической системы с опорой на бассейн Вислы. Поскольку фольварки развивались здесь быстрее, чем в других районах Речи Посполитой, здесь имелось больше ресурсов, финансовых возможностей для закупки вооружения и для привлечения наемников в нужном количестве.

Весьма рано в той части, которая находилась дальше от театров боевых действий с крымскими татарами и Османской империей, развилась специфичная политическая организация, опиравшаяся на собственников фольварков. Среди них было немного магнатов, но много шляхты – собственников небольших фольварков, и она приняла в качестве модели для развития политический порядок, получивший название «шляхетская демократия».

Использование идеологии для политической организации империи. Если Австрийская империя делала ставку на католическую идентичность, замки, города, богатый рудным сырьем регион, дающий возможность производить оружие и вести современную войну против Османской империи, то Речь Посполитая сделала ставку на подвижную войну, соответствующую своим противникам – крымским татарам и Московскому государству. Эти противники были не такие тяжелые, как Османская империя. Регион Вислы мог позволить себе стать ядром большого государства, районы которого чем дальше находились от ядра, тем больше принимали самые разнообразные политические формы, связанные в основном с местными особенностями ведения войн. Обычно существовали менее развитые формы шляхетской демократии, чем в бассейне Вислы: от присутствия запорожского казачества на Украине до сильных магнатов Великого княжества Литовского.

Системно Речь Посполитая однотипна Австрийской империи. Она выполняла те же задачи в интересах единой Европы:

являлась континентальным барьером от внешних врагов Европы, выполняла ту же функцию на европейском рынке в рамках разделения труда, и роль Речи Посполитой была, пожалуй, выше, поскольку ее зерно и лесные товары никто не мог заменить.

Также Речь Посполитая оказалась рано вовлечена в европейские династические комбинации, связанные с австрийским двором. В силу этого при всех демократических устоях Речь Посполитая получала подпитку от единой финансовой системы католического мира, что хорошо видно на примере реформ Сигизмунда II Августа.

Также Речь Посполитая получала свои преимущества от техноло-гического и культурного взаимодействия с остальной Европой, подобно тому, как и Австрийская империя получала такие бонусы. Таким образом, Речь Посполитая, также как и Австрийская империя, является государством, производным от революции цен.

Неудачное стремление выйти за рамки Восточной Европы. Подобно Австрии, Речь Посполитая попыталась создать свою мощную геополитическую позицию, чтобы стать чем-то большим, чем просто крупным буферным государственным образованием со своими экономическими нишами на европейском рынке. В XVII в. она замахнулась на то, чтобы покорить на востоке Европы огромное пространство Московского государства. Но в силу того, что Московское государство представляло собой совершенно другую комбинацию регионов и геополитических тенденций развития нежели Европа, Речь Посполитая не смогла удержать власть над Московским государством даже в ходе Смуты XVII в. Даже тогда географическая отдаленность, другой климат, православное население, которое придерживалось идеи создания мощного монархического государства, а не шляхетской демократии, невозможность интеграции в состав частично католической Речи Посполитой московских православных сделало провальной попытку завоевания Московского государства.

Управление империей находится в руках элит, связанных с внешним источником опоры. Речь Посполитая была государством изнутри слабым в силу множества причин. Главная причина – не было источника, ресурса создания единой мощной монархии. Шляхетская демократия, базировавшаяся на фольварочном хозяйстве бассейна средней Вислы, не могла по своим центростремительным тенденциям сравниться даже с Австрий-

ской империей, экономическим ядром которой выступала Чехия. Одно дело, когда в распоряжении у «центра» находятся металлические руды и города, другое – фольварки, производившие для Европы чужими, импортными орудиями труда преимущественно один продукт (зерно), которому еще и оптовую цену устанавливали на бирже Антверпена и Амстердама. Ф. Бродель отмечает, что над экономикой государств востока Европы «господствовала та или иная группа, связанная с заграницей. Настолько, что в Польше, например, государство стало институтом, лишенным всякого содержания» [6, с. 34].

Неспособность достичь культурно-идеологической гомогенности региональной империи. Речь Посполитая также стремилась стать монолитным католическим государством, но не смогла и этого. Католики составили мощный политический лагерь, но они уступали по своей мощи объединенному лагерю православных и протестантов, сформировавшемуся в ходе Реформации в XVI–XVII вв. в этом государстве. Со второй половины XVII в., когда католики значительно усилились – политические лагеря протестантов и православных продолжали существовать. Такого централизующего инструмента, каким был для Австрии двор императора, у Речи Посполитой также не возникло. Она раздиралась внутренними противоречиями между крупными культурно-идеологическими (религиозными) группировками. Речь Посполитая была устойчива лишь до времени, пока складывались удобные для ее существования внешние обстоятельства.

Даже в XVII в. в момент своего взлета, когда Речь Посполитая смогла добраться до господства в Москве, пусть и на очень короткое время, она получила роковой для себя импульс в развитии. Добившись в ходе Смуты ослабления Москвы, Речь Посполитая перешла к очень быстрой сельскохозяйственной эксплуатации степных регионов современной Украины. Но демографический взрыв, происходивший в это время на территории южнее Полесья, охватил не только часть католических колонистов, но также и православных. Темп перевода в греко-католичество и католичество местного населения и элит отстал от темпов демографического взрыва. Уже к середине XVII в. православные в Королевстве Польском (Короне) составили около половины населения.

Имея рядом православное Московское государство, пусть и слабое после Смуты, православные не могли не взорвать Корону. Колонисты-земледельцы на этом опасном пограничье, православ-

ную часть которых представляли в политическом плане казаки, запорожское казачество, совместно с Московским государством подорвали Речь Посполитую. Тем более, что сохранялся источник внешнего давления с юга – крымские татары и Османская империя. А также была еще одна континентальная империя, которая вступила в борьбу за доминирование в Восточной Европе после Австрийской империи и Речи Посполитой. Это Швеция.

Неспособность империи к долгому доминированию в регионе. Швеция вступила на путь формирования континентальной империи третьей, после Австрии и Речи Посполитой – примерно в конце XVI в. Ее путь к созданию континентальной империи имеет некоторые отличия. В чем заключаются особенности?

Швеция на европейском рынке, сформировавшемся в ходе революции цен, заняла нишу поставок металлов и металлических изделий, в первую очередь из железа. В Восточной Европе было не так уж много источников руд: южная Германия, регион Бреслау (Вроцлава), Чехия. Но руды Швеции оказались в нужное время, в нужном месте и в нужном объеме. Железо из Чехии, находившееся в распоряжении Австрийской империи, в значительной мере использовалось ею в противостоянии с Османской империей. Шведское железо оказалось легко доступным для производства металлических изделий в самой Швеции, а также для вывоза по Балтийскому и Северному морям для переработки в другие страны.

Во второй половине XVI в. разработка металлических руд и производство металлических изделий в Швеции развились так мощно, что она стала не менее важна для Европы, чем Речь Посполитая с ее зерном и лесными товарами. Но Швеция, подобно Речи Посполитой, зависела от оптовых цен на ее металлические изделия, которые определялись на биржах Антверпена и Амстердама.

Неспособность создать собственный крупный торговый флот. Также Швеция почти полностью зависела от иностранных торговых судов, которые транспортировали металлические изделия и руды. Для строительства собственного торгового флота у Швеции было недостаточно леса. Она оказалась приморской территорией, где добывалось металлическое сырье и производились изделия из него, но при этом страна нуждалась в поставках других товаров из южных районов Балтийского моря – изделий из шерсти, отчасти – лесных товаров. За Швецией к концу XVI в. закрепилась специфическая функция в рамках европейского разде-

ления труда – это не только поставка металлической руды и изделий из нее, но и обеспечение безопасности торгового судоходства в Балтийском и Северном морях. К шведскому флоту перешла функция первого флага, то есть он имел право полицейского досмотра кораблей, и таким образом Швеция сконцентрировалась на развитии флота, но флот не был океаническим.

Швеция не могла позволить себе развернуть большую океаническую экспансию, даже имея морской флот. Ее экономический и военный потенциал поглощался выполнением функций в интересах всей Европы в Балтийском регионе. Это не было критичным для страны, поскольку Балтийское море стало в XVI в. ядром системы торговых обменов в Европе, сложившейся в ходе революции цен, и Швеция получила свою выгоду от успешной реализации функции контроля балтийской торговли.

Благодаря Швеции Балтика в период революции цен практически не знала пиратства в отличие от Средиземного моря. Скандинавская страна сумела и позднее не допустить в Балтийское море пиратство со стороны Британии, которая стала развивать пиратство как вид хозяйственной деятельности. Потому имперский проект Швеции на рубеже XVI–XVII вв. заключался не в том, чтобы выйти в океан, а чтобы взять под контроль прежде всего южное побережье Балтийского моря и удержать контроль над проливами из Балтийского в Северное море.

С начала XVII в. Швеция создала мощную сухопутную армию с артиллерией и стрелковым оружием, производство которых было развернуто в самой Швеции на базе собственных металлических руд. Опираясь на свой флот, Швеция развернула активные войны по завоеванию прибалтийских территорий, которые вела более 100 лет. Они привели к тому, что Речь Посполитая оказалась зажата со всех сторон враждебными державами. Это ее законсервировало в своей сырьевой нише. Скованная войнами со Швецией, Речь Посполитая не смогла закрепиться даже в захваченной ею во время Смуты Москве. Речь Посполитая в силу долгих войн со Швецией не смогла также создать свой собственный военный и торговый флот и вырваться из транспортной зависимости от иностранных морских перевозчиков.

Войны на юге Балтики долгое время не давали развиться и Московскому государству и пробиться к морю. Ивану Грозному и Петру I ради прямого выхода к балтийской торговле пришлось вести многолетние тяжелые войны. И лишь в результате поражения

Швеции в Северной войне 1700–1721 гг. Россия сумела сделать то, чего так и не смогла осуществить Речь Посполитая: создать собственный военный и торговый флот на Балтийском море.

Отсутствие естественных границ и частые истощающие империи войны. Но тяжелые войны на балтийском побережье и внутри континентальной части Восточной Европы сдержали собственное развитие Швеции. У нее оказалось недостаточно человеческих ресурсов для создания устойчивой восточноевропейской империи.

В конечном счете Швеция упустила тот момент, когда Россия превратилась в империю. Россия в XVII в. и особенно в XVIII в. сумела продолжить завоевания в Сибири, освоение огромных степных пространств и новых речных артерий, прежде всего Волги. Опираясь на далекие от зон боевых действий со Швецией и Речью Посполитой регионы, Россия развернулась в большую военно-политическую силу.

Таким образом, весь XVII в. и часть XVIII в. Швеция действительно развивалась в качестве восточноевропейской империи, но специфичной, ядром которой выступала не территория на континенте, а прилегающая к Балтийскому и Северному морям часть Скандинавского полуострова. Несмотря на то, что в отличие от Австрии, Речи Посполитой и Москвы у Швеции был собственный флот и доступ к балтийской торговле, этого оказалось недостаточно для того, чтобы шведский проект имперского строительства оказался успешным.

Швеция не сумела овладеть крупными территориями в Восточной Европе, где бы она устойчиво господствовала. В итоге, создав только плацдармы и вторгаясь рейдами вглубь Восточной Европы, Швеция не создала геополитически устойчивого образования, восточноевропейской имперской государственности.

Результат попытки Швеции геополитически доминировать в Восточной Европе по сути аналогичен результатам Речи Посполитой и Австрии: по существу, Швеция всего лишь выполнила на Балтийском море функцию барьера, направленного против Московского государства в интересах Голландии и Британии, несмотря на все периодически возникающие противоречия между Швецией и этими странами. То есть Швеция – это такое же крупное имперское региональное буферное образование, каким являлись Австрийская империя и Речь Посполитая. Только со своими особенностями.

Недостаточность высокого развития науки и технологий для выхода империи за пределы Восточной Европы. Еще одна страна, которая замахнулась на создание имперского образования в восточноевропейском регионе и вступила в борьбу за место своего проекта под солнцем позднее Швеции – Пруссия. Попытки создать крупную государственность у Пруссии были всегда. Но реально Пруссия выступила со своим геополитическим проектом после краха имперского проекта Швеции – примерно со второй трети XVIII в. Пруссия сделала ставку в имперском строительстве на новые инструменты, которые не были развиты в эпоху взлета Австрии, Речи Посполитой и Швеции.

В этот период большое значение приобрело развитие индустрии. Промышленная революция, начавшись в конце XVIII в. в Британии, привела к еще большей экономической специализации разных регионов Европы, чем во время экономического господства Голландии. Зависимость Британии от поставок сырья из других регионов в XVIII в. стала чрезвычайно сильной и важной. На передний план в качестве стимулов экономического роста выступали наука и технологии.

Пруссия выполнила такую же функцию барьера относительно Российской империи и других вызовов с континентальной части Европы, какую выполнили Австрия и Речь Посполитая по отношению к Османской империи и Речь Посполитая относительно Московского государства. Пруссия, будучи структурно тем же самым барьером, который вырастили крупные морские державы на континенте в интересах индустриально развитого центра, для своего экономического роста и в своем стремлении создать империю перешла к использованию образования, науки и технологий. Пруссия опередила в развитии школ и университетов большинство стран континентальной Европы. XIX век – это век, когда Пруссия ведет борьбу за объединение германских земель под своим началом, выступая конкурентом Австрии, где значительная часть правящего класса все более четко идентифицировала себя не просто как католики, а как немцы-католики. Пруссия, создавая империю, «вложилась» в формирование патентной базы и всеобщее образование населения.

Также у Пруссии были вспомогательные позитивные факторы для развития – уголь и металлы в районе Рейна, Бреслау, в южных районах Германии. В XIX в. в силу развития науки, технологий и использования пара добыча и использование металлов (руд) стала экономически более оправдана, чем их экспорт из Швеции.

Таким образом, ставка на науку и образование, эффективное использование источников сырья сделало возможным выдвижение Пруссией проекта собственной империи, где Пруссия была бы имперским ядром.

Системная слабость относительно империй с крупными колониальными владениями вне Восточной Европы. На пути имперского строительства Пруссия прошла много этапов, как и Австрия, и Речь Посполитая, и Швеция. В конце концов, на этом пути возникла проблема, которую Пруссия решить не смогла, также как и указанные империи. Это проблема расширения на восток.

Российская империя в XVIII в., XIX в. и позднее в XX в. оказалась непреодолимым препятствием для Пруссии и объединенной Германии. Пруссия не смогла также развернуть большую заморскую колониальную экспансию. Как Швеция не смогла вырваться за пределы Европы, как Речь Посполитая не смогла развить крупный торговый флот, тем более не смогла это сделать Австрия, также не смогла преодолеть сопротивление морских империй и Пруссия, даже когда создала в XIX в. мощную объединенную Германию.

Совместные геополитические интересы России и морских колониальных империй, сильные в разные века европейской истории, приводили к тому, что, несмотря на взаимные противоречия, например, между Британией и Россией, они находили общий язык относительно Пруссии или других крупных восточноевропейских континентальных государств. И в войнах с Наполеоном, и в двух мировых войнах в XX в. Россия выступала союзником Британии. Морские империи и Россия не позволяли возникнуть восточноевропейско-центричному имперскому образованию. Напомним, что даже Петр I, разворачивая свои реформы в противостоянии Швеции, опирался в первую очередь на Голландию и Великобританию.

Заключение. Начиная с революции цен, то есть с конца XV в., в Восточной Европе возникает последовательно несколько геополитических проектов создания империй, которые имели бы ядром территорию, расположенную в этом регионе. Эти проекты были однотипными.

Однотипность заключалась в том, что каждый из них опирался на территорию, получившую особый импульс к развитию от интеграции в единую европейскую экономику, которая возникла и развивалась под воздействием притока благородных металлов и других колониальных товаров через морские колониальные державы.

Первоначально такими морскими державами, через которые в Восточную Европу проникали бонусы от колониальной экспансии, были Португалия и Испания, затем пришло время Великобритании, Голландии и Франции, затем – прежде всего Британии. Но с конца XV в. экономика Европы формировалась как единый комплекс.

Получив импульс от морских империй, рынок Восточной Европы испытывал подъем.

Подъем имел еще одну причину – удаленность от театров военных действий с Османской империей, крымскими татарами и Московским государством. Поэтому в регионе средней Вислы, Чехии, Пруссии, южной Швеции создавались дополнительные условия для экономического развития, которые стимулировали распространение экономической и политической экспансии на другие, более отстающие регионы континентальной части Восточной Европы.

Важным элементом, объединяющим все четыре попытки создания континентальных империй, выступает то, что в какой-то момент они получали импульс за счет прямых вливаний в них ресурса от морских держав. Австрия получила перекачку ресурсов от испанских Габсбургов. Швеция получила импульс к развитию в силу необходимости для Габсбургов и Голландии функционирования торговли по Балтийскому и Северному морям, и Швеция выполнила свою функцию поставщика металлов и полицейского на море. Далее в XVII в. Швеция получила импульс от протестантов Франции, которые поставили на ноги ее сухопутную армию. Речь Посполитая получила импульс от Голландии, являясь источником зерна.

Но с экономической функцией всегда была тесно связана геополитическая/геостратегическая задача. Внешний импульс приходил в регион – источник экономической силы, которому предоставлялась возможность стать ядром крупной континентальной страны с буферной функцией. Австрийская империя – буфер для Голландии, зоны Рейна, Речь Посполитая – буфер для все той же Голландии, Пруссия – буфер для Великобритании и Франции, Швеция – буфер для Голландии и Великобритании. То есть все эти имперские проекты были не совсем самостоятельны. Они являлись следствием стечения обстоятельств и сознательного вливания в них на начальной фазе ресурсов со стороны крупных морских держав.

Проектов или попыток создать крупные континентальные державы было больше, чем рассмотренные в данной статье четыре. Но только те из них, которые получили крупную поддержку, создали такие державы. Будучи второстепенными, вторичными по отношению к морским державам, эти четыре державы Восточной Европы не смогли создать свои собственные колониальные империи.

Помимо того, что морские державы не пустили их в океаны, у них не хватило сил, чтобы сокрушить Московское государство. И это также было следствием во многом противодействия морских держав, не заинтересованных в том, чтобы континентальные восточноевропейские державы прорвались дальше через Московское государство на восток и создали свои мощные империи, ядро которых располагалось бы вблизи Голландии, Великобритании, Франции.

Отсюда мы делаем главный вывод: (1) все проекты создания восточноевропейских империй являлись и являются провальными. Внутри Восточной Европы нет аналога заморских колоний по масштабу получаемых метрополиями источников сырья и ресурсов для своего развития. Морские империи, подпитываемые захваченными колониями за океанами, оказались по своей ресурсной базе мощнее, нежели восточноевропейские государства (территории), пытающиеся создать свои империи.

Еще один важный вывод: (2) Московское государство, как бы оно не называлось и какую бы форму не принимало, выступало стратегическим конкурентом всех морских империй, но оно же являлось и их союзником. Поэтому морские империи, если кто-то на континенте бросал им вызов, как правило, вливали ресурс в Московское государство. А значит, пробиться через московский барьер восточноевропейское государство не могло в принципе, даже во время глубоких внутренних кризисов в России.

Наконец, последний небольшой штрих (3). Все попытки восточноевропейских государств создать империи имели одну стратегическую особенность – эти государства базировались в регионах, вокруг которых были их противники/враги. Московское государство, в отличие от них, очень рано сумело выйти к Ледовитому океану, за Урал, к огромным пространствам Сибири, где у него не было реальных противников вплоть до Амура. Поэтому стратегическое положение Московского государства было выгоднее, чем у Австрии, Речи Посполитой, Пруссии и Швеции.

Москва сумела обезопасить два из четырех направлений, откуда ей исходили угрозы: север и отчасти восток. Такой стратегической глубины, такой обширной территории у восточноевропейских империй не было. У Москвы всегда был «генерал мороз» и «маршал распутица». У Пруссии, Австрии, Речи Посполитой, Швеции таких мощных географических и климатических ресурсов для защиты не возникло.

В итоге главной причиной, по которой оказалось невозможным формирование континентальной империи с опорой на один из регионов Восточной Европы, был недостаток ресурсов на территории Восточной Европы, для того чтобы бросить вызов гораздо лучше обеспеченным ресурсами морским империям, создавшим себе колонии. Ничто не может компенсировать европейским странам ресурсный недостаток – ни совершенствование системы управления, ни развитие науки и технологий. Ничто не может заменить европейским геополитическим проектам ресурсы.

Ресурсные ограничения геополитических акторов в достижении своих целей и порождаемые этими ограничениями слабости и уязвимости региональных геополитических имперских проектов в Восточной Европе в предыдущие исторические периоды распространяются и на современные геополитические проекты в восточноевропейском регионе, которые по своей сути носят неоимперский характер.

Таким образом, предлагается следующее определение. Восточноевропейская региональная империя – это страна, доминирующая или претендующая на доминирование в регионе Восточной Европы, но не обладающая значительными колониями или иными богатыми ресурсами территориями за пределами этого региона.

Библиографические ссылки

1. *Багдасарян В. Э.* Геополитические проекты Второй мировой войны в актуальной повестке современной мировой политики // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 3. С. 151–174.
2. *Гольцов А. Г.* Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 95–107.
3. *Ирхин А. А., Москаленко О. А.* Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498–516.
4. *Мураталиева З. Т.* Центральная Азия как объект геополитического проектирования: ориентиры и перспективы // Вестник КРСУ. 2017. Том 17. № 9. С. 56–60.

5. Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 5–42.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. 2-е изд. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
7. *Hamilton E. J.* American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1934. 428 p.
8. *Маккиндер Х.* Географическая ось истории. М.: АСТ, 2021. 288 с.
9. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. Геополитические и хронологические работы. М.: РОС-СПЭН, 2007. 544 с.
10. *Chauprade A.* Géopolitique: constantes et changements dans l'histoire. 3-e éd. Paris: Ellipses, 2007. 1050 p.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023

References

1. Bagdasaryan, V. E. (2019). Geopoliticheskie proekty vtoroj mirovoj vojny v aktualnoj povestke sovremennoj mirovoj politiki [Geopolitical projects of the Second World War in the current agenda of modern world politics]. In: *Srednerusskij vestnik obshestvennyh nauk*. Vol. 14, No. 3, p. 151–174. (In Russ.).
2. Golcov, A. G. (2016). Regionalnyj geopoliticheskij proekt «Mezhdumore»: perspektivy realizacii [Regional geopolitical project "Intermarium": prospects for implementation]. In: *Sravnitelnaya politika.* Vol. 7, No. 4, p. 95–107. (In Russ.).
3. Irhin, A. A., Moskalenko, O. A. (2021). Chernomorskij region v konkurencii geopoliticheskih proektov velikih derzhav v 1991–2019 gg. [The Black Sea region in the competition of geopoliticalgreat power projects in 1991–2019]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya.* Vol. 21, No. 3, p. 498–516. (In Russ.).
4. Muratalieva, Z. T. (2017). Centralnaya Aziya kak obekt geopoliticheskogo proektirovaniya: orientiry i perspektivy [Central Asia as an Object of Geopolitical Projection: Landmarks and Prospects]. In: *Vestnik KRSU*. Vol. 17, No. 9, p. 56–60. (In Russ.).
5. Istoricheskaya rekonstrukciya v gumanitarnyh issledovaniyah: metodologicheskie vozmozhnosti i problemy. Materialy «kruglogo stola» [Historical Reconstruction in the Humanities: Methodological Possibilities and Problems. Materials of the "round table"]. In: *Voprosy filosofii.* No. 5, p. 5–42. (In Russ.).
6. Brodel, F. (2007). Materialnaya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira [Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries. Vol. 3. Time of the world]. 2nd Ed. Moscow: The Whole World, 752 p. (In Russ.).
7. Hamilton, E. J. (1934). American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 428 p.
8. Makkinder, H. (2021). Geograficheskaya os istorii [Geographic axis of history]. Moscow: AST, 288 p. (In Russ.).
9. Tsymbursky, V. L. (2007). Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i hronologicheskie raboty [Geopolitical and chronological works]. Moscow: ROSSPEN, 544 p. (In Russ.).
10. Chauprade, A. (2007). Géopolitique: constantes et changements dans l'histoire [Geopolitics: constants and changes in history]. 3d ed. Paris: Ellipses, 1050 p. (In French.).

Received by editorial board 01.09.2023

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL DEVELOPMENT

Сборник научных статей

Выпуск 11

На русском и английском языках

Редакторы *И. В. Протченко, Р. И. Франтищик*

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 18,87.
Тираж 100 экз. Заказ 260.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в УП «Бестпринт».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/160 от 27.01.2014.
Ул. Кальварийская, д. 25, каб. 116, 220073, г. Минск.